

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Digitized by Google

2530 № 79

01

Б. М. МАРКЕВИЧЪ.

СОЧИНЕНІЯ Б. М. МАРКЕВИЧА, VIII.

Маркевич, В. М.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

СОЧИНЕНИЙ

Б. М. МАРКЕВИЧА.

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія (бывшая) А. М. Котомина, Фонтанка, д. № 93.

1885.

PG-3467

M327

1885

v. 8

FUMIGATED 5/16⁰

Содержаніе

ВОСЬМАГО ТОМА:

	СТРАН.
Бездна. (Часть первая).	1—297

Б Е З Д Н А.

Б Е З Д Н А.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ *).

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой.

Tempora quibus nec vitia nostra,
nec remedia pati possumus.

Livius.

ПРОЛОГЪ.

I.

Предъ треномъ красоты тѣлесной
Святыхъ молитвъ не возжигай...

Н. Павловъ.

Глухой, словно осипшій отъ непогодъ и времени, колоколь старинной каменной церкви села Буйносова, Юрьева-тожь, звонилъ во всюнощной. Въ воздухѣ начинало тянуть предвечернею свѣжестью на смѣну палившаго утромъ жара. Высоко подъ лазоревымъ небомъ рѣяли ласточки, бѣжали волокнисто-бѣлыя грады веселыхъ лѣтнихъ облачковъ.

Церковь со своею полуобрушенною, какъ и сама она, оградой и пятью, шестью кругомъ нея старыми березами, Богъ вѣсть какимъ чудомъ уцѣлѣвшими отъ безпощаднаго мужицкаго топора, стояла особнякомъ у проѣзжей дороги, на по-

*) Впервые печаталась въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ въ 1, 2, 3, 4, 7, 9 и 11 книжкахъ за 1880 годъ и въ 5, 6, 7, 8, 9, 10 и 11 книжкахъ за 1884 г., и тѣмъ же наборомъ послѣдовательно перепечатывалась и въ началѣ 1885 г. выпущена отдѣльнымъ изданіемъ. Смерть застигла автора, прежде тѣмъ онъ успѣлъ довести „Бездну“ до конца. В. В. Крестовскій написалъ къ ней послѣсловіе, впервые напечатанное во 2 книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1885 годъ.

ловинѣ разстоянія между селомъ и усадьбой бывшихъ его господъ, принадлежавшихъ къ древнему, когда-то княжескому и боярскому роду Буйносовыхъ-Ростовскихъ. Когда-то версты на двадцать кругомъ сплошь раскидывались владѣнія этихъ господъ... Но времена тѣ были уже далеки...

Въ минуту, когда начинается нашъ рассказъ, у церковной ограды остановилась легонькая, на рессорахъ, телѣжка съ тройкой добрыхъ гнѣдыхъ лошадокъ въ наборной по-ямщицки сбруѣ. Молодой парень-вучеръ, стоя лицомъ къ кореннику, озабоченно и поспѣшно оправлялъ свернувшуюся на ѣздѣ нѣсколько на бокъ дугу. Чей-то запыленный, легкой лѣтней материи рагланъ лежалъ на обитомъ темнозеленымъ трипомъ сидѣннѣ телѣжки.

— Что это, Григорія Павловича лошади? раздался за спиной вучера звучный гортанный голосъ молодой особы, медленно подходившей къ церкви со стороны пространныго сада, за которымъ скрывалась усадьба.

Тотъ обернулся, узналъ знакомую „барышню“, снялъ шляпу и повлонился:

— Точно такъ-съ, ихнія!

— Гдѣ же онъ?

— А сичасъ вотъ въ церковь прошли... ко всенощной стало-быть...

Какая-то странная усмѣшка пробѣжала по ея губамъ.

— Откуда ѣдете? коротко спросила она чрезъ мигъ.

— Изъ Всесвятскаго... Отъ генерала Троекурова, добавилъ онъ какъ бы уже съ важностью.

Она чуть-чуть усмѣхнулась еще разъ, вытащила изъ кармана юбки довольно объемистый кожаный портсигаръ, прошла за ограду и, замѣтивъ въ муравѣ растреснутую могильную плиту съ полустертymi слѣдами высѣченной надписи, усѣлась на ней, дымя закуренною тутъ же папироской.

Парень искоса повелъ на нее глазомъ и какъ бы одобрительно качнулъ головой. „Въ акуратѣ барышня!“ говорило, казалось, его румяное, бойкое и самодовольное лицо.

„Барышня“ была дѣйствительно очень красива въ своемъ простенькомъ, но изящно скроенномъ платьѣ изъ небѣленаго

холста, убранномъ *русскими* кружевами съ ободочками узора изъ красныхъ нитовъ, подъ которымъ вырисовывались пышно развитыя формы высокаго дѣвственнаго стана, и въ соломенной шляпѣ à la bergère, утыканной кругомъ полевыми цвѣтами, только-что нарванными ею въ полѣ. Изъ-подъ шляпы выбивались густыя пряди темныхъ, живописно растрепавшихся волосъ кругомъ правильнаго, строго-овальнаго и блѣднаго лица. Надъ большими, цвѣта aquae marinae глазами рѣзко выдѣлялись отъ этой блѣдности кожи тонкія, какъ говорится, въ ничточку, дуги почти совершенно черныхъ бровей... „Берегись женщины блѣдной, черноволосой и голубоглазой“, говорятъ въ Испаніи...

Она курила и ждала, упершись взглядомъ въ растворенную дверь храма, откуда доносилось до нея уныло торопливое шамканье стараго дьячка.

Такъ прошло съ четверть часа.

Но вотъ на проросшую травой каменную паперть вышелъ изъ церкви бѣлокурый, статный молодой человѣкъ лѣтъ тридцати съ чѣмъ-то, съ пушистою свѣтлою бородкой и миловиднымъ выраженіемъ свѣжаго и нѣжнаго какъ у женщины лица. Онъ сразу замѣтилъ дѣвушку и, съ мгновенно засіявшимъ пламенемъ въ глазахъ, поспѣшно сбѣжалъ со ступенекъ къ ней.

— Что-жь это вы до богомольства уже дошли? съ какою-то холодною ѣдкостью насмѣшки спросила она его первымъ словомъ, не трогаясь съ мѣста.

Онъ покраснѣлъ, не находя отвѣта, смущенный не то вопросомъ, не то радостною неожиданностью встрѣчи съ нею.

— Да-съ, вотъ проѣзжали, зашли, возразилъ за него грубоватымъ тономъ вышедшій вслѣдъ за молодымъ человѣкомъ толстякъ среднихъ лѣтъ, въ черепаховыхъ очкахъ и просторномъ люстриновомъ пальто,—не мѣшало бы и вамъ, полагаю, зайти любиеъ перекрестить: завтра большой праздникъ, второй Спасъ...

— Ахъ, докторъ, это вы! перебила она его съ пренебрежительнымъ движеніемъ губъ, въ отвѣтъ на его замѣчаніе:— Вы къ намъ? Сестра послала къ вамъ сегодня нарочно...

— Да-съ; посмотримъ вотъ на него, посмотримъ... Новые симптомы какіе-нибудь замѣтили?

— Все то же!... Возбужденъ очень былъ вчера вечеромъ, ночью никому спать не даль...

Толстякъ скорчилъ гримасу:

— Ну, и требоваль?..

— Само собою!

— И дали?... Сколько?

— Не знаю, спросите сестру... Я въ это не вмѣшиваюсь,— гадко! воскликнула она вдругъ съ отвращеніемъ, подымаясь со своей плиты и направляясь за ограду.

— А на чьей это могилѣ изволили вы проблажаться между прочимъ? спросилъ, оглянувъ покинутое ею сидѣніе, все съ тою же гримасой на толстыхъ губахъ, докторъ, въ которомъ читатель, смѣемъ надѣяться, успѣлъ узнать знакомаго ему Николая Ивановича Өирсова *).

— Не знаю, отвѣтила она черезъ плечо,—кого-нибудь изъ доблестныхъ предковъ, надо полагать...

Онъ быстро и значительно поглядѣлъ на молодаго человека, какъ бы говоря: „хороша, а?“ Тотъ подавилъ вырвавшийся изъ груди его вздохъ и опустилъ глаза.

— Прикажете, я васъ доведу, Антонина Дмитріевна? спросилъ ее Өирсовъ, когда они втроемъ вышли на дорогу, гдѣ стоялъ экипажъ пріѣзжихъ.

— А Григорій Павловичъ какъ же? Въ этой таратайкѣ третьему мѣста нѣтъ.

— А Григорій Павловичъ маленько подождетъ меня... Я къ вамъ вѣдь не на долго-съ. Мы вотъ спѣшимъ, чтобы засвѣтло къ нимъ въ Углы поспѣть: у Павла Григорьевича Юшкова опять подагра разыгралась.

Антонина Дмитріевна иронически прищурилась на него:

— А я предлагаю вамъ ѣхать одному. Это будетъ удобнѣе для васъ... и для меня. А мы васъ съ Григоріемъ Павловичемъ подождемъ въ саду... Пойдемте, Григорій Павловичъ,

*) *Переломъ*, часть IV.

проговорила она чуть не повелительно, двигаясь по краешку пыльной дороги.

Молодой человекъ послушно пошелъ за нею.

Докторъ досадливо поглядѣлъ ему во слѣдъ, но дѣлать было нечего: онъ врякнулъ, ввалился кое-какъ съ помощью кучера въ телѣжку и повалилъ въ усадьбу.

— Вамъ запрещено къ намъ ѣздить? не замедляя шага и не глядя на своего спутника, спросила его неожиданно дѣвушка.

Ему точно кто плеснулъ водой въ лицо. Онъ вскинулъ на нее сверкавшіе глаза, но сдержался.

— Я не мальчикъ на помочахъ, Антонина Дмитріевна, выговорилъ онъ, насколько могъ спокойнѣе, — и вапъ вопросъ по меньшей мѣрѣ странень...

— И чтобы вы не вздумали ослушаться, къ вамъ даже менторъ приставленъ, продолжала она тѣмъ же тономъ, будто и не слышала вовсе его возраженія.

— Менторъ? кто это?..

— А вотъ этотъ Фальстафъ, который васъ по заутренямъ возить. Скажете—нѣтъ?

И она громко разсмѣялась:

— Какъ онъ это тонко придумалъ увести меня, чтобы спасти своего Телемака отъ соблазна, и какъ, должно быть, бѣсится теперь, что это ему не удалось!.. Какой отвѣтъ въ самомъ дѣлѣ будетъ онъ теперь Троекуровымъ держать?..

Досадой и тоской отзывались эти *шпильки* въ душѣ молодого человека. На лицѣ его сказывалось страданіе.

— Къ чему говорите вы мнѣ этотъ... вздоръ? вырвалось у него невольно.

— Не „вздоръ“, — это вы напрасно! Кому же не извѣстно, что вы состоите на положеніи любимчика у здѣшняго великаго *генерала*, насмѣшливо подчеркнула она, — и что вы имъ предназначаетесь въ мужа его Машеньки? Онъ поэтому, какъ дальновидный господинъ, и счелъ нужнымъ установить заранѣе наблюденіе за вашею *moralité*.

— Ничего подобнаго нѣтъ и не бывало! горячо протестовалъ Юшковъ: — Машенька Троекурова — пятнадцатилѣтняя

еще дѣвочка; родителямъ ея вѣроятно и въ голову до сихъ поръ не приходило думать о ея замужствѣ... И не такіе они люди вообще, чтобы загадывать объ этомъ заранѣе... Я эту семью глубоко уважаю и люблю, Антонина Дмитріевна, поспѣшилъ онъ прибавить вѣско, въ очевидномъ намѣреніи не допускать ее продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ, — а Борису Васильевичу лично многимъ обязанъ...

— Какъ же, слышала, невозможно объяснила она:—отъ жандармовъ спасъ когда-то и нигилиста обратилъ въ вѣрно-подданнаго и „блюстителя основъ“, какъ говоритъ Щедринъ.

Юшковъ вспыхнулъ до самыхъ волосъ. Онъ разсердился не на шутку.

— Вы напрасно думаете уколоть меня вашими насмѣшками, проговорилъ онъ дрожащимъ отъ внутренняго возбужденія голосомъ, — я убѣжденія мои не почитаю нужнымъ оправдывать ни предъ кѣмъ.

Она обернулась къ нему и широко улыбнулась:

— Я васъ объ этомъ и не прошу. Какое мнѣ дѣло до вашихъ, да и до чьихъ бы ни было „убѣжденій“? У меня у самой ихъ никакихъ нѣтъ.

Улыбка у нея была прелестна, а низкій гортанный голосъ, мягкій и проникающій, такъ и просился въ душу молодого человѣка. Гнѣвъ его стихъ мгновенно.

— Мнѣ никто не „запрещаетъ“ и запретить не можетъ бывать у васъ, Антонина Дмитріевна, началъ онъ чрезъ минуту съ замѣтною уже робостью и прерываясь въ рѣчи,—но, признаюсь вамъ, я самъ... удерживаюсь, и если бы не встрѣтилъ васъ сейчасъ, я... дѣйствительно... я не вошелъ бы къ вамъ въ домъ, а дождался бы вотъ тутъ, у церкви, пока Николай Ивановичъ не вернулся бы отъ вашего батюшки...

— Очень любезно! Почему же это такъ, можете отвѣтить?

— Вы сами знаете...

— Чтò я знаю?

— То, что вамъ до меня никакого дѣла нѣтъ.

— Нѣтъ, медленно промолвила она,—я люблю такихъ... *несвинныхъ*, какъ вы.

Онъ готовъ былъ разсердиться опять...

— Это я вамъ не въ укоръ говорю, успокоительно добавила она:—напротивъ! Сама я, можетъ быть, чувствовала бы себя счастливѣе, если бы могла, вотъ какъ вы, во что-то вѣрить, чему-то *служить*...

— Да развѣ безъ этого, скажите, можно жить? съ оттѣнкомъ чуть не отчаянія перебилъ онъ ее.

— Вотъ какъ видите, засмѣялась она, выпрямляясь вся, словно для того, чтобы дать ему возможность оцѣнить весь безукоризненный складъ ея роскошнаго облика,—и даже желѣзнымъ здоровьемъ пользоваться при этомъ.

Онъ бессознательнымъ движеніемъ схватился за голову.

— Зачѣмъ напускаете вы на себя такой цинизмъ, Антонина Дмитриевна!

Она пожала плечами:

— Кто же вамъ сказалъ, что я „напускаю на себя“, во первыхъ; и почему правда, по-вашему,—„цинизмъ“?

— Да развѣ можно такъ думать въ ваши годы, съ вашею наружностью... при вашемъ умѣ, наконецъ? пылко воскликнулъ онъ:—неужели „ничего во всей природѣ“, какъ сказалъ Пушкинъ, благословить вы не хотите?

— Ни кто и ни что „во всей природѣ“ въ благословеніи моемъ не нуждается, иронически возразила она на это.

— Вѣдь это ужасно! продолжалъ онъ горячиться.—Я первую такую, какъ вы, дѣвушку—женщину вообще—встрѣчаю въ жизни. И я не хочу вѣрить, не вѣрю, чтобы это было искренно... Нѣтъ въ мірѣ, даже въ животномъ мірѣ, существа, которое могло бы обойтись безъ привязанности, безъ ласки... безъ любви.

— На языкѣ науки то, что называете вы „любовью“, имѣетъ другое имя, безпощадно отрѣзала она въ отвѣтъ:—вы напрасно о „животномъ мірѣ“ упомянули. Физиологія не допускаетъ произвольныхъ фантазій вашей *эстетики*.

Онъ не отвѣчалъ: это было уже слишкомъ рѣзко, слишкомъ „цинично“, дѣйствительно...

Они стояли теперь предъ рвомъ, окаймлявшимъ старый, пространный и запущенный садъ усадьбы ея отца. Ровъ успѣло уже почти до верху завалить отъ времени и неприсмотра.

Люди и животныя ближайшихъ деревень равно безпрепятственно проникали чрезъ него для всякой своей потребности въ этотъ „барскій“ садъ,—разбитый при Елисаветѣ искуснымъ въ своемъ дѣлѣ Французомъ, выписаннымъ изъ Версаля тогдашнимъ владѣльцемъ Юрѣва, генераль-поручикомъ Артемиемъ Ларионовичемъ Буйносовымъ, сподвижникомъ Апраксина и Ласси въ Семилѣтней Войнѣ,—и распоряжались въ немъ на полной своей волюшкѣ: поѣдали и вытаптывали молодую поросль, сдирали кору съ липъ и березъ, рубили на вѣтвяхъ сиреневые кусты... Слѣды старыхъ аллей давно исчезли; ихъ замѣнили змѣвившіяся во всѣ стороны тропинки, продолженные овцами и крестьянскими дѣтьми, бѣгавшими сюда, въ силу старой рутины, „по ягоды и орѣшки“, давно уже выведенные здѣсь въ общемъ разорѣ... Угрюмо звенѣли посохлыя вершины, чернѣли пни поломанныхъ бурей или сваленныхъ наспѣхъ воровскимъ топоромъ вѣбовыхъ деревьевъ; вытравленная скотомъ на луговинахъ трава выдавалась кое-гдѣ по низямъ приземистою, жидкою отавой...

Юшковъ вслѣдъ за Антониной Дмитриевной перепрыгнулъ черезъ ровъ и очутился съ нею въ саду. Она, молча, бережно и гадливо глядя себѣ подъ ноги, повела его извиристою тропинкой по направленію къ виднѣвшейся издали каменной скамьѣ, сѣрѣвшей подъ низкими вѣтвями коряваго стараго дуба.

— Знаете вы, какъ называлось это мѣсто въ старину? спросила она вдругъ, дойдя до него и оборачиваясь къ своему спутнику.

— Не знаю.

— *Храмъ утѣхъ.*

Онъ засмѣялся.

— Серіозно! Тутъ стояла, говорятъ, статуя Венеры, и напудренные бабушки назначали здѣсь по ночамъ своимъ любезнымъ амурныя rendez-vous.

Молодаго человѣка снова покорибило отъ этихъ словъ.

Она замѣтила это и надменно повела губами:

— Чтѣ, не понравилось выраженіе? *Mauvais genre* находите?

— Нахожу некрасивымъ, да, твердо произнесъ онъ,—но меня еще болѣе возмущаетъ эта вѣчная злоба въ вашихъ рѣчахъ.

— Злоба! повторила она какъ бы невольно, опускаясь на скамью, глянула ему прямо въ лицо и проговорила отчеканивая:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидѣть *).

Жуткое чувство охватило его вдругъ. Онъ точно въ первый разъ видѣлъ теперь эти глаза... Въ первый разъ, дѣйствительно, поражало его въ соединеніи съ тѣмъ, что выговорено было ею сейчасъ, соответствующее выраженіе ея голубыхъ, съ мертвеннымъ блескомъ цвѣтнаго камня глазъ... „Тутъ все порѣшено и похоронено, тутъ ни пощады, ни возврата къ свѣту нѣтъ“, пронеслось у него въ мысли внезапно и скорбнымъ откровеніемъ... По тѣлу его пробѣжала нервная дрожь; онъ сѣлъ подлѣ нея, провелъ себѣ рукой по лицу:

— Вы рѣшительно желаете упорствовать въ своемъ чело-вѣко- и міроненавидѣннн? сказалъ онъ насилуованно-шутливымъ тономъ.

— А вамъ бы очень хотѣлось помирить меня съ ними?

Онъ быстро поднялъ голову:

— Да, я долго лелѣялъ въ душѣ эту надежду.

— А Троекуровъ, что же... а ваши пуритане—отецъ и дядюшка—что бы сказали?

Онъ готовился отвѣтить... Она остановила его движеніемъ руки:

— Нѣтъ, пожалуйста, безъ объясненій; я знаю заранѣе все, что можете вы мнѣ сказать. Это потеря словъ была бы одна...

— Позвольте однако, Антонина Дмитриевна, вскрикнулъ онъ неудержимо, уносимый тѣмъ страннымъ, мучительнымъ обаяніемъ, которое, не смотря ни на что, производила она на него,—я хотѣлъ только заявить, что если бы вы захотѣли...

— Вы бы не остановились ни передъ какимъ препятствіемъ, договорила она за него:—знаю напередъ, я вамъ сказала. И

*) Некрасовъ.

я на это отвѣчу вамъ со свойственнымъ мнѣ „цинизмомъ“, какъ вы выражаетесь. Я бы со своей стороны ни на что и ни на кого не поглядѣла, если бы выйти за васъ замужъ почти-тала для себя выгоднымъ. Но я этого не нахожу.

Онъ перемѣнился въ лицѣ, растерянно взглянулъ на нее...

Она обвела взглядомъ кругомъ:

— Вы видите это разореніе, нищету, мерзость? Мнѣ нужно по меньшей мѣрѣ полтораста тысячъ дохода, чтобы вознаграждать себя за все то, что выносила я до сихъ поръ среди этого.

— Я ихъ не могу вамъ дать! съ прорывавшимся въ голосѣ негодованіемъ выговорилъ Юшковъ.

— Я знаю, невозмутимо подтвердила она: — а Сусальцева повергаетъ ихъ къ моимъ ногамъ, промолвила она съ ироническимъ паѳосомъ.

— Вы думаете идти за Сусальцева? чуть не крикомъ крикнулъ молодой человѣкъ.

— А что?

— Вѣдь это купчина, человѣкъ инаго міра, инаго воспитанія!...

Она перебила его смѣхомъ:

— Словные предразсудки en l'an du Christ dix huit cent *septante* six, какъ выражается мой маркизъ-папаша? Вы прелестны своею наивностью, Григорій Павловичъ!...

— Вы правы, воскликнулъ онъ опять, вскакивая съ мѣста, — я наивенъ, я глупъ, — я совсѣмъ глупъ, чувствую! Предъ вашею реальностью мнѣ остается только смиренно преклониться, подчеркнулъ онъ съ какимъ-то ребяческимъ намѣреніемъ уколоть ее въ свою очередь.

Она и бровью не моргнула на это.

— Какъ жаль, что сестра моя Настя не видитъ васъ въ этомъ прекрасномъ негодованіи, медленно проронила она; — она почитаетъ себя нигилисткой, но имѣетъ сердце чувствительное и питаетъ въ немъ тайное, но страстное обожаніе къ вамъ.

— Вашъ сарказмъ и сестру родную не щадить! возразилъ онъ досадливо, морщась и краснѣя неволью.

— Напротивъ, это я изъ участія къ ней. А что вы не послѣдовательны, въ этомъ я не виновата.

— Чѣмъ „не послѣдователенъ?“ недоумѣло спросилъ онъ.

— Вы такъ хлопчете о спасеніи, о примиреніи съ жизнью женскихъ душъ, погибающихъ въ „отрицаніи“. Отчего же относитесь вы неотступно съ этимъ ко мнѣ,— къ *неисцѣлимой*, вы знаете,—а не попробуете тамъ, гдѣ дѣйствительно, я вамъ отвѣчаю, „елей вашихъ рѣчей благоуханныхъ“ можетъ пойти въ прокъ... Или въ самомъ дѣлѣ, примолвила она, зорко остановивъ на немъ загадочный взглядъ, — олицетворяющееся во мнѣ *зло* имѣетъ такую неотразимую привлекательность для добродѣтельныхъ *эстетиковъ*, какъ вы?

Юшковъ растерянно взглянулъ на нее—и не нашелъ еще разъ отвѣта...

II.

Ed or, negletto e vilipeso, giace
In le sue case, pover, vecchio e ciecco...
Machiavelli.

Докторъ Фирсовъ, между тѣмъ, вѣхавъ на *красный* дворъ усадьбы, давно пороспій травой и на которомъ паслись теперь три стреноженныя чухля лошади, велѣлъ остановиться предъ крыльцомъ длиннаго, каменнаго дома, съ такимъ же надъ середкой его каменнымъ мезониномъ, построеннаго въ томъ казарменномъ стилѣ *ящикомъ*, въ какомъ строилось все и вся въ русскихъ городахъ и селахъ въ Александровскую и Николаевскую архитектурныя эпохи. Онъ осторожно спустилъ съ телѣжки свое громоздкое туловище и, приказавъ кучеру отѣхать ждать его на большую дорогу позади сада, прошелъ въ открытыя nastежь сѣни, не совсѣмъ довѣрчиво ступая подошвами по разохшимся и развѣхавшимся мѣстами половицамъ. Сѣни вели въ огромную, бывшую танцевальную залу съ безчисленнымъ количествомъ оконъ по длинѣ ея и ширинѣ, съ полуобвалившеюся штукатуркой расписаннаго букетами плафона и съ разбитыми стеклами взбухшихъ и загнившихъ рамъ, хлопавшихъ отъ сквознаго вѣтра съ трескомъ ружейнаго выстрѣла; вмѣсто всякой мебели стоялъ въ этой залѣ объемистый, нагруженный пудовыми булыжниками, катокъ для бѣлья и, отъ окна къ окну, подвязанныя концами къ задвижкамъ, тянулись веревки, на которыхъ просыхали какія-то женскія шемизетки. Двѣ, слѣдовавшія за залой, *гостинныя* представляли тотъ же видъ запущенности и разоре-

ніа: окна безъ занавѣсей, надтреснувшій отъ мороза долго нетопленныхъ зимой комнатъ мраморъ подоконниковъ, выцвѣтшіе и порванные обои съ пробитыми въ обнаженномъ кырничѣ дырками гвоздей изъ-подъ висѣвшихъ когда-то на нихъ цѣнныхъ зеркалъ и картинъ, давно сбытыхъ или хищнически забранныхъ въ чужія руки... Сборная, недостаточная по объему покоевъ мебель, увѣчные столы и стулья всякихъ эпохъ и видовъ мизерно лѣпились здѣсь вдоль панелей или кучились по угламъ безпорядочнымъ и безобразнымъ хламомъ, покрытымъ чернымъ, сплошнымъ слоемъ пыли, къ которому годами не прикасалась человѣческая рука... Рядъ „пріемныхъ апартаментовъ“, въ которыхъ очевидно давно уже никто не *принимался*, замыкала „боскетная“, служившая теперь жилищемъ владѣльцу этихъ развалинъ, — бывшему совѣтнику по-сольства, отставному камергеру и дѣйствительному статскому совѣтнику, Дмитрію Сергѣевичу Буйносову.

Здѣсь было нѣсколько чище и удобопомѣстительнѣе. Комната оправдывала свое названіе „боскетной“ довольно хорошо сохранившимися на стѣнахъ ея старинными, теперь уже не находимыми болѣе нигдѣ обоями, изображавшими древне-греческій пейзажъ, во вкусѣ Первой Имперіи, съ оливковыми рощами, аттическими храмами, стадами бѣлорунныхъ овецъ, пастушками и пастушками, лежащими обнявшись на зеленыхъ берегахъ голубыхъ ручьевъ. Раздѣлена она была пополамъ грубо крашеною подъ красное дерево, домодѣльною сосновою перегородкой, на которой навѣшано было въ почернѣлыхъ рамахъ нѣсколько семейныхъ портретовъ: суровыя или улыбающіяся лики пудренныхъ кавалеровъ съ лентами и звѣздами на форменныхъ, обшитыхъ галунами кафтанахъ... Таюй же домодѣльный, длинный жествій диванъ, крытый дешевымъ ковромъ, расположенъ былъ вдоль перегородки; продѣланная въ ней дверь вела въ заднюю, темную часть комнаты, уборную хозяина. Въ передней, кромѣ дивана, стояли старинный письменный столъ *Тасов* (краснаго дерева съ мѣдью), такое-же бюро со стоявшими на немъ англійскими часами Нортонъ, звонившими каждую четверть часа какимъ-то таинственно-серебристымъ звономъ, и два, три древнія, глу-

бокія кресла, обитыя порыжѣлымъ сафьяномъ. Темныя сторы завѣшивали на половину длинныя, въ четыре стекла вышины, окна, выходившія въ садъ.

У одного изъ этихъ оконъ сидѣлъ теперь самъ больной въ новенькомъ, изящномъ, о двухъ большихъ, легкихъ колесахъ, ереслѣ-самокатѣ, обратившемъ первымъ дѣломъ вниманіе входившаго доктора.

— Съ обновкой! проговорилъ онъ веселымъ тономъ, останавливаясь на порогѣ комнаты:—давно-ли обзавелись?

— А, докторъ, здравствуйте! какъ бы нѣсколько свысова произнесъ Дмитрій Сергѣевичъ, уронилъ руки на колеса и двинулъ ими кресло свое шага на два впередъ;—да, вотъ видите, j'ai acquis le moyen de me remuer quelque peu.

— Изъ Москвы выписали?

— „Выписалъ!“ захихикалъ онъ вдругъ горькимъ смѣхомъ:—un gueux comme moi, на какія деньги мнѣ... „вы-писывать?“ повторилъ онъ такимъ же ироническимъ и не совсѣмъ твердымъ голосомъ:—милостивецъ одинъ, un bienfaiteur, преподнесъ мнѣ... въ дааніе...

— Кто таковой? допытывался любопытный какъ женщина провинціальный эскулапъ.

— Ну, этотъ здѣшній... le Rothschild de l'endroit, vous savez...

— Совсѣмъ не *savez*, засмѣялся тотъ,—не знаю, про кого вы говорите.

— Ну, какъ же (и рука недужнаго невѣрнымъ движеніемъ махнула по воздуху)... Je ne puis jamais me mettre dans la tête ces fichus noms-là... Суз... Сусликовъ enfin! вселиенуль онъ чуть не радостно, словно поймавъ за хвостъ ускользавшее отъ него имя.

— Су-саль-цевъ, Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ, протяжно отчеканивая, поправилъ его изъ-за перегородки чей-то женскій голосъ.

— Суздальцевъ, c'est ça! зачалъ онъ утвердительно головой,—Провъ Ефимовичъ Суздальцевъ... Суздаль, une ville du gouvernement de Wladimir... *Провъ*, qui évidemment vient du latin: *probus*... Bien nommé du reste, très juste,—этакая, знае-

те, простая, честная русская душа... Il me revient tout à fait (то-есть онъ мнѣ совсѣмъ нравится) ce garçon-là! тономъ покровительственного одобренія примолвилъ онъ.

— Здравствуйте Настасья Дмитриевна! крикнулъ докторъ, не слушая его болѣе.

— Здравствуйте, отозвалась она, выступая изъ двери съ наволочкой въ рукѣ,—спасибо, что пріѣхали!..

Она была ниже ростомъ сестры, которую напоминала, впрочемъ, общимъ характеромъ чертъ, худа, или, какъ говорится, жидва на видъ. Густая масса темныхъ, довольно коротко стриженныхъ волосъ, собранныхъ подъ черную синелевую сѣтку, словно придавливала въ низу ея тоней и легкой обливъ своимъ бесполезнымъ для нея избыткомъ. Но ея большіе, нисколько не похожіе на глаза Антонины, коричневые въ синемъ бѣлѣѣ, слозно изъ-за какой-то чуть прозрачной дымки строго и спокойно глядѣвшіе глаза—были великолѣпны. На желтовато-блѣдномъ лицѣ явственно сказывались слѣды заботъ и бессонно проводимыхъ ночей... Одѣта она была въ длинную, синяго цвѣта, похожую покроемъ на рясу монастырскаго служки, холстинговую блузу, перетянутую въ талии широкимъ кожанымъ кушакомъ на пряжѣ.

Фирсовъ, сморщивъ брови, повелъ на нее искоса участливымъ взглядомъ.

Она подошла ко креслу отца, вытащила изъ-за спины его подушку, быстро смѣнила грязную наволочку принесенною ею свѣжею и, не глядя ни на кого, заговорила, обращая рѣчь къ доктору:

— Я васъ опять просила пріѣхать, Николай Ивановичъ, потому что знаю васъ за порядочнаго человѣка и что вы не откажете, хотя мы не только не въ состояніи платить вамъ за визитъ, но еще...

— А вотъ и не пріѣду больше никогда, съ сердцемъ перебилъ онъ ее,—коли станете чуть городить!

Недужный въ свою очередь заметался въ своемъ креслѣ.

— Quel manque de goût, quelle absence de tact! восклицалъ онъ, хватаясь за голову и принимаясь качаться со стороны на сторону:—вѣдь они теперь ничего этого не понимаютъ,

докторъ... Дочь моя, *ta fille*, скорбно подчеркнулъ онъ, она не понимаетъ, что это ложное смиреніе, *cette fausse humilité*... что это всѣмъ обидно... и вамъ, и мнѣ... Ну да, я теперь нищій, *un gueux*... Я когда-то давалъ *des dix pounds* *) à Londres за докторскій визитъ... а теперь не могу... я ничего не могу... Но я—*je suis un Буйносовъ*... я не всѣмъ стану одолжаться... Я умѣю цѣнить ваши *procédés*... Вы порядочный человѣкъ, вы не требуете какъ лавочникъ... *somme se sacré кабатчикъ*, *mon ex-рабъ*, который смѣетъ... отказывать... когда я умираю съ холода... Кровь моя стынетъ, докторъ, ледъ, у меня ледъ въ жилахъ... я согрѣться прошу... согрѣться... *et se misérable... se miséra*...

Языкъ у него путался; онъ оборвалъ, уткнулъ неожиданно свою всклокоченную сѣдую голову въ уголокъ подушки и всхлипнулъ жалобнымъ, ребяческимъ всхлипомъ.

Тяжелое впечатлѣніе производили эти жалкія и бесполезныя какъ въ бреду слова его и слезы... Это былъ человѣкъ лѣтъ шестидесяти пяти, сухо сложенный и мускулистый, съ породисто-тонкими чертами гладко выбритаго лица и со сказывавшимися въ каждомъ его движеніи признаками тщательнаго, постаринному, прежде всего свѣтскаго, но несомнѣнно культурнаго воспитанія. Красиво изогнутый носъ, строго очерченныя, еще совершенно черныя брови и чрезвычайно изящная линія губъ, свидѣтельствовавшая о сильно развитомъ въ его природѣ чувствѣ *вкуса*, вызывали на первый взглядъ понятіе чего-то характерно-своеобразнаго и далеко не дюжиннаго. Но налитая кровью сѣть подкожныхъ жилокъ, бѣжавшихъ какъ нити паутины по этому оголенному лицу; но отеки, слезившіеся глаза, то тревожно бѣгавшіе по сторонамъ, какъ бы съ намѣреніемъ куда-то запрятаться, то неожиданно и лихорадочно вскидывавшіе свои неестественно расширенныя зрачки подъ безобразно приподнимавшіяся брови; но робкій, срывавшійся звукъ голоса, странно противорѣчившій иной разъ самоувѣренному и властному, по старой привычкѣ, пошибу его рѣчи, не оставляли сомнѣнія, что предъ

*) Pound—фунтъ стерлингъ.

вами находился давно порѣшенный, давно *отпѣтый* человекъ...

— Вы слышали? мрачно улыбаясь кривившимися губами, указала на него взглядомъ дочь:—изъ-за этого вотъ онъ въ прошлую ночь грозилъ мнѣ, что повѣсится... Мочи моей съ нимъ болѣе нѣтъ! вырвалось у нея чрезъ силу.

— Не хорошо, Дмитрій Сергѣичъ, не хорошо! произнесъ укорительнымъ тономъ Фирсовъ, грузно опускаясь въ кресло подлѣ его сидѣнія и отыскивая у него пульсъ подъ рукавомъ его затасканнаго, изъ больничнаго верблюжьяго сукна скроеннаго, по-домашнему, длиннымъ рединготомъ, халата.

Буйносовъ наклонился къ нему и заговорилъ порывистымъ и дребезжающимъ шопотомъ.

— Вы не вѣрьте... не вѣрьте всему, *cher docteur*... Ну да, *c'est vrai, j'ai été un peu excité hier soir*. Но я... мнѣ тоже „мочи нѣтъ“—со мной здѣсь поступаютъ, какъ... какъ дочери Лира *avec leur pauvre père, „most savage and unnatural“*... *) *Elles ont beau jeu... я безъ ногъ, безъ силъ, безъ денегъ, un pauvre paria mis hors la loi... Moi, un Буйносовъ!*

— Ну, конечно, словно прошигѣла дочь (чувствовалось, что она была раздражена до полной невозможности сдержаться),— въ день вѣнчанія на царство батюшки-*осударя* Алексѣя Михайловича „князь Юрій, князь Петровъ сынъ, Буйносовъ Ростовскій на обѣдѣ въ Грановитой палатѣ *въ большой столъ смотрѣлъ*“. Не разъ слышала отъ васъ объ этомъ подвигѣ... Еще бы не гордиться послѣ этого!...

Старикъ замахалъ руками.

— „Смотрѣлъ“, потому что онъ старшій стольникъ былъ, *c'était son devoir*, и въ тотъ же день въ бояре пожалованъ былъ. Я это сто разъ объяснялъ ей, докторъ, а она нарочно, *elle le fait exprès*...

— А есть у васъ еще тѣ вапельки, которыя я ему намедни прописалъ? спросилъ Фирсовъ, оборачиваясь на дѣвушку.

— Есть.

*) Ужасно дико и неестественно. *Король Лиръ*, актъ III, сцена 3.

— Дайте ему!... Ему раздражаться вредно, примолвил онъ, замѣтно налирая на послѣднія слова.

Губы и брови ея сжались. Она молча направилась за перегородку.

— Вотъ моя жизнь, докторъ! тотчасъ же началъ опять больной. Онъ приподнял голову, глаза его заискрились болѣзненнымъ блескомъ: — „Таковъ-ли былъ я раздвѣтая“? *comme a dit* Пушкинъ.

— Ну, что уже объ этомъ, Дмитрій Сергѣевичъ! Не вернешь! молвилъ Фирсовъ убаюкивающимъ голосомъ старой няни: „Ничего, молъ, свѣтѣзь мой, зашибса,—пройдетъ“...

Но тотъ продолжалъ возбужденнымъ и обрывавшимся въ безсиліи своемъ языкомъ:

— Нѣтъ, вы не знаете, вы поймите только! *J'ai reçu une éducation de prince*, я говорю на пяти языкахъ... я былъ самымъ блестящимъ кавалеромъ моего времени. Въ двадцать лѣтъ *maître de ma fortune*... И какая fortuna! пять тысячъ душъ, не заложенныхъ, въ лучшихъ губерніяхъ... *Il ne m'en reste plus rien que ce trou*, эта Аракчеевская казарма, отъ одного вида которой у меня подъ ложечкой болитъ... Выстроилъ ее при отцѣ моемъ *un triple coquin d'intendant*, который тутъ былъ, Фамагантовъ...

Онъ засмѣялся вдругъ почти весело:

— *Quel nom, ah?* Фа-ма-гантовъ... *C'était si comique*, что я пятнадцать лѣтъ продержалъ его здѣсь изъ-за этого... изъ-за смѣха, который доставляла мнѣ каждый разъ эта подпись: „майоръ Фамагантовъ“—подъ его рапортами... Онъ мнѣ *raports* писалъ, по-военному... *C'était un major* въ отставкѣ. *Et voleur avec cela!*... Я сюда прежде никогда не ѣздилъ: видъ этого дома *me soulevait le coeur*. Когда мнѣ случалось прѣзжать лѣтомъ въ Россію, я бывалъ въ моемъ Тамбовскомъ имѣніи, Зарѣчьи, *qui me venait de ma mère*, — она рожденная княжна Пужбольская была... Тамъ домъ—дворецъ, строенный по планамъ Растрелли... *On me volait de tous les côtés*, я зналъ, *mais qu'y pouvais-je faire?* Я служилъ за границей, при посольствахъ... *le meilleur de mon existence* у а *passé*... Я самимъ покойнымъ Государемъ былъ назначенъ по-

четнымъ кавалеромъ, chevalier d'honneur, при коронаціи de la reine Victoria... Первый секретарь въ Парижѣ, потомъ совѣтникъ въ Вѣнѣ aux plus beaux jours de l'aristocratie autrichienne... Des succès de femme en veux-tu—en voilà, et partout... Я съ именемъ моимъ и состояніемъ могъ жениться на знатнѣйшей невѣстѣ въ Европѣ et arriver à tout...

Докторъ считъ нужнымъ вздохнуть и развести руками въ знакъ участія въ этой исповѣди.

— J'ai agi en gentilhomme... Я далъ имя мое бѣдной дворянѣ—они мнѣ сосѣди были по Зарѣчью,—que j'avais eu la maladresse de séduire, проговорилъ онъ шопотомъ,—я женился на ней... On m'a toujours reproché cette bêtise... Съ такою женой, дѣйствительно,—elle ne savait même pas le français,—я не могъ уже болѣе думать о дипломатической карьерѣ... даже въ Петербургѣ не могъ жить... Но я всегда былъ un honnête homme: я какъ совѣсть мнѣ говорила, такъ и сдѣлалъ... Et puis c'était une si excellente et douce créature,—знаете, какъ по-русски говорится. *безответная* такая, n'adonnant de toute son âme...

Онъ тихо заплакалъ и сталъ искать кругомъ выпавшій у него изъ рука платокъ—утереть глаза.

Фирсовъ поднялъ его съ полу и подалъ ему. Онъ продолжалъ, всхлипывая и разводя платкомъ по лицу дрожащими пальцами:

— Она мнѣ говорила, умирая: „Безъ меня у тебя все пряхомъ пойдетъ; ты слишкомъ баринъ большой, слишкомъ довѣрчивъ и простъ“... *Простъ*,—elle me l'a dit en toutes lettres, конечно не въ обиду мнѣ, pauvre femme... И она была права: послѣ ея смерти началась для меня la grande dégringolade... Я тогда жилъ въ отставкѣ, въ Москвѣ...

— А тамъ двухаршинныя стерляди, *инфернальная* Англійскаго клуба, Цыгане и прочая, усмѣхнулся и подмигнулъ отставной жуиръ-докторъ.

— А эманципацію вы забыли? вселикнулъ Дмитрій Сергѣевичъ,—l'émanicipation qui m'a achevé?

— Ну да, конечно, согласился тотъ;—такъ вѣдь съ этимъ ничего не подѣлаешь, ваше превосходительство, помириться

надо... И слабость осилить постараться, добавил онъ вполголоса.

Старикъ заметался опять въ своемъ креслѣ, отворачиваясь отъ него:

— Oh, mon Dieu Seigneur, онъ здѣсь pour un petit verre de plus готовы съѣсть меня!

— Вы вотъ изъ-за этихъ *птиверъ* безъ ногъ сидите, а будете продолжать — и того хуже будетъ, предваряю васъ серьезно.

Глаза сверкнули и туловище недужнаго быстро перевалило въ сторону говорившаго:

— Чтѣ хуже, чтѣ еще можетъ быть хуже? залепеталъ онъ трепетнымъ шопотомъ:—la mort?.. Я зову ее, какъ избавительницу. Я самъ... я самъ... (Онъ оборвалъ на полуфразѣ, испуганно оглядываясь кругомъ)... Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше!.. Все прошлое, все *мое* сокрушено и попрано... Я родился бариномъ, такимъ и умру dans ma misère,—а они, ma descendance, вы слышали, они плюютъ... ils crachent avec délice на все, чтѣ было свято для меня и для отцовъ моихъ... Сынъ былъ—и нѣтъ его... Онъ ушелъ „народу служить“... учить мужиковъ господамъ гордо рѣзать... Это *мой* сынъ... *первенецъ* мой, comme on dit!.. На чтѣ же жить еще, для кого? Нищъ, старъ, безсиленъ, un fardeau et une honte pour tout ce qui m'entoure...

Онъ засмѣялся неожиданно опять, какъ бы про себя, вѣдкимъ, надрывающимъ смѣхомъ:

— Avoir passé la moitié de sa vie à danser des cotillons avec des princesses du sang—и дойти до того, что какой-нибудь кабатчикъ...

— Да какой кабатчикъ? чтѣ это онъ вамъ дался, Дмитрій Сергѣевичъ! перебилъ его Фирсовъ съ изумленіемъ.

— Я вамъ это скажу, отвѣтила вмѣсто него дочь, выходя изъ-за перегородки и протягивая доктору пузырекъ съ лѣкарственными каплями:—онъ (она кивнула на отца,) вчера, не довольствуясь тою порціей (она какъ бы не рѣшалась прибавить, чего,) которую вы позволили ему давать, сталъ требовать отъ меня еще. У меня оставалось въ бутылкѣ на небольшую

рюмку. Я налила ему. Ему показалось мало. Начались крики, слезы, отчаяніе... Я ему говорю: „вамъ это вредно; запрещено, да и нѣтъ больше, все: въ цѣломъ домѣ ни тапли болѣе не найдешь“. Онъ и слушать не хочетъ: „посылай на село, къ Макарѣ“!.. А съ чѣмъ послать? Мы забрали у Макара на двадцать рублей слишкомъ въ долгъ, и онъ, отпуская послѣдній штофъ, объявилъ рѣшительно Маврѣ, что не станетъ больше въ кредитъ давать... А у меня ни гроша не было,—я такъ и говорю *ему*, но онъ...

— *Epargnez nous ces ignobles détails!*

И Дмитрій Сергѣевичъ замахалъ руками... Но голосъ его звучалъ гораздо болѣе приниженіемъ, чѣмъ повелительностью:—доктору это нисколько не можетъ быть интересно...

— Я и не для „интереса“, не для забавы его начала об этомъ, возразила дѣвушка (она говорила теперь съ полнымъ самообладаніемъ, медленно и отчетливо):—я передаю ему *факты*, я не имѣю права скрывать ихъ отъ него... Вы сравниваете себя съ королемъ Лиромъ, жертвой безчеловѣчныхъ дочерей. Пусть докторъ, специалистъ, скажетъ, насколько вы правы, а я виновата, стараясь удержать васъ отъ того, что вамъ вредно... Что онъ дозволилъ, я вамъ даю,—вы и сегодня утромъ, и предъ обѣдомъ получили вашу порцію. Макаръ не давалъ больше въ кредитъ,—у меня кольцо съ изумрудомъ оставалось отъ покойной матери: я сегодня отправила его въ кабакъ въ обезпеченіе долга,—и вы свое получили... Что же еще дѣлать, чтобы вы не почитали вашу „*descendance*“ вашими злодѣями?...

Старикъ внезапно схватилъ себя за голову и залился истерическимъ плачемъ, встряхивавшимъ все его тѣло какъ въ жестокой лихорадкѣ:

— Кольцо, l'anneau de sa mère... въ кабакъ... она его въ кабакъ отдала... для... для меня!.. Я... je suis un monstre, docteur!.. Я довелъ дѣтей моихъ... до нищеты... до такого униженія... Настя, ma fille, прости... отца, несчастнаго твоего отца!.. Я... я обезумѣлъ отъ старости и страданій, ma pauvre tête s'en va... Я оклеветалъ ее, обидѣлъ, а она... C'est mon Antigone, docteur, она тутъ, всегда, при мнѣ, день и ночь,

ходить за мною, старается развлечь... Она мнѣ книги читаетъ... Elle m'a relu mon vieux Corneille, Shakespeare... и недавно, вотъ, комедію одну Островскаго... C'est horriblement vulgaire... Но у нея талантъ... не будь она Буйносова, изъ нея выйти бы могла une grande artiste... Elle a des inflexions de voix si touchantes, что я плачу... какъ ребенокъ... Какъ вотъ теперь... когда она... когда она отдала... à ce misérable Маваръ l'anneau de son infortunée mère.

— Ну успокойтесь, ну успокойтесь, ваше превосходительство! заговорилъ Фирсовъ, наклоняясь опять къ нему и вглядываясь ему въ лицо.—Накапайте-ка ему капелевъ двадцать пять, обернулся онъ къ дѣвушкамъ.

Она подошла къ отцу съ рюмкой, приставляя ее къ его губамъ. Онъ послушно выпилъ до дна, отъидываясь назадъ, съ пригвожденнымъ къ ней взглядомъ, и, оторвавшись отъ стекла, прильнулъ къ ея рукѣ съ тихимъ всхлипываніемъ:

— Mon Antigone! прошепталь онъ чуть слышно.

Все лицо ея дрогнуло; она отвернулась, отводя руку изъ-подъ его губъ.

— Чтѣ, спать какъ—плохо? послѣшилъ спросить докторъ, морщась, чтобы не выдать зачемившаго у него на сердцѣ чувства безконечной жалости къ обоимъ имъ...

— Всю ночь на пролетъ не спалъ сегодня, сказала Настасья Дмитриевна.

— Аппетитъ есть?

— Никакого.

— Мнѣ холодно, проговорилъ старикъ плачущимъ голосомъ, глядя искательнымъ взглядомъ на Фирсова.

— Ну, ну, не замерзнете! усмѣхнулся тотъ:—это вамъ отъ бессонницы кажетъ...

— Онъ поднялся съ мѣста и, обращаясь опять къ дѣвушкамъ:

— Черезъ полчаса дайте ему ложку хлорала и затѣмъ каждые полчаса по ложкѣ, пока уснетъ. Сонъ абсолютно необходимъ вамъ, Дмитрій Сергѣевичъ: вы и согрѣетесь отъ него, и успокоитесь... Ну-съ, а теперь прощайте! На возвратномъ пути изъ Угловъ, денька черезъ два, заѣду къ вамъ опять.

— А вы въ Углы... Зачѣмъ? быстро спросила Настасья Дмитриевна.

— У Павла Григорьевича подагра разгулялась опять... Не молодъ человекъ, увѣченъ, серьезное можетъ разыграться. Приѣхалъ за мною Григорій Павловичъ, мы вотъ съ нимъ и отправились.

— Григорій Павловичъ съ вами? Гдѣ же онъ?

— А мы тутъ у церкви встрѣтились съ вашею сестрой, отвѣчалъ Өирсовъ, хмурясь:—сидитъ съ ней у васъ въ саду, меня дожидаячись.

Словно искра блеснула и тутъ же померкла въ коричневыхъ глазахъ дѣвушка. Она быстро отвела ихъ.

— Ну-съ, сказалъ докторъ,—прощайте!.. А вы, ваше превосходительство, надѣюсь, будете умницей: ни себя волновать понапрасну, ни дочь огорчать не станете... Надо вамъ и ее пожалѣть, добавилъ онъ ему на ухо, протягивая руку на прощанье.

Старикъ ухватился за нее обѣими своими:

— Я знаю, докторъ, знаю, зашепталь онъ, весь дрожа и ежась,—я ее измучилъ бѣдную, я... Mais soyez tranquille, я ничего не буду просить больше у нея, я послушенъ буду... Только теперь позвольте... мнѣ холодно... un petit verre, un tout petit verre... согрѣться... réchauffer mes veines glacées...

Өирсовъ пожалъ плечомъ:

— *Птиверъ*... опять! Не можете до ужина дождаться! Вѣдь этакъ мы никогда сна не добьемся. Извольте-ка хлоралу принять, а тамъ получите положенное въ свое время, промолвилъ онъ строгимъ тономъ.

Дмитрій Сергѣевичъ испуганно заморгаль слезившимися глазами и словно ушелъ весь въ глубину своего сидѣнія.

— Мавра, посиди съ отцомъ! приказала между тѣмъ Настасья Дмитриевна вошедшей въ комнату приземистой и колодообразной бабѣ, новязанной платкомъ и съ передникомъ подъ мышками:—я доктора провожу...

И она вышла съ нимъ изъ комнаты.

III.

Изъ ближайшей гостиной выходила дверь на балконъ съ лѣстницей въ садъ.

— Держитесь ближе къ стѣнѣ, молвила дѣвушка Ойрсову, спускаясь по ней:—доски посередѣ всѣ прогнили, того гляди провалятся.

Толстякъ испуганно прижался къ стѣнѣ, медленно переступая ногами по краю ступенекъ.

— А вы бы поправить велѣли, пробормоталъ онъ, — не Богъ знаетъ, чего стоить.

Она уже сбѣжала внизъ и глядѣла на него оттуда невеселымъ взглядомъ.

— „Не Богъ знаетъ чего“, повторила она,—а откуда его взять? Живемъ-то всѣ мы, знаете, на какой доходъ? Чудомъ кажимъ-то мельница осталась у него одна, свободная отъ долговъ. Четыреста рублей платить. Все остальное заложено въ банкѣ и по второй закладной у Сусальцева. Землю обрабатываютъ крестьяне изполу, и дохода отъ хлѣба и другихъ статей едва хватаетъ на уплату процентовъ... Я зарабатываю переводами въ журналъ *Прогрессъ* рублей тридцать въ мѣсяць. Ну и считайте, сколько-то всего выйдетъ. А вѣдь всѣхъ накормить, напоить и одѣть надо, и на лѣварство ему что идетъ... да что на однѣ тряпки свои сестрица моя, Антонина Дмитриевна, изъ общаго дохода издержитъ, добавила она со внезапнымъ раздраженіемъ въ голосъ.

— Мое дѣло сторона, барышня, молвилъ на это докторъ, успѣвшій тѣмъ временемъ благополучно спуститься бочкомъ

съ ненадежной лѣстницы,—а только мнѣ извѣстно, что еще въ прошломъ году Борисъ Васильевичъ Троекуровъ предлагалъ вашему батюшкѣ...

Глаза у Настасьи Дмитріевны такъ и запылали; она перебила его.

— Ахъ, пожалуйста, не говорите объ этомъ!.. Милостыни мы отъ вашего большаго барина принимать не намѣрены... Онъ, дѣйствительно, присылалъ сюда прошлою зимою Григорія Павлыча со всякими *великодушными* предложеніями: уплатить Сусальцеву и перевести закладную на себя, причемъ хотѣлъ Юрьево взять въ аренду, изъ доходовъ его уплачивать проценты по всѣмъ долгамъ, а отцу моему обезпечить чистаго дохода двѣ тысячи четыреста рублей въ годъ.

— Такъ чего же вамъ лучше! воскликнулъ Фирсовъ.

— Онъ намъ подачку предлагалъ! съ сердцемъ возразила она:—я знаю, что можетъ дать Юрьево: земля выпажана, луговъ мало, скота содержать нечѣмъ,—за уплатой процентовъ онъ „аренду“ выплачивалъ бы отцу изъ своего кармана... и тѣшилъ бы сознаниемъ, что онъ *содержитъ* насъ отъ щедротъ своихъ. А этому никогда не бывать!.. Господинъ благодѣтельствовать намъ вздумалъ, и въ то же время презираетъ насъ со всей высоты барства своего и денегъ...

— Съ чего это вы взяли?

Но она перебила опять:

— Не притворяйтесь незнайкой, сдѣлайте милость, меня вѣдь вы не проведете! Вы лучше меня знаете, какого мнѣнія во Всесвятскомъ о нашемъ „нигилистическомъ гнѣздѣ“, какъ они тамъ говорятъ... Когда мы поселились здѣсь, онъ (она разумѣла отца,) непремѣнно требовалъ, чтобы мы туда ѣздили... Я не могу безъ отвращенія вспомнить теперь объ этихъ поѣздкахъ! Когда мы пріѣзжали, весь домъ превращался въ окаменѣлость какую-то. Сама краснѣла, конфузилась и, если тутъ находилась дочь ея, спѣшила подъ разными глупыми предлогами выслать ее изъ комнаты... чтобы она однимъ воздухомъ не дышала съ такими зачумленными, какъ мы. „Генераль“ вашъ становился учтивъ до гадости,—тою грансенъор-свою учтивостью учтивъ, которая въ намѣреніи своемъ рав-

няется пощечинѣ и на которую пощечиной же таеъ и подмываетъ тебя отвѣтить... Съ *нимъ*, съ *несчастливымъ* нашимъ, были очень любезны,—но во всѣхъ глазахъ таеъ и читался трепеть, каеъ бы онъ не сдѣлалъ чего-нибудь неприличнаго... Ну и дождались! Не доглядѣла я разъ каеъ-то, онъ и показалъ себя имъ во всей прелести... Съ тѣхъ поръ мы туда ни ногой, а они, разумѣется, и тѣни не показали желанія продолжать съ нами знакомство... Таеъ съ какого права, съ новымъ взрывомъ гнѣва заключила Настасья Дмитриевна, — осмѣливается господинъ Троекуровъ предлагать намъ милостыню!..

— Ну-съ, это ваше съ нимъ дѣло, каеъ знаете! молвилъ на это Өирсовъ, нетерпѣливо дернувъ плечомъ (онъ съ видимымъ неодобрениемъ и неохотой слушалъ ея рѣчи), — а что касается вашего больнаго, то я скажу вамъ-съ, что онъ плохъ... и что вамъ слѣдовало бы каеъ-нибудь... помягче что-ли... обращаться съ нимъ. Что-жь понапрасну-то раздражать чело-вѣка въ такомъ положеніи!.. Да-съ, помягче, повторилъ онъ, внезапно нахмуриваясь,—и присмотромъ не оставляйте. Онъ вотъ все о смерти толкуетъ... и такое словечко у него вырвалось: „Самъ я, говоритъ, самъ“... При его мозговомъ состояніи идея-то эта легко въ манію превратиться можетъ... а тутъ и до грѣха не далеко... Таеъ вы ужъ поосторожнѣе съ нимъ каеъ-нибудь!..

— Ахъ, болѣзненно вырвалось у дѣвушки въ отвѣтъ, — знаю я все это, знаю!... Сердце переворачивается у меня отъ жалости къ нему... А съ тѣмъ вмѣстѣ такое зло иногда на него беретъ!... Я справиться съ собой не могу. Сейчасъ бы, кажется, отдала всю себя за него на растерзаніе, а иной разъ сама готова, рада колоть его и мучить... Онъ добръ, да, мягокъ каеъ ребенокъ, но въ сущности глубокой эгоистъ. Онъ въ сущности всю жизнь прожилъ „баринотъ“, то-есть ни о комъ не заботясь и ни о чемъ серьезно не думая.

— Такой ужъ вѣкъ ихъ былъ, барышня, ничего съ этимъ не подѣлаешь, замѣтилъ примирительно докторъ.

Но она, не слушая его, продолжала съ возрастающею горячностью:

— Онъ жалуется на насъ, на брата... А какъ воспитать онъ насъ?... Матери мы лишились рано; онъ сдалъ насъ на руки глупой старой Француженкѣ, бывшей своей... любезной, которая весь день спала, или румянилась и ходила жаловаться ему на нашу непочтительность, а онъ при насъ же издѣвался надъ ней и называлъ „*vieille gamollie*“... Учились мы, Богъ знаетъ, какъ и чему. Пока были деньги, нанимали намъ учителей всякихъ наукъ, нужныхъ и ненужныхъ, потомъ и совсѣмъ никакихъ; сами мы ужъ съ сестрой вздумали въ гимназію... Съ братомъ тоже: онъ былъ очень способенъ, но не усидчивъ, пылокъ, перебивалъ во всевозможныхъ заведеніяхъ, нигдѣ не упрочился, безцѣльно ходилъ вольнослушателемъ въ университетъ. Отецъ относился къ этому съ полнымъ равнодушіемъ... Если, какъ говоритъ онъ теперь, сынъ его „плюетъ на все то, чѣмъ жили и чему вѣровали *отцы*“, и отдаетъ свою жизнь на... на другія цѣли, какъ бы черезъ силу выговорила дѣвушка, и черная тѣнь пробѣжала по ея лицу, — то кто же виноватъ въ этомъ? Что посѣешь, то и пожнешь, не даромъ сказано...

„Дѣйствительно“, молвилъ про себя Николай Ивановичъ Фирсовъ: „безобразіе сѣяло, безобразіе и взросло, только съ другаго конца, а какое лучше—ужъ право не знаю“!..

— Скажите, спросилъ онъ громко своимъ добродушно-губоватымъ тономъ:—давно сталъ онъ зашибать?

— Еще въ Москвѣ, отвѣтила она съ глубокимъ вздохомъ,— вотъ когда начался этотъ его разгромъ... Случилось это какъ-то вдругъ разомъ... Имѣнія наши, домъ въ Денежномъ переулкѣ, послѣдній ставанъ въ этомъ домѣ,—все было продано. Мы переѣхали во флигелекъ дома тетки, сестры его, графини Лахницкой, на Остоженѣ. Сестру Тоню она вызвала жить къ себѣ въ Петербургъ, а мы тутъ, братъ Володя и я, провели съ нимъ полтора года въ четырехъ маленькихъ комнатахъ. Вотъ тутъ онъ съ отчаянія, полагаю, и отъ скуки... Въ Англійскій клубъ онъ пересталъ ѣздить: онъ не имѣлъ духа являться „нищимъ“, какъ говорилъ онъ, предъ людьми, знававшими его въ другомъ положеніи, никого не хотѣлъ видѣть, не принималъ,—и цѣлые дни не выходилъ изъ комнаты...

Началось съ того, что онъ все больше и больше рому сталъ подливать въ чай свой вечеромъ... Я ему какъ-то разъ замѣтила; онъ засмѣялся и отвѣчалъ мнѣ, что „Англичане пьютъ каждый вечеръ, но что это не мѣшаетъ имъ быть владыками Океана“. Но послѣ этого онъ сталъ скрывать отъ насъ, пряталъ бутылки въ печь, подъ кровать... Въ это время умерла тетка Лахницкая, дѣти ея продали домъ какому-то купцу; Антонина Дмитриевна вернулась изъ Петербурга, никого тамъ не заповнивъ... и мы рѣшились переѣхать всѣ сюда, въ единственный уголь, принадлежащій еще намъ на этомъ свѣтѣ... и то, съ горькою улыбкой договорила Настасья Дмитриевна, — благодаря исключительной любезности господина Сусальцева.

— Да, дѣйствительно, грузно засмѣялся толстякъ, — купчина этотъ, видно, самыхъ галантерейныхъ правилъ индивидуи: не то ужъ, что подносить, на колесахъ подвозить дары свои.

Онъ подмигнулъ съ явнымъ намѣреніемъ лукавства:

— Его превосходительству на пользу; а въ угожденіе чье, можете мнѣ сказать?

— Не въ мое, конечно!

И она какъ бы презрительно поморщилась.

— Та-акъ-съ! комически протянулъ онъ: — сестрица Антонина Дмитриевна на сей разъ *заполнила*?... Ну, что-жь, и прекрасное это дѣло! не дождавшись отвѣта, воскликнулъ онъ чрезъ мигъ, весело потирая руки: — одно развѣ, что купецъ, да по нынѣшнимъ временамъ гдѣ же богачей дворянъ взять! На батюшину фанаберию сестрица ваша, само собою, вниманія не обратитъ, — такъ я говорю, барышня?

— А вамъ этого очень хочется? неожиданно выговорила Настасья Дмитриевна.

— Чего это? спросилъ онъ, нѣсколько огороченный.

— Чтобы сестра вышла скорѣе за Сусальцева и отняла бы этимъ у васъ страхъ за Григорья Павловича Юшкова?

Толстякъ добродушно засмѣялся опять:

— А вѣдь вы въ точку попали, барышня, въ самую точку! Дай Богъ сестрицѣ вашей въ полное свое удовольствіе жить, въ золотѣ купаться, а что для Григорья Павловича она особа

совсѣмъ не подходящая, это точно, скажу вамъ, такъ!.. И не только не подходящая, примолвилъ онъ съ усиленнымъ выраженіемъ,—а даже опасная, можно сказать.

Ироническая, чтобы не сказать горькая, усмѣшка скользнула по губамъ дѣвушки:

— И, по-вашему, опасность эта для него минетъ, какъ только станетъ она женой другаго?

Онъ поднялъ разбѣжавшіеся глаза на нее, но она уже вскинулась съ мѣста и торопливо дошла впередъ по тропинкѣ, ведшей въ глубь сада, вглядываясь прищуреннымъ взглядомъ въ каждую прогалину, отрывавшуюся межъ деревьевъ.

Фирсовъ, тяжело отдуваясь, засѣменилъ за нею на своихъ коротенькихъ и пухлыхъ ножкахъ.

IV.

Антонина Дмитриевна и Гриша (мы позволимъ себѣ для удобства называть его старымъ, знакомымъ читателю *) уменьшительнымъ его именемъ,) сидѣли на каменной скамьѣ бывшаго Храма Утѣхъ, о существованіи котораго здѣсь свидѣтельствовала дѣйствительно безобразная груда извести и камня,—обломки пьедестала давно кѣмъ-то и куда-то увезенной статуи Венеры. Разговоръ ихъ смолкъ. Въ полускучающей, полуусталой позѣ, закинувъ руку за затылокъ и прислонясь имъ къ стволу дуба, побачивавшаго надъ ними свои вырѣзные листья, дѣвушка недвижно и безцѣльно глядѣла вверхъ на проходящія облака, а Гриша, опустивъ слегка голову, съ ноющимъ сердцемъ и приливавшею къ головѣ кровью, пожиралъ искоса взглядомъ ея соблазнительный и надменный обликъ... Въ памяти его проносилось гдѣ-то давно читанное имъ сказаніе о таинственныхъ нимфахъ древней Эллады, обитавшихъ въ заповѣдныхъ лѣсахъ, посвященныхъ Діанѣ; неисцѣлимымъ безуміемъ карали онѣ дерзновеннаго, рѣшавшагося проникнуть подъ ревниво хранившія ихъ отъ взора смертныхъ сѣни и узрѣть ихъ роковыя красы. „Любовь къ ней — гибель одна“, говорилъ себѣ молодой человекъ, „но отчего же неотразимо такъ влечется къ ней чувство?“... И онъ вздрагивалъ подъ впечатлѣніемъ какого-то мгновеннаго суевѣрнаго ужаса...

— А вотъ и Менторъ вашъ идетъ за вами, а съ нимъ и

*) *Переломъ*, части III и IV.

ваша жертва, услышалъ онъ, какъ сквозь сонъ, ея металлическій, насмѣшливый и невозмутимый голосъ.

Онъ быстро поднялъ глаза и невольно покраснѣлъ, увидя подходящую къ нему Настасью Дмитриевну.

— Здравствуйте, Григорій Павловичъ, протягивая ему руку, проговорила она, насколько могла спокойнѣе, но съ такою же невольною краской на лицѣ и съ мучительнымъ сознаниемъ смущенія своего въ душѣ.

Онъ, молча, съ глубокимъ поклономъ пожалъ ея холодные пальцы.

— А мы о тебѣ сейчасъ говорили, сказала ей сестра все тѣмъ же своимъ насмѣшливымъ тономъ:—Григорій Павловичъ питаетъ къ тебѣ большую симпатію.

Брови Настасьи Дмитриевны судорожно сжались:

— Я твоихъ шутокъ не прошу! отрѣзала она.

— Нѣтъ, право! Спроси его самого.

Выразительные глаза дѣвушки вскинулись на мигъ на Гришу, полные тревожнаго ожиданія, и тутъ же опустились, пока онъ учтивымъ и нѣсколько смущеннымъ голосомъ произносилъ вынужденный отвѣтъ свой:

— Я васъ дѣйствительно очень уважаю, Настасья Дмитриевна...

— Очень вамъ благодарна... Незачто!

Она отодвинулась отъ него, но, какъ бы спохватившись, спросила тутъ же:—У васъ, говорить Николай Ивановичъ, батюшка заболѣлъ?

Онъ не успѣлъ отвѣтить.

— Если бы не такой случай, мы бы конечно Григорія Павловича у себя въ Юрьевѣ не имѣли счастья видѣть, протянула Антонина Дмитриевна. И звукъ ея голоса былъ теперь почти нѣженъ и какимъ-то внезапнымъ задоромъ свернули остановившіеся на немъ глаза.

Его всего словно приподняло вдругъ; взглядъ его загорѣлся...

— Вы никогда особенно не цѣнили это „счастіе“, mademoiselle Antonine, произнесъ онъ дрогнувшимъ голосомъ въ

видѣ шутливаго со своей стороны упрека, но Настасья Дмитріевна мгновенно поблѣднѣла отъ этихъ словъ.

Сестра поглядѣла на нее, улыбнулась побѣдною улыбкой и тутъ же, въ довершеніе торжества:

— Да, почти презрительно сказала она:— я цѣню только то, что можетъ быть на что-нибудь полезно...

Губы молодаго человѣка поблѣли отъ досады и боли:

— Слова ваши даже не совсѣмъ учтивы, Антонина Дмитріевна!...

Она захохотала:

— Учтивость — вещь не современная; спросите у Насти: она у насъ по части *прогресса* сильна.

— Оставишь-ли ты меня когда-нибудь въ покоѣ! гнѣвно воскликнула та...

— Пора, Григорій Павловичъ, пора! послышался голосъ нагнавшаго компанію доктора.

Гриша снялъ шляпу и, какъ бы забывая въ-торопяхъ подать руку своимъ собесѣдницамъ, поклонился имъ общимъ поклономъ и тронулся было въ своему спутнику. Онъ чувствовалъ себя злымъ до-нельзя...

— Мы васъ проведемъ до дороги, молвила тѣмъ временемъ, какъ ни въ чемъ не бывало, Антонина Дмитріевна, подымаясь со скамьи.

— Позвольте мнѣ въ такомъ случаѣ предложить вамъ руку, поспѣшилъ сказать Гриша сестрѣ ея, подвертывая локоть,

Антонина Дмитріевна, не удостоивая ихъ взглядомъ, прошла мимо и, продвѣвъ руку свою подъ руку доктора, зашагала съ нимъ въ ногу.

— Васъ, конечно, не скоро теперь увидишь? порывисто и полушопотомъ спросила Настасья Дмитріевна Гришу, пройдя съ нимъ нѣсколько шаговъ.

— Это болѣе чѣмъ вѣроятно, отвѣтилъ онъ съ напусеною небрежностью тона: — отъ меня здѣсь никакой и никому *пользы* ждать нельзя, иронически добавилъ онъ, намекая на только-что сказанныя ему сестрой ея слова.

Она окинула его быстрымъ взглядомъ и засмѣялась нервнымъ, глухимъ смѣхомъ:

— А пословицу знаете: отъ мила отстать, въ умѣ не устоять?

Онъ понялъ, поморщился и пожалъ плечами:

— Я отвѣчу вамъ другою: и крута гора, да миновать нельзя... Желая отъ души вашей сестрицѣ исполненія всѣхъ ея желаній...

Они молча дошли до канавы, чрезъ которую, все также ведя подъ руку красавицу Антонину, осторожно перебирался теперь толстякъ докторъ.

— Я прощусь здѣсь съ вами, Григорій Павловичъ, сказала Настя, останавливаясь:—мнѣ пора къ моему больному... Надолго, значить, прощайте? вырвалось у нея помимо воли.

— Не знаю, Настасья Дмитриевна, но во всякомъ случаѣ, если бы... если-бъ я на что-либо могъ пригодиться вамъ, или кому изъ *вашихъ*, прошу не стѣсняясь располагать мною; я готовъ во всякое время.

— Спасибо!... Даже вѣрю, что съ вашей стороны это не одни слова... Вотъ, добавила она съ насилуемымъ смѣхомъ,—если удастся мнѣ когда-нибудь поступить на сцену, я напишу вамъ, чтобы вы непременно пріѣхали на мой дебютъ.

— А развѣ вы собираетесь?

Но она, не отвѣчая, кивнула ему короткимъ кивкомъ и побѣжала стремглавъ по направленію къ дому. Первы одолѣвали ее: еще мигъ, думалось ей, и она „разревется какъ дура,—очень нужно!“...

— А вы куда же мою романтическую сестрицу дѣвали? спросила Антонина Дмитриевна Гришу, когда онъ очутился подлѣ нея и доктора на большой дорогѣ, гдѣ ждали ихъ лошади.

— Достоянная особа сестрица ваша! наставительно отчеканилъ вмѣсто него Фирсовъ, строго воззрясь въ нее сквозь очки.

— Чего же это именно *достойная*? насмѣшливо подчеркнула она.

— Извѣстно чего: всякой похвалы—и *подражанія*, да-съ,

подчеркнулъ онъ въ свою очередь, съ явнымъ уже намѣреніемъ укола.

— Ни того, ни другаго, презрительно уронила на это она,—потому что она никогда не достигаетъ того, чего ей хочется. *Métier de dupe est un sot métier*, говорятъ Французы.

Өирсовъ досадливо передернулъ очки свои, готовясь отвѣтить ей какою-нибудь рѣзкостью, но Гриша дернулъ его за рукавъ:

— Въ разговорахъ съ Антониной Дмитріевной послѣднее слово всегда остается за нею: это аксіома, проговорилъ онъ тономъ учтивой шутки:—намъ остается только превлониться и уѣхать.

— Воистину такъ! засмѣялся толстякъ, сдернулъ фуражку съ головы, низко опустилъ ее, надѣлъ опять и полѣзъ въ подѣхавшую къ нимъ телѣжку.

Гриша отвѣсилъ дѣвушѣ такой же почтительный поклонъ и прыгнулъ въ экипажъ вслѣдъ за своимъ спутникомъ.

Антонина Дмитріевна послала рукой поцѣлуй въ воздухъ:

— Передайте это отъ мѣня Машенькѣ Троекуровой! произнесла она съ насмѣшливымъ паѳосомъ, прищуренно глядя на молодого человѣка.

— Пошелъ! крикнулъ онъ кучеру, надвигая на лобъ шляпу чуть не злобнымъ ударомъ по ея мягкой тулѣ.

— Экая вѣдь язва эта особа! заговорилъ докторъ, едва тронулись они съ мѣста.

Гриша не отвѣчалъ.

— А хороша, говорить нечего, чертовски хороша; гетера древняя, какъ выражается дядюшка вашъ Василій Григорьевичъ... Поразительный даже можно сказать женскій субъектъ, примолвилъ толстякъ, косясь на все такъ же безмолвнаго своего товарища.—А я вѣдь секретъ про нее знаю, выложилъ онъ чрезъ мигъ опять, подмигивая и хихикая съ самымъ лукавымъ видомъ.

— И я знаю, произнесъ спокойно Гриша.

— А ну-те-ва, ну-те, что вы знаете?

— Замужъ она выходитъ...

— За кого?

— За кушца за этого, за Сусальцева.

— Въ точку! Неужто сама сказала?

— Сама.

— Ишь ты, шельма!...

И онъ всѣмъ грузнымъ туловищемъ своимъ повернулся къ Юшкову:

— Ну, а вы что-жь?

Гриша не могъ не улыбнуться.

— А я что? Я—ничего.

— Ни-че-го? протянулъ, покачивая сомнительно головой, тотъ:—смотрите вы, вамъ, можетъ, какъ вотъ раненымъ въ сраженіи, съ перваго раза и не важеть, а потомъ... рѣзать приходится...

— Я давно ее отъ себя отрѣзалъ, Николай Ивановичъ, повѣрьте! не даль говорить ему далѣе молодой человекъ, подымая на него свои голубые, внезапно заискрившіеся глаза;— въ ней есть что-то демоническое, неотразимое... какое-то обаяніе бездны что-ли,—я сознавалъ это въ минуты самаго безумнаго увлеченія ею... Съ вами я буду говорить совершенно откровенно, какъ никогда не рѣшился бы, да и не имѣлъ случая говорить съ отцомъ или съ Борисомъ Васильевичемъ... Они оба ни единымъ словомъ никогда не проговорились о догадкахъ своихъ насчетъ отношеній моихъ къ ней, хотя я въ глазахъ ихъ постоянно читалъ, что они объ этомъ думаютъ... Разъ только у Александры Павловны вырвалось: „Vous vous perdez, Гриша!“ когда, въ ея присутствіи, подали мнѣ во Всесвятскомъ записку, посланную туда на мое имя Антониной Дмитріевной и въ которой она просила меня просто о какой-то книгѣ. Я показалъ эту записку, вмѣсто отвѣта, Александрѣ Павловнѣ, но она только вздохнула, покачала головой и вышла изъ комнаты...

— Помню, при мнѣ было, сказалъ Фирсовъ;— извѣстно, каждому, кто васъ любитъ, радости мало видѣть, какъ васъ въ омутъ тянеть... Ну, а съ наставленіями опять, да совѣтами къ вамъ лѣзть безъ спроса тоже вѣдь не приходится, потому вы не маленький: самъ-моль, скажете, знаю, что мнѣ вредъ, а что польза!...

— И знаю дѣйствительно, почти съ сердцемъ вскрикнуть Гриша,—и давно знаю! Вы совершенно правы,—я не маленький, мнѣ тридцать четвертый годъ,—давно пора самому умѣть отличать добро отъ зла... Я такъ и поступалъ: вы знаете, что я предъ нынѣшнимъ днемъ полтора мѣсяца сюда носу не казалъ, и не вздумалъ бы и сегодня... У насъ съ вами такъ и условлено было, что вы зайдете въ больницу, а я буду васъ у церкви ждать... Я не виноватъ, что она тутъ очутилась, когда мы вышли на паперть...

Все это было такъ,—но онъ слишкомъ горячился, слишкомъ доказывалъ, и старый практикантъ не то недověрчиво, не то лукаво усмѣхался кончиками губъ, внимая его пылкимъ рѣчамъ.

— Знаю, знаю, молвилъ онъ,—собственнолично бичевочкой себя повязали, на хотѣніе свое намордничекъ надѣли — полные баллы за это заслуживаете... А только что сважу я вамъ на это одно...

— Чтѣ еще? вырвалось нетерпѣливо у Гриши.

— А то, что искренно вамъ желаю я никогда болѣе не встрѣчаться съ нею.

Молодой человекъ усмѣхнулся черезъ силу:

— Она выходитъ замужъ,— гарантія, кажется, достаточная для вашего успокоенія.

Толстякъ вздохнулъ даже:

— Ну, батюшка, гарантіи этой два гроша цѣна... И даже напротивъ!

— Чтѣ „напротивъ?“

Тотъ обернулся на спрашившаго, воззрися въ его недоумѣвающее лицо—и неожиданно фыркнулъ:

— Ахъ вы невинность, невинность!..

Онъ не договорилъ и, пыхтя отъ натуги, полѣзъ въ карманъ своего раглана за портсигаромъ...

V.

Ужасный вѣкъ, ужасныя сердца!
Пушкинъ. *Скупой Рыцарь.*

Красавица Антонина долго и недвижно слѣдила прищуренными глазами за удалявшимся экипажемъ. Обычная ей, не то злая, не то скучающая, улыбка блуждала по ея губамъ. Она чувствовала себя въ *ударъ*; она еще бы потѣшилась надъ этимъ „Телемакомъ съ его Менторомъ“, исчезающими за облакомъ пыли, поднявшеяся изъ-подъ колесъ ихъ телѣжки, словно говорила эта улыбка.

Солнце садилось. Большое крестьянское стадо, мыча и тѣсясь въ узкомъ прогонѣ межъ двухъ плетней, выбѣгало съ пароваго поля на дорогу къ селу; съ глухимъ звяканіемъ его колокольцевъ сливался въ гулкомъ воздухѣ визгливый гикъ погонявшихъ его босоногихъ мальчишекъ въ заплатанныхъ рубашкахъ, въ рваныхъ шапкахъ на затылкѣ. Лохматыя собаки неслись за ними, лѣниво полаявая, какъ бы во исполненіе давно надоѣвшей имъ обязанности...

Дѣвушка гадливо поморщилась: „русская идиллія“, какъ выражалась она внутренно, была ей глубоко и какъ-то особенно ненавистна, — и отвернулась отъ поднявшеяся опять изъ-подъ коровьихъ копытъ пыли, которую вѣтеръ несъ ей прямо въ лицо. Глаза ея въ ту же минуту остановились на подвитавшемся довольно быстрыми шагами съ этой стороны дороги по ея направленію какомъ-то прохожемъ.

Онъ былъ одѣтъ въ дырявый и длинный монашескій подрясникъ, перетянутый наборчатымъ ремнемъ, *) какъ любить

*) Онъ усаживается сплошнымъ рядомъ мѣдныхъ или посеребренныхъ пуговицъ.

носить у насъ деревенскіе коновалы и Цыгане-барышники, съ черною суконною фуражкой *фабричнаго фасона* на головѣ и узловатою палкой въ рукавѣ. Высокій и тонкій, съ рѣденькою, короткою и свѣтлою бородкой, онъ, повидимому, былъ еще очень молодъ, не смотря на далеко не юношеское выраженіе испитаго лица его, истрескавшагося отъ солнца, вѣтра и наслоившейся на немъ нечистоты въ продолженіе очевидно дальняго пути.

Дѣвушка глядѣла все внимательнѣе по мѣрѣ его приближенія: изъ-подъ воспаленно-бурой коры, покрывавшей это лицо, все яснѣе для нея выступали какъ бы знакомыя ей черты. Въ глазахъ ея загорѣлось видимое любопытство...

Онъ также, и давно, узналъ ее. Поравнявшись съ мѣстомъ, на которомъ стояла она у канавы, онъ торопливо и какъ бы тревожно окинулъ взглядомъ кругомъ и, убѣдясь, что, кромѣ ихъ двоихъ, никого нѣтъ, поспѣшно перебѣжалъ раздѣляющую ихъ ширину дороги и очутился подлѣ нея.

— Тоня! проговорилъ онъ глухимъ голосомъ.

— Такъ это ты въ самомъ дѣлѣ! вскрикнула она:—гляжу издали, точно Волода... Что-жь это за костюмъ? Откуда ты?

Онъ сурово глянулъ на нее:

— Долго рассказывать—и не здѣсь конечно!.. Говори скорѣе: могу найти я у васъ убѣжище, дня на два, на три... Потомъ уйду опять...

— Травать,—а? коротко выговорила она, и пренебрежительная усмѣшка скользнула слегка по ея алымъ губамъ.

Его передернуло.

— Отвѣчай на то, что спрашиваютъ, отрѣзалъ онъ:—никого у васъ?

— Никого. Былъ Юшковъ съ докторомъ; сейчасъ уѣхали.

— А чрезъ садъ пройти—не увидятъ?

Она пожала равнодушно плечами.

— Не знаю, а впрочемъ кому тамъ?

— Такъ идемъ скорѣе!

Онъ перебрался вслѣдъ за нею чрезъ канаву въ садъ.

— А что старіея? спрашивалъ онъ, пагая рядомъ съ нею подъ деревьями и поминутно оглядываясь.

— Все то же.

— То же? какъ бы уныло протянулъ онъ.

— Отъ хорошихъ привычекъ отставать въ чему же? отвѣтила она со злою усмѣшкой.

— По тебѣ вижу! такую же усмѣшкой ухмыльнулся и онъ.

— Что по мнѣ?

— Та же ты все!

— Какая?

— Змѣя, извѣстно, объяснилъ онъ, вскидывая плечомъ.

Но она не сочла нужнымъ оскорбиться:

— По мудрости, засмѣялась она, — сравнительно съ тобою и Настей, — змѣя дѣйствительно!

— А Настя что, здравствуетъ? оживляясь вдругъ, спросилъ онъ.

— Твоими молитвами, — на сцену готовится, примолвила она, все такъ же смѣясь.

— Съ *нимъ* все возится?

— Какъ слѣдуетъ... Онъ вѣдь теперь совсѣмъ безъ ногъ, примолвила *Тоня* будто en passant, — съ того самаго дня, какъ ты исчезъ...

Что-то словно вольнуло молодого человѣка подъ самое сердце; брови его болѣзненно сжались.

— Доигрался! проговорилъ онъ сквозь зубы по адресу отца, какъ бы съ намѣреніемъ осилить занывшее въ немъ чувство. И тутъ же перемѣняя разговоръ:

— А куда вы меня помѣстите? спросилъ онъ: — въ комнату мою, бывшую рядомъ съ *нимъ*, я полагаю, теперь не удобно... Да и показываться-ли мнѣ ему — не знаю, право, промолвилъ онъ, задумавшись.

— Комнату твою теперь занимаетъ Настя... а ты, пожалуй, можешь въ ея бывшую, въ мезонинѣ, небрежно объяснила Антонина Дмитріевна, — я тебя туда проведу и скажу Настѣ, она устроитъ какъ-нибудь...

— У меня, сказалъ помолчавъ Володя, — давно намѣчено одно мѣсто въ домѣ. Въ буфетѣ, въ углу за шкафомъ, люкъ есть, а подъ нимъ лѣсенка въ пустой подвалъ: тамъ вина да варенье хранились, должно быть, въ пору *барства*... Ну, а

теперь соломки охапчу или сѣнца натаскать туда, и преотлично будетъ на этомъ царскомъ ложѣ *послѣднему изъ Буи-носовыхъ*, подчеркнулъ онъ со злобною ироніей.—У васъ все одна Мавра слугой?

— Въ домѣ одна... Кухарка и прачка на кухнѣ живутъ...

— У Мавры дѣвочка дочь... Ну, эта не выдастъ—нѣмая! усмѣхнулся онъ.—Такъ я вотъ тамъ поселюсь... Въ случаѣ чего шкафъ стоить только на люкъ надвинуть — и ищи меня подъ землей! процѣдилъ онъ, кривя губы.

— А *искать* будутъ?

И она пытливо всвинула на брата свои красивые и холодные глаза.

— Ну, веди, веди! нетерпѣливо возгласилъ онъ вмѣсто отвѣта, кивая на выходившее въ тотъ же садъ „черное крыльцо“ дома, въ которому подходили они въ эту минуту.

Она, не торопясь, все съ тѣмъ же пренебрежительнымъ выраженіемъ въ чертахъ, поднялась по ступенькамъ крылечка, прошла чрезъ пустую бывшую „дѣвичью“ и вывела брата въ длинный и широкій корридоръ, освѣщенный съ противоположнаго конца его стеклянною дверью, выходившею въ „танцевальную залу“, уже знакомую читателю. Прилѣпленная къ одной изъ стѣнъ этого корридора, вкрутая и почти совершенно темная лѣстница въ два колѣна подымалась въ мезонинъ, состоявшій изъ четырехъ весьма просторныхъ комнатъ, отдѣленныхъ одна отъ другой тонкими досчатыми перегородками (въ предположеніяхъ строителя дома, майора Фамагантова, мезонинъ этотъ долженъ былъ служить „запасною половиною“, предназначавшеюся для пріѣзда гостей, или помѣщенія „гувернантокъ“ и „учителей“; но *половина* эта такъ и осталась не отдѣленною ни имъ, ни его преемниками). Одна лишь изъ этихъ комнатъ, избранная себѣ въ жилище Антониной Дмитріевной, имѣла нѣсколько жилой видъ. Она нашла средство оклентить голое дерево чистенькими обоями, обить полъ дешевымъ сѣрымъ суеномъ, повѣсила ситцевыя занавѣси на окна и кисейныя надъ кроватью, и велѣла перенести сюда, отчистить и исправить все, что нашла еще годнаго въ мебельной рухляди дома. На стѣнахъ у нея выглядывали изъ золо-

тыхъ рамъ кое-какія хорошія гравюры, на столахъ и комодахъ разставлены были инныя цѣнныя *bibelots*, полученныя ею въ даръ въ пору пребыванія ея въ Петербургѣ у тетки, графини Лажницкой, или поднесенныя ей недавно „Ротшильдомъ de l'endroit“, какъ выразался ея отецъ, Провомъ Ефремовичемъ Сусальцевымъ. Она теперь одна жила въ мезонинѣ — жила особнякомъ, выходя изъ своей комнаты лишь для прогулокъ и изрѣдка въ обѣду внизъ (ей „претила“ грубая кухня деревенской кухарки, и она по цѣлымъ недѣлямъ иной разъ питалась шоколатомъ, конфетами и страсбургскими пирогами изъ дичи и *foie gras*, которые привозилъ ей вмѣстѣ съ мас-сой новѣйшихъ французскихъ романовъ, буквально поглощавшихся ею за одинъ присѣсть, все тотъ же очарованный ею Сусальцевъ). Къ отцу заходила она разъ въ день, по утрамъ, „когда“, по выраженію ея, „онъ былъ еще возможенъ“, здоровствовалась съ нимъ, обмѣнивалась двумя, тремя словами (онъ самъ какъ бы смущался ея присутствіемъ, ежился и помалчивалъ,) и величественно удалялась въ свой „апартаментъ“, гдѣ проводила цѣлые дни за чтеніемъ Габоріо, Зола e tutti quanti, и куда, кромѣ Сусальцева, котораго принимала она здѣсь „въ видѣ особой милости“, имѣла доступъ лишь *Варюшка*, дочь Мавры, нѣмая, но шустрая дѣвчонка лѣтъ четырнадцати, специально забранная ею себѣ въ горничныя, и которую она весьма скоро отлично умѣла выдрессировать на эту должность.

„Непрезентабельнаго“ брата, въ его „дохмотяхъ и грязи“, она, само собою, не сочла нужнымъ допустить въ это свое *sanctum sanctorum*, и повела его прямо въ отдаленнѣйшую отъ своей, выходящую на дворъ, бывшую Настину комнату. Мебель здѣсь состояла изъ какого-то криваго стула, двухъ стульевъ и стараго дивана съ вытѣзавшею изъ-подъ прорван-ной покрывки его мочалой.

Молодой человекъ такъ и повалился на этотъ диванъ, раскинувъ руки и упираясь затылкомъ въ его деревянную спинку.

— Ну же и усталъ я! проговорилъ онъ, усиленно дыша и съ судорожнымъ подергиваніемъ лицевыхъ мускуловъ.

Онъ скинулъ фуражку; длинные, бѣловурные волосы его,

влажные и спутанные, рассыпались жидкими косицами по плечамъ... Была пора, еще недавно—это былъ цвѣтущій красивый юноша, но цѣлый вѣкъ темныхъ дѣяній и смертельныхъ тревогъ успѣлъ пройти для него съ той поры...

Что-то похожее на жалость промелькнуло на ледяномъ лицѣ безмолвно взиравшей на него сестры:

— Я тебѣ сейчасъ Настю пошлю, сказала она и вышла изъ комнаты.

Онъ долго сидѣлъ такъ, порывисто и тяжело дыша, съ раскинутыми руками и ощущеніемъ глубокаго физическаго изнеможения. Онъ словно теперь только, достигнувъ „убѣжища“, сознавалъ, до какой степени доходила его усталость... „Вздумайся имъ арестовать меня теперь, я бы, кажется, и пальцемъ пошевелить не могъ“, пробѣгало у него въ головѣ.

Но за этою мыслью пронеслась другая. Онъ привсталъ, приподнялъ свой подрясникъ и вытащилъ изъ-подъ него два, подвязанные къ перекрещивавшимся у него черезъ плечи бичевкамъ, довольно объемистые холщевые мѣшка съ какими-то повидимому бумагами или книгами.

„Куда бы припрятать это покажѣсть?“ думалъ онъ, окидывая взглядомъ кругомъ себя.

Гуль быстро подымавшихся по лѣстницѣ ступеней донесся до его слуха... Онъ первымъ побужденіемъ готовъ былъ подкинуть мѣшки подъ диванъ, но тутъ же пріостановился:

— Это Настя!...

Это была дѣйствительно она, запыхавшаяся, съ тревожнымъ волненіемъ въ чертахъ, въ выраженіи широко раскрытыхъ глазъ...

— Володя! чрезъ силу воскликнула она, переступая черезъ порогъ комнаты и не чувствуя себя въ силахъ произнести другаго слова.

Она быстро направилась къ нему, протягивая на-ходу руку... Ее подмывало кинуться ему на шею, прижаться головой къ его груди... Но она знала: онъ не любилъ „нѣжничанья“.

Онъ и точно удовольствовался короткимъ, товарищескимъ пожатіемъ этой сестриной руки и спокойно проговорилъ:

„Здравствуй, не ожидала?“ Но по блеснувшей на миг искрѣ подь его вѣками она поняла, что онъ былъ радъ ее видѣть, радъ въ самой глубинѣ своего существа.

Она, удержавъ руку его въ своей и сжимая ее бессознательнымъ движеніемъ, тихо опустилась на диванъ подлѣ него.

— Чтѣ? выговорила она только шопотомъ, неотступно глядя ему въ лицо.

— Чтѣ! повторилъ онъ дрогнувшимъ вдругъ отъ злости голосомъ, воззрясь въ свою очередь въ ея коричневыя глаза:—по всей Россіи какъ зайцевъ пошли ловить...

— Но ты...

— Я?... былъ, да весь вышелъ.

— Это чтѣ же? не поняла она.

— Очень просто: взяли, да уйти успѣлъ.

Она похолодѣла вся, выпустила его пальцы:

— Ахъ, Волода!...

Онъ чуть не сердито дернулъ плечомъ:

— Ты чтѣ же думала, будутъ они вѣкъ съ нами въ жмурки играть? Глупы они, глупы, а все же и у нихъ самолюбіе когда-нибудь должно заговорить...

Онъ машинально поднялся съ мѣста, по давней привычкѣ толковать „о серьезныхъ предметахъ“, рассказывая по комнатамъ, но тутъ же сѣлъ опять; ноги его дрожали и подвешивались.

Сердце сжалось у сестры его:

— Какъ ты утомился, Волода, тебѣ бы лечь, уснуть...

— Теперь не заснешь пожалуй отъ самой усталости этой...

А поѣсть чего-нибудь да выпить, я бы съ удовольствіемъ... Съ утра ни маковой росинки...

Она вскочила:

— Ахъ, а я и не подумаю!... Сейчасъ!... У насъ сегодня баранина была, осталась... Выпить тебѣ чего же, квасу хочешь?

— А посущественнѣе не дашь? усмѣхнулся онъ:—для него вѣдь держишь, чай?...

— Ты ужъ успѣлъ привыкнуть! вырвалось у нея со вздохомъ:—хорошо, я принесу...

Въ дверяхъ въ эту минуту показалась Антонина съ папирсой во рту:

— Ну, а въ чистый видъ не полагаешь ты его привести ужъ встати? брезгливо кивая на Володю, спросила она сестру.

— У тебя тутъ въ комнатѣ умывальникъ, вода... Могла бы сама предложить! съ сердцемъ возразила Настя, поспѣшно выходя за дверь.

— Пожалуй!... Пошли мнѣ снизу Варюшу, я велю подать ему.

Братъ повелъ на нее недобрый взглядомъ. Губы его шевельнулись съ очевиднымъ намѣреніемъ „оборвать“ ее. Но онъ сдержался и проговорилъ обрывисто:

— Дай папиросу, — двое сутокъ не курилъ.

Она молча подошла къ дивану, высыпала на него всѣ папиросы изъ своего портсигара, поморщилась еще разъ съ видимымъ отвращеніемъ на лохмотья брата и все такъ же безмолвно и величественно повернулась и ушла къ себѣ.

VI.

La fiammo d'esto incendio non m'assale.
Dante. *Inferno*.

Она пришла онять чрезъ часъ времени. Ее весьма мало озабочивала судьба брата,—она давно разумѣла его какъ „tête fêlée“ и „неудачника“, которому „ничего въ жизни и не оставалось дѣлать, какъ гибнуть вмѣстѣ съ такими же, какъ самъ онъ, *шутами*“; но приключенія его могли, „должны“ были быть любопытны. Эти переодѣванія, скитальчества, бѣгства—„тотъ же Габорио“, говорила она себѣ... И пришла *слушать*, какъ ѣздила въ Петербургъ на литературныя чтенія, устраиваемыя извѣстными господами въ пользу какой-нибудь отставной *гарибалдійки*“ (sic) или „студентовъ, не имѣющихъ возможности кончить курса въ университетѣ *по независящимъ отъ нихъ обстоятельствамъ*“.

Володя,—мы будемъ продолжать называть его такъ,—умытый, въ статскомъ платьѣ (Настасья Дмитріевна добыла ему жакетку, брюки и сорочку изъ оставленныхъ имъ дома бѣлыя и одежды) и сытый, сидѣлъ на своемъ диванѣ, рядомъ съ младшею сестрой и затягивался всласть оставленными ему *Тоней* папиросами, закуривая ихъ одну вслѣдъ за другой о пламя стоявшей на столѣ одинокой стеариновой свѣчи въ позеленѣломъ мѣдномъ шандалѣ. Онъ какъ бы просвѣтлѣлъ весь лицомъ и духомъ, облекшись въ это свѣжее бѣлье, насытивъ голодъ и подерѣпивъ силы двумя большими рюмками *очищенной*. Какое-то на мигъ затишье слетѣло ему въ душу, а съ нимъ и иное что-то прежнее, лучшее...

Онъ уговаривался съ Настей „объ отцѣ“, когда Тоня вошла въ комнату: ему хотѣлось видѣть „несчастнаго“, но онъ и боялся этого,—онъ зналъ, что окончательный ударъ старику былъ нанесенъ имъ, Володей, его исчезновеніемъ изъ-подъ родительскаго крова, для цѣлей, которыхъ самъ онъ не скрылъ отъ отца. Старикъ, дѣйствительно, лишился ногъ въ тотъ самый день, полтора года назадъ, когда Володя подъ какимъ-то предлогомъ уѣхалъ на крестьянскихъ дровняхъ въ ближайшій уѣздный городъ и прислалъ ему оттуда письмо („и къ чему я это сдѣлалъ тогда? лучше было бы просто ничего не писать, пусть бы думалъ, что я въ Москву уѣхалъ попытаться что-ли опять въ университетъ поступить“, говорилъ теперь сестрѣ молодой человекъ, покусывая губы), письмо, въ которомъ говорилъ отцу, что онъ идетъ, что онъ „обязанъ итти въ народъ, помочь избавиться ему отъ тираниіи правительства и господъ“...

— Чтò же бы ты теперь могъ сказать ему? тоскливо и тихо говорила въ свою очередь Настасья Дмитриевна:—вѣдь ты не отказался отъ своихъ убѣжденій?

— Конечно, нѣтъ! отвѣтилъ онъ съ какимъ-то намѣреннымъ жаромъ, взглянувъ искоса на подошедшую къ нимъ старшую сестру.

— Такъ чтобы хуже ему послѣ этого свиданія не сдѣлалось, Володя! Вѣдь онъ непремѣнно началъ бы говорить съ тобою объ этомъ,—это его *idée fixe*, главное, чтò его гложетъ... Онъ еще сегодня: „*Mon fils*“, говорить, „*un Bуйносовъ, ennemi de son souverain et de sa caste*“...

Володя слушалъ ее, раздумчиво повачивая головой.

— Феодалъ, молвилъ онъ какъ бы про себя,—наивный, убѣжденный феодалъ! Онъ и между своими-то ископаемое какое-то... Сравнительно съ остальною *консервативною* слякотью нѣкотораго съ этой стороны даже уваженія достоинъ.

— Отъ *vous* это „уваженія“? презрительно отчеканила Тоня, скидывая ногтемъ мизинца пепель съ папироски.

Онъ не удостоилъ ее отвѣтомъ.

Она протянула руку къ столу, на которомъ лежали теперь его мѣшки съ бумагами:

— Что́ это́ ты съ собою притащилъ: прокламаціи?

— Оставь, пожалуйста! крикнулъ онъ, схватывая ихъ и закидывая себѣ за спину.

Настало общее молчаніе.

— Что́, ты будешь, или нѣтъ, рассказывать свои *aventures*? заговорила она первая:—я для этого пришла сюда.

— И съ этимъ можешь отправляться восвояси, отрѣзалъ онъ:—никакими моими „*aventures*“ потѣшать я тебя не на-мѣренъ.

— И не нужно! *Le petit chose* Доде, по правдѣ сказать, гораздо интереснѣе того, что́ ты можешь рассказать... *Вопсоіг, la compagne!* заключила она театрално-комическимъ поклономъ и удалилась.

— И что́ это она изъ себя изображаетъ? злобно, едва исчезла она за дверью, спросилъ Володя Настасью Дмитриевну.

Та пожала плечомъ.

— Какъ всегда: презрѣніе ко всему, что́ на нее не похоже.

— А у самой-то что́ въ головѣ? вскрикнулъ пылко молодой человѣкъ.

— Собственная персона и деньги.

— Которыхъ нѣтъ, хихивнулъ онъ.

— Но будутъ, и большія.

Онъ взглянулъ на нее вопросительно.

— Откуда?

— Про Сусальцева слышалъ?

— Это который Пастуновское Сицкое купилъ...

— И котораго мы состоимъ должниками;—онъ самый.

— Ну, такъ что́ же?

— Она положила выйти за него замужъ.

— Такъ мало-ли что́!..

— Нѣтъ, это у нихъ дня три какъ порѣшено.

— Что́ ты!

— Я тебѣ говорю.

— А онъ знаетъ? спросилъ помолчавъ Володя:—вѣдь это *отять* ему ударъ будетъ: „дочь-моль моя, Буйносова, за ар-

шинника, за пейзажа“, примолвилъ онъ, явно насилуя себя на иронию.

— Я ему не говорила и не скажу, поспѣшила сказать дѣвушка.

— А сама придетъ ему объявить—и того хуже, замѣтилъ онъ, морщась.

Настасья Дмитриевна взглянула на брата влажными глазами.

— Подождала бы хоть... Ему не долго, по словамъ доктора...

На мигъ настало опять молчаніе.

— Когда я ушла отъ него, онъ засыпалъ, начала она опять:—я ему дала хлоралу, онъ сегодня принялъ безъ отговорокъ. Если тебѣ хочется *видѣть* его, Володя, я тебя проведу потомъ къ нему, когда онъ будетъ крѣпко спать...

Но мысли брата ея были уже далеко отъ предмета ихъ разговора. Онъ, вставъ съ дивана, шагаль теперь вдоль комнаты, опустивъ голову, и лицо его, казалось ей, становилось все мрачнѣе каждый разъ, когда онъ изъ темнаго угла выступалъ опять въ кругъ свѣта, падавшаго отъ свѣчи, стоявшей на столѣ... Собственная ея мысль съ новою тревогой словно побѣждала за нимъ.

— Володя! тихо проговорила она.

— Чтѣ?

Онъ остановился.

— Какъ же ты...

Она не имѣла духа досказать вопросъ свой.

Но онъ понялъ.

— Да вотъ какъ видишь, молвилъ онъ, силясь усмѣхнуться,—гдѣ день, гдѣ ночь, съ сѣвера на югъ, съ запада на востокъ... Россію-матушку вдоль и поперекъ исходилъ, всякія ремесла и коммерціи проишодилъ: во Псковской губерніи кузнечилъ, въ Саратовской наборщикомъ былъ, въ Кіевѣ въ Лаврѣ богомолкамъ финифтяные образки продавалъ... Да и мало-ли! махнулъ онъ рукой, не договоривъ и принимаясь опять съ нервнымъ подрагиваніемъ плечъ шагать по комнате.

— Гдѣ же, вся холодѣя, спросила она, — гдѣ же тебя... взяли?

Онъ остановился опять и заговорилъ, — заговорилъ со внезапнымъ оживленіемъ, какъ бы ухватываясь инстинктивно за случай *выговориться*, „выложить душу“, предъ этою сестрой, единственнымъ существомъ, нѣжность котораго была ему обезпечена въ этомъ мірѣ.

— Подъ Нижнимъ, въ деревнѣ Мельниковѣ... Три дня сидѣлъ я тамъ въ кабацѣ, мужиковъ поилъ водкой, объяснялъ имъ, что пора скинуть имъ петлю, все туже съ каждымъ днемъ затягивающуюся кругомъ ихъ шеи, пора отказаться отъ податей, питающихъ правительственный деспотизмъ, пора наконецъ отнять у дворянъ и эксплуататоровъ землю, обрабатываемую мозолистыми руками обнищалаго народа... Объяснялъ, разумѣется, счель нужнымъ прибавить Володя въ отвѣтъ недоумѣло-вопрошавшему взору сестры, — объяснялъ понятнымъ, мужицкимъ ихъ языкомъ...

— И чтѣ же? спросила она.

— Поддакивали, горько жаловались въ свою очередь на „тяготу“, на безземеліе, на полицію, — и пили, жестоко пили, благо подчивалъ я не щадя... Вель я все къ тому, чтобъ они міромъ положили податей не платить и требовать прирѣзки отъ помѣщичьей земли...

— И согласны они были?

— Гадѣли во всѣ голоса, — а ихъ тутъ чуть не вся деревня собралась, — одобряли: „не знаешь-моль, какъ тебя звать, а только спасибо тебѣ, что насъ, темныхъ люлей, уму-разуму учишь, и безпремѣнно мы такъ, значитъ, міромъ всѣмъ положимъ... Что-жъ моль дармо платить-то!.. И насчетъ земли все это ты по истинѣ говоришь“...

— Чѣмъ же кончилось?

Саркастическая усмѣшка, словно помимо воли разскащика, пробѣжала по его губамъ:

— Сидѣлъ, говорю, я съ ними тутъ три дня. Голова отъ дурмана разлетѣться готова, а въ карманѣ ни гроша ужъ не осталось. „Ну, говорю, ребята, надо какой-нибудь конецъ сдѣлать, а то чтѣ же такъ попусту намъ съ вами въ кабацѣ язы-

комъ ворочать; сходку собрать надо, говорю, теперь, порѣшить настоящимъ манеромъ, а то у меня и денегъ-то больше нѣту поить васъ“!.. „Нѣ-ѣ-ту“? протянули кругомъ. И за этимъ словомъ вся эта пьяная арава такъ и навалилась на меня: „Ребята, къ становому его“!.. И ответи.

Настасья Дмитриевна будто предвидѣла это заключеніе и только головой повела.

— Дальше чтò же?

— Становой, какъ слѣдуетъ, въ „темную“ посадить велѣлъ, а становиха, сочувствующая намъ личность, уловчилась выпустить меня, — самъ-то онъ благо уѣхалъ въ другой конецъ уѣзда, гдѣ тоже одинъ изъ нашихъ орудовалъ; снабдила меня вотъ тѣмъ подрясникомъ, въ которомъ ты меня видѣла, — братъ у нея тутъ случился, послушникъ изъ Бабаевской пустыни, — и пять рублей на дорогу дала... Разлюбезная особа, усмѣхнулся Володя: — денегъ мнѣ ея до самой Москвы хватило, на пароходѣ до Твери, а оттуда на товарномъ поѣздѣ...

— А изъ Москвы какъ же ты?...

— Какъ видѣла, пѣшандрасомъ пятый день марширую...

— И какъ же? дрогнулъ голосъ у спрашивавшей: — кормиться вѣдь чѣмъ-нибудь нужно было...

— Гроши!... Въ иномъ мѣстѣ даромъ кормили изъ-за этого самага монашескаго подрясника... Да и перехватилъ къ тому же малую толику въ Москвѣ, у одного тамъ нашего, *легальнаго*.

— Долго оставался ты въ Москвѣ?

— Утромъ пріѣхалъ, къ ночи ушелъ.

— Развѣ негдѣ было тебѣ остановиться?...

— Ненадежно... Общая травля пошла, забираютъ одного за другимъ... Ловкій прокуроръ завелся у нихъ... Ну, и жандармерію подтанули, какъ видно... Весь клубокъ до конца размотаютъ, злобно пропустилъ онъ сквозь зубы.

Наступило молчаніе. Сестра съ поблѣднѣвшими губами, вся выпрямившись на диванѣ, слѣдила за нимъ глазами. И кто скажетъ, какою мукой исполнены были теперь голова ея и сердце! „Изъ-за чего, изъ-за чего обрекъ онъ себя на гибель!“ стояло гвоздемъ въ ея помыслѣ.

— И у другихъ... та же неудача? пролепетала она.

Онъ вопросительно взглянулъ на нее...

— Народъ пропагандѣ вашей не сочувствуетъ? пояснила она.

Онъ только вивнулъ, закусивъ губу.

— Такъ что же тогда, Володя!...

Темною тучей обернулось на нее лицо брата.

— Наше дѣло правое, мы должны были итти—и пошли! промолвилъ онъ съ горячимъ взрывомъ, какъ бы оправдывая себя не только въ ея, но и въ собственныхъ глазахъ.

Она почуяла этотъ отгѣнокъ въ его выраженіи:

— Правое-ли, Володя, подумай! воскликнула она, безсознательно заламывая руки: — правое-ли, когда тѣ, для кого приносите вы себя въ жертву, не признаютъ, не принимаютъ васъ и выдаютъ врагу!...

— Все равно! возразилъ онъ нетерпѣливо: — вѣбовое рабство отняло у этихъ людей всякое сознание ихъ гражданскихъ правъ: нашъ долгъ пробудить ихъ! Мы должны были итти, и пошли... и будемъ дѣйствовать, пока послѣдняго изъ насъ не забрали! повторялъ онъ съ лихорадочно прерывавшимся голосомъ и путаясь ногами на ходу; — революцію можно называть въ Россіи только въ *настоящее время*, — понимаешь? *Теперь*, или очень не скоро... быть можетъ, *никогда!* подчеркивалъ онъ: — *теперь* обстоятельства за насъ; чрезъ десять, двадцать лѣтъ они будутъ противъ насъ... Понимаешь ты это... понимаешь?

Она уныло забачала головой:

— Нѣтъ, Володя, не понимаю... То, что я вижу вокругъ себя, то, съ *чѣмъ* самъ ты вернулся теперь, все это, напротивъ...

Онъ махнулъ нетерпѣливо рукой, прерывая ее:

— Да, ты не понимаешь! Такъ слушай...

Онъ продолжалъ, какъ бы отчитывая выученный урокъ:

— Каждый день, каждый часъ, отдѣляющій насъ отъ революціи, стѣдитъ народу тысячи жертвъ и уменьшаетъ шансы на успѣхъ переворота... Это очень просто, пояснилъ онъ: — пока, теперь то-есть, самый сильный и могущественный врагъ, съ которымъ приходится намъ бороться, — это правительство,

Но врагъ этотъ стоитъ совершенно изолированный; между нимъ и народомъ не существуетъ еще никакой посредствующей силы, которая могла бы помочь врагу остановить и удержать народное движеніе, разъ бы оно началось. Дворянство сокрушено самимъ правительствомъ; *tiers état* еще не успѣло выработаться... Но пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и условія эти измѣнятся. Уже теперь существуютъ въ зародышѣ все условія для образованія у насъ, съ одной стороны, весьма сильнаго консервативнаго элемента крестьянъ-собственниковъ, съ другой—капиталистской, торговой и промышленной, консервативной же буржуазии. А чѣмъ сильнѣе будетъ это образовываться и укрѣпляться, тѣмъ возможность насильственнаго переворота станетъ болѣе проблематическою... Говори же, должны-ли мы были, или нѣтъ, идти въ народъ съ революціонною пропагандой именно въ настоящій моментъ, когда намъ благоприятствуютъ общественныя условія?...

— Да, медленно и тихо проговорила она,—вы и пошли, и чего же достигли?... Вѣдь дѣло ваше оказывается та же сказка про синицу, которая похвалялась, что море зажжетъ...

Онъ не ожидалъ этихъ словъ, этого обиднаго сравненія; изможденные щеки его покрылись мгновеннымъ румянцемъ, глаза свергнули.

— Давно-ли ты стала плевать на наши убѣжденія? крикнулъ онъ язвительно, завидывая назадъ свои длинные волосы машинальнымъ движеніемъ руки.

Но она не смутилась; она рѣшилась высказать ему *все*:

— Къ чему ты говоришь это, Володя? Вопросъ не въ „нашихъ убѣжденіяхъ“, а въ томъ пути, который вы избрали, чтобы помочь народу. Путь этотъ не вѣренъ, вы должны это видѣть теперь... То, что ты мнѣ сейчасъ проповѣдывалъ, вы вычитали у вашихъ женевскихъ вожаковъ: вы могли обольщаться ихъ теоріями, пока *пропаганда* была еще у васъ только въ намѣреніи... Но теперь, теперь, когда вы испытали на дѣлѣ такое ужасное разочарованіе... Ты упорствуешь, ты хочешь доказать мнѣ и себѣ самому, что вы были правы... Но я тебѣ не вѣрю, ты не можешь этого серьезно думать!... Я не умнѣе тебя, но я предчувствовала, и съ каждымъ днемъ

становилось для меня яснѣе, что ничего, кромѣ того, съ чѣмъ ты вернулся теперь домой, не можеть ожидать ваше *дѣло*.

— Откуда же этотъ даръ пророческаго предвидѣнія? спросилъ онъ съ неудачнымъ намѣреніемъ глумленія, затагиваясь во всю грудь и пуская дымъ въ потолоку, чтобы избѣгнуть невольно тревожившаго его блеска устремленныхъ на него зрачковъ ея.

— Оттого, пылко выговорила она, — что я хочу правдѣ прямо въ глаза смотрѣть, а не тѣшиться обманомъ, какъ бы любъ онъ для меня ни былъ... Народу не нужна ваша пропаганда, онъ ея не хочетъ!... Онъ совсѣмъ не то, что мы думали... Мы съ тобою въ Москвѣ читали Лассала, изучали вопросъ о пролетариатѣ. Но нашъ крестьянскій міръ, народъ, это совсѣмъ не то. Я теперь третій годъ вожусь съ крестьянами, бываю въ ихъ избахъ, лѣчу ихъ; я приглядѣлась къ нимъ, прислушалась, поняла... То, что ему нужно, этому народу, вы никогда не будете въ состояніи дать ему! Вы все на экономической почвѣ думаете строить, а у него въ мозгу и въ сердцѣ два крѣпкія слова засѣли, которыхъ топоромъ у него не вырубить: *Богъ на небѣ* и *Царь на землѣ*. И не вѣрять онъ вамъ потому, что чуетъ въ васъ враговъ этихъ своихъ завѣтныхъ понятій.

— Да, силясь усмѣхнуться, возразилъ ей братъ,—пока не успѣли насчетъ сего научить его уму-разуму.

Она пожала плечами.

— Нѣтъ! Народъ нашъ гораздо умнѣе, гораздо проницательнѣе, чѣмъ мы это себѣ представляли, Володя... Онъ свою *правду*, ту правду, которую мы признать не хотимъ, держитъ неколебимо въ головѣ... Вспомни, наприимѣръ, хоть исторію Герцена съ раскольниками, у которыхъ онъ думалъ найти ядро для революціи въ Россіи, и какъ онъ удивленъ былъ, что эти же раскольники, преслѣдуемые правительствомъ, оказались,—я еще недавно перечеа рассказъ объ этомъ у Кельсіева,—самыми вѣрными подданными Царя...

Володя перебилъ ее гнѣвнымъ возраженіемъ:

— Кельсіевъ, развѣ это авторитетъ! Онъ предатель былъ и шпіонъ.

— Ахъ, опять эти слова! воскликнула Настасья Дмитриевна возмущеннымъ голосомъ,—шпіонтъ, предатель!.. А если это неправда, если онъ дѣйствительно, вотъ какъ я теперь, мучительно, но неизбежно пришелъ... долженъ былъ притти къ этому разочарованію во всемъ, чему предъ этимъ вѣрилъ!.. Вѣдь и я, значить, по-твоему, тоже предательница, потому что не вѣрю больше въ революцію, не вѣрю тому, о чемъ мы съ тобой такъ пламенно мечтали, думая, что это такъ необходимо и такъ легко должно осуществиться... Но не могу же я вдругъ обратиться въ слѣпую и глухую, когда то, что я вижу кругомъ, говоритъ мнѣ съ каждымъ днемъ все сильнѣе, что эти мечтанія наши—ложь была одна и призракъ, что ты... что всѣ вы губите себя напрасно, и мало того, что губите себя, совершаете еще величайшее преступленіе предъ тѣмъ же народомъ, во имя котораго вы будто бы дѣйствуете...

— Преступленіе! растерянно повторилъ Володя.

Страстная убѣжденность сестриной рѣчи понимала его насвобозъ; она забирала его теперь за самые корни тѣхъ мучительныхъ сомнѣній, которыя не разъ охватывали его душу въ продолженіе его революціонной эпопеи и противъ которыхъ каждый разъ ратовала его воля съ тою же энергіей, съ какою выступали древніе отшельники на борьбу съ соблазнами искушавшаго ихъ духа тьмы.

— Да, преступленіе—и худшее изъ всѣхъ! подтвердила она съ какою-то неженскою силой выраженія:—вы подъ именемъ свободы хотите навязать ему деспотизмъ, въ тысячу разъ ненавистнѣйшій, чѣмъ тотъ, отъ котораго вызываетесь избавить его; вы насиловать совѣсть его хотите, снести съ лица земли то, что искони ему дорого и свято—и замѣнить это... *Чѣмъ замѣнить?* воскликнула она зазвенѣвшимъ вдругъ какою-то безнадежною голосомъ,—что могли бы дать мы, ты подумай, этому народу вмѣсто боговъ, которымъ молится онъ до сихъ поръ?... Вѣдь у всѣхъ у васъ идеала никакого нѣтъ, кромѣ все той же революціи, во что бы ни стало!... Развѣ этимъ можетъ быть *живъ* человекъ народа, выросшій на иныхъ...

Братъ перебилъ ее еще разъ (онъ видимо хватался за послѣдній аргументъ свой):

— Мы ничего не намѣрены „навязывать“; мы стремимся уничтожить тотъ старый, сгнившій до тла сословный и правительственный строй, который препятствуетъ свободному проявленію народной воли,—мы анархіи хотимъ!..

— Анархіи, да, знаю... Ну, хорошо! а тамъ что?

— Тамъ; молвиль онъ, качнувъ головой снизу вверхъ,— тамъ сама жизнь покажетъ, что нужно будетъ дѣлать *).

— А хочешь, я тебѣ скажу, чѣмъ бы выразилась эта народная воля, если бы вы какъ-нибудь, помимо ея, успѣли разнести „старый правительственный строй“ и замѣнить его вашею анархіей? Онъ, народъ, призвалъ бы того же Царя, противъ котораго вы идете, и чѣмъ безопаснѣе сталъ бы управляться Царь съ вами, „бунтовщиками“, тѣмъ выше поднялся бы онъ въ его глазахъ... Дико это, невѣжественно,— какъ хочешь разсуждай,—но для меня это такъ же неопровержимо теперь, какъ то, что предо мною эта свѣча горитъ!..

Молодой революціонеръ прыгнулъ съ мѣста, словно ужаленный.

— Такъ что же изъ словъ твоихъ вывести слѣдуетъ? что мы не только не нужны, но еще и вредны тому самому, скованному по рукамъ и ногамъ, русскому человѣчеству, мужику и рабочему, на освобожденіе котораго обрели мы свою жизнь,—что мы же, мы—злѣдѣи его и губители?..

— Не нужны ему и вредны для самихъ себя, да, молвила Настасья Дмитріевна, усиленно переводя дыханіе;—я чувствую, какъ это тяжело тебѣ слышать отъ меня, чувствую по той мучительной внутренней работѣ, чрезъ которую сама я прошла, пока дошла до того, что ты теперь отъ меня слышишь... Вѣдь и мнѣ досталось это не легко, Володя, не легко было мнѣ отказаться отъ того, на чемъ воспитали мы себя съ тобою съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ стали самостоятельно думать... Когда ты рѣшилъ итти тогда, полтора года назадъ, послѣ этого письма къ тебѣ отъ *Волка*, я уже прозрѣвала нашу фальшь, чуяла ошибку, но ничего не сказала тебѣ, не останавливала,— я еще не довѣряла вполне своимъ впечатлѣніямъ... Ты для

*) Извѣстная теорія Бакунина.

меня, ты знаешь, былъ до сихъ поръ самое близкое существо на свѣтѣ,—но ты знаешь тоже, что я сумѣла бы пожертвовать всѣмъ, начиная съ себя самой, тому, что для меня истина; я духомъ не робка и не слабонервна. Я понимала хорошо, на какую опасную игру ты шелъ тогда, и не отговаривала тебя ни единымъ словомъ потому, что ваше—*наше* еще тогда для меня—дѣло казалось еще мнѣ великимъ и необходимымъ... Если-бъ я продолжала въ него вѣрить, я, не моргнувъ глазомъ, приняла бы вѣсть о ссылкѣ твоей въ Сибирь; я видѣла бы въ тебѣ мученика святой идеи, которой поклонялась всю жизнь... Но теперь, когда ты самъ на себѣ испыталъ весь этотъ обманъ, я не могу, я должна тебѣ все выговорить. Безсмысленно идти на каторгу и унести съ собою за это въ награду презрѣнiе и проклятiе того самаго народа, который ты воображалъ себѣ облагодѣтельствовать... И ты самъ это чувствуешь, самъ понимаешь, Волода! горячо вскрикнула дѣвушка,—не можешь не понимать...

Она замолела мгновенно, пораженная видомъ мучительнаго страданiя, которое прочла теперь на его лицѣ. Онъ былъ блѣденъ какъ полотно, губы его дрожали...

— Къ чему ты это мнѣ говоришь!... забормоталъ онъ прерывавшимся голосомъ:—если-бъ я и въ самомъ дѣлѣ... къ чему говорить!... Итти мнѣ назадъ — развѣ это возможно? Отвзаться... отъ революцiи значитъ не жить болѣе... Вѣдь это—ты вѣрно сказала,—одно, одно, что у насъ есть!...

Она трепетно и безмовно прислушивалась къ его словамъ, опустивъ глаза, чтобы не смущать его ихъ выраженiемъ, чтобы дать ему полную волю выговорить все, что лежало у него на днѣ души и неудержимо, чуяла она, просилось теперь наружу.

Онъ запалъ еще разъ по комнатѣ, сожмуривая вѣки какъ бы отъ какой-то внезапной физической боли.

— У насъ нѣтъ другихъ идеаловъ... задачъ другихъ нѣтъ, говорилъ онъ все такъ же обрывисто и глухо, — ни этого дѣла мы... мы ни на что не годны, да!.. Вѣдь на этомъ, пойми ты, на этой абсолютной идеѣ революцiи успѣло воспитаться уже цѣлое поколѣнiе молодежи... поколѣнiе, воспрiявшее съ

дѣтства одни лишь чувства отрицанія и ненависти ко всему существующему строю...

Онъ вдругъ оборвалъ, подошелъ къ сестрѣ и заговорилъ мгновенно измѣнившимся, почти ласковымъ голосомъ:

— Скажи сама: ну что-бъ я сталъ дѣлать, переставъ быть революціонеромъ? Куда бы ты опредѣлила меня: въ сторожа, въ солдаты, въ надсмотрщики по акцизу?..

— Ахъ, Володя, неодолимо сказалося ею, — все лучше, чѣмъ твоя жизнь!..

Онъ горько усмѣхнулся.

— Но вѣдь для иной нужно то, чего у меня нѣтъ. Я ничему серьезно не учился, ни къ чему не приготовленъ... Да и не выражешься въ другія оглобли. Когда мысль какъ по рельсамъ привыкла въ теченіе цѣлыхъ годовъ бѣжать все по одному и тому же направленію, не заставишь ты ее съ бухты-баракты повернуть въ другую сторону и начать на изнанку то, надъ чѣмъ изодрала она себя цѣлые годы... Ты женщина: у васъ эти переходы какъ-то легче и естественнѣе совершаются... Искреннѣе-ли вы, или беззащитнѣе, не знаю... Но я...

Онъ вдругъ словно что-то вспомнилъ, вздрогнулъ, — и проговорилъ мрачно и вѣско: — Понимаешь-ли ты, чѣмъ пахнутъ эти слова: „рenegатъ“ и „предатель!“... Ты говоришь: „разочарованіе“; положимъ, я могу видѣть... Но до этого никому нѣтъ дѣла, я *долженъ* итти, подчеркнулъ онъ, — итти до конца...

— Куда: въ тюрьму, въ Сибирь?..

— Въ тюрьму, въ Сибирь, какъ бы безсознательно повторилъ онъ, встрахнувъ головой, и добавилъ съ насилуванною веселостью: — у насъ, извѣстно, изъ Сибири прямая дорога — въ Женеву.

— А тамъ что: нищета, праздность, толченіе воды...

— Пошлютъ сюда опять, сказалъ онъ на это.

— И ты снова... не договорила она.

— Снова! кивнулъ онъ утвердительно.

— Вѣдь это безуміе, безуміе! могла только выговорить она. Недобрымъ блескомъ свернули глаза брата въ отвѣтъ ей.

Духъ тьмы успѣлъ уже вполне восторжествовать теперь надъ колебаніемъ его на мигъ смутившейся воли.

— Каждое положеніе въ жизни, заговорилъ онъ наставительнымъ тономъ,—влечетъ неизбежно за собою извѣстныя, истекающія изъ самой сути его послѣдствія въ ту или другую сторону. Медивъ можетъ заразиться въ своемъ госпиталѣ и умереть въ три дня отъ злокачественной жабы, но за то можетъ прославиться; солдату въ сраженіи предстоитъ или пуля въ лобъ, или Георгіевскій крестъ за отбитое знамя... Мы—тѣ же воины революціи, и шансы въ той же мѣрѣ у насъ: Нерчинскіе рудники, или перевернуть Россію и стать надъ нею главами... Кто же, скажи, изъ насъ, изъ проклинающей съ дѣтства весь существующій порядокъ молодежи,—а имя ей легионъ,—откажется отъ этой игры?

— Вы проиграли ее, о чемъ же говорить еще! горячо возразила дѣвушка.

Онъ засмѣялся короткимъ, презрительнымъ смѣхомъ:

— Наше дѣло—та же тысячеглавая гидра древнихъ; оно бессмертно. Снесешь одну голову,—на мѣсто ея наростають тутъ же три другія. Мы разбиты сегодня,—завтра мы воспрянемъ съ новыми, свѣжими силами на борьбу, на побѣду!...

— На побѣду! повторила она съ болѣзненнымъ звукомъ въ голосѣ.

— Да, сказалъ онъ, кривя губы,—ея по-твоему быть не можетъ, потому, что народъ не свободы, а все того же своего Царя-де хочетъ?

Она только головой повела...

Онъ подошелъ къ ней, низко наклонился, — лицо его вдругъ стало какимъ-то зеленовато-блѣднымъ,—и онъ прощѣдилъ медленно и чуть слышно:

— Ну, а что, если мы его подыместъ не *противъ* Царя, а *изъ-за* Царя?

Она не поняла, но вздрогнула вся разомъ внезапнымъ лихорадочнымъ ознобомъ и широко раскрытыми зрачками вперилась испуганно въ это позеленѣвшее братнино лицо...

Но онъ быстро откинулся отъ нея, отошелъ... И въ то же время догорѣвшая до конца свѣча въ шандалѣ вспыхнула въ послѣдній разъ и потухла. Настасья Дмитриевна вскочила на ноги и запаталась... Ей сдѣлалось вдругъ невыразимо страшно.

VII.

Ночь была безлунная, тучи заволакивали небо...

— У Тони есть свѣчи; погоди, я сейчасъ... молвила дѣвушка, направляясь въ потьмахъ къ двери.

— Тсс!... послышался ей вдругъ въ этой тѣмѣ встревоженный шопотъ брата.

Она остановилась какъ вкопаная, напрягая слухъ, притавивъ дыханіе...

Изъ корридора доносились подымавшіеся снизу по лѣстницѣ легкіе, но торопливые шаги.

— Идутъ! проговорилъ чуть слышно надъ самымъ ухомъ ея Володя.

— Нѣтъ, это... это Варюша... къ Тонѣ вѣрно за тѣмъ-нибудь...

Она ощупью добралась до перилъ лѣстницы, схватилась за нихъ, наклоняя голову внизъ:

— Варюша, ты?

Дѣвочка, услыжавъ голосъ, прыгнула черезъ три ступеньки на площадку, схватила ее за платье, взволнованно мыча что-то своимъ нѣмымъ языкомъ.

— Ты къ Тонѣ? спросила замирая Настасья Дмитріевна.

— Мм!... мм!... все также дергая ее судорожно за платье, отрицательно, какъ поняла Настасья Дмитріевна, отвѣтила та.

— Ахъ, Боже мой, тутъ какъ въ погребѣ, я не вижу тебя... Погоди!

И она кинулась на узкую полоску свѣта, выбивавшуюся изъ-подъ дверей у Антонины Дмитріевны на другомъ концѣ корридора, рванула замокъ, вбѣжала въ комнату...

Сестра ея, въ ночномъ бѣломъ пудермантелѣ, въ атласныхъ туфляхъ на босыхъ ногахъ, съ распущенными по плечамъ длинными, высохшими волосами (она только-что совершила свои омовенія предъ сномъ), сидѣла, протянувшись на кушеткѣ, и читала *Le petit chose* при свѣтѣ стоявшей подлѣ на столикѣ розовой спермацетовой свѣчи въ изящномъ бронзовомъ бужурѣ, — подарокъ все того же влюбленнаго Сусальцева.

Настасья Дмитріевна, не проронивъ слова, схватила этотъ бужуръ и выбѣжала съ нимъ въ корридоръ.

— Это чтò за невѣжество! визгнула разъяренно Тоня, бросаясь за нею.

Но растерянное выраженіе свергавшихъ глазъ брата, испуганный видъ Варюшки—оба стояли теперь тутъ, за порогомъ ея комнаты, озаренные пламенемъ свѣчи, которую держала въ рукѣ Настя,—обратили негодованіе ея въ изумленіе и чаяніе чего-то необычайнаго.

— Чтò случилось? пробормотала она.—Ты чтò, Варюшка?..

Нѣмая дѣвочка разомъ вся обратилась въ движеніе; голова, плечи, руки, лицевые нервы—все заходило у нея. Она то приподымалась на цыпочки, будто намѣреваясь достигнуть какой-то высоты, то протягивала пальцы впередъ и загибала ихъ одинъ за другимъ, жалобно цыкала языкомъ, бивала въ сторону дома, обращенную на дворъ, не то вопросительно, не то испуганно повода взглядомъ на Володю...

— Какіе-то люди, и много ихъ, проговорила Антонина Дмитріевна, привыкшая понимать ее.—Тебя ищутъ, скороговоркой примолвила она по адресу брата.

— Да, да, закивала утвердительно нѣмая.

— Ты была на дворѣ?

— Да.

— Для чего?

Дѣвочка какъ бы смущенно усмѣхнулась и понизила своею маленькою, худенькою головкой.

— Это ты ночью въ огородъ бѣгала огурцы воровать? строго проговорила Антонина Дмитріевна: — кого же ты видѣла?

Варюшка быстрымъ движеніемъ подняла руку къ уху.

— Разглядѣть не могла, темно, — но слышала разговоръ: такъ?

— Да, да!

— Что же ты слышала?

Дѣвочка такъ же быстро указала глазами на Володю и перехватила на-перекрестъ пальцами кисти своихъ рукъ.

— Выслѣдили, арестовать пріѣхали, процѣдилъ сквозь зубы Волода.

— Уходи, уходи скорѣе... черезъ садъ можно! воскликнула черезъ силу Настя.

— Не уйдешь теперь... оцѣпили, должно быть...

— Да, да! завывала опять нѣмая.

— Лишь бы успѣть, вспомнилъ онъ вдругъ, — въ буфетѣ люкъ есть, въ подвалѣ... я говорилъ Тонѣ... Если надвинуть шкафъ... не отыщутъ...

— Такъ скорѣе идемъ, идемъ! возгласила Настасья Дмитриевна и побѣжала къ лѣстницѣ.

— Отдай мнѣ мой бужуаръ! крикнула ей вслѣдъ сестра:— какъ же это ты туда съ огнемъ идешь? Вѣдь если домъ окружили, такъ со двора васъ какъ на сценѣ увидятъ... Въ буфетной даже и стекла въ окнахъ всѣ разбиты...

Та остановилась, растерянно обернулась на поспѣшавшаго за нею брата.

— Какъ же найти въ этой темнотѣ?... пролепетала она.

Глаза у нѣмой такъ и забѣгали. Она схватила молодаго человѣка за руку:— „я и въ потьмахъ найду мѣсто“, говорило все какъ бы радостно загорѣвшееся лицо ея, — и потащила его за собою.

— Она прычетъ въ этомъ подвалѣ все, что стащить въ огородѣ, объяснила смѣясь догадливая Тоня,— можете ей до-вѣряться!

Она взяла бужуаръ изъ рукъ сестры, посвѣтила имъ, пока они втроемъ спускались съ лѣстницы, и, вернувшись въ свой апартаментъ, закурила папиросу и усѣлась опять за чтеніе *Le petit chose*.... Но строки и буквы прыгали у нея предъ глазами, и она досадливо бинула книгу на столикъ... „До-

рвался такъ до послѣдняго, проносилось у нея скачками въ головѣ, — какъ глупо!... Переодѣванія, прятанія въ подвалѣ, точно въ старыхъ романахъ... И все равно отыщутъ, въ тюрьму посадятъ, сошлютъ... Да еще какія-то прокламаціи съ собою притащилъ, вспомнила она, — чтобъ и насъ всѣхъ заодно съ нимъ, пожалуй, затаскали“. И брови ея сжались озабоченно и злобно.

А виновникъ ея доуки съ Настей и Варюшей, спустившись въ нижній этажъ (они, чтобы не отстать другъ отъ друга, держались за руки, — нѣмая впереди), пробрался въ буфетную и направились къ лѣвой ея стѣнѣ, гдѣ, между дощатымъ кухоннымъ столомъ для мытья посуды и старымъ крашенымъ шкафомъ, въ которомъ до ближайшей стирки держала Мавра, мать Варюши, грязныя господскія скатерти и салфетки, прорѣзанъ былъ въ полу люкъ надъ пустымъ давно ни къ чему не служившимъ каменнымъ подваломъ, вышиной въ полтора человѣческаго роста, и пространствомъ шага въ четыре во всѣ стороны, съ двумя рѣшетчатыми отдушинами, выходившими на „красный дворъ“ надъ самой землей.

Дѣвочка, присѣвъ на корточки, тотчасъ оцупала желѣзное кольцо, винченное въ люкъ, приподняла его и, удерживая одною рукою надъ головой своею, съ замѣчательною для своихъ лѣтъ силой юрнула подъ него, какъ змѣя, на узкую лѣсенку, спускавшуюся въ подвалъ, не выпуская руки Володи и какъ-то особенно дергая ее: „Спускайся-моль скорѣ!“

— Придержи; Настя! шепнулъ онъ сестрѣ.

Она различила въ темнотѣ край приподнятаго люда, уцѣпилась за него обѣими руками... Спутники ея благополучно спустились въ подземелье...

Пронизывающею, могильною сыростью обдало тамъ сразу молодого революціонера; онъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, машинально шагнулъ къ отдушинамъ, откуда несло еще не успѣвшимъ остыть послѣ жаркаго дня воздухомъ...

А Варюша между тѣмъ совала ему въ пальцы что-то гладкое и хвостатое: это были двѣ длинныя морковки, оставшіяся у нея тутъ въ углу изъ запаса всякихъ съѣдобныхъ въ сы-

ромъ видѣ овощей, которыя она имѣла страсть похищать тайкомъ съ огорода.

— Спасибо, сказалъ онъ, неволью усмѣхаясь и сжимая ея руки,—я ѣсть не хочу...

Вдругъ онъ почувствовалъ, что ея губенки крѣпко прижались къ его рукѣ; и что-то влажное и теплое кануло въ то же время на нее...

— Ты добрая дѣвочка, Варя, вырвалось у него дрожащимъ звукомъ:—поцѣлуй меня!..

Но она уже карабкалась вверхъ по лѣстницѣ, словно ничего не слышала... Любъ опустился.

— Ну, вотъ и погребли заживо! съ напускною шутливостью, чтобы не дать воли забиравшему его жуткому чувству, сказалъ себѣ чрезъ мигъ Буйносовъ, услыжавъ глухой скрипъ чего-то тяжело скользившаго надъ головой. Это Настя съ Варюшкой общими усиліями, напрягая мышцы и наирая руками, передвигали съ мѣста, на сколько могли беззвучно, къ счастью ихъ—въ эту минуту пустой и потому не особенно грузный сосновый на ножкахъ шкафъ, норовя наугадъ поставить его такъ, чтобы скрыть подъ нимъ кольцо и желѣзныя петли люка.

— Должно быть, довольно, прошептала наконецъ Настасья Дмитриевна; обшарь рукой, Варя!

Дѣвочка кинулась на землю, тщательно обвела ладонями кругомъ и подъ шкафомъ: дно его прикрывало теперь совершенно и кольцо, и петли... Она задергала утвердительною движеніемъ *барышню* за платье.

— Вѣрно, Варя? спросила для бѣльшаго убѣжденія своего та.

— Мм!.. мм!.. промычала нѣмая и потянула ее за собою къ двери: „Нечего-моль болѣе намъ дѣлать здѣсь“.

Онѣ, все также въ потемкахъ, поспѣшно поднялись вверхъ въ мезонинъ. Варюша побѣжала къ Антонинѣ Дмитриевнѣ. Настя осталась въ корридорѣ, прижавшись къ периламъ лѣстницы въ ожиданіи, „что будетъ далѣе“. Сердце у нея невыносимо билось, ноги подкашивались...

Братъ ея тѣмъ временемъ стоялъ у своей отдушины, на-

пряженно прислушиваясь къ долетавшимъ сквозь узкое отверстие ея звукамъ: кто-то будто переступалъ подошвами по травѣ тутъ же, въ ближайшемъ отъ него разстояніи, и отъ времени до времени тяжело переводилъ дыханіе. Но, кромѣ стеблей росшаго у стѣны бурьяна, которые могъ онъ сквозь рѣшотку осязать рукой, Володя ничего во мракѣ различить не могъ... „Стоитъ тутъ кто подъ окномъ, или мнѣ это только представляется?“ какъ винтомъ сверлило у него въ головѣ,— и ничего мучительнѣе этого вопроса, казалось ему, не испытывалъ онъ еще съ самаго рожденія; въ его душѣ ныла злобная, невыносимая тоска...

Но вотъ уже совершенно явственно зашуршали въ бурьянѣ чьи-то ноги: кто-то торопливо подходилъ къ дому, къ тому самому окну буфетной, подъ которымъ находился подвалъ.

— Что? донесся до Володи короткій шепоткомъ вопросъ басоваго голоса.

Другой— „а, вотъ онъ, стоялъ-таки тутъ!“ пронеслось въ головѣ молодого человѣка,—такой же низко-гортанный голосъ отвѣчалъ тѣмъ же шопотомъ:

— Приходили, кажись, сюда въ комнату, ваше всблародіе,—вѣрно это. Безъ огня, и разговоры не слышать было, а только ходили, стульями что-ль двигали... И съ опаской, надо быть, ваше всбл... потому, чтобы шуму не было старались, это я вѣрно дослышалъ.

— Предварить успѣли! досадливо пробормоталъ первый изъ говорившихъ:—изъ-за плетня, я замѣтилъ тогда, выскользнула какая-то фигура... Гляди, если бы вздумалъ кто изъ она, ты такъ и навались...

— Будьте повоины, ваше... пропуску не дадимъ.

— Да окно замѣть хорошенько...

— Замѣчено, съ угла четвертое.

— Ну, значить пропалъ я! проговорилъ мысленно Буйносовъ, стискивая зубы...

VIII.

Слѣдовавшія за возвращеніемъ ея наверхъ минуты показались вѣчностью Настасьѣ Дмитріевнѣ. Она все стояла на верхней площадкѣ лѣстницы, опершись о перила ея, устремивъ глаза внизъ и ожидая каждый мигъ, что „вотъ *они* сейчасъ, сейчасъ войдутъ, пойдутъ шарить по всѣмъ комнатамъ...“ „Они къ *нему* заберутся, разбудятъ!“ ударило ее внезапно словно камнемъ въ голову: вся поглощенная тревогой о братѣ, она забыла объ отцѣ „несчастномъ“...

Она кинулась внизъ, пробѣжала въ свою комнату, сѣднюю съ покоемъ старика; осторожно потянула дверь къ нему, вошла на кончикахъ ногъ...

Онъ спалъ, уложенный подушками, у окна, въ глубокомъ вольтеровскомъ креслѣ, служившемъ ему обыкновенно ложемъ, (больныя его ноги не переносили лежачаго положенія,)—спалъ мирнымъ, рѣдко дававшимся ему сномъ. Маленькая керосиновая лампа подъ стекляннымъ колпакомъ, прикрытымъ зеленымъ бумажнымъ абажуромъ, поставленная на какой-то старинной тумбѣ изъ краснаго дерева, за спинкой кресла, освѣщала ободкомъ падавшаго отъ нея свѣта верхъ его черепа, его всклокоченные, густые и не совсѣмъ еще сѣдые волосы. Дыханія его почти не было слышно...

„Заснулъ какъ ребенокъ, послѣ столькихъ ночей, и если вдругъ теперь...“ И сердце нестерпимо заняло у дѣвушки.

— Мавра, наклонилась она къ толстой бабѣ, приставленной ею къ больному на время своего отсутствія и качавшейся теперь отъ одолевавшаго ее сна, сидя на стулѣ насупротивъ

его,—если будетъ шумъ въ домѣ... и его разбудить, скажи... скажи ему, повторила она прерывавшимся голосомъ,—чтобъ онъ не беспокоился... что гости... господинъ Сусальцевъ— знаешь?—Провъ Ефремовичъ... Ну, что онъ прѣхалъ... понимаешь?..

— Провъ Е... А чего-жь это онъ по ночамъ ѣздить?.. У насъ, барышня, сами знаете, про гостей бѣлья нѣтъ... Развѣ съ собою привезли... залепетала въ отвѣтъ, протирая глаза обѣими руками и зѣвая до ушей, мать Варюши.

— Тебя о бѣльѣ не спрашиваютъ, возразила ей чуть не плача Настасья Дмитриевна:—ты только скажи ему... если онъ услышитъ и спроситъ: кто... Успокой его, понимаешь? Скажи, что прѣхали... ночевать, гости... И ни за чтѣ сама не отходи отъ него, пока я не вернусь!...

— Чего-жь уходитъ-то, сама знаю, не бросить ихъ недужнаго! пробурчала угрюмо Мавра, очевидно укулотая раздраженнымъ тономъ барышни.

Та, все такъ же поспѣшно и осторожно, выскользнула изъ комнаты и направилась опять въ корридоръ.

На противоположномъ концѣ его, за стеклянною дверью, ведущею въ залу, блеснулъ, показалось ей, свѣтъ—и въ тотъ же мигъ погасъ... Но вотъ опять вспыхнулъ онъ, все сильнѣе разгораясь... Тамъ были люди, до нея уже доносился гулъ двигавшихся ногъ... „Сѣни у насъ со двора никогда не запираются, тамъ и замокъ давно проржавѣлъ“, сообразила она,— „они прямо и взопли“.

Она безтрепетно направилась въ залу, отворила дверь...

— Кто тутъ, чтѣ нужно? громко и твердо выговорила она.

Только-что зажженный фонарь съ круглымъ мѣднымъ рефлекторомъ мгновенно приподнялся на уровень ея лица и ослѣпилъ ей въ первую минуту глаза. Но въ то же время раздался чей-то, будто уже слышанный ею голосъ, и кто-то быстро подошелъ къ ней:

— Mademoiselle, je vous prie, ne vous effrayez pas, nous ne sommes pas des brigands! говорилъ онъ, сопровождая эти слова какимъ-то слащаво-любезнымъ хихиканьемъ.

Она узнала не очень давно назначеннаго въ ихъ уѣздъ исправника, который, не далѣе какъ двѣ недѣли назадъ, пріѣзжалъ къ нимъ въ Юрьеву „рекомендоваться“ и очень потѣшала ея сестру Тоню своею комическою особой. Это былъ худой, на длинныхъ ногахъ, господинъ лѣтъ тридцати шести, съ придурковатымъ выраженіемъ вытянутаго впередъ, какъ бы постоянно чему-то удивлявшагося лица и съ необыкновеннымъ апломбомъ размашистыхъ движеній и витіеватой французской рѣчи. Звали его Сливниковымъ. Бывшаго гвардейскаго кавалериста, „des revers de famille“—успѣлъ онъ объяснить въ тотъ же первый пріѣздъ свой,—„заставили его обратиться теперь въ одну изъ спиць государственной колесницы, un des rayons du char de l'état“... Тоня, пронеслось неожиданно тутъ же въ памяти Настасьи Дмитриевны, такъ и расхохоталась ему на это въ лицо, и когда онъ спросилъ ее, „чему она такъ весело смѣется“, она пресерьезно увѣрила его, что это отъ удовольствія, доставленнаго ей его „остроумнымъ сравненіемъ“...

— Mademoiselle Bouinossouf, одна изъ двухъ дочерей здѣшняго владѣльца, съ церемоніймейстерскою важностью округляя руки и сжимая губы сердечкомъ, представлялъ онъ между тѣмъ Настасью Дмитриевну, двинувшемуся къ ней за нимъ военному въ голубомъ мундирѣ съ полковничьими погонами, державшему въ рукѣ освѣтившій ее потайной фонарь. Другой, довольно большаго объема, экипажный фонарь съ зажженною въ немъ свѣчей выступилъ въ то же время изъ сѣней, несомый здоровымъ, усатымъ жандармомъ, за которымъ слѣдовали какой-то мизернаго вида человѣчекъ въ сибирѣ, подпоясанный краснымъ крестьянскимъ кушакомъ, и знакомый Настасьѣ Дмитриевнѣ мужикъ съ бляхою на кафтанѣ—полицейскій сотскій села Буйносова. Военный (она не ясно различала черты его немолодаго, обросшаго волосами лица,) подошелъ къ ней съ учтивымъ поклономъ:

— Долгъ службы, сударыня, заставляетъ насъ потревожить вашъ покой... произнесъ онъ какъ бы нѣсколько конфузливо, низкимъ и пріятнымъ голосомъ:—вы, впрочемъ, повидимому, не изволите рано ложиться спать? добавилъ онъ тотчасъ за

тѣмъ совершенно инымъ — „инвизиторскимъ“, сказала она себѣ, — тономъ.

— У меня старикъ-отецъ больной... я иногда всю ночь не раздѣваюсь, проговорила она поспѣшно. — Что же вамъ угодно... въ эту пору... ночью? сочла она нужнымъ спросить еще разъ, придавая, насколько позволяло это ей все сильнѣе разыгрывавшееся внутри ея волненіе, выраженіе недоумѣнія своему лицу.

— О болѣзненномъ состояніи вашего батюшки намъ извѣстно...

— Oh, mademoiselle, croyez bien que je me suis fait un devoir de le constater! вмѣшался, разводя руками и склоняя галантерейно голову, изящный исправникъ.

— Намъ извѣстно, повторилъ, хмурясь и неодобрительно взглянувъ на своего болтливаго спутника, полковникъ, — и мы постараемся, насколько это будетъ зависѣть отъ насъ, не беспокоить его...

Онъ примолкъ на мигъ и произнесъ затѣмъ будто нѣсколько смущенно опять:

— Мы имѣемъ порученіе арестовать брата вашего, сударыня... бывшаго студента Владиміра Буйносова...

— Брата! его здѣсь нѣтъ! крикнула она съ какою-то внезапною злостью.

Онъ съ видомъ сожалѣнія повелъ плечами и возразилъ тихо и не сейчасъ:

— Братецъ вашъ выслѣженъ шагъ за шагомъ отъ самой Москвы и прибылъ сюда въ седьмомъ часу вечера... Намъ очень тяжело, повѣрьте, сударыня, примолвилъ онъ съ выраженіемъ полной искренности въ интонаціи, — она почувала это, — но мы обязаны исполнить наше порученіе.

— Le service de l'état, mademoiselle, счелъ опять нужнымъ присовокупить отъ себя исправникъ Сливниковъ, выкидывая впередъ обѣ руки и ловко вытягивая при этомъ кончиками пальцевъ безукоризненно выглаженные рукавчики сорочки изъ-подъ обшлаговъ своего полицейскаго сюртука.

— Это ваше дѣло! отрѣзала Настасья Дмитриевна замравнившимъ голосомъ, — но я предвараю васъ, что вы... никого не

найдете... и только перепугаете на смерть моего несчастного отца... Онъ теперь заснулъ послѣ многихъ ночей... страданія... Не входите по крайней мѣрѣ въ нему, ради Бога! вырвалось у нея бессознательнымъ стономъ изъ груди.

Голосъ у жандармскаго штабъ-офицера дрогнулъ въ свою очередь:

— Клянусь вамъ, сударыня, что мы войдемъ къ нему лишь въ крайнемъ случаѣ... Гдѣ его покой?

— На противоположномъ концѣ дома... Изъ этой залы направо, черезъ двѣ комнаты, *боскетная*, — такъ называли прежде, — это его спальня теперь...

Полковникъ кивнулъ головой и, приподнявъ фонарь свой, двинулся къ корридору:

— По лѣвой рукѣ что? спросилъ онъ.

— Рядъ необитаемыхъ или пустыхъ комнатъ; бывшій кабинетъ, столовая... буфетная, словно проглотила она, — большая дѣвчья, въ которой спитъ единственная наша служанка въ домѣ, съ дѣвочкой-дочерью, и выходъ на черный дворъ...

— А братецъ вашъ гдѣ помѣщается? спросилъ опять полковникъ самымъ натуральнымъ тономъ.

Она была такъ озадачена этимъ вопросомъ, что осталась безъ языка въ первую минуту...

— Братъ, *когда жилъ съ нами*, рѣзко и подчеркивая проговорила она оправившись, не видя, но чувствуя „иневизиторскій взглядъ этого человѣка“, неотступно прикованный къ ней, — занималъ комнату рядомъ съ отцомъ, ту, въ которой живу я теперь... Но онъ уже полтора года какъ уѣхалъ отсюда... и мы съ тѣхъ поръ *не видали* его...

Полковникъ направилъ пламя своего фонаря въ глубь корридора:

— Эта лѣстница въ верхній этажъ ведетъ?

— Да, въ мезонинъ.

— Большое тамъ помѣщеніе?

— Четыре комнаты.

— Заняты кѣмъ-нибудь?

— Въ одной изъ нихъ живетъ сестра моя; другія тоже пусты... тамъ и не бываетъ никто: насъ всего вѣдь трое въ

этихъ *хороматъ*, съ плохо выходившею у ней ироніей отвѣчала она, между тѣмъ какъ все сильнѣе и невыносимѣе разбирали ее страхъ и тоска.

— Прелестная сестрица ваша только-что започивала, надо полагать? молвилъ игриво господинъ Сливниковъ, улыбаясь и покручивая вытянутые въ нитку à la Napoléon III усы свои.

— Не знаю... я сидѣла внизу, у бабушки... Она давно спитъ, вѣроятно; теперь ужъ поздно...

— Нѣтъ, мы видѣли сейчасъ свѣтъ на верху... *mais un instant après* огонь погасъ, *tout est retombé dans l'ombre...*

— Комната вашей сестрицы на дворъ выходитъ? спросилъ жандармскій полковникъ тѣмъ же своимъ неторопливымъ и естественнымъ тономъ.

— Нѣтъ... въ садъ, отвѣтила она, инстинктивно запинаясь...

— Значить, *не въ ея комнату*, подчеркнул онъ, — видѣли мы сейчасъ со двора огонь?

Вся кровь прилила къ головѣ Насти. Въ той комнатѣ, откуда *они* со двора могли видѣть огонь, она сейчасъ была съ Володей, и тамъ—только теперь вспомнила она,—остались его мѣшки съ бумагами... съ бумагами, которыя все откроютъ, все *докажутъ*... А онъ забылъ о нихъ и она также... О, Господи!..

— Я сейчасъ узнаю, я у нея спрошу, пробормотала она растерянно, порываясь вдругъ бѣжать на верхъ.

Штабъ-офицеръ остановилъ ее движеніемъ руки:

— Я попрошу васъ, сударыня, позволить мнѣ сопровождать васъ... Фурсиковъ, обратился онъ къ не отстававшему отъ него маленькому человѣку въ сибиреѣ,—свѣту бы побольше!..

— Сею минутой! быстро отвѣтилъ тотъ, вытаскивая изъ кармана два стеариновые огарка и зажигая ихъ тутъ же о свѣчу фонаря у жандарма.

— Не угодно-ли, сударыня? промолвилъ полковникъ, кивая по направленію лѣстницы и въ то же время наклоняясь къ уху Фурсикова, которому прошепталъ нѣсколько словъ. — А ты бери свѣчу, свѣти намъ! приказалъ онъ стоявшему у дверей корридора сотскому.

Деревенскій полиціантъ, принявъ дрожавшими руками ога-

рожь изъ рукъ Фурсикова, двинулся впередъ съ испуганнымъ лицомъ, немилосердно стуча своими смазными сапогами.

— Разуться бы ему, ваше... а то на весь домъ слыхать, шепнулъ полковнику, юрнувъ въ нему бочкомъ, человекъ въ сибиреѣ.

Съ сотсага мигомъ стащили сапоги, причеъ онъ, по собственной уже инициативѣ, поспѣшно скинулъ съ себя кафтанъ и, легкій теперь какъ птица, неся высоко надъ головой зажженный огарокъ и постоянно оборачиваясь на слѣдовавшихъ за нимъ „жандарскаго командира и барышню“, зашагалъ вверхъ по ступенямъ.

Дѣвушка едва волочила ноги; въ глазахъ у нея двоилось, сошедшія губы словно прилипли одна къ другой. „Въ головѣ ни одной мысли не осталось“, почувствовала она.

Не доходя двухъ ступенекъ до корридора въ мезонинѣ, она вдругъ дрогнула вся и чуть не опрокинулась навзничь... Спутникъ ея поспѣшно поддержалъ ее за спину. Она откинулась, словно ужаленная этимъ прикосновеніемъ, прижалась къ периламъ съ какимъ-то внезапнымъ, нервнымъ страхомъ, устремивъ глаза на пламя свѣчи въ рукахъ стоявшаго надъ нею, уже на самой площадѣ, сотсага...

И въ этотъ мигъ услышала она громкій, преувеличенно громкій, возгласъ сестры:

— Кто это, кто идетъ?... нельзя... я не одѣта!...

Настя вдругъ теперь, будто вскинутая рессорой, очутилась наверху и жадно устремила глаза впередъ...

Антонина Дмитріевна въ ночной кофтѣ, съ распущенными по плечамъ волосами и бужуаромъ въ рукѣ, стояла на порогѣ той роковой комнаты по правой сторонѣ корридора, гдѣ...

„О, Боже мой, если она только догадалась и успѣла спрятать, пронеслось въ головѣ ея сестры,—я ей все, все прощу и буду благословлять ее всю жизнь!“...

А та все съ тѣмъ же преувеличеннымъ выраженіемъ недоумѣнія, испуга и негодованія продолжала восклицать:

— Настя, кто это, зачѣмъ?... Ахъ!... визгнула она уже совсѣмъ отчаянно, увидавъ поднывающаго вслѣдъ за сестрой голубаго штабъ-офицера съ потайнымъ фонаремъ своимъ въ

ружь, дунула на свою свѣчу, подалась тѣломъ назадъ въ комнату и захлопнула предъ собою обѣ половинки двери.

— Прошу васъ, сударыня, не извольте беспокоиться... началъ было тотъ.

Но она не дала ему продолжать:

— Дайте мнѣ выйти, дайте пройти въ свою комнату!... Я сюда зашла нечаянно... Вы меня въ осаду держите! кричала она изъ-за двери не то сердитымъ, не то шутливымъ голосомъ.

— Сдѣлайте одолженіе, извольте пройти, мы вамъ не мѣшаемъ.

За дверями послышался ея смѣхъ:

— Какъ „не мѣшаете?“ Я вамъ говорю, я не одѣта, а у васъ цѣлая иллюминація... Отойдите хоть немножко отъ двери... я проскользну какъ тѣнь за вами.

Невольная улыбка пробѣжала подъ густыми усами пожилаго жандармскаго служави: его подкупилъ на мигъ этотъ женскій молодой смѣхъ, звучавшій такъ искренно, казалось ему. „Веселаго темперамента особа“, подумалъ онъ.

— Извольте, сударыня, я глядѣть не буду.

И онъ подвинулся впередъ на нѣсколько шаговъ.

— Тоня, можешь пройти! крикнула ей сестра.

За спиной полковника послышался скрипъ раскрывшихся дверныхъ половинокъ, легкіе шаги быстро скользнули по половицамъ, и съ другой, лѣвой стороны корридора раздался голосъ: „Благодарствуйте, monsieur le gendarme“, и щель замкнувшейся двери.

Штабъ-офицеръ поспѣшно обернулся и направилъ фонарь свой вслѣдъ этому голосу: чуткое ухо его различило въ немъ какую-то подозрительную ноту...

Но особа съ „веселымъ темпераментомъ“ успѣла уже исчезнуть за дверями, противоположными тѣмъ, изъ вторыхъ она только-что выбѣжала.

Онъ поморщился съ выраженіемъ упрека по собственному адресу и, молча, въ сопровожденіи не отстававшаго отъ него сотскаго, вошелъ въ эту только-что оставленную ею комнату.

Настасья Дмитриевна, остановясь на порогѣ, такъ и вонзилась дальноревими глазами въ глубь ея.

Тамъ, на столѣ, еще не прибранные, стояли блюдо съ объѣденнымъ до кости бараньимъ ребромъ, приборъ, графинчикъ съ водкой... Сердце у нея захолонуло... А на диванѣ, на диванѣ—она помнила, какъ братъ, сидя на немъ, вырвалъ мѣшки свои у Тони изъ рукавъ и винулъ въ уголь,— тамъ-ли еще они?... Нѣтъ, ихъ тамъ нѣтъ болѣе, нѣтъ!... „Тоня“ успѣла пронести ихъ за спиной этого *голубаю*,—умница, спасительница!“... А онъ, онъ, видимо, имѣлъ подозрѣніе и думалъ тутъ найти что-нибудь... Какъ онъ осматриваетъ все внимательно!... наклонился вотъ надъ диваномъ... даже рука, руку въ прорѣху подъ покрывшу сунулъ... „Ищи, ищи, хитрѣе тебя нашлись!“ говорила себѣ мысленно дѣвушка съ охватившимъ ее теперь мгновенно безумно-радостнымъ ощущеніемъ и отважно, съ *невиннымъ* выраженіемъ на лицѣ, глядя на обратившагося къ ней въ эту минуту штабъ-офицера.

— Это вашъ братецъ изволилъ здѣсь ужинать? иронически проговорилъ онъ, зорко въ свою очередь глядя ей въ глаза.

Она молча и пренебрежительно приподняла лишь на это плечи, какъ бы не находя даже нужнымъ отвѣтить словомъ на такой несообразный вопросъ, и тутъ же бессознательно обернула голову на шумъ раздавшихся за нею въ корридорѣ торопливыхъ шаговъ.

Мимо нея, напоминая собою ручнаго журавля, готовящаяся взмахнуть со двора на кровлю птичника, пронесся на длинныхъ ногахъ своихъ исправникъ Сливниковъ, направляясь къ жандармскому штабъ-офицеру. Онъ наклонился къ его уху и зашепталъ о чемъ-то, возбуждавшемъ очевидно въ немъ необычайное волненіе. Его вытянутое впередъ, кувшиномъ, лицо изображало одновременно таинственность, усердіе и внутренній трепетъ...

— А-а! протянулъ въ отвѣтъ на это шептаніе штабъ-офицеръ съ мимолетною усмѣшкой.—Я васъ попрошу остаться здѣсь, сказалъ онъ ему, сжавъ вдумчиво брови,—и...

Онъ приостановился, повелъ взглядомъ на дѣвушку:

— Если бы сестрицѣ вашей угодно было... одѣться и при-

нять господина исправника въ своемъ покое, я былъ бы вамъ очень благодаренъ.

— Зачѣмъ это? вырвалось у нея невольно испуганнымъ тономъ.

Онъ продолжалъ; какъ бы не слыхавъ:

— Я бы и васъ попросилъ пробить съ сестрицей и господиномъ Сливниковымъ... имѣющимъ честь быть вамъ лично знакомымъ, покажѣсть я не вернусь сюда?

— Чтò же, это вы *насъ* теперь арестовать хотите? вскрикнула Настасья Дмитриевна съ намѣренною запальчивостью.

Ее поразилъ тотъ отѣнокъ чуть не женской мягкости, съ которымъ отвѣчалъ ей этотъ „инвизиторъ“:

— Не имѣю относительно этого никакого приказанія, а смѣю просить васъ остаться здѣсь, сударыня, изъ одного, повѣрьте, участія къ вамъ.

Она похолодѣла вся вдругъ: тайникъ брата ея отысканъ, поняла она какъ-то разомъ...

Полковникъ отвелъ между тѣмъ исправника въ уголъ:

— Постарайтесь непременно, обрывисто и вполголоса молвить онъ ему,—войти къ этой барышнѣ... къ другой...

— Знаю, замигалъ тотъ, и сумракъ его лица внезапно смѣнило сіяніе удовольствія, которое обѣщало ему возлагаемое на него порученіе:—*mademoiselle Antonine*, персона необыкновенная!

— Чѣмъ-такъ?

— Красота... *Une cariatide, mon colonel!* И умъ... пирамидальный умъ!... Она воспитывалась въ Петербургѣ, въ домѣ тетки, извѣстной графини Лахницкой... въ салонѣ которой и я блисталъ когда-то! примолвилъ онъ неожиданно и испустилъ глубокой вздохъ.

— Ну, такъ посмотрите, чтобъ она не провела васъ, эта умница!... Придется, можетъ быть, сдѣлать обыскъ въ ея комнатѣ, а до времени я буду васъ просить внимательно наблюдать за нею... да и за сестрой не мѣшаешь... чтобы чего-нибудь не успѣли онѣ утаить или уничтожить...

Господинъ Сливниковъ усмѣхнулся самодовольно и игриво:

— Полковникъ, можете быть покойны; самыя коварныя

женщины въ свѣтъ, могу сказать, не были въ состояніи про-
вести меня; j'ai des yeux de lynx pour pénétrer leur astuce...

Но полковникъ не счелъ нужнымъ слушать далѣе. Онъ
вышелъ въ корридоръ и, приказавъ сотскому оставаться со
своимъ огаркомъ на площадкѣ лѣстницы „и нибого не пус-
кать внизъ до его возвращенія“, самъ быстро спустился по
ступенькамъ въ нижній этажъ.

XI.

„Что же дѣлать, что же дѣлать теперь?“ словно вѣщами рвало въ мозгу Настасьи Дмитріевны. За нѣсколько мгновений предъ этимъ „ни одной мысли не оставалось у нея въ головѣ“, говорила себѣ она;—тысячи обрывочныхъ, путавшихся, противорѣчивыхъ, мучительныхъ мыслей одолевали ее теперь. „Бѣжать внизъ за этимъ голубымъ, или не бѣжать?...“ *Они*, очевидно, объясняла она себѣ, отыскали подвалъ подъ буфетомъ,—онѣ съ Варюшкой въ темнотѣ не надвинули, вѣрно, шкафа такъ, чтобы прикрыть имъ весь квадратъ люка, и поперечная линия одной изъ сторонъ его могла обозначиться на глади некрашеннаго пола,— *они* брата ея *берутъ* въ эту минуту... А если нѣтъ, перекидывало ее вдругъ въ противоположную сторону,—если она ложно истолковываетъ волненіе, замѣченное ею на лицѣ этого прибѣжавшаго снизу „глупаго исправника“, и его шушуканіе à parte съ *тѣмъ*?... Можетъ быть, напротивъ, „они тамъ въ отчаяніи, что ничего найти не могутъ...“ Бѣжать туда, показать, что этимъ интересуешься,—не усилить-ли она этимъ ихъ увѣренность, что тотъ, за кѣмъ пріѣхали они, спрятанъ въ домѣ?... Она и безъ того уже, казалось ей опять, „слишкомъ много *разговаривала* съ этимъ жандармомъ, недостаточно хорошо сыграла роль: ей слѣдовало не разговаривать, а показать самое рѣшительное негодованіе, что *смѣютъ* ночью врваться, изъ-за какихъ-то *безсмысленныхъ подозрѣній*, въ домъ *мирныхъ гражданъ*, въ больному старику и *беззащитнымъ женщинамъ*...“ Да, но *они* не приняли бы словъ ея въ уваженіе, и вышло бы хуже:

„они безъ церемоніи ворвались бы къ нему, къ несчастному...“ Нѣтъ, итти нельзя, — надо оставаться здѣсь „гордо и равнодушно“, сповойно ждать. А между тѣмъ, всплывало снова кипучею волной въ головѣ ея, — а между тѣмъ „они теперь его, Володю...“

— Съ тѣмъ это вы сейчасъ прибѣжали къ этому... господину жандарму? не выдержавъ, обратилась она со внезапнымъ вопросомъ къ исправнику, очутившись съ нимъ вдвоемъ въ корридорѣ, въ полутьмѣ.

Онъ тотчасъ же напустилъ на себя видъ необыкновенно таинственный, выкинулъ руки впередъ, вытягивая рукавички свои изъ-подъ обшлаговъ, и отчеканилъ медленно и вѣско:

— Вы мнѣ позволите не отвѣчать вамъ на этотъ... *тенденціозный* вопросъ, si j'ose m'exprimer ainsi.

— Почему такъ и что тутъ тен-ден-ціознаго? протянула она съ досадливою ироніей въ тонѣ.

— La discrétion est le premier devoir de mon état, mademoiselle, объяснилъ онъ, склоняя голову нѣсколько набокъ и быстро, старобавалерійскимъ пошибомъ, сдвигая въ то же время каблукъ свой, на которыхъ, впрочемъ, увы! уже не звенѣло шпоръ.

— Это однѣ пошлыя французскія фразы—больше ничего! вскликнула Настя внѣ себя.

Господинъ Сливниковъ очень оскорбился.

— Позвольте, милостивая государыня, процѣдилъ онъ съ ядовитою учтивостью, — выразить вамъ мое удивленіе, слыша со стороны женской особы... такія... *странныя* опредѣленія!.. Я имѣлъ честь быть принятымъ у тетупки вашей, la comtesse Lachnitzki... и вообще dans les meilleurs salons de Pétersbourg... и никакъ не ожидалъ, чтобы изъ вашихъ... pour ainsi dire, усть... Я, впрочемъ, не считаю себя въ правѣ, прервалъ онъ себя вдругъ, — заниматься моею... *personnalité* въ эту минуту. Обязанность моя заставляетъ меня просить вашу сестрицу... mademoiselle Antonine Bouinossosof... сдѣлать мнѣ честь принять меня для... для нѣкоторыхъ... Гдѣ ея комната? отрѣзалъ онъ, никакъ не отыскавъ надлежащаго тер-

мина, чтобы выразить, для чего именно нужно было ему видеть „mademoiselle Antonine“.

— Сестра моя ложится, если не совсѣмъ уже въ постели! съ неодолимымъ испугомъ въ голосѣ отвѣтила ему на это дѣвушка, — ея нельзя видѣть!

— Я не имѣю права въ этомъ сомнѣваться, возразилъ онъ на это съ отгѣнкомъ все той же нѣкоторой ядовитости: — часъ, дѣйствительно, нѣсколько поздній... Но, вы понимаете, le service de l'état avant tout, я вижу себя принужденнымъ...

— Но это не возможно, совершенно не возможно! громко, горячо, не давая ему продолжать, протестовала она.

— Съ кѣмъ это ты споришь, Настя? раздался голосъ Антонины изъ-за двери въ ея комнату („спорившіе“ стояли какъ разъ насупротивъ этой двери).

— Съ господиномъ исправникомъ... monsieur Сливниковъ, котораго ты знаешь... Онъ непременно для чего-то хочетъ тебя видѣть... Развѣ можно этого требовать... отъ дѣвушки... въ такое время? растерянно залепетала ей въ отвѣтъ сестра.

— Pour service d'état, mademoiselle, жалобною фистулой, для вящаго убѣжденія красавицы, счелъ нужнымъ прогнѣть въ свою очередь исправникъ, — иначе, vous comprenez, я слишкомъ... je suis trop bien élevé, mademoiselle...

— Вы одни? спросила Антонина.

— То-есть, вдвоемъ, захихикалъ онъ:—mademoiselle votre soeur и я.

Она тоже засмѣялась за дверями:

— А тотъ же гдѣ, l'oiseau bleu?

— Онъ пошелъ внизъ... отвѣтила, не договоривъ того, что просилось ей на языкъ, Настя.

— А-а!.. Хорошо, погодите, я сейчасъ сдѣлаю себя презентабельною, къ страшному изумленію своему услышала она отвѣтъ сестры.

Сливниковъ вскинулъ побѣдно голову вверхъ и вытянулъ еще разъ изъ-подъ обшлаговъ свои безукоризненно свѣжіе рукавички.

Минуть черезъ пять ключъ щелкнулъ въ замѣкъ, дверь отворилась, показалась щедушная фигурка Варюши, съ любопыт-

ством устремившей свои большіе, черные глаза на незнакомаго ей господина, и изъ глубины только-что освѣщенной лампою, просторной, наполненной мебелью и представившей вообще весьма „комфортабельный“ видъ комнаты послышались слова хозяйки:

— Войдите!... Bonsoir, monsieur Сливниковъ!

Она полулежала на низкой кушеткѣ, словно вся потонувшая въ широкіхъ и длинныхъ складкахъ облегавшей ее кашемировой блузы пунцоваго цвѣта съ бѣжавшимъ по всѣмъ краямъ ея широкимъ узоромъ à la turque; таковаго же цвѣта ленточный бантъ съ длинными концами перехватывалъ на затылкѣ ея распущенные волосы. Бѣлая, изящная, до локтя обнаженная рука свободно подымалась надъ опавшимъ вокругъ ея широкимъ рукавомъ блузы, упиралась на спальные подушки, лежавшія подъ головой ея, и на ладонь этой руки опирался въ свою очередь ея чуть выдававшійся впередъ, словно выточенный подбородокъ... Она смотрѣла какою-то „восточною царицей“ въ этой лежащей, *нестысненной* позѣ, въ этихъ яркихъ цвѣтахъ и пышныхъ складкахъ: такъ, по крайней мѣрѣ, представилось восхищенному исправнику, „блиставшему когда-то“ въ салонѣ графини Лахницкой. „Клеопатра, принимающая Антонія“, пронеслось у него нѣсколько смутнымъ, но пріятно защекотавшимъ его вдругъ воспоминаніемъ.

Онъ быстро направился къ ней, расшаркиваясь отъ самаго порога и широко округляя руки.

— Mademoiselle, j'ai bien l'honneur...

— Мо-онсieur, протянула она преувеличеннымъ тономъ французской актрисы.

Она приподнялась слегка и медленно повела на него снизу вверхъ не то скупающимъ, не то насмѣшливымъ взглядомъ.

Онъ стоялъ теперь предъ нею и глядѣлъ на нее въ свою очередь не то восторженно, не то растерянно, съ высоты своего длиннаго туловища.

— Садитесь же, разъ вы здѣсь, уронила „Клеопатра“, видимо тѣшившаяся его замѣтнымъ смущеніемъ. — Вы желали

видѣть меня для какого-то... *service d'état*. Такъ вы, кажется, связали?.. Чтò же вамъ угодно?

Бѣдный Сливниковъ окончательно растерялся: въ мозгу его никакъ не слагалось яснаго представленія, какая именно роль предлежала ему въ этомъ „*service d'état*“.

— *Mon Dieu, mademoiselle*, промямлилъ онъ,—*vous comprenez qu'il y a des circonstances...*

— Говорите, пожалуйста, по-русски, перебила она его тономъ капризнаго ребенка:— мы вѣдь съ вами не мазурку на балѣ танцуемъ...

— Да, вы правы, Антонина Дмитриевна, вослѣдствіемъ нежданно на это со вздохомъ, похожимъ на стонъ, бывший кавалергардъ, встряхивая плечами, на которыхъ уже давно отсутствовали рогожки блестящихъ серебряныхъ эполетъ,— время счастливыхъ мазурокъ для меня навѣкъ миновало; я здѣсь по должности... *je ne suis que l'esclave d'un triste devoir...*

И, проведя себѣ рукой по волосамъ, онъ эффектно опустился прямо противъ нея на стулъ, стоявшій рядомъ съ валикомъ кушетки, въ который упирались ея, вдѣтыя въ крохотныя туфли, обнаженныя ноги, и такъ и замеръ вдругъ въ страстномъ созерцаніи ихъ. Глаза у него заискрились, какъ у стараго кота предъ кускомъ курятины.

Она, не смущаясь и не отдергивая этихъ выступавшихъ изъ-подъ края блузы нѣжно бѣлыхъ, узенькихъ, породистыхъ ногъ, чуть-чуть охваченныхъ кругомъ мѣховою темною оторочкой ея пунцово-атласныхъ „*mules*“, застывала ими какъ бы нетерпѣливо по валику:

— Вы мнѣ все же не объяснили, въ чемъ состоитъ теперь этотъ вашъ „*devoir*“?

Онъ хотѣлъ отвѣтить... но только руками развелъ.

— Ваша свѣтскость не рѣшается выговорить роковаго слова, засмѣялась она своимъ холоднымъ, ироническимъ смѣхомъ; такъ я вамъ скажу сама. Вамъ нужно у меня... какъ это говорится?.. *обыскъ* сдѣлать?

Исправникъ прижалъ стремительно обѣ руки ко груди:

— *Mais pas du tout, mademoiselle*, вы ошибаетесь... Я, во всякомъ случаѣ... мнѣ ничего подобнаго не предписано...

— Пожалуйста, можете! молвила она на это, будто не слыхавъ его возраженія и все также лежа съ закинутыми за голову руками.—Варя вамъ дастъ мои ключи, ищите! Je vous défie найти что-нибудь у меня: я ни сама писать, ни получать писемъ терпѣть не могу, а когда получаю — рву, прочитаю...

— Я вамъ вѣрю, Антонина Дмитриевна, вѣрю! послѣшилиъ заявить онъ, наклоняясь съ мѣста чуть не до самыхъ туфель ея („сейчасъ бы ихъ долой, а губами къ этой реau rose— и не оторвался бы, кажется, до смерти!“ проносилось въ головѣ господина Сливникова въ эту минуту).

Но вдругъ онъ невольно приосанился и насторожилъ уши:

— А если-бъ у меня были... если-бы мнѣ вздумалось держать у себя... чьи-нибудь бумаги, говорила „Клеопатра“ съ какимъ-то загадочнымъ подчеркиваніемъ и разстановкой, — неужели вы думаете, что я... не успѣла бы ихъ скрыть, уничтожить... сжечь наконецъ, прежде чѣмъ вы или этотъ вашъ голубой господинъ догадались бы притти искать ихъ у меня?

— Сжечь? повторилъ совершенно безсознательно исправникъ,—гдѣ?

— А хоть бы вотъ тутъ! медленно проговорила она, лѣнивымъ движеніемъ руки указывая на печь со створчатыми мѣдными заслонками, подлѣ которой стояла ея кушетка.—Вы развѣ не слышите, что здѣсь гарью пахнетъ? спросила она его чрезъ мигъ съ тѣмъ же загадочнымъ выраженіемъ на подергивавшихся злою усмѣшкою губахъ.

Онъ недоумѣвая глядѣлъ на нее... Гарью, и даже именно жженою бумагой, пахло дѣйствительно, казалось ему, даже казалось, что онъ это почувствовалъ, какъ только вошелъ въ комнату... Но, „если-бъ это была правда, неужели бы она рѣшилась первая, такъ открыто и смѣло...“

Настасья Дмитриевна, вошедшая вслѣдъ за нимъ и съ мучительною тревогою прислушивавшаяся къ этому разговору изъ глубины комнаты, встрѣтилась въ эту минуту взглядомъ съ глазами Вари. Дѣвочка стояла въ углу, за спиной исправника, и указывая ей быстрымъ движеніемъ опущенныхъ вѣвъ на двѣ чугунныя вьюшки, вынутыя изъ трубы и лежавшія на полу

за выступомъ печи... Сомнѣнія не оставалось: Володины мѣшки сгорали въ эту минуту за этими притворенными мѣдными за-слонками... Настасья Дмитриевна, со внезапнымъ порывомъ, подбѣжала къ сестрѣ, схватила ея руку и крѣпко, судорожно сжала ее.

Та мелькомъ оглянула ее, и въ мимолетной усмѣшкѣ, скользнувшей по ея губамъ, сказалось обычное ей высокомѣрное, чтобы не сказать презрительное, выраженіе.

— Вы видите, какъ сестра моя довольна мною, monsieur Сливниковъ? обратилась она тутъ же къ нему.

— Я вижу, что вы ужасно любите мистифицировать вашего ближняго, широко засмѣялся онъ на это, рѣшивъ внутренно, что „прелестная красавица“ тѣшится и даже нѣсколько кокетничаетъ съ нимъ.

— Вы думаете?..

И, не ожидая отвѣта, она, съ капризнымъ *laisser aller* свѣтской женщины, перекидывающейся отъ скуки съ предмета на предметъ въ бесѣдѣ съ *неинтереснымъ* гостемъ, перебила себя новымъ вопросомъ:

— Скажите, пожалуйста, какъ могъ такой человѣкъ, какъ вы, попасть въ исправники?

Сливниковъ такъ и прясялъ (онъ, разумѣется, понялъ ея слова въ самомъ лестномъ для себя смыслѣ,) и, отблагодаривъ ее за *любезность* нѣжно умиленнымъ взглядомъ, взъеропилъ волосы нервною рукой и вдохнулъ изъ самой глубины легкихъ:

— Hélas, mademoiselle, я самъ часто дѣлаю себѣ этотъ вопросъ... Mais que voulez vous,—la fatalité! Я былъ молодъ, мое положеніе, чадъ нѣкотораго успѣха въ свѣтѣ, и... puisqu'il faut tout avouer, примолвилъ онъ съ неподражаемымъ пафосомъ,—и... заблудшія женщины меня потеряли...

Антонина Дмитриевна привскочила на своей кушеткѣ, спустила ноги, подалась лицомъ прямо къ его лицу:

— Какъ вы сказали: *кто васъ потерялъ*, какія женщины?.. И, не выдержавъ, такъ и поватилась со смѣху...

Бывшій гвардеецъ чуть не свалился со своего сидѣнія. Онъ не ожидалъ этого безцеремоннаго, этого оскорбительнаго смѣха,—онъ такъ мало ожидалъ его въ эту минуту... Все лицо

его запылало, губы задрожали. Невѣдомо, что нашелъ бы онъ отвѣтить „дерзкой особѣ“, если бы въ этотъ самый мигъ гулъ выстрѣла, внезапно раздавагоса въ нижнемъ этажѣ дома, не поразилъ слуха всѣхъ бывшихъ въ комнатѣ...

— А-а! безотчетно крикнули въ перепугѣ обѣ сестры...

Настя винулась со всѣхъ ногъ въ корридоръ.

Исправникъ, опрокинувъ впопыхахъ два стула, сверкая не то злобно, не то растерянно блуждавшими глазами, понесся стремглавъ за нею.

— Куда вы, куда, сударыня?.. нельзя, я не могу позволить! кричалъ онъ, догоняя ее и схватывая за руку.

Она съ негодованіемъ вырвала ее.

— Пустите меня... пустите... вы съ ума сошли!..

— Нельзя, говорю вамъ, нельзя... я не позволяю!... Сотсвій! наскочилъ онъ въ азартѣ на злосчастнаго мужика съ блахой, который ни живъ, ни мертвъ, съ поблѣднѣвшимъ какъ полотно лицомъ, продолжалъ все такъ же стоять у перилъ со своимъ огаркомъ, — ты мнѣ жизнью своей и дѣтей твоихъ отвѣтишь, если кто-нибудь выйдетъ отсюда безъ моего прива-занія!...

И онъ чуть не кубаремъ, путаясь и цѣпляясь каблуками за ступени, полетѣлъ внизъ по лѣстницѣ.

Х.

Настасья Дмитріевна не ошиблась въ первомъ предположеніи своемъ: тайникъ брата ея былъ открытъ маленькимъ человѣкомъ въ сибирѣ (это былъ одинъ изъ самыхъ бойкихъ московскихъ „агентовъ“, дѣйствительно выслѣдившій нашего „пропагандиста“ отъ самой Москвы и успѣвшій о прибытіи его въ Юрьево дать знать верстѣ за восемь въ уѣздный городъ находившемуся тамъ по случаю начавшихся въ губерніи арестовъ жандармскому полковнику), — открытъ по слѣду, оставленному подошвами ея и Варюши на слоѣ пыли, покрывавшей полъ буфетной, и по продольной щели люба, выглядывавшей изъ-подъ шкафа... Объ этомъ обстоятельстве и прибѣжалъ наверхъ Сливниковъ извѣстить жандармскаго штабъ-офицера. Тотъ, осмотрѣвъ мѣсто, тотчасъ приступилъ къ дѣлу; велѣлъ отодвинуть шкафъ, поднять любу за открывшееся кольцо его и, наклонившись самъ надъ зачернѣвшею предъ нимъ глубиной подвала, направилъ въ нее свѣтъ своего фонаря... Изъ глубины этой въ тотъ же мигъ раздался выстрѣлъ...

Когда нашъ, глубоко уязвленный сестрами Буйновыми, исправникъ влетѣлъ въ дверь буфетной, онъ въ первую минуту едва могъ дать себѣ отчетъ въ томъ, что совершалось предъ нимъ. Со двора въ окно, съ грохотомъ сабли и звономъ стекла, посыпавшагося изъ сорванныхъ рамъ, стремительно влѣзалъ на звукъ выстрѣла оставленный тамъ для наблюдения жандармъ. Полковникъ, все также держа въ рукѣ свой прострѣленный, но не погасшій фонарь, стоялъ надъ

отверстіемъ подвала рядомъ съ Фурсиковымъ, свѣтившимъ кому-то внизъ большимъ экипажнымъ фонаремъ въ одной рукѣ и зажженнымъ огаркомъ въ другой. Снизу изъ темени подвала доносился гулъ какой-то борьбы, глухіе возгласы и тяжелый хрипъ ускоренныхъ дыханій.

— Гляди, чтобъ онъ въ тебя... коротко, не договаривая, остерегалъ сверху полковникъ.

— Не выпалить, ваше всбл... за руки держу, отвѣчалъ снизу голосъ.

— Держи! кричалъ Фурсиковъ, быстро передавая фонарь свой и огарокъ подоспѣвшему со двора жандарму и готовясь самъ спуститься въ подземелье съ развязаннымъ кушакомъ своимъ въ зубахъ.

— Оставь... сдаюсь! послышался изъ подвала другой голосъ.

— Какъ отняли, такъ и сдаешься, отвѣтилъ на это добродушный солдатскій смѣхъ. И изъ подвала поднялась до пояса по лѣстницѣ бравая фигура другаго служиваго въ жандармской формѣ, прыгнувшаго туда прямо, помимо этой лѣстницы, едва успѣвъ раздаться выстрѣлъ.

— Револьверъ *ихній* извольте получить, ваше... доложилъ онъ, протягивая оружіе начальнику и принимая веревку изъ рукъ сыщика.— Связать приважете? обрывисто и понижая голосъ спросилъ онъ чрезъ мигъ.

— Выходите! молвилъ вмѣсто отвѣта штабъ-офицеръ, наклоняясь къ отверстию.

Фигура служиваго исчезла, и вмѣсто него, медленно подымаясь по ступенькамъ, показался блѣдный какъ смерть „пропагандистъ“, порывисто переводя духъ съвозъ судорожно стиснутые зубы, злобно сверкая глазами, неестественно бѣгавшими по сторонамъ.

— Обыскаать... можетъ ножъ... или чтд... подшепнулъ какъ бы въ видѣ вопроса Фурсиковъ на ухо полковнику.

Онъ, не ожидая разрѣшенія, подскочилъ къ Буйносову и какъ-то очень быстро и ловко провелъ сзади руками по обѣимъ сторонамъ его туловища отъ плечъ и до сапожныхъ голенищъ, запустивъ по пути эти руки въ карманы (обазавші-

еся пустыми) его жакетки, плачевно изодранной въ пылу единоборства... и, также быстро выхвативъ переданный имъ въ руки жандарма зажженный огарокъ, бинулъся съ нимъ свѣтить оставшемуся въ подвалѣ товарищу:

— Гляди, Лазаревъ, шепталъ онъ, ложась грудью на край люка и опуская свой свѣточъ въ отверстие на всю длину руки,—не подкинулъ-ли онъ гдѣ чего... Кирпичъ ощупай... можетъ гдѣ вынуть...

— Ваша фамилія? коротко, для формы, спрашивалъ между тѣмъ арестованнаго штабъ-офицеръ.

— Не желаю отвѣчать, рѣзко отвѣтилъ на это тотъ.

— Ахъ, батюшки-свѣты, баринъ нашъ молодой! визгнула въ то же время какая-то женщина у двери, выходявшей въ корридоръ.

— Чтò за особа? вскинулся съ мѣста безмолвный до сихъ поръ исправникъ Сливниковъ, находя нужнымъ заявить и о своемъ усердіи. Онъ бинулъся было за нею...

Но „особа“—это была старуха Мавра, выбѣжавшая стремглавъ на шумъ выстрѣла изъ комнаты старика Буйносова,— успѣла уже исчезнуть во мракѣ корридора...

Охая и вздрагивая съ испуга, выбѣжала она теперь обратно въ „боскетную“, гдѣ больной, разбуженный и встревоженный тѣмъ же выстрѣломъ, лихорадочно метался въ своемъ креслѣ.

— Qu'est ce qu'il y a?... чтò за шумъ... кто стрѣлялъ тутъ? забормоталъ онъ;—вы оставили меня одного... Настя гдѣ, та fille? говорилъ онъ озираясь,—гдѣ барышня?..

— Не знаю, батюшка, ничего не знаю, заголосила баба въ отвѣтъ,—не видала... Стало, и ихъ забрали...

— Кого?.. кого „забрали“?.. Чтò ты говоришь? вскрикнулъ старикъ, затрясшись весь и ухватываясь костлявыми пальцами за ручки кресла.

— И ума не приложить, кормилецъ, чтò у насъ тутъ дѣется! Народу понаѣхало—страсть! Полиція, жандармы, видать... И съ барчукомъ съ нашимъ, съ Володимеромъ Митричемъ...

— Съ Вольдемаромъ, съ моимъ сыномъ! перебилъ ее баринъ:—жандармы, говоришь ты, привезли? Жандармы!..

Онъ тяжело, судорожно перевелъ дыханіе, примолкъ на мигъ, какъ бы соображая

— *Ps l'ont pris,—c'est cela!*... Такъ должно было кончиться, *je l'avais prévu depuis longtemps...*

Голосъ его оборвался. Онъ разсуждалъ громко съ самимъ собою, примѣшивая, по обыкновенію, французскія фразы въ русской рѣчи, болѣзненно мигая отяжелѣвшими вѣками и растерянно уставившись на свою толстую собесѣдницу...

— Доподлинно доказать этого не могу, батюшка, объясняла она ему тѣмъ временемъ:—привезли, стало, ихъ, аль сами они были тутъ попрятамшись, а только я *своимъ глазамъ* видѣла: они сами и есть, изъ подвала, чтò подъ столомъ въ буфетной, изволите знать,—гляжу, по лѣстничкѣ оттедова поднимаются, Володимеръ Митричъ нашъ, значить... А ихъ тутъ сичасъ жандаръ, аль какой тамъ другой изъ ихнихъ,—потому дымъ и тѣмно, хоша фонари у нихъ, такъ комната-то глубокая, сдали не различить,—только онъ его, голубчика моего, за рученьки, за ноженьки... вязать знать хотѣлъ... Я тутъ сичасъ и убѣгла со страху, всхлинула въ заключеніе Мавра, жалостливо качая головой.

Глаза стараго „кавалера посольства“ мгновенно блеснули исерой:

— И онъ, *Voldemar*, выстрѣлилъ въ того, кто наложилъ на него руку?

— И, чтò вы, баринъ, не стрѣляли они, нѣ, чего Бога гнѣвить!... Развѣ въ подвалѣ стрѣляли... потому оттедова дымъ шелъ... а чего не видала—не могу сказать...

— *P a voulu se tuer, le malheureux*, лепеталъ про себя Дмитрій Сергѣевичъ,—*il a songé à l'honneur de son nom...* Уп Буйносовъ „на скамьѣ подсудимыхъ“, *comme ils disent à présent!* Смерть лучше, да,—*cela aurait mieux valu...* Онъ живъ? какъ бы бессознательно спросилъ онъ вслухъ.

— Живы, батюшка, живы, насчетъ этого не извольте безпоиться! Говорятъ. Сама слышала: „Не хочу, молъ, говорить, отвѣчать“!... Громко такъ выговорили, въ голосъ... А ужь чтò имъ отвѣчать требуется—не могу доподлинно доложить, не дослышала...

Голова старика изнеможенно упала на грудь:

— Они привезли его теперь сюда pour le confronter avec sa soeur, съ Настей... Elle a toujours partagé ses idées subversives... Они и ее возьмутъ,—ils me la prendront... Ah! c'est le dernier coup!... вырвалось у него стономъ.

Мавра подбѣжала къ нему:

— Не извольте убиваться, батюшка-баринъ, можетъ Богъ дать...

Онъ повелительнымъ движеніемъ руки заставилъ ее замолчать и повелъ кругомъ себя долгимъ взглядомъ неестественно расширившихся вдругъ зрачковъ. Внутри его словно созрѣвало въ эту минуту какое-то важное, крупное рѣшеніе...

— Assez souffrir! проговорилъ онъ наконецъ чуть слышно, и, обращаясь къ Маврѣ:—ты ступай, ступай опять туда! сказалъ онъ,—и оставайся пока... ну, пока они тамъ совсѣмъ... Ты мнѣ не нужна, понимаешь?

Она недоумѣвая поглядѣла на него. Ее такъ и подмывало бѣжать опять на зрѣлице происходившаго въ буфетной, но она боялась „барышни“, строго наказывавшей ей не покидать недужнаго.

— А какъ если вамъ что потребуется, баринъ? нерѣшительно проговорила она.

— Ничего мнѣ не требуется; ступай! Я... я спать буду...

— Развѣ барышню отыскать пойду... Спросить ихъ...

Онъ замахалъ опять руками и чуть не плачущимъ голосомъ:

— Не нужно, кривнулъ онъ ей,—никого мнѣ не нужно, говорятъ тебѣ, ни тебя, ни барышни... Я, понимаешь, я покою... я спать хочу...

Баба помялась на мѣстѣ—и вдругъ широко ослабилась:

— Можетъ, *выкушаете*... на сонъ грядущій? не то дуваво, не то таинственно подчернула она.

Глаза его внезапно такъ и запрыгали, губы судорожно затряслись:

— А у тебя... есть? прошепталъ онъ, подмигивая.

— На шпаликъ осталось... Съ моимъ удовольствіемъ, при-молвила она, выходя за перегородку и, повозившись тамъ съ минуту, вынесла на подносѣ большую рюмку свѣтлой влаги.

Онъ схватилъ ее дрожащими отъ жадности руками, пригубилъ, сморщившись, будто отъ какого-то гадливого ощущенія, и торопливо опрокинулъ затѣмъ себѣ въ горло.

— Ну, вотъ... вотъ теперь и согрѣлся, заговорилъ онъ, глядя себя рукой по груди, съ блаженнымъ видомъ:—теперь я усну... вѣрнѣе усну, засмѣялся онъ какимъ-то страннымъ смѣхомъ.—Прощай, Мавра, спасибо!...

Онъ приткнулся головой къ подушкѣ и закрылъ глаза.

Мавра постояла, постояла надъ нимъ,—онъ оставался недвижимъ.

„Должно, започивали въ самдѣлѣ“, рѣшила она, „потому ежели теперича и сына у нихъ роднаго забрали, такъ это они вполнѣ чувствовать не могутъ; потому все, почитай, какъ не въ полномъ своемъ разсудѣ, —и какъ если имъ, значить, во время свою плепорцію отпустить...“

Разсужденія своего она до конца не довела и, скинувъ для большей предосторожности стоптанные башмаки свои, которые сунула тутъ же подъ ближайшее кресло, поспѣшно понеслась босикомъ въ корридоръ, пугливо прижимаясь во мракѣ къ стѣнѣ и со страстнымъ любопытствомъ направляясь на свѣтъ, слабо выбивавшійся изъ буфетной.

Туда только-что вошло теперь новое лицо: невысокаго роста молодой человекъ, лѣтъ двадцати восьми, съ жиденькими бѣлокурными волосиками на кругленькой головѣ и золотымъ рипсе-пез на вздернутомъ къ верху пуговкой носикѣ. Это былъ товарищъ прокурора, Тарахъ-Таращанскій (товарищи по Училищу Правовѣднїи называли его „Трахъ-Тарарахъ“), заигравшійся въ ералашъ у предсѣдателя Управы, въ городѣ, и потому нѣсколько опоздавшій своимъ прибытіемъ (онъ вмѣстѣ съ жандармскимъ полковникомъ состоялъ членомъ той же особой комиссіи по политическимъ дѣламъ и извѣщенъ былъ имъ своевременно объ имѣвшемъ быть въ Юрьевѣ арестованїи).

Онъ тѣмъ болѣе, казалось, старался придать внушительности своей наружности, чѣмъ менѣе дано ему было отъ природы. Онъ глядѣлъ надменно сквозь свои оптическія стекла,

и все лицо его имѣло такое выраженіе, будто онъ говорилъ себѣ въ это время: „Ахъ, какъ здѣсь скверно пахнетъ“!

Въ расположеніи духа онъ былъ сквернѣйшемъ: во-первыхъ, проигралъ у предсѣдателя пять робберовъ сряду, а, во-вторыхъ, выходя изъ тарантаса, запнулся высокимъ каблукомъ о подножку, упалъ и нѣсколько зашибъ себѣ колѣну.

— Тутъ у васъ самъ чортъ ногу переломить, говорилъ онъ фальцетомъ, фыркая и морщась, Фурсикову, выбѣжавшему на шумъ его экипажа встрѣчать его въ сѣни съ огаркомъ въ рукѣ.—Что, накрыли? коротко и какъ бы презрительно вынулъ онъ ему вопросъ.

Агентъ передалъ ему обо всемъ происшедшемъ.

— Такъ!... Гдѣ-жь это у васъ тамъ? Проведите! произнесъ онъ повелительнымъ и сучливымъ голосомъ.

Онъ вошелъ, прихрамывая, въ буфетную, не протянулъ, а сунулъ, не размыкая пальцевъ, всю руку свою въ руку жандармскаго штабъ-офицера, тутъ же отдернулъ ее и проговорилъ сквозь зубы: „вы безъ меня уже все повончили, ва-жеться“, закинулъ голову въ сторону арестанта, котораго одинъ изъ жандармовъ держалъ за локоть.

— Это что за живыя вандалы! грозно крикнулъ онъ вдругъ:—прочь руки!

Ошеломленный служивый поспѣшно вытянулся, пристегнувъ по формѣ эти руки къ шву своихъ брюкъ, и вопросительно повосился въ сторону своего начальника.

Полковникъ только чуть-чуть поморщился.

— Господинъ Буйносовъ? спрашивалъ между тѣмъ арестанта, разглядывая его съ любезною, словно поощрительною улыбкой, товарищъ прокурора. И тутъ же:— Вы, впрочемъ, нисколько не обязаны отвѣчать, поспѣшилъ онъ прибавить,—дѣло слѣдствія уяснить и опредѣлить вашу личность.

Онъ отошелъ опять къ полковнику и проговорилъ скороговоркой:

— Ничего не нашли при немъ?

— Были, по всей вѣроятности, у него прокламаціи и эти ихъ книги, отвѣчала вполголоса тотъ досадливымъ тономъ,—но это, кажется, успѣли уничтожить... У него тутъ двѣ сестры,

пребойвѣя, повидимому, дѣвицы. Я просилъ господина исправника понаблести за ними, пока я тутъ... распоряжался. Но, кажется, поздно. Онъ сейчасъ передавалъ мнѣ: по его мнѣнію, онѣ все сожгли въ печѣ предъ тѣмъ, какъ онъ вошелъ къ нимъ. Онъ слышалъ, входя туда, запахъ жженой бумаги...

Таращанскій разсмѣялся, словно ужасно обрадованный:

— Само собою! Что же вы думаете, всѣ эти лица глуше насъ съ вами, полковникъ? проговорилъ онъ почти громко.

Сливниковъ, вертѣвшійся ооло разговаривавшихъ, послѣшилъ заявить въ свою очередь, таинственно наклонясь къ его уху:

— Un petit обыскъ у этихъ дѣвицъ ne serait pas à dédaigner, monsieur le *substitut*, подчеркнулъ онъ, считая нужнымъ дать понять, что мнѣ-моль, видите, извѣстно даже то, какъ называется во Франціи товарищъ прокурора: — ce sont des personnes fort délurées.. et même très insolentes, промолвилъ онъ, напирая (очень ужъ онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ этими „дѣвицами“).

— Вы же сами сейчасъ говорили полковнику, что эти „дѣвицы“ успѣли уже все сжечь, пренебрежительно отвѣтилъ ему Таращанскій, не глядя на него и вертя вокругъ пальца шнуркомъ своего *pince-nez*,—чего же тамъ еще искать!.. И какъ это вы всѣ, господа, любите бесполезно усердствовать! проговорилъ онъ вдругъ на манеръ сентенціи: — арестуютъ теперь эту молодежь десятками по всѣмъ угламъ Россіи, и у всѣхъ одно и то же находятъ: тѣ же прокламаціи, та же *Сказка о четырехъ братьяхъ*... Возы этого добра въ Москву навезли. Лишній экземпляръ вамъ что-ли нуженъ?..

Онъ пожалъ плечами, прищурился на молча внимавшее ему серьезное лицо пожилаго штабъ-офицера и пропустилъ какъ бы въ специальное назиданіе его:—Раздули все это юное фантазерство въ государственный заговоръ и..

Громкій голосъ арестанта не далъ ему договорить:

— Что же вы, долго меня на ногахъ держать будете? насилуванно грубо говорилъ онъ:—я усталъ, спать хочу.

— Васъ отвезутъ сейчасъ спать въ городъ, строго проговорилъ ему на это жандармскій полковникъ.

— Оформить, дѣйствительно, можно будетъ тамъ, завтра, одобрительно кивнуль на это товарищъ прокурора, разчитывавшій застать партнеровъ своихъ еще въ сборѣ у картежника-предсѣдателя.

Шумъ спора, торопливый топотъ чьихъ-то шаговъ за раскрытыми дверями буфетной прервали его еще разъ.

— Это онъ, вскликнуль Сливниковъ, — *malgré ma consigne!*..

Онъ кинулся въ корридоръ.

— Чтò тамъ такое? досадливо уронилъ Таращанскій:—еще какой-нибудь избытокъ официального усердія!..

И онъ, вздвѣвъ на носъ *pince-nez* и вскинувъ голову вверхъ, отправился за исправникомъ.

Онъ увидѣлъ его, раскидывающаго въ волненіи руками, лицомъ къ лицу съ молодою особой, казавшеюся не менѣе взволнованною, чтобы не сказать раздраженною, чѣмъ онъ самъ. Мужикъ-сотскій, все съ тѣмъ же перепуганнымъ видомъ, освѣщаль ея блѣдное лицо, держа высоко надъ головой своей облѣпившій ему всѣ пальцы стеариномъ огарокъ.

— Я не могу... я не хочу, наконецъ, говорила она внѣ себя,—оставаться тамъ долѣе подъ стражей... Я не арестантка, я у себя въ домѣ, имѣю право на полную свободу моихъ дѣйствій... Да, я насильно вырвалась оттуда, я оттолкнула вашего сторожа... и сбѣжала сюда... Чтò же, вы за это меня колесовать будете? вскрикнула она въ заключеніе вызывающимъ тономъ и сверкая влажными отъ проступавшихъ на нихъ слезъ негодованія глазами.

— *Mais permettez, mademoiselle*, восклицаль въ свою очередь исправникъ, продолжая разводить руками, — вы понимаете, *ma consigne!*..

— Позвольте! визгливо перебилъ его голосъ господина Тарахъ-Таращанскаго, и самъ онъ выступилъ впередъ. — Я имѣю честь видѣть одну изъ... изъ хозяекъ этого дома, не правда-ли? обратился онъ къ Настасьѣ Дмитріевнѣ;—я здѣсь представитель прокурорской власти, сударыня, и въ этомъ качествѣ обязанъ выслушать... и удовлетворить всякое ваше... законное требованіе. Чтò вамъ желательно?

— Мнѣ желательно, все такъ же пылко отвѣтила она,—

свободно пройти къ больному отцу... къ себѣ въ комнату, наконецъ... А господинъ исправникъ поставилъ на верху у лѣстницы своего сотскаго и приказалъ никого не пускать оттуда...

— Mademoiselle, je ne fais pas de l'arbitraire, горячо протестовалъ Сливниковъ, — я только исполнялъ приказаніе, данное мнѣ господиномъ пол...

— Позвольте! не далъ ему договорить опять тотъ же фальцетъ. И низенькій „представитель прокурорскій власти“ глянулъ снизу вверхъ на длиннаго исправника, какъ будто хотѣлъ его тутъ же спалить молніей своего взгляда.

Сливниковъ, дѣйствительно, какъ бы оторопѣлъ весь...

Видимо довольный произведеннымъ впечатлѣніемъ, Тарасанскій отнесся снова къ дѣвушкѣ:

— Я не нахожу возможнымъ одобрить образъ дѣйствій господина исправника въ настоящемъ случаѣ, но, великодушно примолвилъ онъ, — смѣю думать, что онъ при этомъ руководился соображеніями гораздо болѣе гуманнаго, чѣмъ, такъ сказать, чисто *полицейскаго* свойства. Формальности службы заставили насъ всѣхъ съѣхаться сюда для арестованія одной личности... Я считаю бесполезнымъ называть ее... И зрѣлище этой процедуры не могло, конечно, доставить вамъ особеннаго удовольствія...

— И ее арестовали... эту личность? успѣшила и едва была въ силахъ проговорить она.

— Повидимому.

— Чтò это значитъ? удивленно спросила она, глядя на него во всѣ глаза.

Онъ чуть-чуть усмѣхнулся:

— Арестованный назвать себя не пожелалъ.

„Я такъ и знала“, пронеслось въ головѣ Насти: „онъ не сказалъ своей фамиліи; есть, можетъ быть, надежда“...

— Скажите, вдругъ вспомнила она, — кто стрѣлялъ здѣсь, — я слышала сверху, — онъ?

— Само собою, небрежно промолвилъ на это представитель юстиціи, оглянувшись и, видя, что сконфуженный исправникъ ушелъ опять въ буфетную: — Это не должно беспокоить

вась, добавилъ онъ, — выстрѣлъ не имѣлъ послѣдствій, и мы обойдемъ вѣроятно и вовсе этотъ эпизодъ въ нашемъ протоколѣ... А бумаги его вы сожгли? такъ и ошеломилъ онъ ее неожиданнымъ вопросомъ.

Она вся въ лицѣ перемѣнилась, вздрогнула...

Онъ ухмыльнулся уже со всей высоты своего величія:

— Я, надо вамъ сказать, вообще всему этому не придаю никакого серьезнаго значенія!...

Вышедшій въ корридоръ въ эту минуту штабъ-офицеръ притронулся къ его локтю. Таращанскій обернулся и отошелъ съ нимъ въ сторону.

— Я свое кончилъ, Валеріанъ Петровичъ, сказалъ полковникъ,—и увожу сейчасъ арестанта. Если бы вы съ вашей стороны сочли нужнымъ произвести дальнѣйшее дознаніе въ этомъ домѣ...

— Ничагого! отрѣзалъ тотъ:—я бы девять десятыхъ и тѣхъ, которые у насъ сидятъ, отпустилъ на всѣ четыре стороны, а не то чтобъ увеличивать ихъ число...

Штабъ-офицеръ мотнулъ головой, какъ бы говоря: „Это *ваше* дѣло!“ и отправился распоряжаться *своимъ*...

XI.

Кто-то въ то же время дернулъ растерянную Настасью Дмитріевну сзади за платье.

Она быстро обернулась и увидала Мавру... Толстая баба вся тряслась, тяжело переводя духъ...

— Что такое?... зачѣмъ ты здѣсь?... что батюшка? пробормотала дѣвушка со внезапнымъ замираіемъ.

— Не знаю, барышня, что и сказать, выговорила та чрезъ силу:—тѣмно у нихъ... и голосу не подають...

— Что значить „не подають“? Онъ спитъ?

— Не могу доподлинно сказать, матушка-барышня, потому вошла я въ нимъ сичасъ—тѣмно, смотрю, а сами видѣли—лампа у нихъ горѣла... „Баринъ, говорю, а баринъ“!... а они голосу не подають. Я тутъ очень спужалася и побѣгла васъ искать...

— Онъ спалъ, да, я видѣла... и у него горѣла лампа... Погасла какъ-нибудь, вѣрно... Я говорила тебѣ не оставлять его... зачѣмъ ты ушла?... обрывались слова у Насти, пока она, не теряя времени, бѣглымъ шагомъ неслась въ темную глубину корридора, по направленію въ дѣвичьей, чрезъ которую былъ ходъ въ спальню больнаго.

— Сами они послали меня сюда, матушка, объясняла Мавра, поспѣвая за нею,—потому, какъ здѣсь выпалили, они мнѣ: „Поди сичасъ, узнай“, говорятъ... И вдругорядъ посылали опять, послѣ того, значить, когда я имъ про барчука, про Володимира Митрича докладывала...

— Ты ему сказала про брата?.. Господи!.. Развѣ не могла ты понять, что не слѣдовало этого говорить ему!..

— А почему мнѣ понять, барышня! Кабы вы приказывали, али что, а то, сами знаете, баба я темная, гдѣ мнѣ разсудку занять... И ничего отъ этаго отъ самаго, что я сказала, вреда имъ не случилось, ей-же ей, говорю... „Ступай, говорятъ, опять туда, а я спать хочу,“—только всего и сказали они на это...

Въ глубокой темнотѣ вопли онѣ въ дѣвичью.

— Тутъ на лежанкѣ коробка со спичками была, сказала дѣвушка,—сыщи скорѣй!. Шандалъ у него за перегородкой на комодѣ стоитъ...

И съ нетепѣливою тревогой, съ нестерпимо бившимся сердцемъ вошла сама, не ожидая, въ ея комнату, добралась ощупью до этого комода, судорожно ухватилась за попавшійся какъ-то сразу подъ пальцы ей шандалъ и проговорила полугромко—не испугать бы, если спать:—„Папа“!..

Отзыва не послѣдовало.

Она сдержала дыханіе, судорожно насторожила ухо... „Папа“! врывула уже она теперь...

— Мати Пресвятая Богородица, спаси насъ! визгнула въ свою очередь на этотъ крикъ Мавра, роняя изъ рукъ коробку спичекъ, съ которою пробиралась къ барышнѣ.

Она кинулась подымать ихъ съ полу... Но дрожавшіе пальцы только бессильно тыкались о шероховатія половицы...

— Давай же, давай скорѣе огня! задыхающимся голосомъ взывала къ ней межъ тѣмъ Настасья Дмитріевна.

Она чиркнула объ полъ попавшююся ей наконецъ подъ руки спичку, поднялась съ нею, приложила къ свѣтильнѣ, которую протягивала ей барышня...

Дѣвушка выбѣжала съ загорѣвшеюся свѣчей за перегородку.

Первымъ дѣломъ кинулись ей въ глаза блеснувшіе отъ свѣта чуть не подъ самыми ногами ея осколки стекляннаго матоваго колпака лампы, какимъ-то непонятнымъ въ первую минуту образомъ свалившейся съ довольно широкой деревянной колонки, на которую она была поставлена... Колонка эта, какъ уже было упомянуто нами, стояла въ одномъ изъ переднихъ угловъ комнаты, рядомъ съ окномъ, выходившимъ въ садъ, и за самымъ кресломъ больного, помѣщавшимся у этого окна.

Взглядъ дѣвушки устремился на уголь спинки этого кресла, въ которомъ такъ привыкла видѣть она потонувшій въ глубинѣ большой подушки тонкій профиль старика-отца... Уголь былъ пусть теперь, подушка лежала на сидѣннн, наполовину свѣсившаяся внизъ,—а внизу, у ножек кресла...

— Папа! крикнула она еще разъ, бросаясь со свѣчей къ тому чему-то невообразимо страшному, что увидѣла она тутъ, упала на колѣни, низко наклоняясь лицомъ къ полу, простирая руки впередъ...

— Мавра, ножницы... ножъ... скорѣе... разрѣзать! простонала она...

Баба метнулась къ ней, наклонилась въ свою очередь и отпрянула въ невыразимомъ ужасѣ:

— Царица Небесная, покончили себя!.. Матушка-барышня, чтобы намъ съ *вами* въ отвѣтъ не попасть! Полицейя тутъ, жандары... Звать надо, людей звать скорѣе...

И, полоумная отъ объявшаго ее страха, она выскочила изъ комнаты въ корридоръ, голоса:

— Кормильцы, родимые, спасите... со старымъ баринномъ несчастьемъ!..

Изъ буфетной въ эту минуту выводили арестанта.

Она прямо ринулась къ нему:

— Сердечный ты нашъ, голубчикъ сизый, ведутъ тебя въ темницу темную, за семь замковъ желѣзныхъ, хоша бы дали тебѣ, младу вьюношѣ, напоследяхъ съ отцомъ роднымъ проститися!..

— Чего ты причитаешь, старая, что тамъ случилось? перебилъ ее, быстро подходя, жандармскій полковникъ.

— Не моя вина, батюшка, ваше снательство, видитъ Царица Небесная, не моя! заголосила она въ новомъ перекупгѣ,—сами они меня погнали...

— Кто погналъ, куда? говори толкомъ!

— Баринъ, генералъ нашъ, сюда послали, когда палить тутъ стали, значить...

— Ну, и что же?

— А пока я тутъ въ коридорѣ стояла, они, остамшись одни...

— Ну?...

— И сказать не смогу, ба-атюшка... страшно! истерически зарыдала она: тамъ... надъ ними... — барышня, Настасья Дмитріевна, убиваются...

Арестантъ, блѣдный какъ смерть, обернулся къ штабъ-офицеру; онъ сразу понялъ все:

— Слова ея значать, что отецъ мой лишилъ себя жизни, неестественно рѣзко зазвенѣлъ его голосъ:—я хочу взглянуть на него!...

— Извольте! качнуть головою тотъ.

— Еще не поздно, можетъ быть, помочь можно, вскрикнулъ товарищъ прокурора, двигаясь первый съ мѣста:—куда идти? ведите! обратился онъ къ Маврѣ.—Да огня давайте сюда побольше!...

— *Quel drâ-ame, monsieur le substitut!* вскидывая длинныя руки свои вверхъ, трагически протянулъ, шагая за Таращанскимъ, исправникъ Сливниковъ; на немъ лица не было и губы его тряслись.

— Лазаревъ, ступай, можешь понадобится! отдалъ полугромко приказаніе полковникъ одному изъ жандармовъ.

Всѣ быстро направились въ „мѣсту проишествія“...

Настасья Дмитріевна стояла на колынахъ, поддерживая приподнятую ею съ полу бездыханную голову отца. Онъ былъ еще всѣмъ тепелъ, но надежды у нея не оставалось: жизнь—это было для нея очевидно,—безвозвратно покинула его... Съ перваго же взгляда стали ясны для всѣхъ условія, при которыхъ могъ онъ осуществить свое гибельное намѣреніе. На сторонѣ окна, ближайшей къ креслу, въ которомъ онъ проводилъ ночи, вбитъ былъ въ стѣну большой гвоздь, о который обматывался толстый шнурокъ подъемной сторы, никогда не спускавшейся на этомъ окнѣ (недужный, просыпавшійся обыкновенно съ зарей, любилъ глядѣть на первую игру лучей солнца, восходившаго прямо противъ него, въ вершинахъ и прогалинахъ сада). Двойной конецъ этого шнура спускался до высоты ручки кресла и на разстояніи вершка отъ нея. Старикъ, по всѣмъ признакамъ, притянулъ къ себѣ этотъ конецъ, сложилъ его въ петлю, всунулъ въ нее голову

и рванулся всёмъ тѣломъ со своего сидѣнія внизъ... Отъ размаха откатившееся назадъ кресло ударило въ стоявшую за нимъ тумбу и свалило толчкомъ стоящую на ней лампу, а шнурокъ такъ оттянуло къ низу, что голова почти касалась пола... Когда, покинутая перепуганною Маврой, Настасья Дмитріевна, съ тою сверхъестественною мускульною силою, которая является у самыхъ слабыхъ существъ въ минуты великихъ опасностей и безумнаго отчаянія, приподнявъ на половину одною рукой рухнувшее наземь тѣло, вырвала другою изъ стѣны самый гвоздь, съ котораго спускался роковой шнурокъ петли, и распустила ее, отецъ ея не подавалъ уже и признака жизни...

— Конечно! проговорила она теперь съ какимъ-то потрясающимъ спокойствіемъ, почти безсознательно обводя взглядомъ толпу собравшихся вокругъ нея пришлыхъ, чуждыхъ ей лицъ.

Никто изъ нихъ не нашелся отвѣтить въ первую минуту. Слишкомъ сильно было впечатлѣніе, слишкомъ поразительно это зрѣлище...

— Помогите... поднять, проговорила она, осиливая себя.

Служивый-жандармъ, котораго звали Лазаревымъ, выступилъ впередъ.

— Не трогай! повелительно крикнулъ раздраженный голосъ.

И Владиміръ Буйносовъ, съ перекошеннымъ лицомъ, кусая губы и сверкая взглядомъ, протѣснился къ сестрѣ:

— Держи крѣпче за затылокъ, обрывисто выговорилъ онъ, подходя къ мертвому и ухватывая самъ его подъ колѣни.

Но бодрость измѣнила дѣвушкѣ,—она пошатнулась...

Сливниковъ, забывая свои „обиды“, винулся къ ней:

— Permettez-moi de vous remplacer, mademoiselle!..

Тѣло перенесли на диванъ.

Глубокое безмолвіе стояло кругомъ. Никто повидимому не зналъ, что ему дѣлать далѣе...

Товарищъ прокурора, какъ бы исполняя какую-то особую формальность, подошелъ къ трупу со свѣчей въ рукѣ, освѣщая деревенѣвшій уже ликъ и стеклянню-мутные, страшно выкатившіяся изъ-подъ вѣкъ яблоки глазъ...

— Глаза бы вы ему закрыли! шепнуть словно сердито арестанту пожилой штабъ-офицеръ, морщась и оттягивая себѣ усы до боли.

Молодой человекъ, машинально повинувшись, наклонился надъ этимъ страшнымъ лицомъ, протягивая къ нему дрожащую руку... Рука сестры предупредила его: она опустила вѣки мертвеца, прикрыла ихъ ладонью и какъ бы замерла вся при этомъ.

Она очнулась чрезъ мигъ, взглянула на брата безконечно-скорбнымъ взглядомъ и, въ неудержимомъ порывѣ, кинулась ему на грудь.

— Володя, прошептала она съ прорвавшимся рыданіемъ, — не забывай, на чью совѣсть должно пасть это!..

ХІІ.

Да какъ же не любить-сь, сами изволите разсудить: Алимпіада Самсоновна—барышня, какихъ въ свѣтѣ нѣтъ...

Островскій. *Свои люди, сочтемся.*

На другой день послѣ переданнаго нами читателю, часу въ одиннадцатомъ утра, у Антонины Дмитріевны въ комнатѣ ея, въ мезонинѣ, шель живой разговоръ со стоявшимъ предъ нею рослымъ, чуть-чуть дороднымъ, красивой наружности мужчиной лѣтъ тридцати двухъ, съ небольшою русою бородкой, подстриженною щеткой, и огромными, *мужицкими*, руками, выпиравшими изъ его лиловаго цвѣта шведскихъ перчатокъ. Одѣтъ онъ былъ безукоризненно, въ сплошной, темносѣрый лѣтній костюмъ; синій атласный галстукъ заκολотъ былъ цѣбною черною жемчужиной величиною въ палецъ; вѣнскія ботинки изъ желтой юфти обували его огромныя, какъ и его длани, ноги... Стоялъ онъ по привычкѣ въ вѣчному движенію, не позволявшей ему и четверти часа усидѣть на мѣстѣ...

— И, сдѣлайте милость, говорилъ онъ,—не безпокойтесь ни о чемъ. Все будетъ, можете повѣрить, сдѣлано прилично и хорошо... Если сестрицѣ вашей, Настасѣ Дмитріевнѣ, ужь неперемѣнно этого требуется, мы можемъ счестся съ нею послѣ... А теперъ ужь позвольте мнѣ все это взять на себя... Почитаю, такъ сказать, своимъ долгомъ... *заранне*, подчеркнул онъ со страстнымъ взглядомъ по ея адресу, и тутъ же покраснѣлъ по самымъ волосамъ.

— Можете, протянула она въ отвѣтъ съ легкой усмѣшкой... Она полулежала въ креслѣ съ закинутыми за затылокъ

руками и глядѣла на него въ упоръ своими прекрасными *аквамариновыми* глазами.—Знаете чтѣ, Провъ Ефрем... Нѣтъ, перебила она себя, смѣясь,—я никогда не привыкну къ этому вашему имени!...

— Мудреное, дѣйствительно, усмѣхнулся и онъ, но брови его слегка повело:— на латинскомъ языкѣ значитъ хорошій человекъ... Такой я и есть, могу сказать по истинѣ, промолвилъ онъ уже совсѣмъ весело, — такимъ и здѣшній народъ меня прозвалъ, — можетъ, сами слышали: „строгъ, говорить, а справедливъ“...

— А вы бываете, и точно, „строги?“ спросила она, прищурясь и пристально взглянувъ въ него опять.

— Случается... Съ вами никогда не случится! воскликнулъ онъ неожиданно, съ сіяющимъ отъ внезапнаго прилива счастья лицомъ.

— Я и не позволю, медленно и холодно возразила она на это.

Профъ Ефремовичъ Сусальцевъ въ свою очередь теперь пристально устремилъ на нее свои большіе каріе глаза. „Посмотрѣлъ бы я, какъ бы ты не позволила, кабы мнѣ вздумалось!“ словно свернуло на мгновеніе въ этихъ глазахъ. Но онъ какъ бы тутъ же устыдился своей мысли и нѣсколько смущенно промолвилъ:

— Вы, кажется, о чемъ-то начали было, Антонина Дмитриевна?

— Да, я хотѣла... Вы будете очень рады?

— Чему-съ? изумился онъ.

— Повезти меня съ собою въ городъ... Вѣдь вамъ туда нужно?...

— Нужно, какже... насчетъ гроба и прочее... И вы со мною желаете прокатиться? Прелесть вы моя неописанная!...

Онъ схватилъ ее руку и жадно прильнулъ къ ней губами.

— Да, къ похоронамъ нуженъ трауръ, а у меня ничего чернаго нѣтъ... А, главное, уѣхать хоть на нѣсколько часовъ ото всего этого, примолвила она со внезапнымъ выраженіемъ

отвращенія на лицѣ: — я мертвыхъ, какъ ребенка, боюсь... мнѣ вездѣ слышится будто запахъ трупца...

Она вздрогнула: — я заболѣю непременно, если это должно продолжаться болѣе сутокъ...

— Къ чему же тянуть, помилуйте; завтра, въ одиннадцатомъ часу, свеземъ на кладбище.

— Затрудненія могутъ быть, говорятъ: вѣдь онъ не своею смертью умеръ...

— Будьте повоины: затрудненія — побоку; имѣлись въ виду — и устранены. Такой случай вышелъ благопріятный. Ночеваль я въ городѣ, на фабрицѣ... На самомъ выѣздѣ она у меня, какъ знаете... Встаю я всегда рано, а тутъ такъ случилось, что, за счетами, да перепиской, и вовсе не ложился. Вышелъ на зарѣ голову нѣсколько освѣжить. Иду по шоссе, гляжу, въ городъ тарантасъ ѣдетъ. Знакомый господинъ, вижу, товарищъ прокурора Тарахъ-Таращанскій. „Откуда?“ спрашиваю. Онъ мнѣ тутъ и объяснилъ про вашу здѣшній... камуфлетъ... Очень я, знаете, обезпokoился за васъ, и рѣшилъ тотчасъ же сюда ѣхать; а между тѣмъ, въ предвидѣніи непріятностей, выспросилъ у него все, что и какъ, относительно вотъ этого самаго обстоятельства, что „нестественною смертью“, какъ вы говорите... Онъ, Тарахъ этотъ, баринъ, знаете, очень легонкій, — ужъ такая, должно быть, у всѣхъ у нихъ порода, у этихъ судейскихъ теперешнихъ, съ добродушнымъ смѣхомъ ввернулъ говорившій, — за то съ нимъ, спасибо, все легко и оборудовать. Человѣкъ въ этомъ отношеніи самый, можно сказать, либеральный!.. Насчетъ исправника и говорить нечего: телячья голова изъ кавалеристовъ, порядковъ никакихъ не понимаетъ, — ну-съ, и крючковъ тоже отъ него никакихъ ожидать нельзя. Главная загвоздка тутъ — пошъ здѣшній, онъ же и благочинный по этой мѣстности... Только съ этимъ народомъ извѣстно какой разговоръ!.. Имѣлъ я уже съ нимъ таковой: разстались мы вполне довольные другъ другомъ... На всякій случай надлежащее свидѣтельство можно еще будетъ попросить у доктора, у Николая Иваныча, лѣчившаго покойнаго; онъ человѣкъ хорошій, конечно не откажетъ... Словомъ, заключилъ Сусальцевъ, — all right, какъ

говорять Джонъ - Були; проводимъ усопшаго до послѣдняго жилища, какъ слѣдуетъ по закону христіанскому, съ честью и поминовеніемъ.

Но Антонина Дмитріевна не слушала его и преслѣдовала свое въ головѣ:

— Я бы часу лишняго не хотѣла провести здѣсь послѣ похоронъ, сказала она:—придумайте, какъ это сдѣлать; вы человекъ практическій.

Онъ глянулъ стремительно ей въ лицо и покраснѣлъ опять по самыя уши.

— Очень просто, отвѣтилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ,— переѣзжайте въ Сицкое.

— Къ вамъ? Одна? вскрикнула она, будто изумившись,— потому что сестра Настя ни за что не согласится...

— А хотя бы одна!.. Церковь у меня тутъ же въ домѣ, Антонина Дмитріевна, послѣшилъ онъ прибавить, испугавшись вдругъ „неприличія“, какъ подумалось ему, своего предложенія:—когда лишь захотите назначить... не гостией, хозяйкой станете въ этомъ самомъ Сицкомъ жить...

Она, словно застыдившись вся, поспѣшно опустила глаза.

— Не мнѣ, а вамъ... назначить слѣдуетъ, пролепетала она невиннымъ голосомъ пятнадцатилѣтней дѣвочки.

Провъ Ефремовичъ неожиданно всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ рухнулъ ей въ ноги:

— За это слово милліона мало! вскрикнулъ онъ въ неописуемомъ восторгѣ:—впервой рѣшились вы наконецъ подарить меня имъ. А то было у насъ все будто кончено, а рѣшительнаго, послѣдняго,—вотъ этого самаго,—недоставало... Красавица вы моя желанная, женушка названная,—онъ безумно цѣловалъ ей колѣни,—такъ *отъ меня*, *отъ меня* зависить?.. Извольте! Черезъ три дня,—дольше терпѣть душа не въ силахъ!..

— „Черезъ три дня“, повторила Антонина все тою же невинною интонаціей,—какой вы рѣшительный!.. Я впрочемъ такихъ люблю! усмѣхнулась она, и рука новой Далилы какъ бы невольнымъ порывомъ нѣжности пробѣжала по щетинѣ волосъ Самсоновой головы, преклоненной предъ нею. Алыя губы

ея воснулись уха Сусальцева и прошептали чуть слышно:— хорошо, я согласна!..

Онъ вскинулъ голову вверхъ, ухватилъ ее за станъ своею огромною рукой, привлекая къ себѣ и таеъ и впился губами въ ея губы.

Она оттолкнула его, вскрикнула отъ неожиданности и гнѣва:

— Мужикъ! вырвалось у нея... Но тотчасъ же, сдержавшись:—хоть бы позволенія попросилъ сначала! примолвила она мягко, съ вапризною ноткой въ голосѣ, давая этимъ оброненному ею жесткому слову значеніе шутки.

Онъ между тѣмъ вскочилъ на ноги, ударилъ себя ладонью по широкой груди:

— Эхъ вы, кисейная барышня, мужики-то лучше вашихъ бояръ умѣютъ любить!..

— Это я вижу, сказала она, и. Провъ Ефремовитъ мгновенно, какъ ледъ подъ лучами весенняго полудня, растаялъ и расплылся весь предъ тою неотразимою улыбкой, съ которою она теперь взглянула на него:

— Нѣтъ у меня противу васъ ни воли, ни разсудка, вотъ что я вамъ скажу-сь, проговорилъ онъ страстно и досадливо:—въ бичевку вы меня, чувствую, скрутить можете... а куда ужъ я, важись, на мягкую пряжу не похожъ! разсмѣялся онъ громко своему сравненію:—таеъ ужъ вы меня, барышня, поберегите сами немножко!

— А вотъ вы садьте тутъ, противъ меня,—что это у васъ за привычка вѣчно на ногахъ торчать, точно башня какая-то; затылокъ заболитъ глядѣть на васъ снизу! Садитесь и поговоримъ толкомъ...

— Сѣлъ-сь! возгласилъ онъ съ веселою покорностью, опускаясь на стулъ прямо противъ ея кресла и укладывая каждую изъ рукъ своихъ на каждое изъ своихъ колѣнъ.

Она продолжала улыбаться ему своею очаровательною улыбкой:

— Вы вотъ сказали: „черезъ три дня“, и я согласилась. Но развѣ это можно?

— Почему не можно?

— Нужны формальности...

— Это точно, коли у кого въ карманѣ грошъ. А если деньги, такъ всю эту формальность не то въ три дни, въ три часа обдѣлать можно.

— Положимъ... Но мнѣ, напримѣръ, посаженные отецъ и мать нужны, шаферъ...

— Вопросъ, дѣйствительно!..

Онъ качнулъ головой:—Вы какъ желаете, чтобы пофорсистѣ было, или попроще?

Она невольно поморщилась:

— Чтѣ это за выраженіе „пофорсистѣ“ и для чего вы меня спрашиваете?

— За выраженіе извините, дѣйствительно *мужское*, другой разъ не скажу. А спрашиваю потому, что если съ шикомъ справлять свадьбу, такъ вамъ Бориса Васильича Троекурова съ супругой въ посаженные пригласить надобно: первыя лица по здѣшнему мѣсту.

— Никакихъ Троекуровыхъ и никакого *шика!* пылко возразила она:—и никого на свадьбѣ, кромѣ необходимыхъ лицъ.

— Самъ я такъ полагаю... особенно въ виду того, что только-что вотъ, скажутъ, отца похоронили... Хорошо-съ, перебилъ онъ себя:—въ такомъ случаѣ Николая Ивановича Оирсова, доктора, просите съ супругой: люди подходящіе, простые...

— Пожалуй, молвила Антонина съ легкою гримасой.

— All right! Ну-съ, а теперь на счетъ шафера... Имѣете кого въ примѣтъ?

Словно какая-то змѣйка пробѣжала у нея въ глазахъ; она прищурилась, прикусила губу и чуть-чуть повела головой:

— Есть.

— Кто таковъ?

— Юшковъ, Григорій Павловичъ; вы его знаете?

— Предводителя старика сынъ, земець нашъ? Знаю! Чтѣ же, малый отличный.

— Вы находите? сказала она насмѣшливо.

— Чего-жь не находить! Про него худа не слышно. Предсѣдателемъ въ управу думаемъ его даже выбрать.

Антонина Дмитриевна закачала головой.

— Только онъ не пойдетъ, сказала она.

— Куда это: въ предсѣдатели управы?

— Нѣтъ, ко мнѣ въ шафера.

— Во! Почему такъ?

— Потому, что я выхожу за васъ.

— За „мужика!“

У Сусальцева глаза засверкали.

Она лукаво значительнымъ взглядомъ глянула на него:

— Если бы вы даже были великій князь,—все равно.

Онъ понялъ и широко, добродушно осклабился:

— Риваль, значить, мнѣ былъ! Что-жь, губа-то у него не дура, сказать по правдѣ...

Онъ наклонился, протягивая руку къ ея рукѣ:— *Позволенія прошу*, подчеркнулъ онъ со смѣхомъ.

Она милостиво поднесла ему теперь сама эту руку свою подъ губы. Онъ съ преувеличенною почтительностью приложился къ ней и, удерживая ее въ своей:— А дозволено будетъ спросить, молвилъ онъ со внутреннею тревогой, которую она тотчасъ же угадала подъ его веселымъ тономъ, — почему у васъ съ этимъ самымъ Григоріемъ Павловичемъ Юшковымъ дѣло не вышло?

— То-есть, почему я не вышла за него замужь?

— Вы сказали, красавица моя!

— Почему? повторила она—и такъ и погрузилась глазами въ его глаза: — потому, что сила силы ищетъ, а онъ тряпка!

Сусальцевъ прыгнулъ съ мѣста, ударяя себя ладонью о ладонь въ порывѣ восхищенія:

— Сказали-то вѣдь какъ мѣтко: „сила силы ищетъ“! Какъ свайкой въ самое кольцо хватили... Богатырь вы у меня просто, прелесть моя!...

Онъ съѣлъ опять, счастливый, польщенный, радостный...

— Ну, значить, и не нужно намъ Григорья Павловича! Поищемъ другаго... Прикажете, я вамъ моего Потемкина представить могу. Старенець, на ноги палецъ маленько, а господинъ совсѣмъ приличный, холостой, шаферскую должность исправить еще можетъ отлично.

— Какой „Потемкинъ“? съ любопытствомъ спросила дѣвушка.

Онъ расхохотался:

— Потемкинъ, извѣстно, *фаворитъ* былъ, такъ я этимъ самымъ прозвищемъ барина этого и зову; фамилія ему Зяблинъ, штабсъ-капитанъ въ отставкѣ, аристократъ тоже,—потому онъ въ той же *фаворитской* должности вѣкъ свой провель, а теперъ на подножномъ корму, такъ сказать, остался.

— Почему вы его *вашимъ* называете?

— А такъ, продолжалъ смѣяться Провъ Ефремовичъ,—что я его, почитай, съ имѣніемъ, съ этимъ самымъ Сицкимъ, приобрѣлъ. Купилъ я его, какъ вамъ извѣстно, у одного князька безпутнаго, Шастуновъ по фамиліи, за полцѣны купилъ, связать по истинѣ... Одинъ лѣсъ тамъ всѣхъ моихъ денегъ стодить, увидите!... Ну-съ, а какъ купилъ я, да въѣхалъ туда хозяиномъ, узнаю, старичекъ тамъ одинъ во флигелѣ обрѣтается на жительство. Ни управитель, ни въ должности какой, а такъ, докладываютъ мнѣ, живетъ съ самой смерти княгини покойницы, матери, то-есть, моего продавца. А баба эта, слышно, кулакъ была, миллиончика два сыну оставила; ну, а онъ, извѣстно, по дворянскому обычаю, живо, годиковъ въ пять, въ шесть, все это въ трубу спустилъ... Такъ у этой княгини, узналъ я, жилъ въ фаворитахъ лѣтъ двадцать сряду этотъ самый баринъ, Зяблинъ, и все, говорятъ, водила она его обѣщаніемъ выйти за него замужъ. Выйти не вышла, да и обезпечить его не подумала. Хватию ее въ одинъ прекрасный день ударомъ, какъ громомъ, пивнуть не успѣла. А онъ такъ и остался, какъ ракъ на мели: ни спереди, ни сзади ничего нѣтъ, и головы приклонить некуда... Такъ и застрялъ онъ тутъ въ своемъ флигелѣ, въ родѣ старой мебели. Князекъ, въ память матери, велѣлъ его не трогать и довольствіе ему отпускать. Ну, можете представить, какое ужъ тутъ довольствіе, въ пустой усадьбѣ: щи, да баранины кусокъ носили отъ управляющаго,—а человекъ-то на серебрѣ, Французомъ-поваромъ изготовленное кушанье ѣсть привыкъ,—тяжело-съ!... Пожелалъ я съ нимъ познакомиться; вижу—человѣкъ воспитанный, деликатный: и робость-то въ немъ, и гоноръ барскій при нищетѣ,

все это, знаете, сразу видать... „Вы, говорить онъ мнѣ, сдѣлайте милость, не стѣсняйтесь, я могу сегодня же выѣхать отсюда“. — „Куда же вы, говорю, думаете?“ А онъ мнѣ на это: — „Все равно, говорить, и на улицѣ умереть можно“... Меня, скажу вамъ-съ, всего (будто перевернуло отъ этихъ словъ, жалость такая взяла... „А я такъ думаю, говорю ему, что вамъ здѣсь все же покойнѣе, чѣмъ на улицѣ будетъ, и насчетъ смерти тоже повременить можно, а какъ если не побрезгуете моимъ обществомъ, такъ я очень радъ буду; вдвоемъ, говорю, извѣстно, позабавнѣе будетъ время волочить“... Такъ онъ у меня и живетъ четвертый годъ.

— Чтò же, онъ васъ въ самомъ дѣлѣ очень „забавляетъ“? уронила насмѣшливо Антонина.

Сусальцевъ поморщился:

— Да вы, какъ это, можете полагаете, что я его у себя въ родѣ шута держу? Очень ошибаетесь въ такомъ случаѣ. Не таковъ, во-первыхъ, у меня *карактеръ*, да и шутовъ-то вообще въ нашемъ коммерческомъ мирѣ въ настоящее время встрѣтить можно развѣ только въ комедіяхъ господина Островскаго; мода на нихъ давно прошла, повѣрьте слову!.. А насчетъ Евгенія Владиміровича Зяблина, такъ если я въ шутку—и то не въ глаза ему,—Потемкинымъ его называю, такъ въ дѣйствительности-то я къ нему, скажу вамъ откровенно, какъ въ родному привязался. Баринъ, говорю, воспитанный, деликатный, и въ домѣ его не слышно... Одна слабость...

— „Слабость“, какъ бы испуганно повторила дочь покойнаго Дмитрія Сергѣевича Буйносова.

— Самая невинная, не безпокойтесь, разсмѣялся опять ея собесѣдникъ:—туалетъ. По цѣлымъ часамъ проводитъ старичекъ у зеркала, галстуки новенькіе повязываетъ, да ботинки примѣряетъ... Открылъ я ему кредитъ, до 800 рублей, у портнаго моего и сапожника въ Москвѣ,—онъ и блаженствуетъ... Такъ вотъ-съ, если вамъ угодно будетъ его себѣ въ шафера взять, онъ такимъ джентльменомъ выйдетъ вѣнецъ надъ вами держать, что лучше и не надо.

— Я очень рада буду, сказала Антонина Дмитріевна, по-

молчала и чрезъ минуту:—А послѣ свадьбы куда мы съ вами? спросила она небрежнымъ тономъ.

Сусальцевъ нѣсколько оторопѣлъ:

— Я полагаю, проживемъ въ имѣніи... Вѣдь у меня въ Сицкомъ домъ дворецъ, Антонина Дмитріевна, добавилъ онъ въ видѣ убѣждающаго довода.

— Знаю... но я думала...

— Чтѣ вы думали, красавица моя? Какъ прикажете, такъ и будетъ!

— Я полагаю, что такъ какъ мы думаемъ жениться тотчасъ послѣ... *этой смерти*, здѣсь кругомъ всякіе толки пойдутъ, вы сами сейчасъ упомянули объ этомъ. Я вообще глубоко равнодушна къ тому, чтѣ про меня могутъ сказать; вы, не знаю!.. Во всякомъ случаѣ лучше, чтобы ни до васъ, ни до меня не доходили пока никакіе людскіе пересуды и сплетни. А для этого, по-моему, самое разумное уѣхать.

— И то дѣло, согласился онъ съ полу вздохомъ.—Куда же прикажете?

— За границу.

— Можно!.. Въ мѣстечко Парижъ, первымъ дѣломъ, разумѣется? Могу послужить вамъ надежнѣйшимъ гидомъ. За науку много тамъ денегъ просадилъ...

— Вы говорите свободно по-французски? сочла нужнымъ справиться Антонина.

— Говорю... А по-англійски и совсѣмъ хорошо, отвѣчалъ Провъ Ефремовичъ:—отецъ покойный три года выдержалъ меня *на конторѣ* у мистера Броули и К^о въ Лондонѣ... А для чего это вы меня спросили, говорю-ли я по-французски? молвилъ онъ чрезъ мигъ.

— Хотѣла знать...

Не совсѣмъ искренняя усмѣшка пробѣжала по его губамъ:

— Бойтесь, чтобы я въ обществѣ держать себя прилично не умѣлъ?.. Будьте покойны, прелесть моя: не посрамимъ земли Русской и Богомъ данной намъ аристократки-женушки.

Онъ еще разъ наклонился къ ея руцѣ и поцѣловалъ ее съ тою преувеличенною галантерейностью, съ какою на французскихъ сценахъ изображаются маркизы и герцоги ancien

régime. Онъ все это очевидно отмѣтилъ въ памяти въ пору побывокъ своихъ въ Парижѣ, гдѣ онъ дѣйствительно въ молодые годы много денегъ „за науку просадилъ“ съ „артистами“ *Délassements comiques* и иныхъ подобныхъ бульварныхъ театровъ.

— Перестаньте вздоръ говорить, сказала Антонина, шутиво ударивъ его пальцами по рукамъ,—а распорядитесь лучше, чтобы коляску вашу подавали. Ъхать въ городъ, такъ сейчасъ. Ступайте, а я одѣнусь и сойду къ вамъ на крыльцо.

— Повинуюсь моею повелительницѣ!...

Онъ все такъ же преувеличенно церемонно расшархнулся предъ нею и вышелъ изъ комнаты своею увѣсистою, слегка вздрагивавшею, какъ бы отъ избытка силы, походкой.

„Повелительница“ его вдумчиво, нахмуреннымъ и долгимъ взглядомъ повела ему вслѣдъ, потянулась въ своемъ креслѣ, высоко поднявъ руки надъ головой, и, какъ бы отъ неодолимаго утомленія уронивъ ихъ разомъ на колѣни, прошептала:

— Уфъ, какъ съ нимъ трудно будетъ!...

XIII.

Quo vos vi, e quo vos vey!...

Изъ поэзіи трубадуровъ.

Sunt lacrymae rerum.

Борисъ Васильевичъ Троекуровъ часа полтора назадъ вернулся во Всесвятское изъ своего малороссійскаго имѣнія, куда онъ уѣхалъ только дней за десять предъ тѣмъ и гдѣ думалъ прожить съ мѣсяць времени, но откуда послѣдно примчался назадъ, испуганный телеграммой жены, извѣщавшей его, что сынъ ихъ, тринадцатилѣтній Вася, заболѣлъ сильнымъ дифтеритомъ.

Опасенія оказались преувеличенными. Вернувшійся отецъ, прямо изъ коляски пробѣжавшій въ комнату мальчика, нашелъ его уже совершенно здоровымъ, и Николай Ивановичъ Фирсовъ, котораго онъ засталъ тутъ вмѣстѣ съ Александрой Павловной, воспользовался случаемъ сдѣлать „при генераль жесточайшую“, какъ выражался онъ, „сцену его барынь“ за ея „вѣчные, безмысленные страхи“ и за то, „какъ она осмѣлилась, безъ вѣдома его, врача, отвѣчающаго за все, послать мужу *живую* телеграмму“.

Громкій, веселый смѣхъ присутствующихъ — обычное во Всесвятскомъ послѣдствіе „грубостей“ добряка-доктора — отвѣчалъ на его выходку. Но толстякъ долго не хотѣлъ успокоиться и, уйдя отъ Васи вслѣдъ за Троекуровымъ въ его кабинетъ, продолжалъ, расхаживая вдоль и поперекъ комнаты, явить *невыносимый нравъ* Александры Павловны, у которой-де „букашка вѣчно выходитъ *Монбланъ, чтд въ Швейцаріи*“.

Хозяинъ, слушавшій его и шутливо отъ времени до времени поддакивавшій ему изъ-за растворенной двери своей спальни, гдѣ онъ теперь совершалъ омовенія послѣ дороги и перемѣнялъ бѣлье, но которому это наконецъ начинало надобъдать, счелъ нужнымъ перемѣнить разговоръ:

— А чтѣ у насъ новаго здѣсь? спросилъ онъ.

— „Новаго!“ повторилъ Фирсовъ, останавливаясь на-ходу и какъ бы весь встряхиваясь отъ удовольствія, доставленнаго ему этимъ вопросомъ (онъ былъ „живая мѣстная газета“, какъ называлъ его Троекуровъ): — коробъ цѣлый успѣли набрать, ваше превосходительство, за недѣлю вашего отсутствія.

— Вотъ какъ! Напримѣръ?

— Перво-наперво — поймѣа политическаго преступника, съ переодѣваньями, прятаньемъ въ подземелье, стрѣльбой и прочими бенгальскими огнями, какъ слѣдуетъ быть мелодрамѣ; второй актъ, самоубійство старца; третій, похороны и пиръ въ три этажа по этому случаю. Апоеозъ—неожиданная свадьба. И все это въ четыре дня времени! Живо? По сенсационности „событїямъ изъ американской жизни“, какъ пишется въ газетахъ, не уступить, а?..

Борисъ Васильевичъ, вымытый, переодѣтый, вышелъ изъ спальни, присѣлъ къ своему письменному столу и, закуривая папироску:

— Чтѣ такое, рассказываете! промолвилъ онъ съ обычною ему сдержанностью тона.

Докторъ со свойственными ему въ свою очередь кудреватостію и обиліемъ рѣчи пространно передалъ о „катастрофѣ“ въ усадьбѣ Буйносовыхъ.

— Это ужасно! вырвалось съ невольною дрожью у его слушателя.

— Я предвидѣлъ, что онъ этимъ кончить, бѣдный старецъ, молвилъ Фирсовъ,—и предварялъ дочь, Настасью Дмитріевну, чтобъ она глядѣла за нимъ въ оба, чтѣ она и дѣлала, надо ей въ этомъ отдать справедливость... Да тутъ случилась эта исторія поймѣи брата ея, нигилиста... минутки не доглядѣла, а тотъ и... Эта Настасья Дмитріевна изо всей семьи одна заслуживаетъ сочувствія и даже уваженія... хотя

и съ нея этою нигилитной маленько каплетъ, да все она человекъ, а вѣдь тѣ...

— Что она думаетъ дѣлать?

— И сама, полагаю, не знаетъ пока... Вотъ осмотрится...

— Не нужно-ли ей чего? спросилъ, какъ бы застыдась и глядя себѣ въ ногти, Борисъ Васильевичъ.

Докторъ понялъ и махнулъ рукой:

— Не приметь! Гордости у нея въ сколько!— онъ показлъ себѣ на горло:— въ актрисы все собиралась...

— А сестра ея?

— Сестра? повторилъ со внезапнымъ смѣхомъ толстякъ:— а это вотъ самое интересное. Послѣ всей этой катастрофы положеніе дѣвицъ, изволите понимать, оказалось не особенно утѣшительнымъ. Въ домѣ ни гроша мѣднаго; отецъ чуть не на глазахъ полиціи руку на себя наложилъ, значить, лишень по закону христіанскаго погребенія; брата въ ту же ночь забрали жандармы. Хотя волкомъ вой вѣдь въ такомъ казусѣ; какъ быть, къ кому прибѣгнуть?.. И тутъ-съ неожиданно, — я-то впрочемъ объ этомъ ранѣе зналъ, — какъ кула изъ табакерки выскакиваетъ молодчина, купецкій сынъ, извѣстный вамъ Провъ Ефремовъ Сусальцевъ, и, знаете, какъ въ пѣснѣ солдатской поется: „прилетѣлъ орелъ, все въ порядокъ привелъ“. Кого попросилъ, кого подмазалъ, похороны безпрепятственно справилъ, а послѣ похоронъ закатилъ въ городѣ, — Настасья Дмитріевна, да и та тоже, Антонина, ни за что не хотѣли поминальнаго обѣда у себя въ домѣ, — закатилъ, говорю, пиръ въ три этажа, на который пригласилъ все наше чиновничество и земство и за шампанскимъ, вставъ въ ростъ, объявилъ намъ...

— И вы тамъ были? усмѣхнулся Троекуровъ.

— Какъ не быть! Я тутъ въ нѣкоторомъ родѣ главную роль играю; слушайте дальше!... Объявилъ намъ, говорю, что „онъ имѣетъ честь вступитъ чрезъ два дня въ бракъ со старшею дочерью того достойнаго лица, которому только-что отданъ послѣдній христіанскій долгъ, Антониной Дмитріевною Буйносовой, и считаетъ по этому случаю своимъ долгомъ

принести сердечное извинение своимъ одноземцамъ и вообще достопочтеннѣйшимъ лицамъ здѣприсутствующимъ“ — такъ и выразился, буквально, — „за то, что не имѣеть возможности пригласить ихъ на свадебное торжество, такъ какъ, вслѣдствіе семейнаго горя, постигшаго будущую жену его, торжество это можетъ произойти лишь въ самомъ тѣсномъ родственномъ кружкѣ „и, такъ сказать, *инкогнито*“.

Не вру, такъ и отпустилъ — нарочно, примолвилъ Фирсовъ, — потому малый онъ далеко не глупый и не безграмотный, а выдавать себя за простячка и тѣмъ легче людей морочить страсть любить!... Послѣ этого вынимаетъ онъ какое-то письмо изъ кармана, съ глубокимъ поклономъ передаетъ его мнѣ, я какъ разъ противъ него за столомъ сидѣлъ, и обращается торжественно съ рѣчью: „Позвольте-моль, высокоуважаемый Николай Ивановичъ, передать вамъ заключающуюся въ этихъ собственноручныхъ строкахъ къ вамъ нареченной невѣсты моей Антонины Дмитриевны просьбу ея, какъ не имѣеть она никого въ эту минуту болѣе близкихъ ей, и по особому уваженію своему къ вамъ, сдѣлать ей честь принять на себя быть ей за отца при бракосочетаніи ея со мною, а также передать достойнѣйшей супругѣ вашей, Анфисѣ Дмитриевнѣ, таковую же просьбу удостоить быть у нея замѣсто матери...“

И замѣтите, шельмецъ, какъ ловко подвелъ, передавая мнѣ эту просьбу и письмо ея при всѣхъ и врасплохъ, чтобъ я, въ случаѣ чего, и предлога не успѣлъ найти къ отказу...

— Ну, и чтѣ же свадьба?

— Перво-наперво выѣхали мы туда, часу въ одиннадцатомъ, въ великолѣпномъ экипажѣ, ландо, который онъ прислалъ за нами. Проѣхали пятнадцать верстъ въ какія-нибудь двадцать пять минутъ; кони — черти! Хорошо-съ! Подъехали подъ крыльцо. Глядимъ, вышелъ встрѣчать насъ невообразимый франтъ какой-то, въ перчаткахъ, въ лакированныхъ ботинкахъ, усы въ сосульку помадою прикрученные. Шляпу снялъ, расшаркивается и мямлитъ что-то непонятное. А лицо — чтѣ твое яблоко печеное и ножки отъ ветхости подвертываются. Воззрился я въ него... Батюшки, да это Зяблинъ, — знаете, тотъ, чтѣ при старухѣ Аглаѣ въ должности помпадура со-

стояль; находится онъ теперь у Сусальцева въ томъ же Спичкомъ на положеніи не то пріятеля, не то метрдотеля... Поняли мы изъ его жестовъ, что хозяинъ насъ на верхъ просить. Пошли. По лѣстницѣ бѣжить навстрѣчу намъ *самъ*. Жену мою сейчасъ подъ руку и ведетъ въ гостиную знакомить съ невѣстой; та съ похоронъ отца за два дня предъ тѣмъ на жительство къ нему переѣхала. Очень любезна, само собой, благодарить насъ и, какъ настоящая уже хозяйка, предлагаетъ повести насъ и бывшихъ еще тутъ посаженныхъ *самого*, тетку его какую-то старую и дядю-глухаря, домъ осмотрѣть. *Самъ*, услыхавъ это, такъ и просіялъ. „На половину, говорить, князь Ларіона ведите“! Этотъ самый князь Ларіонъ Шастуновъ, значить, о которомъ вамъ извѣстно отъ Василія Григорьевича Юшкова; ну а что онъ за баринъ былъ такой—моему Прову, разумѣется, не вѣдомо. „Пожалуйте“, только говорить, и Анфису мою опять подъ руку... Вижу, и мнѣ тоже надо, подвернулъ локоть калачикомъ, подхватилъ Антонину,—запахали... Ну-съ, палаты барскія—одно слово!.. И не съумѣю вамъ просто выразить, Борисъ Васильевичъ, какъ тяжело мнѣ тутъ стало вдругъ, сказалъ докторъ, и въ голосъ его неожиданно послышалась далеко не привычная ему невеселая нота.—Не родился я бариномъ, какъ вамъ извѣстно, и никакихъ особенно аристократическихъ инстинктовъ въ себѣ до сихъ поръ не замѣчалъ. А тутъ мнѣ какъ бы обидно за *прошлое* стало, за то, что въ этихъ палатахъ со всѣхъ стѣнъ будто живымъ словомъ говорить... Сынъ этотъ Аглаинъ, шушера, должно быть, безмозглая, продалъ заглазно Сусальцеву имѣніе съ усадьбой все какъ-есть, со всѣмъ въ ней находившимся, не выговоривъ себѣ, хотя бы на память о родѣ своемъ, ни единой вещицы отъ предковъ... И все это такъ тутъ и осталось на этой половинѣ „князь Ларіона“: портреты ихъ семейные, Матюшка-Евдотерина во весь ростъ, генералы на коняхъ въ звѣздахъ и лентахъ—времени ея орлы, бюсты мраморные, миниатюры, картины чудесныя...

— Знаю, перебилъ, сдвинувъ слегка брови, Троекуровъ.— я все это хотѣлъ купить у Шастунова послѣ смерти его матери, но онъ не согласился, и вслѣдъ затѣмъ, какъ меня

извѣстили, поспѣшили повончить съ Сусальцевымъ... Онъ очевидно *мнѣ* не хотѣлъ продать...

— Отчего такъ?

И у любопытнаго доктора такъ и запрыгали брови.

Борисъ Васильевичъ только плечомъ пожалъ, и мимо-летняя, не то презрительная, не то унылая усмѣшка скользнула подъ его полусѣдыми усами.

— Что же Провъ Ефремычъ, спросилъ онъ тутъ же, — очень чужарится доставшимся ему наслѣдіемъ Шастуновыхъ?

— Ходить кругомъ, какъ медвѣдь по гумну, пальцемъ тычетъ: „Взгляните, говорить, вотъ на этотъ портретецъ: *сочно* какъ писано!“ Про *сочность*-то онъ отъ кого нибудь слыхалъ, а въмъ писано и это писанный — ничего онъ про то не знаетъ и ничего-то это ему не говоритъ. Батка его въ Вятской губерніи лыкомъ торговалъ, съ того богатѣть началъ что на 500 верстъ кругомъ липовые лѣса ободралъ, такъ что о нихъ теперь и помину въ тѣхъ мѣстахъ не осталось. Одну онъ эту родовую доблесть и завѣщаль сынку. Такъ этотъ, знаете, ходитъ теперь посередь тѣхъ ливовъ мраморныхъ и писанныхъ, да и думаетъ, должно быть, про себя: „тѣ, съ коихъ *васъ* тутъ сняли, господа были большіе, войны знаменитые, кровью своей и дѣлами Россію великою сдѣлали, а вотъ я, вахлака-кулака сынъ, въ хоромахъ ихнихъ теперича хозяиномъ состою, потому, значить, пришло наше царство мужицкое, и *мы* теперь на мѣсто ихъ потомковъ сядемъ“...

Троекуровъ одобрительно кивнулъ на эти слова и спросилъ опять:

— Ну, а супруга его теперешняя чѣд?

— Про нее что говорить! Какъ рыба въ родной стихіи въ этой роскоши себя чувствуетъ; большая барыня изъ нея такъ свѣтомъ и свѣтитъ, хотя по званію и *купецкая жена* она теперь... Покажетъ она Прову видовъ, да и отполируетъ его при этомъ, пожалуй. Онъ, полагаю даже такъ, не безъ этого расчета и жениться на ней вздумалъ, между прочимъ, потому, говорю, малый по природѣ далеко не глупый и не безъ амбиціи...

— А курьезный она экземпляръ женщинъ новой фор-

маці, насколько я могъ замѣтить, когда она еще ѣздила сюда съ отцомъ, вдумчиво сказала Борисъ Васильевичъ: — изъ нея будто воздушнымъ насосомъ всю женскую *сущность* вытянули и въ жилы вмѣсто крови накачали какого-то *vinaigre de toilette* съ подмѣсю доли крѣпкой водки. Цинизмъ безсердечія, который она любитъ выказывать, совершенно въ ней искрененъ, и доходить у нея даже до извѣстнаго градуса дѣйствительной силы: она многихъ покорить въ теченіе своей жизни, но едва-ли найдется, кто покорилъ бы ее въ свою очередь.

— Я такихъ бы въ пеленкахъ еще придушивалъ! пробурчалъ съ сердцемъ Өирсовъ.

Собесѣдникъ его разсмѣялся:

— А еще посаженнымъ отцомъ у нея былъ. Хорошъ!

— Былъ-съ, дѣйствительно, разсмѣялся и докторъ, — и не только посаженнымъ, а и за шафера, противу всякаго закона, все время, почитай, выстоялъ.

— Какъ такъ?

— А такъ, что шаферомъ у невесты назначенъ былъ этотъ самый помпадуръ бывшій, Зяблинъ, да ужъ больно ветхъ оказался на эту должность. Какъ вынесъ пощъ вѣнцы, да пришлось ему руку, во всю длину вытянувъ, — рослая вѣдь она, знаете, — на дыпочки подняться съ этимъ вѣнцомъ надъ нею, не выдержалъ старый франтъ: ноженьки подогнулись, рука туда, сюда... Думаю, или по головѣ ее сейчасъ хватить обручемъ мѣднымъ, или самъ свалится. А рядомъ съ нимъ жениховъ шаферъ, родня ему какой-то, верзила здоровенный; ему бы, олуху, сейчасъ товарищу въ помощь притти, подхватить у него вѣнецъ другою рукой, да продержатъ, пока тотъ отдохнетъ, а онъ стоитъ истуканомъ, глазами въ затылокъ Прова упершись, не видитъ ничего. Ну, а я тутъ сзади съ Анфисою стою по званію нашему посаженныхъ. Вижу, плохо дѣло, подскочилъ, взялъ у Зяблина вѣнецъ, держу... А онъ и совсѣмъ осовѣлъ, отошелъ назадъ, на стулъ опустился... Я такъ все время и отбылъ за него, и кругомъ наля за ними крутился... съ животомъ это моимъ, можете себѣ представить! Анфиса моя чуть не задохлась, зажимая себѣ ротъ платкомъ, чтобы не наскандалить смѣхомъ на всю церковь... Ужъ за то

что хохоту было потомъ, за завтракомъ, когда старый франтъ сталъ извиняться предъ новобрачной, увѣряя ее, что „зрѣ-лице счастья, ожидающаго единственнаго друга его, Прова Ефремовича, такъ глубоко взволновало его, что онъ не могъ удержать своихъ слезъ и, какъ въ туманѣ, передалъ *на нь-сколько мгновений, не помнитъ кому*, вѣнецъ, который держалъ надъ головой *прелестной новобрачной*“... Ну-съ, а послѣ завтрака, поспѣшилъ докончить Ойрсовъ, замѣтивъ выраженіе какъ бы нѣкоторой скуки на лицѣ своего патрона, — подка-тилъ подъ крыльцо великолѣпный дорожный дормезъ, выпи-санный Провомъ по телеграфу изъ Москвы, единственно для переѣзда съ молодою женой изъ Сицкаго въ городъ, двѣнад-цать верстъ всего-съ, а тамъ сѣли они на желѣзную дорогу и поехали.

— Куда?

— За границу.

— А! Надолго?

— Я вотъ съ этимъ самымъ вопросомъ обратился къ Про-ву; только вмѣсто него она мнѣ отвѣтила: „А сколько, гово-рить, *мнѣ* проживется!...“ Подольше бы, матушка, подумаль я тутъ,—тѣмъ намъ пріятнѣй!..

— А вамъ что?

Онъ повелъ губами:

— Я все, знаете, въ виду нашего... Григорія Павлыча...

Борисъ Васильевичъ иронически усмѣхнулся:

— Дитяtku отъ лихорадки оберегаете?

— Подальше отъ зла, все лучше, знаете...

— А мужественно схватиться съ нимъ грудь о грудь и побороть его — нѣтъ!.. Удивительное переживаемъ мы время! Сильныхъ бойцовъ оно даетъ лишь на гибель и преступленія, а въ противоположный лагерь подставляетъ однихъ какихъ-то... сладкоопѣвцовъ Сикстинской капеллы, чтобы выразиться при-лично, не годныхъ ни на какую борьбу, безвластныхъ надъ самими собою...

Онъ оборвалъ, примолвъ на минуту и договорилъ:—Если-бъ этой барынѣ вздумалось его только пальцемъ поманить, Гри-горій Павловичъ вапъ промучился бы и простоналъ бы сѣт-

ки цѣлыя, забившись въ какой-нибудь уголь, а на другія помчался бы начетвереньгахъ за нею за границу, хотя бы это должно было стоить жизни старику отцу его!..

Николай Ивановичъ Фирсовъ открылъ было ротъ для возраженія, но не нашелъ или не хотѣлъ высказать его и только вздохнулъ; вслѣдъ затѣмъ, вытащивъ часы, проговорилъ скороговоркой: „А мнѣ въ больницу пора“, и торопливо вышелъ изъ кабинета.

XIV.

И какъ вино, печаль минувшихъ дней
Въ моей душѣ чѣмъ старѣй, тѣмъ сильнѣй.

Пушкинъ.

Борисъ Васильевичъ остался одинъ.

Онъ оперся локтемъ о ручку кресла и головой объ руку, закрылъ глаза — и впалъ въ глубокое раздумье...

Двѣнадцать лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ разстались мы съ нимъ, читатель, и десять съ того времени, когда онъ снова, генераломъ въ отставкѣ, водворился на постоянное жительство въ своемъ Всесвятскомъ, покидая его лишь изрѣдка для недолгихъ поѣздокъ за границу на морскія купанья или въ Рагацъ, гдѣ онъ лѣчилъ отъ испытываемыхъ имъ въ довольно сильной степени нервныхъ страданій, — послѣдствій тяжелой раны въ черепъ, полученной имъ въ лѣсахъ Люблинской губерніи, во время польскаго мятежа... Ему въ настоящую минуту минуло сорокъ семь лѣтъ. Не смотря на почти сплошную сѣдину волосъ его и бороды, онъ все еще казался свѣжъ и молодежавъ на видъ; но въ глазахъ, глубоко ушедшихъ теперь подъ полукругъ бровей, не сверкалъ уже прежній, непреклонный блескъ стали; его замѣнилъ сдержанный, какъ бы безотрадный пламень мысли, прошедшей чрезъ суровую внутреннюю работу...

Тревога, причиненная ему телеграммой жены, бессонная ночь въ вагонѣ, разговоръ доктора о смерти старика Буйносова и наконецъ разговоръ о Гришѣ Юшковѣ, все это ударило опять по его нервамъ и болѣзненно натянуло ихъ... Онъ

былъ не доволенъ собою, „рѣзкостью“ сужденія, выговореннаго имъ сейчасъ о молодомъ человѣкѣ, горячую привязанность котораго къ себѣ онъ зналъ и въ которомъ самъ—давно-ли еще это?—видѣлъ будущаго зятя... Нѣтъ, конечно, не такового „нетвердаго на своихъ ногахъ“ спутника жизни нужно его Машѣ,—и „Александра Павловна согласится съ нимъ“... Но имѣлъ-ли право онъ, Троекуровъ, относиться такъ неснисходительно къ тому, что заставило бы, какъ выразился онъ, этого молодого человѣка „побѣжать начетверенькахъ“ за чужою женой, за женщиной, къ тому же не любившею его? Ту же вѣковѣчную повѣсть безмысленной или преступной, но поглощающей, но неодолимой страсти, не довелъ-ли онъ самъ ее нѣкогда до послѣдней страницы, и при какихъ условіяхъ, при какихъ отягчающихъ обстоятельствахъ! Гриша свободенъ;—онъ былъ женатъ, отецъ семейства, онъ губилъ—безпощадно сознательно, „мерзко“ губилъ—не одного себя, и не палъ окончательно въ бездну не по своей волѣ...

Много воды утекло съ той поры, но, благодаря-ли раздраженному состоянію его организма, или тому строгому, чтобы не сказать аскетическому, настроенію, которое уже давно владѣло имъ, воспоминанія о заблужденіяхъ его прошлаго принимали у него съ теченіемъ лѣтъ все болѣе и болѣе острый характеръ. На него находили иной разъ припадки душевной тоски, въ которыхъ онъ проникался какою-то нестерпимою злостью къ самому себѣ, ко всему „безмыслию и грѣховности“ прожитой имъ жизни, и томился, и казнилъ ими, какъ какой-нибудь отшельникъ древней Оиваиды...

И теперь такія же фдвія воспоминанія проносились предъ нимъ. Но они бѣжали далѣе, захватывали періодъ времени, слѣдовавшій за отъѣздомъ его изъ Всесвятскаго, куда онъ въ тѣ дни думалъ никогда не вернуться... Онъ видѣлъ себя командиромъ полка среди враждебнаго края, гдѣ все кругомъ дышало измѣной, гдѣ въ глазахъ самихъ офицеровъ своихъ, смущаемыхъ доходившими до нихъ чрезъ Евреевъ листовками Герцена *) и социалистическою проповѣдью петербургскихъ

*) Въ ту пору въ *Колоколь* напечатано было, между прочимъ, презабавное въ напыщенной фразистости своей воззваніе Виктора Гюго „къ рус-

журналовъ, онъ читалъ недоумѣніе и колебаніе... Онъ весь отдался дѣлу своему, службѣ, вызывая примѣромъ своимъ ревность въ подчиненныхъ, строго затягивая узды распущенной до него дисциплины. Полку его суждено было принять удары первыхъ, еще вѣрившихъ въ себя, силъ поднявшагося возстанія. Банды были многочисленны, схватки упорны; солдаты выбивались изъ силъ, преслѣдуя чрезъ густые лѣса и болота по горло выроставшіе какъ изъ-подъ земли то здѣсь, то тамъ новые и новые сброды повстанцевъ. Троекуровъ былъ неутомимъ: въ тревожной, отвѣтственной боевой жизни онъ находилъ отводъ отъ тѣхъ мучительныхъ личныхъ помысловъ, которые глодали ему душу; чѣмъ-то былымъ, юнымъ, „кавказскимъ“ вѣяло на него среди этихъ лѣсовъ *Холмицины*, изъ-за каждаго дерева которыхъ выглядывалъ врагъ, ожидался выстрѣлъ... И вотъ однажды — какъ живо помнилъ онъ этотъ день! — онъ, во главѣ двухъ ротъ, надъ которыми принималъ начальство самъ, выступилъ ночью въ походъ и, послѣ утомительнѣйшаго перехода во мракѣ по невѣдомымъ лѣснымъ тропинкамъ, очутился на зарѣ предъ помѣщичьей усадьбой, въ которой, какъ было ему донесено лазутчиками, имѣла ночевку довольно значительная банда инсургентовъ. Застигнутые врасплохъ, лишенные рачительно принятыми мѣрами возможности бѣжать въ какую бы то ни было сторону, повстанцы рѣшились отчаянно защищаться. Они засѣли въ двухъэтажномъ хозяйскомъ домѣ, въ службахъ, окружавшихъ его, въ хлѣвахъ и амбарахъ, и производили оттуда чрезъ всѣ отверстія убійственный огонь по осаждавшимъ. Изъ числа послѣднихъ человекъ уже тридцать вышло изъ строя. Разъяренные солдаты натаскали подъ градомъ пуха соломы, сѣна и и щепокъ подъ входную, загроможденную изнутри, дверь дома — и зажгли ихъ... Дверь вспыхнула чрезъ нѣсколько мгновений; огненные языки побѣжали вверхъ, цѣпляясь за рѣшетчатую драгву стѣнной облицовки, обнаружившейся изъ-подъ обвалившейся отъ выстрѣловъ глиняной штукатурки; дымъ чер-

скимъ солдатамъ“ (sic!), которымъ „великій поэтъ“ приглашалъ ихъ не сражаться противъ Поляковъ, возставшихъ-де во имя общей свободы ихъ родины...

ными влудами повалилъ въ окна, на половину заваленныя со стороны посаженныхъ всякими подушками и перинами... „Они сдадутся сейчасъ, или ни одному изъ нихъ не выйти оттуда живому“, сказалъ себѣ Троеуровъ. Онъ слѣзъ съ лошади, кинувъ поводья ея сопровождавшему его всюду конюху своему, Скоробогатову, — котораго, надѣмся, не забылъ читатель, — и стоялъ шагахъ въ тридцати напротивъ загоравшагося зданія, внимательно слѣдя за происходившимъ и постукивая машинально по высокому сапогу кончикомъ нагайки, висѣвшей у него по обыкновенію на кисти правой руки. Дѣйствительно, чрезъ нѣсколько минутъ изъ круглаго окна чердака подвизаннымъ къ ней, въ видѣ парламентарскаго флага, бѣлымъ носовымъ платкомъ. Троеуровъ винулся къ своимъ, влывавшимся уже сквозъ пламя на лѣстницу, съ поднятою рукой и громкимъ приказомъ: „Ребята, сдаются... Смотри, брать живыми, не колоть!“ И въ то же мгновеніе онъ услышалъ за собою испуганный возгласъ Скоробогатова: „Берегись, ваше всеблагородіе!“ а надъ собой изъ втораго этажъ голосъ, кричавшій по-польски съ сильнѣйшимъ русскимъ акцентомъ: Пальце (стрѣляйте), панове, то самъ ихъ доведца (начальникъ) есть!“ Онъ быстро поднялъ голову на этотъ голосъ, показавшійся ему знакомымъ. Онъ узналъ теперь и говорившаго... Тотъ мгновенно свѣсилъ всемъ туловищемъ черезъ подоконникъ съ револьверомъ въ рукѣ и крикнулъ уже прямо по его адресу по-русски: „А, нагаечникъ! Такъ на-жь тебѣ!“ Глаза Троеурова мгновенно застлало туманомъ, — онъ ничего уже дальѣе не помнилъ...

Когда онъ, какъ узналъ это впоследствии, на десятый день пришелъ въ сознаніе, была ночь. Онъ лежалъ на постели въ довольно просторной, незнакомой ему комнатѣ, освѣщенной низкою лампой, заставленною отъ него какимъ-то развернутымъ большимъ фоліантомъ, но тусклый пламень которой дозволилъ ему различить двѣ человѣческія фигуры, безмолвно и недвижно сидѣвшія у него въ ногахъ. Одною изъ нихъ былъ докторъ Өирсовъ, другою — жена... Онъ скорбно вспоминалъ теперь: онъ узналъ ее тотчасъ же и тутъ же за-

крыль послѣшно глаза подѣ наитіемъ какого-то досадливаго, чуть не злаго ощущенія. Онъ какъ-то сразу сообразилъ все: онъ былъ раненъ, она извѣщена была объ этомъ и пріѣхала, не теряя минуты, оставивъ дѣтей на рукахъ „какой-нибудь Лизаветы Ивановны“,—пріѣхала съ домашнимъ врачомъ своимъ, со всѣми средствами къ успѣшному его врачеванію, съ несказанною тревогой въ душѣ, съ неотступною рѣшимостью не покидать его постели до его выздоровленія... или смерти... Ко всѣмъ винамъ его предъ нею присоединялась еще новая отвѣтственность за всѣ тѣ муки, которыя испытывала она теперь изъ-за него, присоединялась и тяжесть благодарности за ея „непрошенное великодушіе“...

И долго не былъ онъ въ состояніи одолѣть это чуть не враждебное чувство къ ней, къ этому преданному и тихому женскому существу, исхудавшему и блѣдному какъ наволока подушки, на которой покоилась его забинтованная голова, молча и не отрываясь глядѣвшему на него своими впалыми, казавшимися теперь огромными, темнокариыми глазами. Долго еще, пользуясь своею дѣйствительною физическою слабостью, онъ притворялся, что не замѣчаетъ ея присутствія, избѣгалъ ея взгляда, не говорилъ ни съ ней, ни съ „ея“ докторомъ, внушавшимъ ему теперь со своей стороны какое-то отвращеніе, и отвѣчалъ на ихъ вопросы отрывистыми междометіями, имѣвшими цѣлью отнять у нихъ надежду на дальнѣйшія объясненія... Но, угадывала или нѣтъ Александра Павловна то, что происходило на душѣ у ея мужа, онъ ни разу не могъ замѣтить въ выраженіи лица ея, въ тонѣ рѣчи или невольномъ движеніи какой-либо признакъ неудовольствія или тайнаго упрека. Онъ былъ живъ, спасенъ, рана шла къ лучшему,—ей ничего, казалось, другаго не нужно было... Она неслышною походкой скользила по комнатѣ, подносила ему безмолвно лѣварство въ урочные часы, „перстами легкими какъ сонъ“ приподымала и поддерживала большую голову его, когда полевой докторъ, специально пользовавшій своего раненаго командира, съ помощью Өирсова перемѣнял на ней перевязки, и словно вся сама, благоухающая какъ ландышъ въ смиреніи своемъ, горѣла при этомъ лишь трепетнымъ же-

ланиемъ, чтобъ онъ не замѣчалъ ея, не почиталъ себя обязаннымъ благодарностью за непрестанный, денный и нощный, уходъ ея за нимъ...

Онъ заснулъ какъ-то рано вечеромъ и проснулся глубокою ночью. Та же лампа за большимъ фоліантомъ мягко освѣщала комнату. Но Фирсова въ ней не было. Одна она сидѣла на обычномъ мѣстѣ, въ ногахъ его,—сидѣла, уронивъ голову на край его ложа, и онъ, взглянувъ въ абрисъ затылка ея и плечъ, увидѣлъ, какъ вся она вздрагивала отъ рыданій, которыя заглушала въ складкахъ одѣяла, покрывавшаго его... Безконечное чувство раскаянія и жалости охватило его въ эту минуту. „Саша“! проговорилъ онъ задрожавшимъ голосомъ... Она вскинула голову вверхъ, испуганно устремила на него глаза... „Прости меня“! прошептала она. Она вскрикнула, перекинулась черезъ кровать къ его рукѣ, прильнула къ ней—и такъ и замерла...

Мѣсяца чрезъ полтора онъ ѣхалъ съ нею въ покойномъ дорожномъ дормезѣ, à petites journées (онъ далеко не былъ еще въ состояніи переносить переѣзды по желѣзнымъ дорогамъ), на югъ, въ Италію, ища врачующей благодати солнца и уединенія... Они нашли ихъ въ маленькомъ городкѣ Пельи, на *Генуэзской рѣкѣ* *), огражденномъ отъ ненастій сѣвера полукругомъ поросшихъ пиніями горъ,—счастливымъ уголкѣ, „гдѣ точно ясны небеса“, гдѣ розы круглый годъ цвѣтутъ не отцвѣтая,

In grüner Laub die Gold-Orangen glüh'n,
Der Lorbeer hoch und still die Myrte steht **)...

Они поселились надъ городомъ, на Villa Doria, въ старомъ palazzo XVII вѣка, съ фресками на стѣнахъ, высокими залами и волшебнымъ видомъ на Геную и зеленоголубую даль

*) *Riviera di Genova* называется вся полоса моря, омывающая Лигурійскій берегъ, и раздѣляется на *Riviera di Ponente* (западная рѣка), идущую отъ *Порто-Фино* (высокой горы, возвышающейся надъ Генуэзскимъ заливомъ со стороны востока) и до самой Ниццы, и на *Riviera di Levante*, отъ того же Порто-Фино внизъ, къ Спеціи.

**) Гёте. Пѣснь Миньйоны.

Средиземнаго моря. Черезъ двѣ недѣли затѣмъ Анфиса Дмитріевна Өирсова, сіяющая счастіемъ (она лишь за два мѣсяца предъ тѣмъ вышла замужъ за толстяка-доктора, сопровождавшаго со Скоробогатовымъ Троєкуровыхъ за границу), съ нянею и Нѣмцемъ-курьеромъ, говорившихъ на всѣхъ языкахъ, привезли въ полномъ здравіи въ Пельи дѣтей изъ Всесвятскаго... Александра Павловна, какъ выражалась она, почувствовала себя теперь „какъ въ Царствѣ Небесномъ“...

Медленно между тѣмъ поправлялся раненый. Онъ вспоминалъ, какъ въ тѣ дни просиживалъ по цѣлымъ часамъ на террасѣ, подъ жгучимъ тепломъ италіянскаго зимняго солнца, устремивъ глаза на золотистую рябь тихо плескавшагося моря, безъ мысли, безъ движенія, „живя, какъ говорилъ онъ себѣ теперь, сладкою и тупою жизнью растенія“. Его словно окочевала здѣсь какая-то парализія психическихъ отправленій, оупѣніе ощущеній и сознанія... Въ такомъ состояніи провелъ онъ почти всю зиму... „Оттааетъ, погодите!“ утѣшалъ никогда не унывавшій Николай Ивановичъ Өирсовъ Александру Павловну, начинавшую серьезно тревожиться.

Скоробогатовъ, исправлявшій теперь должность камердинера при своемъ „генералѣ“ (Борисъ Васильевичъ произведенъ былъ въ этотъ чинъ за то самое дѣло, въ которомъ былъ раненъ, — дѣло, кончившееся полоненіемъ почти всей банды, застигнутой въ усадьбѣ), каждый разъ, какъ входилъ къ нему утромъ со свѣжевычищеннымъ барскимъ платьемъ на рукавъ, вглядывался въ него избока своими узкими, татарскими глазами и, сердито отвернувшись вслѣдъ затѣмъ, мурлыкалъ себѣ что-то подъ носъ.

— Что это ты? спросилъ его однажды, замѣтивъ это наконецъ, баринъ.

— Чтобъ *іому*, говорю себѣ, ваше превосходительство, неожиданно отвѣтилъ старый служивый, — шельмецу этому на томъ свѣтѣ ни дна, ни покрышки!

— Кому это?

— А что вотъ сдѣлалъ вамъ такъ, что и по сейчасъ прежняго куражу не можете вы себѣ достать.

Глаза Троєкурова усиленно заморгали... Въ первый разъ

въ эту минуту воскресало въ его памяти то, что произошло съ нимъ *тогда*. Но онъ усиленно усмѣхнулся:

— Да, *угодили* меня ловко! какъ бы небрежно уронилъ онъ.

— А *кто*, полушопотомъ и подчеркивая молвилъ Скоробогатовъ, наклоняясь къ нему, — успѣли замѣтить?

— Нѣтъ! съ усиліемъ произнесъ Борисъ Васильевичъ.

— А я его призналъ, ваше пр... Самый тотъ есть шарлатанъ, съ подвязною бородой, изволите помнить, что въ Крусановскихъ лугахъ кость вамъ перешибъ. Нашъ, Русскій, не то чтобъ изъ Поляковъ, — измѣнщикъ, стало быть... Не успѣлъ въ матушѣ-Расѣ набаламутить, такъ, значить, въ безмозглымъ въ эвтимъ въ слуги пошелъ... Бѣда! Стою это я съ вашимъ рыжимъ, какъ вы изводили слѣзть, — гляжу, флагъ они выкинули: ну, думаю, пардону просятъ, наша взяла!... Вы тутъ сейчасъ къ дому бросились, — а онъ, вижу, въ тотъ самый разъ подбѣгъ къ окну... Онъ, ваше превосходительство, онъ самый! Хоша въ чамарѣ и на головѣ четырехуголка ихняя, а я его издаелчка сразу призналъ, — бѣлесый такой, плюгавый изъ себя... Подбѣгъ, говорю, своимъ что-съ кричить, а самъ перегнулся по-надъ васъ и изъ ривольвера сверху цѣлить... Я тутъ лошадь бросилъ, къ вамъ: „Брегись, кричу, ваше...!“ А вы, гляжу, ужъ и съ ногъ валитесь... Ахъ ты, Господи!... И Скоробогатовъ отчаяннымъ движеніемъ ударилъ себя изо всей силы ладонями по бедрамъ... — Не дали-жь ему за то пардону солдатика, добавилъ онъ чрезъ мигъ, свернувъ глазами, — въ рѣшето *штыкамъ* искололи...

Троеуровъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ уперся въ него взглядомъ. Онъ хотѣлъ сказать что-то... и не могъ. Но старый солдатъ понялъ упрекъ, выразившійся въ этомъ взглядѣ:

— А что-жь ему, анаемѣ, другого сдѣлать, ваше престо? возразилъ онъ недовольнымъ тономъ: — потому, первое сказать, Бога онъ своего забылъ, противу своихъ воевать пошелъ; а вторымъ дѣломъ, какъ же онъ, песъ, когда флагъ они выкинули, — сдаемся, значить, въ полонъ, — а онъ въ само-то время стрѣлить?.. Собаеѣ, говорится, собачья и смерть, такъ ему и надо было! сурово заключилъ онъ.

— Рассказываль ты объ этомъ кому-нибудь здѣсь? спро-

силъ его Борисъ Васильевичъ послѣ довольно продолжительнаго молчанія.

— Чтѣ-жъ мнѣ рассказывать, ваше пре—ство! Самъ понимаю...

— Чтѣ ты понимаешь?

И внезапная краска выступила на лицѣ Троекурова.

— Потому чтѣ-жъ тутъ хорошаго, что вы *отъ своего* чуть смерти не получили!.. За Расею стыдно, ваше... добавилъ онъ въ видѣ объясненія.

— Хорошо, ступай... и чтобъ объ этомъ никому!...

— Слушаю-сь...

На летаргическое состояніе, въ которое погружена была до этой минуты мысль Троекурова, разговоръ этотъ произвелъ дѣйстви́е электрической искры. Онъ какъ бы вдругъ встряхнулся весь, загорѣлся опять пламенемъ жизни... Но не на радость ему было это мгновенное воскрешеніе. Образъ „измѣнщика“, выстрѣлившаго въ него и исколотатаго затѣмъ „въ рѣшетѣ“ его солдатами, сталъ неотступно и болѣзненно преслѣдовать его теперь... „Почему такъ случилось“, спрашивалъ онъ себя съ какою-то странною, суевѣрною внутреннею тревогой, — „что среди вооруженнаго сброда повстанцевъ-Поляковъ я долженъ былъ натолкнуться именно на того единственнаго *русскаго* человѣка, которому убить меня могло доставить удовольствіе? Неужели приписать это тому чему-то бессмысленному, чтѣ люди зовутъ „слѣпымъ случаемъ?“... Нѣтъ, слѣпыхъ случаевъ не бываетъ,—все тѣсно связано и органически истекаетъ одно изъ другаго въ этомъ мірѣ, причины и послѣдствія, зло и наказаніе, и законъ роковаго возмездія стоялъ не даромъ краеугольнымъ камнемъ въ вѣрованіяхъ древнихъ народовъ... Кто мнѣ докажетъ, что этотъ несчастный, стрѣляя въ меня, не былъ избраннымъ орудіемъ кары, назначенной мнѣ высшимъ опредѣленіемъ, послѣ чего погибъ самъ жестокою смертью за все то злое, чтѣ совершено было имъ въ свою очередь на этой землѣ?..“

И то жгучее чувство самоосужденія, съ которымъ онъ въ Москвѣ, по полученіи письма отъ княжны Киры *), рѣшилъ

*) *Переломъ*. Часть IV. Глава XII.

уйти *ото всего* въ темные ряды арміи, разгоралось у него съ новою силою... Гроза тѣхъ страшныхъ дней навсегда повидимому миновала теперь. Не исполниль-ли онъ въ настоящее время, говорилъ онъ себѣ пронически, „все, что отъ *порядочнаго* человѣка требуется въ подобныхъ случаяхъ“: покаялся, просилъ жену простить ему, и она великодушно, безъ колебаній и условій, даровала ему это прощеніе... Но все-ли это, удовлетворень-ли онъ въ душѣ своей?... Нѣтъ, далеко не все! Состоялось примиреніе, вернулось согласное супружеское сожитіе; но обрѣлъ-ли онъ вмѣстѣ съ тѣмъ тотъ „истинный смыслъ жизни“, котораго не доставало ему до сихъ поръ, ту высоту духовнаго подъема, которымъ опредѣляется этотъ смыслъ?.. „Надѣть узду на себя не трудно,—надо знать, для чего ты ее надѣваешь“, разсуждалъ Троекуровъ; „Александръ Павловичъ никакой узды не нужно, чтобы находить въ себѣ удовлетвореніе, которое *та* (онъ разумѣлъ Киру,) и я тщетно искали всю жизнь. Не потому-ли это, что она вѣкъ свой думала о другихъ и забывала о себѣ“?..

Къ женѣ онъ испытывалъ теперь чувство совершенно для него новое—чувство какого-то набожнаго благоговѣнія. Душевный цвѣтъ ея будто впервые распустилъ предъ нимъ всѣ свои лепестки и охватилъ все существо его своимъ неотразимымъ ароматомъ... Чувство это выражалось у него наружно въ какой-то прилежной, какъ бы почтительной внимательности къ ней, къ ея словамъ и мнѣніямъ, къ малѣйшему желанію, которое онъ угадывалъ у нея. Прежній фамилярный, легкій, чуть-чуть насмѣшливый тонъ его съ нею, тонъ первыхъ временъ супружества, въ которомъ сквозь нѣжность влюбленнаго мужа всегда неволью проглядывало сознание умственнаго превосходства его надъ нею, замѣнилъ теперь оттѣнокъ постоянной серьезности и уважительности въ отношеніяхъ, въ разговорахъ его съ нею, будто боялся онъ оскорбить шутивнымъ или легкомысленнымъ словомъ ту чистую святыню, которую носила она въ себѣ. Онъ будто постоянно ждалъ отъ нея какихъ-то отерovenій, какихъ-то „свѣточей въ ночи“... Александра Павловна—все та же неизмѣнная „Сашенька“ первыхъ дней—весьма скоро замѣтила эту перемену,

но она не польстила ей, не обрадовала ея,—она ее страшно испугала. Она почувала, что этот „сильный, умный человек“, мужь ея, чего-то требует теперь отъ нея, требует именно, объяснила она себѣ тутъ-же, того же „умнаго, что находилъ онъ у Киры“... и чего „откуда же я ему возьму?“ съ отчаяніемъ восклицала она внутренно... И вся она какъ улитка ушла вслѣдъ за этимъ въ свою скорлупку...

Увы, благосклонныя читательницы мои, между этими супругами, которыхъ бурная волна жизни вынесла, казалось, благополучно къ новымъ медовымъ берегамъ, стало съ этой минуты какое-то роковое недоразумѣніе, образовался провалъ, которому съ теченіемъ времени суждено было все упорнѣе итти въ глубь. То, что по всѣмъ даннымъ должно было послужить къ тѣснѣйшей связи между ними, чуть не разводило ихъ опять. „Не то, не то“, сказывалось въ душѣ Сашеньки въ отвѣтъ на благоговѣйную внимательность къ ней мужа,— „не то, что въ тѣ счастливыя времена, когда сажалъ онъ меня на колѣни и говорилъ: „Ну, рассказывай, глупая моя дѣвочка!“ Онъ кается, бѣдный, ему все еще стыдно предо мной, потому что онъ честный, благородный, и я ему навсегда простила все, все... но онъ *ее* все еще помнить, ему все хочется найти во мнѣ то, что было въ *ней*, а я не могу, не могу“, заключала она со мгновенно проступавшими у нея изъ глазъ слезами. „Она родилась ангеломъ милости и всепрощенія“, говорилъ въ свою очередь мысленно Троекуровъ,— „но *забыть* все же она не въ состояніи. Согнутый листъ бумаги, какъ ни расправляй его потомъ, сохраняетъ навсегда слѣдъ своей складки; въ такой нѣжной душѣ, какъ ея, согнутому не разогнуться до самой смерти. Прошлое обаяніе исчезло... Прежняго довѣрія... прежняго счастья она уже не въ силахъ мнѣ дать“!.. Оставалось довольствоваться, какъ съ горечью выражался онъ мысленно, „внѣшнимъ обрядомъ супружескаго благополучія“...

Они вернулись въ Россію. Борисъ Васильевичъ со страшною жадностью погрузился въ дѣло управленія своими обширными помѣстьями. Онъ весь былъ полонъ теперь помысловъ „о другихъ“ и рѣшимости осуществить ихъ на практикѣ.

Годы проходили. Многого успѣлъ онъ достигнуть, — еще болѣе побѣдннаго имъ осталось бесплоднымъ, благодаря новымъ условіямъ быта нашей бѣдной родины... Но онъ не отчаивался, онъ упорно шелъ впередъ въ своихъ планахъ экономическаго и нравственнаго преуспѣнія зависѣвшаго отъ него сельскаго и рабочаго населенія...

Годы проходили, но „согнутое“ все также не разгибалось; между женой его и имъ состояло все то же густое облако недоразумѣнія, для разсѣянія котораго достаточно было бы, можетъ быть, одного слова, одного освѣщающаго слова... Но такія слова почему-то никогда не срываются съ устъ нашихъ, когда они нужны... Троекуровы мало-по-малу какъ бы сжились съ этимъ положеніемъ. Для обоихъ ихъ проходила уже пора, когда человѣкъ дерзко и упорно требуетъ у судьбы личнаго, непосредственнаго счастья. У нихъ подростали дѣти, — подростала красавица-Маша, въ которой отецъ ея съ тайнымъ восхищеніемъ узнавалъ всю душевную прелесть ея матери съ чѣмъ-то болѣе полнымъ, болѣе широкимъ...

Образъ ея въ эту минуту пронеслся въ мысленномъ представленіи Бориса Васильевича. Стянувшіяся на лбу морщины мгновенно разсѣялись, и тихая улыбка пробѣжала по его губамъ. Онъ поднялъ вѣки.

Кто-то стучался къ нему въ дверь изъ гостиной и спрашивалъ его оттуда:

— Можно войти?

— Конечно! поспѣшилъ онъ отвѣтить, узнавая голосъ жены и вставая итти навстрѣчу ей.

Она была все еще очень хороша, не смотря на нѣкоторую опухлость очертаній, причину которой слѣдовало приписать гораздо болѣе безтревожнѣю деревенской жизни, чѣмъ тому, что названо Расиномъ „des ans l'irréparable outrage“. Ей было еще только тридцать четыре года... Ея глаза „волоокой Геры“ глядѣли все такъ же строго и прямо, но въ складкахъ губъ было что-то невыразимо мягкое и притягательное... Губы эти какъ бы слегка подергивало теперь отъ волненія:

— Мнѣ сейчасъ, тревожно заговорила она, входя, — доложили, что пріѣхала Настенька Буйносова, — ты помнишь, la sa-

dette, которая ходила за отцомъ... Онъ такъ ужасно погибъ, — рассказывалъ тебѣ Николай Иванычъ?... Ей вѣрно что-нибудь нужно, и я велѣла скорѣе просить ее. Но она приказала отвѣтить, что желаетъ *тебя* видѣть... Ты никогда ихъ не любилъ... но она такъ несчастна теперь... Ты позволишь пригласить ее къ тебѣ?

— Для чего спрашивать, Alexandrine? само собою!...

— Такъ я скажу...

Она повернулась итти и, приостановясь на пути, проговорила съ радостною усмѣшкой:

— Васю Николай Иванычъ пустилъ въ садъ гулять.

Онъ кивнулъ на это, усмѣхнувшись тоже, и спросилъ:

— А Маши все еще нѣтъ?

— Вѣдь разъ верхомъ, она вѣчно на полдня пропадетъ! чуть-чуть поморщившись, проговорила Александра Павловна и вышла.

XV.

Троекуровъ прошелъ самъ въ гостиную встрѣчать пріѣзжую.

Блѣдная, осунувшаяся, вся въ черномъ, она была видимо нѣсколько смущена, входя, но также видимо поборола тутъ же рѣшительнымъ усиліемъ это смущеніе и, пожавъ слегка дрожащими пальцами протянувшуюся къ ней руку хозяина, проговорила твердо и спокойно:

— Васъ вѣроятно должно удивить то, что вы видите меня у себя, Борисъ Васильевичъ, но...

— Прежде всего я этому искренно радъ, Настасья Дмитриевна, перебилъ онъ ее дѣйствительно *искреннимъ* и участливымъ тономъ, какъ-то сразу заполонившимъ ее: — я былъ въ отсутствіи, вернулся только сегодня и сейчасъ узналъ отъ Николая Ивановича Фирсова о вашемъ несчастіи. Но не пройти-ли намъ ко мнѣ въ кабинетъ; тамъ намъ будетъ удобнѣе разговаривать...

Въ кабинетѣ онъ усадилъ ее на мягкій диванъ и сѣлъ самъ на стулъ противъ нея, ожидая, что она скажетъ.

Она начала не сейчасъ, какъ бы сосредоточиваясь и колеблясь:

— Смерть отца—не одно несчастіе, павшее на меня, Борисъ Васильевичъ; въ ту же ночь—вамъ вѣроятно извѣстно?—брата моего увезли жандармы.

Троекуровъ повелъ утвердительно головой.

— Я о немъ... о моемъ братѣ пріѣхала говорить съ вами, вымолвила она черезъ силу.

Онъ съ невольнымъ въ первую минуту изумленіемъ глянулъ ей въ глаза...

Она поняла и, внезапно оживляясь:

— Я знаю, вамъ это можетъ показаться... бессмысленнымъ съ моей стороны, воскликнула она скорбно зазвенѣвшимъ голосомъ: — но я теперь... я одна на свѣтѣ, не знаю, къ кому обратиться за совѣтомъ... за помощью.

Онъ порывисто ухватилъ ее за обѣ руки и крѣпко пожалъ ихъ:

— Что могу я для васъ сдѣлать, Настасья Дмитриевна?

— Спасти его, если можете!

— *Какъ?* вѣско проговорилъ онъ.

Она опять замедлила отвѣтомъ, какъ бы соображая, что именно хотѣлъ онъ выразить этимъ вопросомъ. Печальные глаза ея поднялись на мигъ на Троекурова и снова опустились...

— Я не знаю, заговорила она наконецъ, прерываясь чуть не на каждомъ словѣ,— я рѣшилась обратиться къ вамъ, потому что мнѣ извѣстно... Григорій Павлычъ Юшовъ мнѣ самъ это рассказывалъ... когда онъ студентомъ еще попался за прокламаціи... онъ вамъ одолженъ былъ... что его выпустили... Вы, конечно, можете мнѣ возразить, что Григорій Павлычъ другое дѣло, что ваши семейныя отношенія, дружба съ его отцомъ...

— И прежде всего, договорилъ за нее Троекуровъ, насколько могъ мягче,—и прежде всего *уверенность*, подчеркнул онъ,—что его *революционерство* было лишь временнымъ безразсудствомъ молодости, которое не имѣло и не могло пустить въ немъ корней, что заключенія недѣльки на двѣ межъ четырехъ стѣнъ будетъ совершенно достаточно какъ для наказания, такъ и для отрезвленія его. Такъ поняли и въ Петербургѣ тогда, и его мальчишество не имѣло для него болѣе серьезныхъ послѣдствій.

Онъ примолкъ на время, сосредоточиваясь въ свою очередь, пытливо глянулъ ей въ лицо и продолжалъ:

— Брата вашего я совѣмъ не знаю... не видалъ даже никогда, кажется. Но вамъ я *отрю*, Настасья Дмитриевна,

произнесъ онъ съ удареніемъ,—и ото всей души желалъ бы помочь вамъ. Если вы дадите мнѣ честное слово, что братъ вашъ такой же не совсѣмъ твердый на ногахъ, но не испорченный въ корень молодой человѣкъ, попавшійся въ сѣти, разставленныя ему какимъ-нибудь негодяемъ-товарищемъ, какъ было это тогда съ Юшковымъ, я общаю вамъ сдѣлать для него все, что сдѣлалъ... что былъ въ состояніи сдѣлать для того въ свое время... Порядки по политическимъ дѣламъ, если вамъ извѣстно, усложнены теперь участіемъ въ нихъ суда; за успѣхъ моего ходатайства я могу отвѣчать еще менѣе, чѣмъ прежде... Но все равно, я готовъ поѣхать въ Петербургъ, обратиться къ министру юстиціи,—я его знаю давно... и за отличнаго человѣка,—словомъ, сдѣлать все, что отъ меня зависитъ... Но мнѣ для этого надо ваше слово, Настасья Дмитриевна, заключилъ онъ.

Она сидѣла растерянная, глядя на него во всѣ глаза: что должна... что могла она отвѣтить ему?

— Братъ мой не „негодяй“, пробормотала она, ухватываясь въ своемъ смущеніи за одно изъ выраженій, употребленныхъ имъ сейчасъ, нисколько не относившееся къ ея брату:— онъ заблуждается, я признаю... Но побужденія его чисты и высоко честны!...

Глаза у Троекурова усиленно заморгали:

— Всѣхъ и значеніе словъ, сказалъ онъ,—такъ передерганы у насъ въ послѣднее время, что въ нихъ разобраться трудно. Я оставлю поэтому совершенно въ сторонѣ вопросъ о томъ, что слѣдуетъ въ дѣйствительности разумѣть подъ „чистой“ и „высокою честностью побужденій“ вашего брата. Въ виду того, для чего вамъ пришла добрая мысль обратиться ко мнѣ, мнѣ нужно знать только одно: полагаете ли вы, что онъ въ состояніи отказаться отъ этихъ своихъ „побужденій“ и всего того, что изъ нихъ исходитъ въ его теперешнемъ катихизисѣ, или нѣтъ?

Она судорожно заломила скрещенные пальцы своихъ блѣдныхъ рукъ:

— Что мнѣ сказать, какъ отвѣчать за него!... Я знаю только, что его взяли... что его сошлютъ...

— Думаете-ли вы, что это будетъ несправедливость? спросилъ онъ.

Она пристально воззрилась въ него и какъ-то неожиданно для самой себя воскликнула:

— Нѣтъ, я этого не думаю... но *простить* всегда можно!...

— „Простить“, повторилъ онъ,—прекрасно! Что же, братъ вашъ послѣ такого прощенія отказался бы отъ революціонной пропаганды и обратился бы въ мирнаго гражданина?

Она бессознательно вздрогнула: послѣдній разговоръ съ „Володей“, его заключительныя слова во всемъ ихъ ужасѣ пронесли у нея теперь въ памяти:

— Не знаю... прошептала она чуть слышно.

— Изъ вашего отвѣта, извините меня, молвилъ на это помолчавъ Троекуровъ,—я, кажется, имѣю право заключить безъ ошибки, что тотъ, о „прощеніи“ котораго вы хлопчете, не сбитый временно съ толку юноша, но убѣжденный, непримиримый врагъ существующаго порядка и можетъ быть удовлетворенъ только полнымъ разрушеніемъ его. Такъ это?

Онъ ждалъ отвѣта.

— Пропаганда *изъ* безвредна, нежданно отвѣтила вмѣсто этого отвѣта дѣвушка,—и сами они это теперь видятъ. Народъ не принималъ ихъ и выдавалъ властямъ.

Не то печальная, не то ироническая улыбка пробѣжала по лицу ея собесѣдника:

— А властямъ въ свою очередь надлежало возмутителей отпустить на всѣ четыре стороны, дабы народъ зналъ, что то, что онъ извѣва, вмѣстѣ со своими правителями, разумѣлъ дѣломъ преступнымъ, правители эти теперь считаютъ безвредною шалостью, что они слишкомъ *чужды* и *либеральны* стали, подчеркнулъ онъ,—чтобъ осмѣлиться мыслить и поступать такъ же безхитростно и здраво, какъ онъ, какъ этотъ народъ?... Вѣдь такъ это выходитъ по вашему Настасья Дми...

Онъ не успѣлъ договорить. Двери изъ его библіотеки шумно распахнулись настѣжъ и изъ нихъ вылетѣла молодая дѣвушка со шлейфомъ амазонки, перекинутымъ на руку, и въ маленькой круглой мужской шляпѣ, тутъ же слетѣвшей наземь съ

преlestной, будто выточенной головки въ порывистости движенія, съ которою она кинулась къ Борису Васильевичу:

— Папа, голубчикъ, ты вернулся, какъ я счастлива! лепетала она низкимъ груднымъ голосомъ, охватывая шею отца обѣими руками и звонко, на всю комнату, цѣлуя его въ обѣ щеки: — мы только-что во дворъ вскакали со Скоробогатывымъ, а Анфиса Дмитріевна мнѣ изъ флигеля въ окошко кричить: „генераль пріѣхалъ!“... Я сейчасъ поняла почему — и прямо помчалась къ твоему крыльцу... Et me voilà! расхохоталась она, раскидывая руки врознь: — тебя напугала телеграмма папаша, да? Она отправила ее безъ меня, я бы никогда не допустила...

— Ты не видишь, что у меня гости, Маша? прервалъ онъ ее съ улыбкой, словно солнечнымъ лучомъ озарившею ему все лицо, поворачивая ее за плечо лицомъ къ Настасьѣ Дмитріевнѣ, глядѣвшей въ свою очередь со своего мѣста на дѣвушку глазами, полными невольнаго восхищенія.

Она была въ самомъ дѣлѣ очаровательна. Высокая, широкоплечая и тонкая, бѣлокурая какъ былъ отецъ, съ болѣе яркимъ, чѣмъ у него, золотистымъ оттѣнкомъ цѣлаго лѣса волосъ, двумя толстосплетенными косами падавшихъ у нея до колѣнъ, съ темными, какъ у матери, глазами и бровями, она была свѣжа какъ майская роза и здорова какъ горный воздухъ... Ей еще четырехъ мѣсяцевъ не хватало до полныхъ шестнадцати лѣтъ, но она была развита физически какъ восемнадцатилѣтняя особа и уже года полтора носила длинныя платья по настоянію отца, находившаго „смѣшнымъ, ridicule“, говорилъ онъ, — „одѣвать ее ребенкомъ, когда она успѣла на полголовы перерости мать“, и къ нѣкоторому неудовольствію Александры Павловны, вѣрной старымъ традиціямъ, которую покойная Марья Яковлевна Лукоянова одѣвала въ коротенькія юпочки и панталончики до шестнадцатилѣтняго возраста неуступно.

— Ахъ, Боже мой, mademoiselle Буйно... Настасья Дмитріевна, вспомнила она, быстро подбѣгая къ гостѣ съ протянутою рукой, — какъ я васъ давно не видала!..

— Давно! конфузливо улыбаясь, отвѣтила та, пожимая ее

пальцы; — я бы васъ не узнала, вы такъ выросли... и волосы совсѣмъ будто другаго оттѣнка стали: они у васъ теперь цвѣта спѣлаго колоса...

Троекуровъ утвердительно закивалъ:

— Blonde comme les blés, промолвилъ онъ смѣясь.

„Que je l'adore et qu'elle est blonde“... — Чистыми, звучными контральтовыми нотами залилась вдругъ во всю грудь Маша... И тутъ же, покраснѣвъ по самые глаза, съ заблиставшими мгновенно на рѣсницахъ росинками слезъ, схватила обѣ руки гостя, прижала ихъ къ себѣ...

— Простите, простите! воскликнула она:—вы въ траурѣ... я знаю, у васъ умеръ отецъ, а я, сумаспешная...

Она также мгновенно опустила, уронила себя въ соседнее кресло и закрыла себѣ ладонями лицо.

Настасью Дмитриевну это ужасно тронуло. Въ этомъ домѣ, о которомъ еще такъ недавно она съ такою желчью отзывалась доктору Фирсову, она чувствовала себя теперь какъ бы охваченною неожиданно цѣлою атмосферой искренняго благоволенія и участія къ ней... Она невольнымъ движеніемъ нагнулась къ дѣвушкѣ, притронулась къ ея локтю...

Та откинула руки, повернулась къ ней вся прямо:

— Поцѣлуйте меня, чтобы доказать, что вы на меня не сердитесь!.. И сама горячо прижалась къ ея изможденному лицу своими свѣжими губами...

— Настасья Дмитриевна, я увѣренъ, не сердится на тебя, потому что уже успѣла узнать тебя насквозь, сказалъ ей отецъ, продолжая счастливо улыбаться: — *coeur d'or et tête folle*.

— Да, маманъ меня за это всегда *пилитъ*, за мои *extravagances*, жалобно проговорила Маша по адресу Настасьи Дмитриевны.

Та не могла оторваться глазами отъ нея:

— Вы катались верхомъ? спросила она ее.

— То-есть, какъ „катались“? возразила дѣвушка какъ бы чуть-чуть обиженно,—я по дѣлу ѣздила.

— Куда? сказалъ Троекуровъ. И по тону вопроса гостя

поняла, что онъ совершенно серьезно относился къ сказанному дочерью.

— Къ отцу Алексѣю, въ Блиново, отвѣчала она, — насчетъ Евлаши Макарова... Вообразите, обратилась она снова въ Настасьѣ Дмитріевнѣ, — мальчуганчикъ необыкновенно способный, нравственный, — онъ у насъ тутъ въ школѣ на заводѣ первый ученикъ былъ, — и вдругъ мать вздумала отдать его на бумагопрядильную фабрику въ Серпуховъ. А тамъ дѣти безо всякаго призора и ученія, и страшное пьянство между рабочими; это значитъ погубить мальчика! Я и поѣхала къ отцу Алексѣю, — его крестьяне тамъ всѣ очень уважаютъ, чтобъ онъ уговорилъ его мать оставить Евлашу здѣсь... Ее какой-то братъ тамъ въ Серпуховѣ съ толку сбиваетъ...

— Что-жь отецъ Алексѣй?

— Ахъ, папа, онъ очень жалуется, бѣдный! Ты помнишь, онъ добился, что Блиновскіе положили приговоромъ, какъ у насъ давно во Всесвятскомъ, закрыть бывшій у нихъ кабакъ, и ужасно этому радовался. Дѣйствительно, онъ говоритъ, ползими прошло какъ нельзя лучше, безо всякихъ „скандаловъ“, какъ онъ выражается; сами крестьяне очень довольны были и благодарили его. Только узналъ объ этомъ въ Царствѣ Польскомъ Троженковъ и велѣлъ поставить у себя постомъ кабакъ на самой межѣ Блиновскихъ. „Съ тѣхъ поръ, говоритъ отецъ Алексѣй, хуже прежняго пошло... Двѣ семьи на прошлой недѣлѣ опять тамъ положили раздѣлиться осенью“... Онъ просто въ отчаяніи... Ахъ, чтобы не забыть: я ему про твою мысль о страхованіи урожая сообщила...

— А! Что же онъ говорить?

— Говоритъ „превосходно“, но что, по его мнѣнію, это дѣло „всероссійское“, а не одного уѣзда или даже губерніи, а тѣмъ болѣе одного хозяйства, какъ бы пространно оно ни было, что этимъ слѣдуетъ серьезно заняться правительству...

— Еще бы! вскрикнулъ съ живостью Борисъ Васильевичъ: — я записку объ этомъ въ прошломъ году въ Петербургъ послалъ... И, само собою, она тамъ такъ и погибла въ какомъ-нибудь департаментскомъ столѣ... Виновать, Настасья Дми-

триевна, перебилъ онъ себя, — мы тутъ съ дочерью о своихъ дѣлахъ, будто никого третьяго нѣтъ...

Она не успѣла отвѣтить.

Маша съ обычною ей стремительностью вскочила съ мѣста:

— А мнѣ еще къ папану нужно: она не знаетъ, что я вернулась, и вѣрно беспокоится, *selon son habitude*...

И она побѣжала въ двери гостиной... но, не добѣжавъ, обернулась къ отцу:

— Папа, а я Григорія Павлыча видѣла!

— Гдѣ?

— Встрѣтились на дорогѣ. Онъ по своей должности (Юшковъ служилъ непремѣннымъ членомъ въ уѣздной управѣ,) ѣхалъ какія-то свѣдѣнія собирать. Онъ сказалъ мнѣ, что Павлу Григорьевичу совсѣмъ лучше, а что самъ онъ сюда къ обѣду будетъ... Будетъ, будетъ, будетъ, чуть-чуть не заѣла опять Маша, но сдержалась, и со словами: „я сейчасъ вернусь, Настасья Дмитріевна!“ выпорхнула изъ комнаты.

— Какая она у васъ прелесть, Борисъ Васильевичъ! вырвалось неудержимо, едва она исчезла, у Буйносовой.

— Д-да! протянулъ онъ съ благодарнымъ взглядомъ: — даровита и дѣльна не по лѣтамъ, не смотря на все свое ребячество...

Онъ замолкъ и задумался...

Что-то будто кольнуло теперь Настасью Дмитріевну. „Что же однако я здѣсь дѣлаю?“ вспомнила она: „въ Володиномъ дѣлѣ онъ мнѣ, какъ я предчувствовала, помочь отказывается, и я за это винить его не могу,“ прошептала ей внутренній голосъ: „а за тѣмъ что-же у меня общаго со *встми ими!*“... Но, странное дѣло, ей вмѣстѣ съ тѣмъ не хотѣлось уѣзжать...

Она тѣмъ не менѣе двинулась на своемъ диванѣ съ намѣреніемъ встать и проститься, когда Маша влетѣла опять въ кабинетъ, запыхавшаяся отъ быстрого бѣга черезъ весь домъ:

— Настасья Дмитріевна, ужасно торопясь заговорила она: — папан велѣла васъ спросить, позволите-ли вы ей возобновить знакомство съ вами? Ей очень хочется и, если вы согласны, она сейчасъ придетъ къ вамъ сюда.

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ же! вскрикнула та, ужасно сму-

тившись отъ мысли о неучтивости, сдѣланной ею, когда, по прїѣздѣ своемъ, на приглашеніе слуги „пожаловать къ *генералънѣ*“ она весьма сухо отвѣтила, что „желаетъ видѣть Бориса Васильевича Троекурова“, и, быстро подымаясь съ мѣста:—я пойду къ ней, если *она позволитъ*, подчеркнула она.

— Ступайте, ступайте, Настасья Дмитриевна! съ какою-то отеческою ласковостью въ звукѣ голоса сказалъ ей на это Троекуровъ: — если кто-либо способенъ понимать и умягчать чужое горе, такъ это конечно Александра Павловна.

XVI.

Какъ это сдѣлалось, Настя Буйносова не сумѣла бы сказать, но колоколь въ столовой звонилъ къ обѣду, а она все еще сидѣла въ маленькомъ будуарѣ хозяйки дома, вдвоемъ съ нею, какъ бы вовсе забывъ, что на свѣтѣ есть нѣчто, называемое временемъ. То, что испытывала она теперь, похоже было на блаженное состояніе усталого и измержшаго въ долгомъ зимнемъ странствованіи путника, погружающагося изнемогшимъ тѣломъ въ теплую и благовонную ванну. Задушевный обиходъ ея собесѣдницы, сердечность ея незатѣйливой рѣчи и неотразимая улыбка, глухая тишина уютнаго покоя, въ которомъ бесѣдовали онѣ, самая обстановка его, не рѣзавшая глаза своею роскошью, но ласкавшая взглядъ гармоніей и изяществомъ общаго ея тона, убаювали скорбную душу дѣвушки. Навишь раздраженія и муки, нанесенная въ нее годами немолчной тревоги, семейнаго разлада и унижающей нужды, распускалась въ какомъ-то давно, или, вѣрнѣе сказать, никогда еще невѣданномъ ею чувствѣ внутренняго затишья. Она словно переставала быть прежнею собою и втягивалась вся въ этотъ чужой, но уже какъ бы близкій и дорогой ей міръ иныхъ, мирныхъ чувствъ, иныхъ привычекъ, иныхъ помысловъ и задачъ... „За что же я *ихъ* такъ не любила, что именно не нравилось мнѣ у *нихъ*“? проносилось у нея урывками въ мозгу,—и она никакъ теперь уяснить себѣ этого не могла... Она только-что передала Александрѣ Павловнѣ, какъ послѣ похоронъ отца дошла до такого изнуренія, что не могла даже быть на свадьбѣ у сестры и пролежала у себя три дня одна-

одиношенька въ Юрьевѣ, не имѣя силы двинуться ни единымъ членомъ, въ какомъ-то каталептическомъ состояніи, — почувствовала себя получше только третьяго дня, „и едва,“ говорила она, „вернулась способность думать, мысль о братѣ заняла во мнѣ съ такою силой, что я готова была сейчасъ же хоть пѣшкомъ отправиться въ Петербургъ... Но что могла бы я тамъ сдѣлать одна, всѣмъ чужая?... И тутъ я вспомнила рассказъ Григорья Павловича Юшкова о томъ, что сдѣлалъ для него вашъ мужъ когда-то... и цѣлый день вчера промучилась въ колебаніи: обратиться къ нему, или нѣтъ?..“

— Боже мой! даже воскликнула Александра Павловна: — что же могло васъ остановить?

— Теперь мнѣ самой это почти смѣшно кажется, съ откровенною усмѣшкой отвѣтила Настасья Дмитріевна, — но вчера я была еще подъ впечатлѣніемъ прежняго... а прежде, я вамъ прямо признаюсь, Александра Павловна, мнѣ *тяжело* было здѣсь.

Та вдумчиво остановила на ней свои большіе глаза:

— Я васъ понимаю. Вамъ приходилось переносить столько мученія и лишеній, а у насъ всего *слишкомъ много*, и мы кажемся такими счастливыми, сказала она, выражая говорившее въ ней глубоко христіанское чувство этими наивными, въ свѣтскомъ смыслѣ почти неумѣстными словами.

— „Кажетесь?“ повторила дѣвушка съ изумленіемъ: — неужели только?..

Троекурова слегка смутилась и покраснѣла:

— Полное счастье — въ небѣ, а здѣсь у каждаго свой крестъ и, по мѣрѣ силъ, дано каждому... И за все надо благодарить Бога! заключила она поспѣшно, увидавъ входившаго слугу.

— Кушать подано, доложили онъ: — господа въ столовой дожидаются.

— Пойдемте скорѣе! молвила хозяйка, вставая; — мы заболтались и прослышали звонъ, а имъ тамъ всѣмъ ѣсть хочется...

— Что же это такое! воскликнула растерянно Настя, — сколько наконецъ времени я у васъ сижу!

— Чѣмъ долѣе, тѣмъ лучше, возразила хозяйка, пропуская руку подъ ея локоть и увлекая ее съ собою къ двери. Настасья Дмитріевна не противилась...

Въ столовой онѣ нашли въ сборѣ весь домашній кружокъ Всесвятскаго. Только-что пріѣхавшій Гриша Юшковъ разговаривалъ спиной къ двери съ Машей, стоявшею въ амбразурѣ окна, сквозь которое косою лучъ клонившагося къ западу солнца обливалъ ея молодую красоту какимъ-то побѣднымъ пурпурнымъ сіяніемъ. Она ему передавала что-то съ большимъ оживленіемъ, разводя руками и глядя ему прямо въ лицо весело сверкавшими глазами... Увидавъ входившихъ, она бросила его, винулась къ гостѣмъ и возгласила громогласно, указывая рукой на молодого человѣка:

— Настасья Дмитріевна, а вотъ и Григорій Павловичъ!

— Очень рада, пролепетала дѣвушка со внезапнымъ біеніемъ сердца.— Мы давно знакомы, сочла она нужнымъ прибавить, пытаясь улыбнуться.

Онъ живо обернулся на ея слова, поклонился ей преувеличенно низкимъ поклономъ, причемъ къ немалой досадѣ своей почувствовалъ, что покраснѣлъ, и, не отвѣчая, поспѣшилъ подойти къ рукѣ хозяйки.

— Павлу Григорьевичу лучше, мнѣ Мама сказала, молвила Александра Павловна, цѣлуя его постаринному въ лобъ.

— Онъ даже къ вамъ собирался сегодня, отвѣтилъ онъ,— можетъ быть, и приватитъ послѣ обѣда.

— Ахъ, какъ я буду рада; сто лѣтъ мы съ нимъ не видались!...

— Здравствуйте, барышня, здравствуйте! говорилъ тѣмъ временемъ подошедшій къ Настѣ Николай Ивановичъ Ойрсовъ;— узналъ, что вы здѣсь, нарочно обѣдать пришелъ... Хвалю, хвалю, давно бы такъ! добавилъ онъ шопотомъ и подмигивая ей смѣющимся взглядомъ.

— А вотъ этого джентльмена помните, Настасья Дмитріевна? спросилъ ее съ улыбкой Троекуровъ, подводя къ ней сына, тонкаго, какъ жердь, не по лѣтамъ выросшаго мальчика, изяществомъ наружности своей представлявшаго дѣйствительно типъ юнаго „джентльмена“, благовоспитаннаго и благодуш-

наго. Онъ, въ противоположность сестрѣ, былъ черноволосъ, какъ мать, съ голубовато-сѣрыми, какъ у отца, глазами, никогда словно не улыбавшимися. — Miss Simpson; monsieur Blanchard; Вячеславъ Хлодомировичъ Павличекъ, воспитатель моего сына; Петръ Петровичъ Молотковъ, преподаватель нашего училища; Владиміръ Христіановичъ Пецъ, директоръ здѣшняго сахарнаго завода, медленно и явственно называя имена стоявшихъ у стола лицъ, познакомилъ съ ними дѣвушку хозяйинѣ... Она влянаясь конфузливо и робко въ отвѣтъ на ихъ поклоны, обводя кругомъ разбѣгавшимися глазами: она такъ давно не была „въ обществѣ“, такъ отвыкла видѣть „людей“...

Хозяйка посадила ее между собою и докторомъ, пригласивъ по другую свою сторону Пеца, которому хотѣла поручить что-то въ Москвѣ, куда онъ ѣхалъ завтра. Маша заняла обычное свое мѣсто, подлѣ отца. Остальные размѣстились, это какъ хотѣлъ. Обѣдали за большимъ круглымъ столомъ, одна форма котораго какъ бы исключаетъ всякую іерархію мѣстъ...

Общій, оживленный разговоръ завязался вслѣдъ за первымъ же блюдомъ. Мотивъ подала ему Маша, сообщившая учителю Молоткову о поѣздѣ своей въ отцу Алексію въ Блиново и объ его обѣщаніи уговорить мать Евлаши Макарова оставить сына въ школѣ.

— А не „уговорить“, усмѣхнулся Борисъ Васильевичъ, — можно будетъ иначе...

Глаза Маши блеснули; она всегда угадывала мысль отца съ полуслова:

— Я такъ и сказала отцу Алексію, папа, что я готова изъ своихъ денегъ заплатить ей вдвое противъ того, что могъ бы ей посылать Евлаша изъ своихъ заработанныхъ денегъ на Серпуховской фабрикѣ.

— Не разорись, усмѣхнулся онъ опять, — да и недолго бы пришлось платить. Вѣдь онъ у васъ кончается, важется? обратился онъ къ Молоткову.

— Въ послѣдній классъ переходить, отвѣтилъ тотъ.

— А потомъ что же: все-таки не миновать ему этой бумагопрядильни, которая такъ страшитъ Марью Борисовну?

— Жаль было, Борисъ Васильевичъ, сказалъ Молотковъ, упершись взглядомъ въ оконечность приподнятаго имъ ножа, — мальчишъ замѣчательно способный!

— Такъ вы что же бы думали?

Молотковъ съ улыбкой повелъ глазами въ сторону Маши, подгонявшей его черезъ столъ самыми поощрительными кивками, и отвѣчалъ:

— Я бы могъ его въ годъ времени, Борисъ Васильевичъ, ко второму классу гимназіи приготовить: онъ отлично пошелъ бы тамъ.

— Зачѣмъ это вы мнѣ ранѣе не сказали, Петръ Петровичъ?... вмѣшался Юшковъ:—дядя мой, вы знаете, располагаетъ процентами съ капитала, оставленнаго ему княземъ Лариономъ Васильевичемъ Шастуновымъ именно вотъ на такіе случаи...

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, Григорій Павловичъ, жалобнымъ голосомъ прервала его Маша:—развѣ не можемъ мы это сами съ папа устроить!... Ты молчишь, папа? тревожно воззрѣвъ въ отца, вскрикнула она тутъ же.

— „Устроить“ не долго, сказалъ онъ ей,—но вопросъ не въ этомъ, а въ томъ, на благо-ли это будетъ мальчику? Развѣ въ гимназіи, онъ приобщается къ такъ-называемому у насъ міру „интеллигенціи“ и порываетъ съ тѣмъ, къ которому принадлежитъ по рожденію, по всѣмъ впечатлѣніямъ и складу понятій своего дѣтства... Этотъ разрывъ, какъ бы рано ни произошелъ онъ, не можетъ не отзываться на всей дальнѣйшей жизни человѣка...

— Да, сожалительно, что въ Россіи это такъ есть! промолвилъ въ полголоса Павличекъ, наставникъ Васи Троекурова, обращаясь къ сидѣвшему подлѣ него воспитаннику своему.

— Что вы говорите, Вячеславъ Хлодомировичъ? спросилъ хозяинъ, до котораго донеслись эти слова.

— Я *говору*, скромно, чтобы не сказать робко, отвѣчалъ молодой ученый, Моравецъ родомъ, успѣвшій въ теченіе четырехлѣтняго пребыванія своего въ Россіи совершенно удов-

летворительно овладѣть ея письменнымъ и разговорнымъ языкомъ, но до сей минуты все еще не справившійся, какъ говорилъ онъ, „со свистящею Ю и деревяннымъ Л“, — я говорю, что слѣдуетъ весьма сожалѣть о томъ обстоятельствѣ, на которое ваше превосходительство сейчасъ указало. Въ другихъ странахъ образованіе не мѣшаетъ оставаться въ томъ кругу и при тѣхъ бытовыхъ условіяхъ, среди которыхъ человекъ родился.

— Oh, en France c'est pourtant exactement la même chose, возразилъ м. Blanchard, бывшій воспитанникъ Парижской политехнической школы и инженеръ, состоявшій при заводѣ Троекурова по технической части и дававшій дѣтямъ его уроки французскаго языка и математики: — un fils de paysan qui a passé par le collège devient un bourgeois et ne retourne plus à la charrue de son père.

— Я знаю, знаю, во Франціи это тоже такъ, закивалъ утвердительно головой Пāvличекъ; — но въ Даніи, въ Швеціи... въ нашей сторонѣ это не такъ, не такъ! Вы въ Богеміи... у Чеховъ, поправился онъ, — весьма часто можете видѣть поселанина, имѣющаго свое *testimonium maturitatis* въ варманѣ, а иногда даже дипломъ отъ университета и который самъ запрягаетъ своихъ коней въ фуру и ѣдетъ съ ними въ поле работать.

— Ну, до этой миеологіи намъ далеко! громко засмѣялся Николай Ивановичъ Ойрсовъ, почитавшій какъ бы обязанностью своею постоянно относиться скептически къ тому, что называлъ онъ „классическими фантазіями“ Пāvличка, съ которымъ былъ, не смотря на то, величайшій пріятель: — у насъ какъ только „вышелъ изъ народа“, такъ сейчасъ на теплое чиновничье мѣстечко, а не выгорѣло — въ нигилисты норовить.

— А Ломоносовъ, а наши іерархи? вскрикнулъ неожиданно Вася съ широко выступившимъ у него на щекахъ румянцемъ.

— Николай Ивановичъ преувеличиваетъ, по обыкновенію своему, заговорилъ опять Борисъ Васильевичъ, быстро окинувъ сына какъ бы тревожнымъ взглядомъ; — не одинъ Ломоносовъ выходилъ и будетъ, надо надѣяться, выходить въ

Россіи *изъ народа*. Но по тому суда, какъ у насъ ведется дѣло теперь, можно опасаться, что отъ народной почвы будутъ все чаще отрываться искусственно привлекаемые къ высшему образованію люди дюжинныхъ способностей и дряннаго характера, годные лишь развѣ на пополненіе известной арміи „умственного пролетаріата“, то-есть жалчайшаго и вмѣстѣ съ тѣмъ опаснѣйшаго класса лицъ, каковой только можетъ существовать въ государствѣ.

— И это тѣмъ болѣе вѣрно, молвилъ директоръ завода Пецъ, Русскій и православный, не смотря на свою мѣмецкую фамилію, — что въ послѣднее время сталъ замѣчаться такой фактъ, что этотъ людъ низменное происхожденіе свое въ какую-то заслугу себѣ вмѣняетъ и за нее привилегій требуетъ... У насъ въ Технологическомъ институтѣ, рассказывали мнѣ, недавно такой анекдотъ произошелъ. Поставилъ профессоръ одному такому за отвѣтъ единицу на экзаменѣ. Тотъ въ амбицію, объясненія требуетъ. „Сколько вы заслужили, столько я вамъ и поставилъ“, говоритъ ему профессоръ. А тотъ себя въ грудь кулакомъ, и выпалилъ: „Я, говоритъ, изъ народа вышелъ, мнѣ лишній годъ на курсѣ просидѣть расчетъ составляетъ, такъ вы что же мнѣ колъ ставите!“... Точно будто кто его просилъ „выходить!“...

— Ну, а профессоръ, само собою, доводомъ такимъ умилился до слезъ и выправилъ *колъ* на тройку? спросилъ, надрываясь отъ смѣха, толстая докторъ, за которымъ такъ и залился своимъ звенящимъ молодымъ хохотомъ Вася.

— Не знаю, но очень вѣроятно... тамъ у насъ либерализмъ теперь во всей силѣ.

— Eh bien, c'est la roue qui tourne, комически возгласилъ Blanchard, пожимая плечами: — on disait autrefois: „Saluez, vilains, voilà Crillon *) qui passe!“ Ils disent aujourd'hui: „Je suis vilain: fils des croisés, chapeau bas“..

— Bravo, monsieur Blanchard!

И Маша порывисто захлопала въ ладоши.

*) Одинъ изъ мужественнѣйшихъ сподвижниковъ и любимцевъ короля Генриха IV, происходившій отъ древней италіанской фамиліи Бальби.

Галантный Французъ приложилъ руку къ сердцу и низко склонилъ по ея адресу лысую голову свою надъ тарелкой.

Она снова обратилась къ отцу:

— А я все же, папа, къ прежнему, о Евлашѣ. Согласенъ ты на предложеніе Петра Петровича?

— А я вижу, отвѣтилъ онъ съ притворною досадою, — что у васъ съ Петромъ Петровичемъ устроенъ по этому случаю противъ меня заговоръ... Смотрите, примолвилъ онъ серьезно, — вы на отвѣтственность свою берете большое дѣло: цѣлую судьбу человѣка... Отъ бумагопрядильни, разумѣется, слѣдуетъ его изъавить. Но у насъ же тутъ, во Всесвятскомъ, ему, на самый-ли заводъ поступилъ бы онъ, или въ контору, если онъ склоненъ болѣе къ письменнымъ занятіямъ, обезпечена будущность, вполне соответствующая той рамкѣ, въ которой онъ родился, обезпеченъ заработокъ на все время, пока онъ будетъ въ состояніи работать, и безбѣдное существованіе подъ старость...

— У насъ на заводѣ особенное рабочее положеніе, объяснилъ вполголоса Пепъ, перегибаясь черезъ столъ къ Настасьѣ Дмитріевнѣ, жадно, какъ онъ замѣтилъ, прислушивавшейся къ разговору: — плата постояннымъ нашимъ рабочимъ увеличивается на десять процентовъ чрезъ каждыя пять лѣтъ; изъ нея же вычитается обязательно четыре процента въ особую эмеритальную кассу, куда Борисъ Васильевичъ вноситъ со своей стороны ежегодно шесть процентовъ изъ чистой заводской прибыли. Изъ образовавшагося у насъ теперь уже довольно значительнаго капитала рабочій, прослужившій у насъ безупречно пятнадцать лѣтъ, получаетъ отъ завода весь нужный матеріалъ и помощь деньгами, по расчету, на перестройку, обязательную же, избы своей на каменную, по одному изъ имѣющихся у насъ для этихъ построекъ плановъ, по его выбору; а чрезъ двадцать пять, если захочетъ выбыть изъ завода, двѣ трети послѣдняго жалованья, которое онъ получалъ на работѣ, будутъ обращаться ему въ пожизненную пенсію...

— Да это Лассалевское ученіе на практикѣ! восторженно воскликнула дѣвушка.

Пець засмѣялся:

— Ужь не знаю, право, своимъ умомъ дошли, кажется...

— Я объ этомъ предметѣ много думалъ въ послѣдніе дни, Борисъ Васильевичъ, говорилъ тѣмъ временемъ Молотковъ;— у насъ дѣйствительно теперь; благодаря льготамъ по военной повинности, многочисленнымъ стипендіямъ въ заведеніяхъ и такъ далѣе, искусственно, какъ вы вѣрно замѣтили, привлекается къ высшему ученію много молодыхъ личностей изъ низшихъ сословій, для которыхъ полученное ими образование обращается затѣмъ часто въ источникъ страданій, а иногда и въ гибель, развивая въ нихъ потребности не по мѣрѣ средствъ и претензіи не по мѣрѣ способностей... Но вѣдь есть однако въ народѣ натуры, исключительно даровитыя, для которыхъ тѣсный кругъ образованія элементарной школы оказывается недостаточнымъ.

— Эти натуры сами, такъ или иначе, не безповойтесъ, всплывутъ на верхъ, вѣско выговорилъ Троекуровъ,—но народная школа никакъ не должна имѣть въ виду эти исключительныя натуры. Изъ крестьянскаго ребенка сдѣлать грамотнаго христіанина, а при этомъ подготовить его по возможности твердо, то-есть практично, къ какой-либо ремесленной или промышленной спеціальности, которая дала бы ему средство зарабатывать хлѣбъ свой тамъ, гдѣ земля не окупаетъ полагаемаго на нее труда,—вотъ единственная задача народнаго обученія. Задаваться иными, болѣе „широкими“ soi-disant цѣлями, какъ дѣлаютъ это наши петербургскіе или екатеринославскіе педагоги, не только ошибка, а преступленіе, по моему!..

— Никакъ ужъ не „мой“, возразилъ усмѣхаясь молодой учитель, студентъ Виоанской семинаріи,—уже потому, что эти господа ровно ничего своего здороваго не сказали намъ до сихъ поръ, а все лишь пережевываютъ и перемалываютъ, чтѣ прочтутъ въ нѣмецкихъ книжкахъ. Нѣмецкая же школа намъ не указъ: вся она построена на рационализмѣ, а у насъ она можетъ стоять только на Церкви; иной народъ нашъ не признаетъ, да и не признаетъ никогда, пока останется вѣрнымъ себѣ и своей исторіи, Церковью созданной.

Троекуровъ утвердительно кивнулъ.

— Папа, возгласила Маша, сидѣвшая какъ на иголкахъ въ продолженіе этого разговора, — увѣряю тебя, что Евлаша останется такимъ же хорошимъ христіаниномъ и честнымъ мальчикомъ въ гимназій, какъ онъ былъ у насъ въ школѣ, а сидѣть за книжкой ему, само собою, будетъ гораздо пріятнѣе, чѣмъ за теркой стоять.

Всѣ разсмѣялись.

— Да, добавилъ Молотковъ, — у мальчика голова рефлексивная.

— „Рефлексивная!“ повторилъ Борисъ Васильевичъ съ веселою, безобидною ироніей: — послѣ этого мнѣ остается конечно только сложить оружіе.

Прелестные вишневые глаза Маши заблистали, какъ двѣ звѣздочки:

— Такъ это можно считать конченнымъ, папа, да?... Она наклонилась къ нему и въ полголоса: — и умоляю тебя, чтобъ это изъ жалованья, которое ты мнѣ даешь... Я хочу, чтобъ онъ былъ... какъ это говорится, Боже мой!.. да, чтобъ Евлаша былъ *моимъ*, собственно *моимъ*, *стипендіатомъ*, пока онъ будетъ въ гимназій, а потомъ въ университетъ... Потому что онъ непременно въ университетъ поступить... и на историческій факультетъ, — я непременно потребую отъ него, — это самый лучший предметъ занятій... И вообрази, папа, — голосъ ея звенѣлъ уже громкими и восторженными нотами, — изъ него вдругъ выйдетъ замѣчательный человѣкъ, знаменитый ученый, которымъ похвалится вся Россія!..

— Россія учеными своими не привыкла хвалиться, комически застѣнчивымъ тономъ произнесъ докторъ.

— Потому что она ихъ не знаетъ, возразилъ Пецъ.

— Потому что они блещутъ въ ней своимъ отсутствіемъ, отпарировалъ тотъ.

— Потому что хвалить свое вообще, кажется, не въ натурѣ русскихъ людей, примирительно замѣтилъ Павличекъ, сидѣвшій между ними.

— И любезно будто бы, и ядовито, у, какъ! расхохотался Ойрсовъ: — сейчасъ виденъ Славянинъ, прошедшій чрезъ гор-

нило европейскаго образованія; наша братія, неумытые рускіе люди, передразнилъ онъ слегка выговоръ Павличка.

Miss Simpson, чопорная пожилая Англичанка, молча все время пережевывавшая блюдо за блюдомъ своими длинными и крѣпкими зубами, при словѣ „неумытые“ (она понимала по-русски), будто вскинутая пружиной, такъ и впиалась черезъ столъ негодующимъ взглядомъ въ лицо господина, выражавшагося такъ не *gentlemanly*.

Еще не подали сладкаго, какъ подъ окнами столовой, выходящей на дворъ, послышался стукъ подъѣзжавшаго ко крыльцу экипажа.

— Это Павелъ Григорьевичъ! обратилась съ радостнымъ взглядомъ ко Гришѣ Александра Павловна, безмолвствовавшая до сихъ поръ, какъ всегда, когда при ней, какъ выражалась она не то шутливо, не то смиренно, „заходились умныя рѣчи“.

— И даже съ дядей, отвѣтилъ онъ, глядя черезъ спину въ открытое окно.

Хозяинъ поспѣшно всталъ съ мѣста итти навстрѣчу старикамъ-братьямъ; хозяйка послѣдовала его примѣру, а за нею поднялись и всѣ остальные...

— Ну вотъ, ну вотъ, такъ и зналъ, архіерейская встрѣча, послышался затѣмъ въ дверяхъ смѣхъ и еще бодрый, густой басъ стараго моряка:—ну, не стыдно-ли? Вѣдь, чай, еще не дообѣдали?...

— Сейчасъ кончаемъ, говорила Александра Павловна, цѣлуя его и Василя Григорьевича въ голову.

— Ну и кончайте, а мы посидимъ съ вами...

— Не хотите-ли чего-нибудь?

— Чтѣ это вы! Вѣдь мы съ Василиемъ старосвѣтскіе помѣщики. Со смерти бѣдной моей Вѣры Ѳоминишны, вздохнулъ Павелъ Григорьевичъ (Вѣра Ѳоминишна скончалась отъ простуды года четыре предъ тѣмъ, напившись ледяной воды изъ ключа послѣ двухчасовой варки на солнцѣ, при тридцати градусахъ жары, какого-то диковиннаго смородиннаго сиропа),—онъ у меня за Пульхерію Ивановну состоитъ: въ часъ пополудни заставляеть меня обѣдать.

— И что же, хорошо, Паша, ближе к природе, возразил тот с тихим и счастливым смехом, нѣжно пожимая в то же время обѣими своими толстожилыми, дрожащими руками тонкую руку Маши, подбѣжавшей к нему с радостным привѣтомъ.

— Вотъ онъ и удовлетворенъ, продолжалъ смѣяться морякъ, указывая на брата,—увидѣлъ свой предметъ и въ небесахъ! Вы думаете—онъ для кого напросился пріѣхать со мною сюда? Единственно для Маріи Борисовны. Ночью ея бредить, не шучу!...

— Не совсѣмъ, не совсѣмъ, а есть немножко! сия своими уже тускнѣвшими, но все еще юношески восторженными глазами, молвилъ на это старикъ, не отрываясь ими отъ дѣвушки.

— Не балуйте меня очень, Василій Григорьичъ, смѣялась она,—а то я еще хуже стану, чѣмъ *есть*.

— Нельзя, нельзя, пролепеталъ онъ какъ бы таинственнымъ шопотомъ:—на разстояніи четверти вѣка *другую* вотъ встрѣчаю...

Онъ не договорилъ, и изъ-подъ его старческихъ покраснѣвшихъ вѣкъ выступили двѣ крохотныя, какъ брызги осенняго дождя, росинки слезъ.

— Борисъ, говорила тѣмъ временемъ хозяйка,—у насъ сладкое сегодня мороженое; я велю подать въ гостиную. *Messieurs et dames, je vous prie!*...

Маша подхватила стараго своего повлонника подъ руку и, медленно подвигаясь съ нимъ нога въ ногу, молвила ему на ухо:

— А я вотъ сейчасъ съ вашимъ племянникомъ такъ ссориться буду!...

— Чѣмъ онъ провинился, птичка моя райская, чѣмъ испуганно пробормоталъ онъ.

Она засмѣялась:

— Пусть самъ вамъ потомъ расскажетъ. Только это не страшно, промолвила она успокоительно.

XVII.

Въ гостиной хозяйка посадила опять подлѣ себя гостью и, обращаясь къ Павлу Григорьевичу Юшкову:

— Вы Настасьё Дмитріевну Буйносову помните? проговорила она, глядя ему прямо въ глаза съ выраженіемъ — будьте-моль, очень васъ прошу, любезны съ нею.

Услыхавъ фамилію Буйносовыхъ, старый морякъ безсознательно передернулъ обрубкомъ отрѣзанной своей руки, и видимая тѣнь неудовольствія пробѣжала по его лицу. Но взглядъ Александры Павловны тотчасъ же смягчилъ его и перемѣнилъ расположеніе къ „этой особѣ“... „Не даромъ же, видно, взялъ ее подъ крылышки нашъ ангелъ“ (такъ называлъ онъ въ глаза и за глаза Александру Павловну), разсудилъ онъ.

— Какже-съ, встрѣчались здѣсь... А давно этому, годика два будетъ, отвѣчалъ онъ привѣтливомъ тономъ.

Онъ подалъ ей руку, сѣлъ подлѣ нея...

— Настасьё Дмитріевна... совсѣмъ одна осталась теперь, какъ бы что-то желая объяснить, съ задержкой произнесла Троекурова.

— Знаю, знаю... горе немалое! участливо вздохнулъ онъ, глядя на дѣвушку, на впалые глаза ея и щекп. „Съ сестрой очевидно ничего общаго!“ пронеслось у него въ головѣ.—Вы остаетесь у себя въ Юрьевѣ? спросилъ онъ.

— Нѣтъ, сказала она какъ бы нѣсколько смущенно, — я думаю на дняхъ въ Москву ѣхать.

— На долго?

— Не знаю, но сюда я вѣроятно не вернусь.

— Тяжело слышюмъ, я понимаю, промолвила Александра Павловна.

— Въ Москвѣ поселитесь? спросилъ опять Юшковъ.

— Едва-ли, отвѣтила она не сейчасъ и не сейчасъ опять добавила:—тамъ меня прямо не примутъ...

— Куда?

Настя вдругъ и совсѣмъ смутилась. Отвѣтъ—прямой отвѣтъ на вопросъ, вызванный ею же словами,—какъ бы не осмѣливался теперь выпасть изъ ея усть. „Какъ покажется это *здѣсь* страннымъ, дивимъ!“ думалось ей... Она робко подняла глаза на хозяйку, но тутъ же, какъ бы прочтя въ ея улыбкѣ неожиданное себѣ поощреніе, мгновенно рѣшилась:

— Я желаю поступить на сцену, выговорила она слегка дрогнувшимъ голосомъ.

Первая мысль ея однако оказалась вѣрною. Павелъ Григорьевичъ, хмурясь, задергалъ себя за длинную, бѣлую теперь какъ лунь бороду и опустилъ глаза; что-то испуганное, жалостливое сказалось въ чертахъ хозяйки:

— Въ актрисы! скорбно дрогнулъ ея голосъ.

— Жить чѣмъ-нибудь надо, а я ни на что другое не способна, постыжно, съ выступившею у нея вдругъ краской на лицѣ, объяснила дѣвушка, будто извиняясь и стараясь въ то же время доказать себѣ, что ей „все равно, что бы *они* ни думали объ этомъ“...

Александра Павловна взяла ее за руку и, не выпуская ея изъ своей:

— Вѣдь это ужасная карьера, милая, прошептала она,—со всѣхъ сторонъ...

— Много ужъ грязи придется видѣть! безгласно отмѣтилъ морякъ.

— Знаете что, поторопилась заговорить Троекурова, испугавшись, чтобъ эти слова не оскорбили какъ-нибудь дѣвушки,—не рѣшайтесь такъ, сейчасъ... Поговорите сначала съ Борисомъ Васильевичемъ. Онъ такъ много жилъ, видѣлъ въ своей жизни и думалъ... Онъ вамъ можетъ хорошей совѣтъ дать...

— Вѣрно! И Павелъ Григорьевичъ качнулъ головой:—Борисъ Васильевичъ въ этомъ случаѣ всѣхъ насъ *компетент-*

те, какъ пишутъ у насъ теперь въ газетахъ, какъ бы съ новою безгливостью добавилъ онъ.

— Право, милая, настаивала Александра Павловна, нѣжно пожимая ея руку и глядя ей тревожно въ лицо, — поговорите съ нимъ!... Вотъ онъ теперь толкуетъ съ monsieur Бланшаромъ и Николаемъ Ивановичемъ о новомъ корпусѣ, который они хотятъ пристроить къ нашей больницѣ, а когда онъ кончить, мы его позовемъ...

— Ахъ, право, это напрасно, я... начала было Настя и не договорила: она чувствовала себя въ какомъ-то заколдованномъ кругу, изъ котораго не имѣла силы вырваться...

Маша тѣмъ временемъ, усадивъ подлѣ Василья Григорьевича Юшкова учителя Молоткова, съ которымъ онъ тотчасъ же и вступилъ по обыкновенію въ преніе по поводу какого-то не нравившагося ему „новаго педагогическаго приѣма“, поманила къ себѣ рукою заговорившаго было съ miss Simpson Гришу, увлекла его съ собою къ оену, въ сторону сада, и начала съ оника:

— Зачѣмъ вы такъ не любезны были съ нею?

— Съ кѣмъ это, съ miss Simpson? съ притворнымъ смѣхомъ спросилъ онъ, будто не понимая, про кого она говоритъ:

— Безъ увертокъ пожалуйста! строго выговорила Маша:— Когда она вошла съ папанъ въ столовую, я нарочно назвала васъ: вы поклонились ей, будто въ первый разъ ее видите. Это, во-первыхъ, неучтиво, а во-вторыхъ, une finesse cousue de fil blanc.

— Какая finesse? досадливо сморщась, воскликнулъ онъ, избѣгая въ то же время ея глазъ.

Но она неумолимо допекала его:

— Вы хотѣли показать папанъ... и всѣмъ, что вы съ нею едва знакомы, когда это неправда, когда вы къ нимъ постоянно ѣздили... Правда, не для нея, подчеркнула она съ какою-то странною смѣсью веселой насмѣшки и серьезнаго упрека, — но вѣдь это все равно...

— Какъ, и вы туда же? вырвалось неудержимо у молодого человѣка.

Брови у нея сдвинулись:

— Куда „туда же“? холодно и гордо уронила она.

Гриша глянул на нее искоса и счель за лучшее засмѣяться опять:

— Кто это, скажите, далъ вамъ право меня допрашивать... и вообще *командовать* мною? подчеркнулъ онъ какъ бы въ шутку.

— Кто? пылко повторила она съ засверкавшими глазами:—вы сами, ваше поведеніе!...

— Это еще чтѣ? какое „поведеніе“?...

— Развѣ мнѣ не досадно... вѣдь вы мнѣ какъ братъ съ дѣтства... развѣ не досадно мнѣ видѣть, какъ вы маетесь и не имѣете при этомъ *le courage de vos sentiments*... Вѣдь я васъ насквозь вижу: вы стараетесь показать себя спокойнымъ и равнодушнымъ, думаете всѣхъ обмануть, а вамъ слово промолвить трудно со времени *одной свадьбы*.

Онъ хотѣлъ возразить, остановить ее, но она не дала ему на это времени:

— Всѣ говорили, что *это* было бы для васъ самое большое несчастіе, и вы сами это, вѣрно, увидѣли... потому что допустили, что не вы, а другой *взялъ ее*... Такъ будьте же тогда мужчиной, не выдавайте, чтѣ васъ мучить!... Если-бъ это со мной случилось, я бы или поставила на своемъ противъ всего міра, или такъ стѣмѣла бы себя *стиснуть*, что моя подушка не знала бы, чтѣ я думаю и чувствую! вскрикнула красавица-дѣвочка съ выраженіемъ страстной и неодолимой энергіи.

Гришу эта выходка окончательно взорвала:

— А я васъ прошу, Марья Борисовна, отчеканилъ онъ, весь поблѣднѣвъ даже отъ досады, — избавить меня отъ вашихъ *уроковъ*. Я чуть не на двадцать лѣтъ старѣе васъ...

— На семнадцать! поправила она скороговоркой.

— Все равно!.. И дѣлать вамъ замѣчанія мнѣ относительно того... чтѣ до васъ во всякомъ случаѣ отнюдь не касается, пробормоталъ онъ,—по меньшей мѣрѣ смѣшно!..

Она покраснѣла до самыхъ ушей... но тутъ же размѣялась, жалостливо глянула на него:

— Ну, такъ и *погибайте*, какъ знаете! А я такихъ мушницъ, какъ вы, уважать не могу...

И, стремительно вскинувшись съ мѣста, понеслась въ противоположную сторону комнаты, опустилась на стулъ подлѣ Василя Григорьевича и проговорила ему на ухо:

— Выпѣла ему все до конца.

— Чтѣ это, моя птичка? обернулся на нее; не понявъ въ первую минуту, старецъ.

— А я вамъ говорила: Гришѣ, племяннику вашему...

— Да, да, Гришѣ, блаженно засмѣялся онъ;— „выпѣли“, говорите... И хорошо, чтобы долго помнилъ, а?

— Желала бы!

И тонкія брови Маши сдвинулись еще разъ.

— Ну, а онъ чтѣ же, благодарилъ, надѣюсь?

Она чуть-чуть пренебрежительно приподняла плечи:

— Изволили разгнѣваться, по обыкновенію... Онъ уѣдетъ съ вами теперь въ Углы и недѣлю цѣлую потомъ сюда не покажется, чтобы доказать мнѣ свое великое неудовольствіе... А чрезъ недѣлю соскучится, положить гнѣвъ на милость, и все попрежнему пойдетъ... Вѣдь я его наизусть знаю, *дядя Бая*, съ легкимъ вздохомъ примолвила дѣвушка, несказанно радуя старика ласкательнымъ уменьшительнымъ, которымъ называла она его въ дѣтствѣ.

Большіе голубые глаза его остановились на ней съ невыразимою любовью:

— Пери вы моя!.. Видѣнье райской стороны!.. лепеталъ онъ восторженно на своемъ романтическомъ языкѣ времени *Святланы и Рыцаря Тогенбурга...*

— Борисъ, молвила Александра Павловна подошедшему къ нимъ мужу,—Настасѣ Дмитріевнѣ надо будетъ посовѣтоваться съ тобою объ одномъ... предметѣ.

— Очень радъ, поспѣшилъ онъ отвѣтить, — тѣмъ болѣе, что мы, кажется, утромъ не совсѣмъ успѣли договориться... Не пройдемъ - ли мы опять ко мнѣ, Настасья Дмитріевна, предложилъ онъ дѣвушкѣ, — здѣсь намъ будетъ не такъ свободно.

Онъ усадилъ ее въ кабинетѣ на прежнее мѣсто, а самъ

опустивъ вдумчиво голову и засунувъ руку за бортъ застегнутого скюртука, медленно запагалъ по комнатѣ:

— Мнѣ не хотѣлось бы оставить въ васъ ни тѣни сомнѣнія, началъ онъ,—относительно искренняго, сердечнаго, скажу я, желанія быть вамъ на что-либо пригоднымъ. Къ несчастію, вы отнеслись ко мнѣ, прося содѣйствія именно въ томъ, въ чемъ я самымъ рѣшительнымъ образомъ долженъ отказать вамъ. Я не могу ходатайствовать, поймите, у властей по дѣлу, къ которому, будь я на ихъ мѣстѣ, я отнесся бы по всей вѣроятности еще строже, чѣмъ они... Вы говорили сегодня о „прощеніи“. Я не допускаю прощенія для тѣхъ, которые прежде всего о немъ и не просятъ и, главное, не дали бы его сами никому, если-бы власть когда-либо попалась имъ въ руки...

Онъ остановился на-ходу и пристально взглянулъ на молча внимавшую ему дѣвушку съ улыбкой, сквозь которую пробивалось выраженіе ѣдкой внутренней горечи:

— На ваше счастье, сказалъ онъ,—такихъ *безпощадныхъ*, какъ я, не много найдется въ *гуманнѣйшей* Россіи нашихъ дней. Если я не почитаю возможнымъ принять на себя ходатайство за вашего брата, то вы отъ этого нисколько не потеряете,—напротивъ! Выгородить его или довести, по крайней мѣрѣ, степень его виновности до минимальнѣйшихъ размѣровъ будутъ стараться лица, гораздо болѣе вліятельныя тутъ, чѣмъ могъ бы быть въ этомъ случаѣ я.

— Кто такіе? изумленно вскрикнула Настя.

— Весь тотъ судебный персоналъ, чрезъ руки котораго пройдетъ онъ: адвокаты, прокуроры, судьи...

— Вы думаете?... И въ мысленномъ представленіи ея въ ту же минуту выросла маленькая и рѣшительная фигура „представителя прокурорской власти“ Тарахъ-Таращанскаго, и визгливый фальцетъ его прозвенѣлъ еще разъ въ ея ухѣ: „Я вѣдь всему этому не придаю никакого серьезнаго значенія“.—Вы думаете? оживленно повторила она.

— Увѣренъ, отвѣтилъ съ тою же ѣдкою улыбкой Троеуоровъ: — вѣдь судьи и подсудимые того же обращенія цвѣтки будутъ, тѣмъ же духовнымъ млекоомъ вспоенные, на тѣхъ же

Чернышевскихъ и компаніи воспитанные... Но объ этомъ довольно!... Вы не гнѣваетесь на меня за мою откровенность? спросилъ онъ неожиданно, протягивая ей руку.

— Хотѣла бы, не могу! слабо усмѣхнулась она, пожимая ее:—еще собираясь къ вамъ, я внутренно чувствовала, что вы не можете дать мнѣ другаго отвѣта, и поѣхала только, чтобы не обвинять себя потомъ, что не сдѣлала въ этомъ случаѣ всего, что было въ моей власти.

— И не рассказываете теперь, что поѣхали? тихо и мягко спросилъ онъ.

— Нѣтъ, Борисъ Васильичъ,—и глаза ея засіяли добрымъ сіяніемъ: — я не ждала, признаюсь вамъ, того сердечнаго приѣма, который встрѣтила здѣсь... и никогда не забуду его...

— Ну, и прекрасно, прекрасно!... не даль онъ ей говорить далѣе. Онъ подвинулъ кресло и сѣлъ къ столу, прямо противъ нея: — а теперь поговоримте собственно о васъ. О чемъ желаетъ Александра Павловна, чтобы вы „посоветовались“ со мною?

— Ее очень испугало, молвила со слабою усмѣшкой Настя,—намѣреніе мое поступить на сцену.

— А вы желаете?...

— Да!... Вы этого тоже не одобряете? вырвалось у нея невольно...

— Это будетъ зависѣть... сказалъ онъ.

— Отъ чего?

— Отъ того побужденія, которое подвигаетъ васъ на это намѣреніе.

— Я сказала Александрѣ Павловнѣ: жить чѣмъ-нибудь надо, а у меня въ этомъ, кажется, способность есть.

— И только?...

— Что?

— Только *способность*? подчеркнул онъ.

Она поняла... и поняла то, что „этотъ человекъ пойметъ ее“ въ свою очередь, что „ему можно будетъ сказать все“, все то, о чемъ такъ много передумано ею, и чего до сихъ поръ не находила она возможнымъ повѣрить ни одной душѣ

живой въ средѣ *своихъ*... Не даромъ же глядѣлъ онъ на нее теперь „такими добрыми и умными глазами“...

— Ахъ, Борисъ Васильичъ, проговорила она задушевно, — я такъ намучилась... я туда *ушла бы* вся...

— Въ искусство? пояснилъ онъ.

— Да!... Я такъ давно живу одною этою надеждой!... Въ тѣ долгіе часы, которые я, бываю, проводила по ночамъ надъ нимъ... надъ несчастнымъ отцомъ моимъ, вымолвила она чрезъ силу, съ судорожнымъ подергиваніемъ губъ, — я знала, что... при его состояніи... ему не долго жить, что я останусь потомъ одна, безъ средствъ, что надо будетъ мнѣ приложить къ чему-нибудь руки, я все упорнѣе... все *любовнѣе*, спѣшно примолвила она, какъ бы поймавъ на лету желанное выраженіе, — ухватывалась за эту мысль... Это былъ мой якорь спасенія, Борисъ Васильичъ, примолвила она и смолкла на мигъ.

Онъ не отрываясь глядѣлъ на нее, отъ времени до времени поводя сверху внизъ головою, какъ бы приглашая ее продолжать.

— Жить мнѣ... да и всѣмъ намъ... въ Юрьевѣ было не легко, начала она снова: — съ сестрой мы мало сходились, у нея другія требованія... другія понятія... Братъ ушелъ. *Онъ*... съ этою *слабостью* своей... вѣчно терзавшій себя воспоминаніями объ утерянномъ прежнемъ, недовольный собою и нами, ни съ чѣмъ не мирившійся и на все досадовавшій какъ ребенокъ... И каждый день тѣ же грошовые расчеты, мелкія лишенія, старческія, малодушныя жалобы *его* на недостатокъ удобствъ, къ которымъ привыкъ *онъ* съ пеленъ... О мѣтѣ я не говорю, но чтò горечи, чтò злости набиралось мнѣ въ душу, если бы вы знали!... А я не родилась злая, Борисъ Васильевичъ, мнѣ тяжело ненавидѣть и проклинать... Смириться я тоже не могла: недостаточно христіанка я для этого...

— Вы не вѣруете? спросилъ совершенно спокойно Троекуровъ.

Но этотъ вопросъ какъ бы смутилъ ее нѣсколько.

— Я не атеистка, впрочемъ, словно извиняясь, отвѣтила она, — я признаю невѣдомую... высшую силу... Но *Провидѣніе*,

какъ говорится, было слишкомъ безпощадно ко всѣмъ намъ, чтобы могла я вѣрить въ его „безконечную милость“ и сносить съ покорностью его удары во имя его „будущихъ...“ гадательныхъ наградъ, добавила Настя съ неудачнымъ намѣреніемъ улыбки;—если-бъ я вѣровала, сказала она по минутномъ размышленіи,—какъ дается это инымъ... я ушла бы теперь, не задумываясь, въ монастырь, въ пустыню, „спасать себя молитвой и постомъ“, какъ говоритъ старецъ Пименъ у Пушкина...

Она остановилась вдругъ, пораженная выраженіемъ страданія, сказавшагося въ эту минуту на лицѣ ея собесѣдника.

— Вы дурно себя чувствуете? быстро спросила она.

— Ничего, также послѣшно проговорилъ онъ,—въ головѣ нѣсколько подергиваетъ... старая обычная у меня боль, нисколько не мѣшающая мнѣ слушать... Продолжайте, сдѣлайте милость!

Дѣвушка заговорила опять; она въ этой исповѣди своей находила какое-то невѣдомое ей до тѣхъ поръ душевное удовлетвореніе.

— Христіанскаго смиренія во мнѣ не было, повторила она,—но и доброду, что оставалось у меня въ душѣ, я не хотѣла дать погибнуть въ этомъ аду... Чѣмъ наполнить, *на что* отдать ее, душу, думала я безустанно, чтобы стоять внутри себя выше житейскихъ терзаній... чтобы было у меня что-нибудь *главное*... недосыгаемое... чему бы я могла предаться такъ, чтобы все возмущающее въ жизни потеряло для меня всякое значеніе... Не знаю, такъ-ли я выражалась и понятно-ли для васъ это чувство, Борисъ Васильичъ?..

— Совершенно, сказалъ онъ,—и совершенно понятно, что это „главное“, на что могли бы вы „отдать душу, вы попытались искать въ искусствѣ...

— Да, радостно воскликнула она,—не правда-ли?... У меня въ театру была страсть съ дѣтства; я помню, въ Москвѣ, на послѣднія деньги, бывало, ѣдешь съ братомъ плакать надъ Садовскимъ въ *Любимъ Торцовъ*... А что ночей на пролетъ провела я за Шиллеромъ и Шекспиромъ... Я долго однако боролась съ собою: я люблю дѣтей, и у меня дипломъ

изъ гимназiи есть; я думала сначала посвятить себя педагогiи, поступить куда-нибудь въ учительницы. Но я слишкомъ раздражена, слишкомъ нервна; я бы воспитанникамъ своимъ принесла болѣе вреда, чѣмъ пользы... А на сценѣ тѣ же нервы могутъ еще службу мнѣ сослужить: съ помощью ихъ я буду въ состоянiи вѣрнѣе, тоньше принимать въ себя и передавать внутреннюю жизнь лицъ, которыхъ мнѣ придется изображать...

Она говорила съ воодушевленiемъ, съ разгоравшимися все ярче глазами, и все лицо ея, впалое и желтое, словно преобразилось подъ свѣтомъ этихъ дымчатыхъ и глубокихъ глазъ... „Да она просто красива!“ сказалъ себѣ въ изумленiи Троекуровъ...

Онъ продолжалъ глядѣть на нее, тихо покачивая головой.

— У васъ сценическая, выразительная, подвижная наружность,—безспорно. Остается знать...

— Есть-ли у меня талантъ? договорила она за него.

— Да, усмѣхнулся онъ.

— Кажется, есть, отвѣтила дѣвушка безъ притворнаго скромничанья: — покойный отецъ думалъ такъ, по крайней мѣрѣ, а у него было много вкуса и навыка, онъ такъ много видѣлъ на свсемъ вѣку... Я прочла съ нимъ много женскихъ драматическихъ ролей: Корделию, Дездемону, Марiю Стюартъ, Теклу въ *Валленштейнѣ*, и изъ нашего репертуара...

— Знаменитую Катерину въ *Грозѣ*? неожиданно спросилъ Троекуровъ. И Настя не могла разобрать, похвалою-ли или иронiей отзывался у него этотъ вопросъ. Онъ впрочемъ не далъ ей времени объяснить себѣ это:

— Во всякомъ случаѣ вамъ слѣдуетъ, я полагаю, пройти извѣстную подготовительную школу съ какимъ-нибудь хорошимъ специалистомъ... А для этого, и не для одного этого, пока вы не поступите на сцену... средства нужны, Настасья Дмитриевна, молвилъ онъ, не глядя на нее и понижая голосъ.

— Я теперь обезпечена, воскликнула она: — тетка наша, Махницкая, оставила по завѣщанiю три тысячи рублей сестрѣ моей Антонинѣ съ тѣмъ, чтобы она пользовалась процентами съ нихъ до замужства, а когда выйдетъ, передала бы ихъ мнѣ

въ полное распоряженіе. Тетка предчувствовала, что Антонина со своею красотою найдетъ себѣ скоро богатаго мужа и не будетъ нуждаться въ этихъ деньгахъ...

— Какія же это деньги три тысячи рублей? возразилъ онъ:— на проценты ихъ не проживете, а начнете брать изъ капитала, на долго-ли хватить?

— До поступления на жалованье. Вѣдь если окажется талантъ, не гроши же дадутъ! А не будетъ таланта, и капитала никакого не нужно будетъ: пойду въ какую-нибудь общину, въ сестры милосердія.

— Вы желали бы поступить въ Московскій театр?

— Конечно; но все равно, я и въ провинцію готова.

— Тамъ... потяжелѣе будетъ, проговорилъ онъ съ разстановкой.

Она вздрогнула слегка и твердымъ голосомъ:

— Послѣ того, что суждено мнѣ было испытать, сказала она,—ничто меня не утратить и все отъ меня отскочить.

И такъ много внутренней силы послышалось въ этихъ словахъ, что Троекурова точно всего приподняло:

— Идите же съ Богомъ въ путь, порывисто вырвалось у него,—и да хранитъ Онъ васъ отъ недочетовъ и унынія!...

— Вы благословляете? благодарно и ласково глядя ему въ лицо, проговорила Настя.

Онъ задумался вдругъ и отвѣчалъ не сейчасъ:

— Александра Павловна будетъ, конечно, не довольна такимъ моимъ „благословеніемъ...“ хотя, по обыкновенію, ничѣмъ мнѣ не покажетъ этого, добавилъ онъ съ какою-то странною, унылою улыбкой и словно про себя;—для нея точно такъ же трудно допустить, чтобы дѣвушка, какъ вы, могла рѣшиться итти въ актрисы, какъ и то, чтобы эта дѣвушка была „недостаточно христіанкою“, чуть-чуть подчеркнул онъ; но я позволю себѣ быть нѣсколько... какъ бы это сказать, чтобы не слишкомъ обидѣть себя?... нѣсколько объективнѣе въ этомъ случаѣ... Не всѣмъ дано, какъ ей, родиться безгрѣшною, *impressable et immaculée!* Духъ вѣры и смиренія есть даръ, величайшій даръ, и не дается онъ всякому, кто захочетъ. А душу живую все же чувствуетъ въ себѣ каждый,

и такъ или иначе ищеть отрѣшиться ея отъ буднишной грязи, а четь—и у сколькихъ это напрасно выходитъ,—отдать ея на что-то „главное недосыаемое“,—вы хорошо это сказали!—въ чемъ поглотилось бы его личное, назойливое, вѣчно ноющее я... Вы нашли его въ искусствѣ—что же, съ Богомъ, идите! повторяю. Искусство—то же спасеніе! Оно тоже лучъ изъ того неба... въ „награды“ котораго вы не вѣруете.

Онъ оборвалъ вдругъ и сморщился, будто отъ чего-то горячаго, какъ всегда это бывало съ нимъ, когда иное слово въ пылу разговора, вырывавшееся у него изъ глубины души, могло, по его мнѣнію, быть сочтено за „фразу“ слушателями его.

— Я однако въ поэзію пустился, кажется, промолвилъ онъ съ насилуемымъ смѣхомъ, подымаясь съ мѣста.

— Ахъ, если бы вы знали, всклинула на это горячо Настя,—какъ давно я ни отъ кого не слышала этой „поэзіи“ и какъ сладко мнѣ ее слышать!...

— Очень радъ!...

Онъ присѣлъ опять къ столу.

— Такъ вотъ что, Настасья Дмитріевна, поспѣшилъ онъ заговорить опять:—я дамъ вамъ письмо въ Москву къ одному хорошему моему знакомому; зовутъ его Ашанинъ. Большой повѣса, весело промолвилъ Борисъ Васильевичъ,—но золотой по сердцу человѣкъ; онъ свой въ театральномъ мірѣ, поставитъ васъ тамъ въ сношеніе со всѣми, кто будетъ вамъ нуженъ, и сдѣлаетъ для васъ вообще все, что только можно сдѣлать,—отвѣчаю вамъ за это... Но при этомъ уговорѣ, заключилъ онъ.

— Какой? съ нѣкоторымъ изумленіемъ спросила она.

— Во-первыхъ, вы остановитесь по приѣздѣ въ домѣ моемъ на Повровкѣ и устроитесь тамъ на все время, пока пробудете въ Москвѣ...

Она хотѣла возразить, но онъ остановилъ ее движеніемъ руки:

— Во-вторыхъ, вы должны общать Александрѣ Павловнѣ... и мнѣ, что будете почитать Всесвятское роднымъ для себя мѣстомъ, куда станете приѣзжать проводить время, которое окажется у васъ свободнымъ. Артистамъ уединеніе и отдыхъ

бываютъ нужны въ интересѣ же ихъ таланта, а здѣсь вы будете пользоваться ими среди людей, искренно къ вамъ расположенныхъ, и такъ же мало стѣсняя себя вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ если бы вы были у себя въ Юрьевѣ.

Настя не успѣла отвѣтить.

Въ незапертыя изъ гостиной двери кабинета входила хозяйка дома:

— Что, кончили? спросила она съ порога.

— Надѣюсь, отвѣтилъ Троекуровъ, вставая и направляясь къ ней,—но боюсь, что ты останешься не совсѣмъ довольною тѣмъ, къ чему мы пришли.

— Вышло несогласно съ вашими убѣжденіями, Александра Павловна, сказала въ свою очередь дѣвушка, подходя къ ней съ улыбающимся лицомъ.

— Ахъ, милая, вселинула она на это, — какое громкое слово вы сказали: „убѣжденія“! У меня на это никакой претензіи нѣтъ. Я просто думала... какъ ужасно должно быть для порядочной дѣвушки въ этомъ мірѣ театра, гдѣ кругомъ такъ много дурныхъ чувствъ... и дурныхъ примѣровъ, какъ бы робко домолвила она.

— И ты совершенно права en principe, сказалъ ей мужъ,—но для Настасьи Дмитріевны все это не такъ страшно, какъ для другой, менѣе испытанной жизнью; я тебѣ объясню, и ты, я увѣренъ, согласишься...

— Это зачѣмъ же, Борисъ! прервала его словно испуганно Александра Павловна: — ты конечно лучше меня въ состояніи разсудить все въ этомъ случаѣ... „Объяснять“ мнѣ ничего не нужно... Я напередъ съ тобою согласна, если ты находишь, что такъ надо...

Брови Троекурова на мигъ какъ бы болѣзненно сжались,—но тутъ же съ прояснившимся лицомъ:

— Настасья Дмитріевна, сказалъ онъ,—общаетъ за то пріѣзжать къ намъ во Всесвятское проводить все время, которое будетъ у нея свободнымъ во время вѣканта, если она поступитъ на Московскую сцену, или между своими ангажементами, если поѣдетъ въ провинцію.

— Я не общала еще, Борисъ Васильевичъ! протестовала дѣвушка...

Александра Павловна протянула ей обѣ руки:

— Не отказывайте!... Вѣдь *тамъ* у васъ опять душа наболить! быстро и чуть не шопотомъ проговорила она.

Слезы неожиданно такъ и брызнули изъ глазъ Насти и руки ея въ неудержимомъ порывѣ обняли шею Троекуровой:

— Какая вы добрая, какая вы добрая! лепетала она, сдерживая, насколько могла, свои нервы, чтобъ и совсѣмъ не расплакаться...

XVIII.

Ich sehne mich nach Thränen.
Heine.

Поздно, часу въ двѣнадцатомъ ночи, уѣхала она изъ Всесвятскаго. Вечеръ пронесся для нея съ неимоверною быстротой и въ какомъ-то чаду... Ей то-и-дѣло представлялось, что это было не явь, а сонъ, невозможный сонъ. Такъ радостно, свѣтло, обольстительно, куда ни взглянешь, было въ этой большой гостиной съ ея картинами въ золотыхъ рамахъ по стѣнамъ и темною зеленью апельсиновыхъ деревьевъ и камелій въ ея углахъ! Привѣтливыя и милыя, молодыя и старыя лица кругомъ, незлобивыя, увлекательныя рѣчи, неожиданныя взрывы дѣвичьяго смѣха, отъ котораго „будто запахомъ фялокъ весной на всѣхъ повѣетъ вдругъ“, говорила себѣ Настя Буйносова. О, какъ все это далеко было отъ мрака, отъ унынія, отъ злобы вѣявшихъ на нее столько лѣтъ въ стѣнахъ и отъ стѣны Юрьева!... „Неужели же все это богатство дѣлаетъ?“ спрашивала она себя. Но нѣтъ, она помнила, когда и у отца ея были хоромы полныя цѣнныхъ картинъ и рѣдкой утвари, когда тамъ давались пиры на всю Мосеву, когда они, дѣти, ходили въ шелку и въ бархатѣ,—а не то это было, не эта „благодать“, не это что-то „умиряющее и поднимающее“... Старый морякъ Юшковъ былъ особенно въ ударѣ въ этотъ вечеръ: онъ рассказывалъ про Малаховъ курганъ, съ котораго его съ оторванною рукой снесли матросы бѣгомъ на перевязочный пунктъ за нѣсколько минутъ предъ тѣмъ, какъ по настилѣ дымящихся русскихъ

труповъ вбѣжали въ укрѣпленіе торжествующіе Французы; про адмирала Нахимова, котораго онъ звалъ не иначе, какъ по имени и отчеству: „Павель Степановичъ“,— приче́мъ го-лось его, чуялось ей каждый разъ, какъ будто „надтрески-вался“... „Вѣдь все равно-съ, всѣ мы тутъ ляжемъ“, приво-дилъ онъ съ улыбкой, которая такъ и врѣзалась въ ея па-мяти, безсмертныя въ смиренномъ мужествѣ своемъ слова его, „Павла Степановича“, при отдачѣ приказанія подчинен-нымъ не подвергать себя неприятельскимъ выстрѣламъ безъ нужды. И не могла она забыть того глубоко вдумчиваго вы-раженія, съ какимъ изъ-за кресла отца внималъ этимъ раз-сказамъ тринадцатилѣтній сынъ Троекуровыхъ, и внезапный тутъ же, дрожавшій отъ сдержанныхъ слезъ, возгласъ его сестры: „Ахъ, вы всѣ тамъ святые какіе-то были!“ Да, это былъ невѣдомый понинѣ для Насти міръ, старый, „честный“ міръ семьи и родныхъ преданій, въ который не вѣрила, или который презирала она такъ много лѣтъ сряду съ высоты своихъ „освободительныхъ идей“, и который отрывался те-перь предъ нею во всемъ обаяніи своей тихой прелести. Словно какіе-то золотые лучи прорывались насильственно съвозъ ткань облекавшаго ее траурнаго покрывала... „Есть же у насъ въ Россіи *свое*, крупное и дорогое“, сказывалось внутри ея, — „изъ-за чего горять восторгомъ эти молодые созданія и сверкають эти чудесныя слезы на ихъ глазахъ, изъ-за чего легли *тамъ* Павель Степановичъ и тысячи та-кихъ же смиренныхъ и великихъ душою, какъ онъ. А мы съ Володей не знали, не хотѣли и знать всего этого... Онъ и теперь не *сдался* бы на моемъ мѣстѣ; онъ и среди всѣхъ этихъ милыхъ людей остался бы такимъ же... непреклон-нымъ“, вспомнилось ей при этомъ вдругъ какимъ-то рѣжу-щимъ и смущавшимъ ее диссонансомъ...

И, по мѣрѣ того, какъ старья, дребезжавшія дрожжи—един-ственный вегигуль, сохранившійся въ сараяхъ Юрьева, — на которыхъ бѣжала она, приближались къ ея усадьбѣ, мысль о братѣ возвращалась къ ней все настойчивѣе, а съ нею воз-никало мало-по-малу какое-то странное раскаяніе за то ду-шевное умиротвореніе, которое выносила она изъ Всесвят-

скаго. Ей представлялось, что съ нимъ порывались послѣднія нити, связывавшія ее съ этимъ братомъ, бывшимъ для нея до сихъ поръ самымъ дорогимъ существомъ на свѣтѣ. Она припоминала, что для него, въ виду единственно его спасенія, поборола она въ себѣ то враждебное чувство, которое внушали ей до тѣхъ поръ Троекуровы, и рѣшилась ѣхать къ нимъ. И чтѣ же? Она не нашла тамъ въ его защиту тѣхъ горячихъ словъ, которыя, казалось ей, когда она уѣзжала изъ Юрѣва, польются изъ устъ ея съ неотразимою силою убѣжденія. Она сдалась, сдалась на первые же доволы этого „очаровательнаго“, — она сознаетъ это, — но все же „узковатаго барина“, не желающаго признать „честныя“, хотя бы и ошибочныя „побужденія молодежи“. Онъ ей прямо сказалъ, что „не допускаетъ прощенія для тѣхъ, кто о немъ не проситъ“, и она не протестовала: хуже, — она какъ бы согласилась въ ту минуту въ душѣ своей, что Володѣ нельзя, не слѣдуетъ прощать... А затѣмъ она и какъ бы совсѣмъ забыла о немъ думать.. Ее какъ-то разомъ затащило всю въ очарованный кругъ этого дома, въ эту мирно текущую, счастливую чужую жизнь. Она уѣхала вотъ сейчасъ оттуда свѣтлая духомъ, чуть не радостная. *Имѣетъ ли она на это право?* спрашивала себя теперь Настя, роясь съ какою-то внезапною жаждой новой музеи въ только-что затихшей бѣдной душѣ своей... Нѣтъ, она „не можетъ и не должна мириться съ жизнью“, пока онъ, Володя, томится и страдает; какъ бы ни признавала она его неправымъ, какъ бы ни расходилась нынѣ съ цѣлями, которыя преслѣдуетъ онъ... съ тѣмъ чѣмъ-то ужаснымъ, на чтѣ намекнулъ онъ ей въ тотъ страшный вечеръ“, — она „не станетъ рвать цвѣтовъ подъ окнами его тюрьмы“, сказала себѣ дѣвушка какимъ-то внезапно пробѣжавшимъ у нея въ мысли поэтическимъ оборотомъ, заставившимъ ее тутъ же невольно усмѣхнуться, и голова ея машинально наклонилась къ большому букету азалій и розъ, который держала она въ рукѣ... Букетъ этотъ предъ отъѣздомъ ея принесъ ей изъ оранжереи Гриша Юшковъ, и она видѣла, какъ красавица-Маша зоркими глазами слѣдила за нимъ, когда онъ робко и неловко

подносила ей, и съ дуэвою улюбкой шепнула что-то на ухо его старика-дяди, а тотъ такъ и просіялъ весь и весело закачалъ своею сѣдою, всклокоченною головою... „Онъ самъ бы конечно не подумалъ о такой любезности, ему очевидно она, эта прелестная дѣвочка, приказала сходить для меня къ садовнику за этими цвѣтами“. И Настасья Дмитриевна вздохнула... „А интересно, прочать-ли тамъ въ самомъ дѣлѣ за него эту дѣвочку?“ пронеслось у нея чрезъ мигъ опять, но она немедленно затѣмъ махнула рукой и проговорила громко подъ гулъ колесъ своего допотопнаго экипажа: „Ахъ, какое мнѣ до всего этого дѣло!...“

Когда она очутилась опять дома, въ своемъ заустѣломъ, неуклюжемъ и мрачномъ обиталищѣ (съ нею жила тутъ теперь одна толстая, успѣвшая за эти дни отъ непробуднаго спанья одурѣть чуть не до идиотизма, Мавра; нѣмую Варюшку Антонина Дмитриевна Сусальцева увезла съ собою за границу), ее охватило вдругъ какимъ-то ледянымъ холодомъ. Весь ея старый, безотрадный строй мысли словно вихремъ налетѣлъ на нее опять и сжалъ за горло желѣзными когтями, звеня ей въ ухо: „ты моя, и никто тебя теперь отъ меня не вывернетъ!...“ Пока ея грузная слуга, тыкаясь во всѣ углы спросонья, готовила ей постель, она, уложивъ голову на руки, долго сидѣла недвижно, уткнувшись бессознательно взглядомъ въ пламя единственной свѣчи, стоявшей предъ нею на столѣ. „Готово, барышня!“ второй разъ пропѣлъ надъ ея ухомъ тягучій голосъ бабы, когда она наконецъ вышла изъ своего оцѣпенѣнія.

— Я завтра въ Москву ѣду, Мавра, сказала она и, опустивъ руку въ карманъ, вынула оттуда два письма.

На одномъ изъ нихъ читалось: Владиміру Петровичу Ашанину и адресъ. Другое было на имя управляющаго домомъ Бориса Васильевича Троекурова, на Покровкѣ.

Она положила первое письмо на столъ рядомъ со шляпою, скинутою ею съ головы.

— А это не нужно! рѣшила она, разрывая на четыре куска письмо къ управляющему:—они благородные, добрые, чудесные люди, я вся распустилась съ ними, но отдаться я имъ все-таки не хочу, какъ и никому на свѣтѣ! „Душа на-

болить опять“, говорила эта милая женщина. Пусть! И у нея свое что-то, должно быть, наболѣло тоже... А мнѣ и некогда будетъ: не своею я отнынѣ жизнью жить буду, а тѣхъ, кто устами моими говорить будутъ, слезами моими плакать... Тоже „лучъ съ неба“, вспомнила она слова Троекурова,—и какая-то неопредѣленная улыбка скользнула на мигъ по ея изнеможенному лицу...

КОНЕЦЪ ПРОЛОГА.

Б Е З Д Н А.

ПРАВДИВАЯ ИСТОРИЯ.

Посвящается Еленѣ Сергѣевнѣ Рахмановой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

O voi, ch'avete l'intelleti sani,
Mirate la dottrina che s'asconde
Sotto 'l velame delli versi strani.
Dante.

I.

Près des bords où Venise est reine de la mer...
André Chénier.

Близъ мѣстъ, гдѣ царствуетъ Венеція златая...
Пушкинъ.

Свѣтлою мѣсячною ночью, въ половинѣ августа 1878 года, отъ Пиацетты въ Gran Canale спускалась *серената*. Надъ широкимъ, квадратнымъ досчатымъ помостомъ, насланномъ на двухъ большихъ, связанныхъ бокъ-о-бокъ, баркахъ, возвышался съезной павильонъ изъ длинныхъ брусьевъ, обтянутыхъ спирально полосами яркой пунцовой твани въ переплетъ съ гирляндами изъ свѣжей зелени, обжавшими отъ нихъ вверхъ лучеобразными нитями въ невысокой мачтѣ, составлявшей центръ постройки и надъ которою, подъ набѣгами слабого вѣтерка, дувшаго отъ Джудевки *), тихо шуршали въ

*) Отъ Giudo, Жидъ — широчайшій каналъ въ Венеціи, по лѣвому берегу котораго единственно имѣли право селиться и жить Евреи во времена республики.

прозрачномъ воздухѣ складки итальянскаго флага съ краснымъ савойскимъ крестомъ на его бѣлой серединѣ. Трепетный мутный свѣтъ безчисленнаго количества разноцвѣтныхъ бумажныхъ фонарей обливалъ со всѣхъ сторонъ собранную на помостѣ довольно большую толпу мужскаго и женскаго хора, игралъ индѣ капризными бликами на виднѣвшихся въ рукахъ музыкантовъ инструментахъ, на серебряныхъ клавишахъ флейтъ, на блестящей мѣди трубъ и валторнъ, — и розы въ волосахъ пѣвицъ словно млѣли и трепетали подъ этимъ имъ невѣдомымъ фантастическимъ сіяніемъ. Впереди, темными силуэтами рисуясь на голубоватомъ фонѣ ночи, три гондольера, стоя на кормѣ въ той своей классической наклонной позѣ, которую обезсмертила кисть Каналетто, тужась и усердно ворочая руками, работали каждый своимъ единымъ длиннымъ весломъ, двигая внизъ прикрученное веревками къ гондоламъ ихъ все это тяжелое плывучее зданіе.

Серената устроена была съ цѣлью какой-то патриотической подписки хозяевами многочисленныхъ отелей въ Венеціи, и должна была у каждаго изъ нихъ исполнить назначенный для него по программѣ музыкальный номеръ. Въ моментъ остановки павильонъ освѣщался весь пламенемъ красныхъ, зеленыхъ, синихъ огней; изъ отеля въ отвѣтъ взлетали къ небу шипящія ракеты, и бумажная монголфьерка съ пылающимъ подъ нею спиртомъ медленно подымалась въ воздухъ, привѣтствуемая восторженными кликами цѣлаго роя дѣтей, съ заборовъ, съ балконовъ, съ крышъ взиравшихъ на „spettacolo questo divino“, на такое „божественное зрѣлище“...

Все далѣе плыла *серената*, и съ каждымъ мгновеніемъ становилось значительнѣе число примыкавшихъ къ ней гондолъ. Стройныя, таинственныя и мрачныя въ своемъ традиціонномъ траурномъ обликѣ *), выплывали онѣ изъ сосѣднихъ лагунъ и малыхъ каналовъ, беззвучно и мягко, какъ полетъ ночной птицы, скользя по зеркальной глади зеленыхъ водъ. Со всѣхъ свинуты были будки и съ сидѣній ихъ жадно, въ

*) Гондолы, какъ извѣстно, въ силу неизмѣннаго обычая выкрашены всѣ въ черный цвѣтъ; республика строгимъ постановленіемъ не позволяла иной для нихъ окраски.

свою очередь, глядяли на зрѣлище *forestieri* всѣхъ странъ, возрастовъ и видовъ: голубоглазая англійскія миссы и деревянные Нѣмцы, совершающіе свою прогулку по Италіи, Французы-художники съ возлиною бородкой, въ островочныхъ и широкополыхъ шляпахъ, оливколицы Индійцы въ чалмахъ, прибывшіе для чего-то съ послѣднимъ пароходомъ изъ Бомбея въ Европу, *Далматинцы* изъ Триеста съ усами въ три этажа, съ добродушно суровымъ выраженіемъ своихъ славянскихъ лицъ... Разноязычныя восклицанія, живой говоръ раздавались кругомъ въ интервалахъ между исполненіемъ музыкальныхъ пѣснь. Новоприбывшія гондолы изворотливо, какъ змѣи, втирались въ тѣсныя ряды ближайшихъ въ павильону, все шире и шире раскидывая сомннутый кругъ ихъ; слышался металлическій лязгъ сталеживавшихся бронзовыхъ кониковъ *), плескъ забиравашаго впередъ весла, и все это, лихорадочно спѣша и тѣсясь, боясь быть оттертыми въ свою очередь, несло съ тѣмъ разомъ за отплывавшимъ опять съ мѣста пловучимъ концертомъ...

Исполнено было уже нѣсколько нумеровъ. Усердный, хотя и не совсѣмъ стройный оркестръ, составленный изъ любителей, лавочниковъ и ремесленниковъ, проигралъ увертюру изъ *Сороки воровки* и маршъ вѣнчанія изъ *Пророка*; хоръ пропѣлъ смѣло, чтобы не свазать лишняго, молитву изъ *Моисея*; кабая-то не молодая, съ большимъ носомъ и надтреснутымъ голосомъ, особа пролепетала слащавенькій романсъ *Stella confidente*... *Серенама* вѣзжала въ *Gran Canale*.

Новая остановка; снова ракеты и бенгальскіе огни, и изъ за пламени и дыма ихъ зазвучалъ на помостѣ голосъ...

То былъ мужской, проникающій голосъ, высокій баритонъ съ тѣмъ груднымъ теноровымъ тембромъ, какой дается только „сынамъ Авзоніи счастливой“, голосъ не прошедшій—было ясно,—никакой школы, пѣвшій, какъ поетъ птица, но страст-

*) Къ обоимъ бортамъ гондолъ, у впадинъ, въ которыя устанавливается надъ ними будка, прикрѣплено по одному, служащему повидимому однимъ украшеніемъ, мнѣческому, съ загнутымъ крючкомъ вверхъ рыбьимъ хвостомъ, конику изъ литой и золоченой бронзы, содержимой всегда гондольерами въ весьма блестящемъ видѣ.

ный, но нѣжный, но неотразимо обаятельный въ безыскусственности своей голосоу.

La biondina in gondoletta

пѣлъ онъ старую, извѣстную мѣстную *канцонету*, и чѣмъ-то словно эпическимъ, стародавнимъ и благоухающимъ понесло вдругъ отъ этихъ звуковъ, среди этой лунной и праздничной ночи, предъ этими старыми, волшебными въ заустѣлой красотѣ своей дворцами Венеціи, изъ мраморныхъ оконъ которыхъ когда-то въ такія же мѣсячныя ночи внимали задумчиво пѣвцамъ такихъ же серенатъ патриціанки-красавицы Тиціана и Веронеза, бѣлокурья дочери Лоредановъ и Даноло...

Таково, по крайней мѣрѣ, было впечатлѣніе, произведенное пѣвцомъ и его пѣснью на молодую, одѣтую всю въ черное, женщину, сидѣвшую рядомъ съ другою и въ обществѣ трехъ сопутствовавшихъ имъ мужчинъ (изъ которыхъ одинъ былъ очень красивый и въ очень красивомъ мундирѣ италіанскій офицеръ), въ большой гондолѣ Hôtel Danielli, управляемой двумя гондольерами, облеченными ливрейно въ матросскій бѣлый съ синимъ костюмъ:

— Ah, marquis, громко вскрикнула она, — on se croirait vraiment au temps des doges et il ne manque qu'une pâle Desdémone au balcon de cet adorable palais Grimani!

— Ou si vous aimez mieux rester dans l'histoire, comtesse, благоспоитанно засмѣялся маркизъ, человекъ лѣтъ сорока пяти, съ тонкими чертами и лукавымъ выраженіемъ глазъ. — une Catherine Cornaro à la veille de partir reine pour Chypre. *).

— И какъ онъ поетъ, этотъ человекъ! возгласила она опять со вздохомъ восторга.

— Monsieur Vermicella, проговорила на это пренебрежительно-насмѣшливымъ тономъ на томъ же французскомъ языкѣ другая сидѣвшая въ гондолѣ дама, облеченная въ изящнѣй-

*) Венеціанка, вышедшая замужъ за Петра Лузиньяна, короля Кипрскаго; она по смерти его передала свое королевство во владѣніе Венеціанской республики (1480 года), отъ которой отвоевали его Турки въ 1571 году.

шую тальму изъ темносиняго *drap de velours*, богато обшитою золотымъ шнуркомъ по тогдашней модѣ, и съ газовой на круглой шляпѣ вуалью, спущенною до самаго подбородка, во избѣжаніе вреда, какой могъ нанести ночной воздухъ ея свѣжему и прекрасному лицу, и дама кивнула на офицера, сидѣвшаго по другую сторону: — *Monsieur Vermicella* говорить, что онъ хорошо знаетъ этого человѣка: его зовутъ Луиджи Керубини; онъ сапожникъ.

— *Si, si, ze (то-есть, je) le connais bien cet homme (homme) puisqu'il me soud mes stivale... mes bottes*, поспѣшилъ перевести съ самодовольнымъ смѣхомъ офицеръ Вермичелла, который былъ настолько же обиженъ природой въ умственномъ отношеніи, насколько щедро одаренъ ею съ наружной стороны, и говорилъ при томъ по-французски непростительно дурно.

Графиня, не отвѣчая, взглянула на него чуть не съ ненавистью и замолкла, будто обиженная.

— Кстати о палаццо Гримани, знаете-ли вы его легенду? спросилъ ее маркизъ.

— Нѣтъ! отрѣзала она.

Онъ чуть-чуть повелъ кончикомъ губъ, какъ бы засмѣявшись внутренно тому, что угадывалъ подъ ея внезапнымъ неудовольствіемъ, и заговорилъ своимъ свѣтскимъ, нѣсколько изысканнымъ языкомъ:

— Я начну какъ въ сказкахъ: жилъ да былъ (*il y avait une fois*) здѣсь дожъ по фамиліи Тіеполо *) и ему принадлежалъ вотъ этотъ, прямо напротивъ, не менѣ прелестный *palazzo* той же лучшей эпохи Возрожденія. Дворцомъ этимъ уже нѣсколько лѣтъ восхищалась Венеція, когда на мѣстѣ палаццо Гримани все еще стояло старое обиталище этой фамиліи, не отличавшееся ни размѣрами своими, ни изяществомъ. Тог-

*) Быть можетъ славянскаго происхожденія (*тепло*), какъ и фамилія знаменитаго „Пелопонезскаго“ (*Peloponnesiacus*) Морозини (*мороз*). Значительная примѣсь славянской крови въ венеціанской расѣ наглядно даетъ себя знать въ женскихъ портретахъ и типахъ, оставленныхъ намъ великими живописцами Венеціанской школы. Дворецъ Тіеполо принадлежитъ теперь графу Пападополи, происходящему отъ италиянизированной греческой фамиліи.

дашній владѣлецъ его былъ человѣкъ богатый, но разсчетливый или скупой, l'histoire ne le précise pas, и довольствовался скромнымъ жилищемъ, оставленнымъ ему предками въ это блестящее Cinque Cento (въ XVI вѣкѣ), когда страсть къ искусству неудержимо увлекала всю остальную тогдашнюю венеціанскую аристократію къ постройкѣ всѣхъ тѣхъ художественныхъ чудесъ, мимо которыхъ проѣзжаемъ мы теперь... Но у этого Гримани былъ сынъ, а у Тіеполо дочь, и молодые люди влюбились другъ въ друга. Такъ какъ обѣ фамиліи были равно богаты, равно записаны въ *Золотую книгу* *) и въ отношеніяхъ онѣ были не враждебныхъ, то Гримани, не допуская и мысли, чтобы могло быть ему отказано, отправилъ къ дожу посланныхъ просить для сына руку его дочери. Но въ немалой досадѣ своей узналъ о такомъ отвѣтѣ того: „Скажите Гримани, что я отдамъ дочь мою за его сына, лишь когда онъ выстроитъ palazzo, равный красотой моему, а то у меня каждое утро болѣла бы душа, глядя черезъ каналъ, при мысли, что моя дочь изъ великолѣпныхъ палатъ моихъ перешла на жительство въ такой жалкій домишко, какъ его“.

„Такъ объявите же Тіеполо“, воскликнулъ Гримани, „что я выстрою такія палаты, что балконъ ихъ будетъ шире всего фасада его дворца“... И исполнилъ свое слово: сплошной балконъ, облегающій, какъ вы видите, весь фасадъ палаццо Гримани, длиннѣе протяженіемъ фасада дворца Тіеполо... Это chef d'oeuvre знаменитаго тогдашняго венеціанскаго архитектора Саммикиели... Знаете, что на одни основанія его—мѣсто тутъ было страшно болотистое,—пошло *милліонъ двести тысячъ свай*, протянулъ онъ подчеркивая, — превосходнѣйшаго краснаго лѣса... Одна французская компанія предполагала въ прошломъ году купить этотъ дворецъ, чтобы снести его и вытащить для продажи эти сваи, прибрѣвшія теперь, послѣ

*) *Libro d'oro*, въ которой значились всѣ патриціанскія фамиліи Венеціи. Честъ быть записаннымъ въ ней почиталась выше всякихъ титуловъ, которыхъ республика не признавала за своими nobili, но которыми довольно щедро награждала сама за службу ей и услуги въ вассальныхъ ей земляхъ. Отсюда графскіе титулы многихъ фамилій греческаго (на Ионическихъ островахъ) и хорватскаго (далматинскаго) происхожденія.

такого долгаго пребыванія въ водѣ, крѣпость желѣза и огромную цѣнность. Къ счастью, городъ не согласился на такой актъ вандализма...

— Спекуляція хорошая; дрова здѣсь очень дороги, съ быстротой и краткостью телеграфной депеши промолвилъ, обернувшись къ офицеру Вермичеллѣ, третій изъ мушкетеровъ гондолы, высокій и полный, стоявшій на носу ея и не принимавшій до этой минуты никакого участія въ разговорѣ, а глядѣвшій, не отрываясь, на *серенату* съвозъ огромнѣйшій бинокль, футляръ котораго висѣлъ у него на ремнѣ черезъ плечо.

Дама подъ вуалью быстро и какъ бы испуганно вскинула голову по его направленію; но онъ уже успѣлъ замолкнуть и снова навелъ свой бинокль на павильонъ съ его пѣвцами и музыкантами.

— Это очень мило, что вы рассказываете, скучливо-любезнымъ тономъ сказала дама, обращаясь къ маркизу: — у васъ много еще такихъ исторій?

— Есть, если вамъ не скучно слушать, исторія *palazzo Contarini, dit delle figure*, отвѣтилъ онъ, глядя впрочемъ не столько на нее, сколько на ту, которую называлъ графиней.

Но эта молодая женщина видимо не интересовалась его исторіями. Подъ негромкіе звуки его повѣствованія она всѣмъ ухомъ прислушивалась къ разговору, который велся рядомъ съ нею въ гондолѣ, только-что оттѣснившей ту, въ которой за нѣсколько мгновеній предъ тѣмъ видѣла она невзрачную чету какихъ-то старыхъ Англичанъ съ зубами, длинными какъ у верблюда, и съ неизбѣжнымъ *Mitau* *) въ рукѣ. Ихъ замѣнили теперь двое молодыхъ людей, изъ которыхъ одинъ, обросшій волосами чуть не по самыя глаза и въ истрепанной мягкой шляпѣ, надвинутой по самыя брови, сидѣлъ, укутавшись въ какой-то не то пледъ, не то одѣяло, словно отъ холода; другой, бѣлокурый и стройный, одѣтый прилично, глядѣлъ, прищурившись, на *palazzo Grimani*, о которомъ только-что рассказывалъ маркизъ. Онъ, поняла она съ первыхъ его словъ, слышалъ этотъ рассказъ:

*) Англійскій Бедекеръ, путеводитель по Европѣ.

— Да, братъ-Волкъ, говорилъ онъ по-русски своему спутнику,—на это вотъ зданіице милліонъ двѣсти тысячъ однѣхъ свай пошло... Глубоко запустили свои корни эти старыя цивилизаціи, процѣдилъ онъ чрезъ мигъ, перескакивая очевидно чрезъ цѣлый рядъ мысленныхъ посылокъ.

— А ну ихъ въ чорту! прохрипѣлъ челоуѣкъ въ пледѣ. Бѣлокурый разсмѣялся:

— Ты все такъ же прямолинеенъ, вижу, Волкъ, сказалъ онъ.

— А ты не аристократничай! отрѣзалъ тотъ какъ бы грозно.

Настало на минуту молчаніе, послѣ чего бѣлокурый началъ опять:

— Какъ же ты сюда добрался?

— Извѣстно какъ: кочегаромъ.

— Отъ Суэза?

— Во! отъ самаго Сингапура.

— Тяжело?

— Чего „тяжело!“... Ничего... Въ Красномъ морѣ жарко было, будто вспомнилъ онъ нечаянно.

— Съ языкомъ какъ ты справлялся?

— Какого тамъ языка нужно! Пришелъ наниматься, говорю: *sox*, на руки показалъ. „Well“, говорятъ, ступай!.. Разговоръ не долго.

— Жалованье получалъ?

— А то какъ!... Кормили тожь... Пять фунтовъ чистогану прибрѣлъ, какъ бы уже съ нѣкоторою торжественностью примолвилъ онъ.

— Въ Россію... думаешь? послѣ новаго молчанія спросилъ бѣлокурый, понижая голосъ.

— Какъ вотъ рѣшимъ... въ Женевѣ, какъ бы нехотя промычалъ тотъ.

Съ платформы грянулъ въ эту минуту хоръ изъ *Травіаты*.

Графиня съ нетерпѣніемъ ждала, когда онъ умолкнетъ. То, что пришлось ей услышать сейчасъ, возбудило въ высшей степени ея любопытство. А любопытства и воображенія было у нея много, очень много...

Незнакомые ей молодые люди продолжали свою бесѣду

между тѣмъ, не слушая музыки и не обращая видимо никакого вниманія на то, что происходило предъ ними. Они были вполне поглощены теперь другъ другомъ... Когда пѣніе прекратилось, графиня услышала слѣдующее:

— ...Четверо сутокъ проплутали мы въ этомъ бору, говорилъ бѣлокурый; — въ сентябрѣ дѣло было, холодъ тамъ въ ту пору уже лютый, дождь ледяной, а на насъ сермяги однѣ крестьянскія... до костей пронимало... Изъ силъ выбились къ тому же; если-бы не фляжка съ коньякомъ, которую она выкрала для меня у отца и дала на прощанье, я, пожалуй, такъ и сгинулъ бы тутъ отъ изнеможенія...

— Знаю, промышаль опять тотъ, котораго звали Волкомъ, — было со мной такое-жъ на Шилкѣ... Что-жъ этотъ твой Степка... какъ бишь его?...

— Степка Фроловъ, по прозванію Зарѣзъ... Эхъ, знатный парень! перебилъ себя говорившій:— вотъ оружіе чудесное на какое угодно предпріятіе... если-бы понадобилось, проговорилъ онъ вѣско и вполголоса.

— Да, протянулъ загадочнымъ тономъ Волкъ:— изъ рабочихъ?

— Маларь, Питерець... грамотный, у Ивашкина въ школѣ былъ...

Тотъ повель головой:

— Готовый, значить?

— Насквозь!... Дороги онъ самъ не зналъ, за то зналъ хорошо, что провѣдали бы про то, что онъ способствовалъ мнѣ бѣжать, его бы въ тюрьму, какъ пить дать, уекли. Самъ я ему объ этомъ говорилъ. „А наплевать, говорить; что тамъ будетъ— дѣло незнамо, а теперича тебя, Владиміръ Митричъ, выручать надо“... Ну, и повель... и погибалъ тамъ со мною, въ лѣсу въ этомъ...

— Какъ же выдрались-то?

— Очень просто: неожиданно, негаданно сквозь лѣсъ вода блеснула... Оказалось, мы въ Сухонѣ вышли...

„Сухона, Сухона, припоминала графиня,— это гдѣ-то près d'Архангельскъ. Онъ туда былъ сосланъ и ушелъ à travers cette forêt, гдѣ чуть-чуть не погибъ. А другой изъ *Сингангра*—

c'est dans l'Inde... *кочегаромъ*, бѣдный... Ужасно!... Онъ тоже бѣжалъ... изъ Сибири, это ясно, — на какомъ-нибудь американскомъ пароходѣ... И теперь оба здѣсь, à Venise, devant ces merveilles de l'art... Политическіе преступники, des réfugiés politiques“, перевела она—и воображеніе ея разгоралось все сильнѣе и сильнѣе. „Какъ это интересно, какъ интересно!.. И непременно un petit roman во всѣхъ этихъ случаяхъ!.. Какъ бы я хотѣла знать, кто была эта женщина... une femme mariée ou une jeune fille?.. которая *украдала* у своего отца ce flacon de cognac и дала ему „на прощанье?“... Она его любила,—непремѣнно!.. Какъ она плавала, можетъ быть, бѣдняжка, когда отдавала она ему это!.. L'amour, toujours, partout l'amour“...

— Ахъ, опять этотъ голосъ! вскрикнула она тутъ же громко.

Луиджи Керубини, сапожникъ офицера Вермичеллы, пѣлъ теперь арію изъ *Il Furioso* Доницетти.

Baggio d'amor pareo
Nell' primo april degli anni...

и какъ пѣлъ! „A réveiller *une morte*“, говорилъ, чуть-чуть подчеркивая и усмѣхаясь однимъ уголышкомъ губъ, маркизь.

Она слушала... Сердце у нея сильно билось, а глаза не могли оторваться отъ бѣлокурого незнакомца, сидѣвшаго въ своей гондолѣ такъ близко къ ней, что она могла бы дотронуться до него рукой. И среди этой синей венеціанской ночи, подъ эти страстные звуки юга, предъ мысленными очами ея стоялъ мрачный, страшный сѣверный лѣсъ, занесенный снѣгомъ, — тотъ самый лѣсъ, что писанъ на декораціи послѣдняго акта *Жизни за Царя*, — и тамъ, подъ нависшею елью, „въ шубѣ“, дрожа отъ холода и муки, стоитъ она, — „jeune fille ou femme mariée“, — любившая его, и говорить ему: „Прощай, спасайся, будь счастливъ, а я... я умру безъ тебя, но что тебѣ до этого! Мы, женщины, рождены, чтобы любить, страдать... et mourir pour vous“...

— Vous rêvez, comtesse? спросилъ шепоткомъ маркизь, наклоняясь къ ней вслѣдъ за послѣднею нотой аріи.

Она вздрогнула, усиленно моргнула глазами:

— Oui, et d'un mauvais rêve, быстро проговорила она, принимая опять ухомъ въ тому, что говорилось въ сосѣдней гондолѣ.

— Такъ гдѣ-жь тебя найти тутъ? спрашивалъ Волкъ.

— А я, какъ пріѣхалъ съ Бортнянскими, такъ и остался въ *Hôtel Bauer*, только въ дешевый номеръ перебрался...

— Какіе такіе Бортнянскіе? спросилъ опять тотъ.

— Семейство одно русское... Случай мнѣ вышелъ въ Вѣнѣ: ѣхали они въ Италію на зиму, учитель нуженъ имъ былъ къ дѣтямъ...

— Что-жь, дѣло! хихикнулъ Волкъ почему-то.

— Да... да не выгорѣло.

— А что?

— Телеграмму здѣсь получили они. Родственникъ какой-то ихъ богатый умеръ въ Петербургѣ, они скоропостижно и взмыли всѣ туда, наслѣдство дѣлить... Такъ я и остался...

— Гм!.. Это гдѣ же твой *Bauer*?

— Подлѣ *San-Moise*; церковь такая есть... Вспомни десять заповѣдей, засмѣялся молодой человѣкъ, — и пророка Моисея.

— Добре, не распространяйся, найду... Номеръ?

— Двадцать девятый. Пролетова спроси, *maestro gusso Proletof*.

— Про-ле-товъ, повторилъ по слогамъ Волкъ, — по виду что-ли? коротко спросилъ онъ тутъ же.

— По самому настоящему, отвѣтилъ молодой человѣкъ съ новымъ смѣхомъ:—подписано: „с.-петербургскій градоначальникъ“... Ишь, загалдѣли какъ! перебилъ онъ разговоръ, словно послѣ какого-то сна возвращаясь къ сознанию окружавшей его дѣйствительности и устремляя прищуренные глаза впередъ.

Съ гондолъ, съ берега, неслись крики и громкія рукоплесканія по адресу восхитившаго публику пѣвца. „*Cherubini, bravo! Fora (выходи), Cherubini, avanti (впередъ)*!“... И въ багровомъ освѣщеніи загорѣвшихся вновь по этому случаю потѣшныхъ огней выступилъ къ самому краю помоста человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, невзрачной наружности, въ изношенномъ пальто и съ шей, повязанною какимъ-то лиловымъ

кашне, и принялся неловко раскланиваться направо и налево, откидывая въ сторону, по-итальянски, руку со шляпой во всю длину ея, будто солдатъ на караулѣ, салютующій проѣзжающему командиру.

— *Il n'est pas beau votre cordonnier!* все тѣмъ же своимъ скучливо-пренебрежительнымъ тономъ проговорила дама въ вуалѣ сосѣду своему Вермичеллѣ.

Графиня внезапнымъ порывомъ наклонилась къ ея уху и прошептала ей:

— А посмотри тутъ влево, подлѣ меня, этотъ... (она почему-то не сказала срывавшееся у ней съ языка „нашъ Русскій“)... Точно Ванъ-Диевскій портретъ...

Тотъ, о которомъ говорила она, стоялъ теперь въ ростъ въ своей гондолѣ, озаренный отблескомъ огней съ серенаты, и дѣйствительно въ строгомъ облигѣ его молодого, правильнаго лица съ бѣлокуроыми волосами, вившимися подъ низкою и мягкою черною шляпой, было въ эту минуту что-то эффектно, картинно-красивое.

Дама, склонивъ нѣсколько голову на-бокъ, потянулась ею впередъ по указанному направленію и вдругъ быстрымъ, словно испуганнымъ движеніемъ, откинулась всемъ тѣломъ назадъ въ спинку своего сидѣнья...

Спущенный вуаль не позволялъ видѣть выраженія ея лица, но спутницѣ ея этого не было и нужно. Цѣлый міръ самыхъ смѣлыхъ, невозможныхъ догадокъ и соображеній зародился мгновенно въ пылкой головѣ графини... Но она была слишкомъ благовоспитана и свѣтски опытна, чтобы выразить это чѣмъ-либо наружно. Она успѣшила даже отнестись съ какимъ-то вопросомъ къ марквизу, котораго знала за очень тонкаго и наблюдательнаго человѣка, чтобы отвлечь его вниманіе отъ внезапнаго смущенія своей сосѣдки, въ случаѣ, если онъ успѣлъ замѣтить его.

— *Madame elle est incommodée?* *) спрашивалъ между тѣмъ ту, сложивъ губы сердечкомъ и голосомъ, „какъ медь

*) *Ella è incomodata, signora?* По-итальянски, какъ извѣстно, въ учетивомъ разговорѣ употребляется третье лицо единственнаго числа вмѣсто втораго множественнаго.

Гимета сладкимъ“, офицеръ Вермичелла, горѣвшій къ ней пламенною страстью и слѣдившій поэтому за каждымъ ея жестомъ съ зоркостью лагавой собаки.

— Я озябла, отвѣтила она, успѣвъ тутъ же овладѣть собою,—воздухъ очень свѣжъ сегодня... Находите-ли вы, примолвила она чрезъ мигъ какъ бы шутливо и не относясь ни къ кому особенно,—что эта музыка стѣдитъ того, чтобы мы прослушали ее до конца?

— Другими словами, засмѣялась графиня,—„мнѣ скучно, поѣдьте домой!“... Счастливый супругъ, повышая голосъ, обратилась она по-русски къ муцинѣ, стоявшему на кормѣ гондолы,—вашей женѣ бай-бай хочется.

— A vos ordres, Madame! торопливо оборачиваясь и шагая къ остальному обществу, проговорилъ тотъ скороговоркой имѣвшуюся у него словно всегда готовую въ карманѣ французскую фразу.

— Le modèle des époux! произнесла съ комическимъ пафосомъ молодая женщина и продолжая на томъ же языкѣ:— я васъ втроемъ съ monsieur Вермичеллой высажу къ Даниелли, а мы съ маркизомъ, если ему не будетъ скучно, поѣдемъ еще немножко... Я сегодня въ мечтательномъ настроеніи, смѣялась она,—а онъ удивительно умѣетъ угадывать и отвѣчать на всякое женское настроеніе...

— Oh, comtesse!... благодарно вскрикнулъ онъ, только прикладывая руку къ сердцу...

Высадившись на *Riva dei Schiavoni*, у отеля Даниелли, дама въ вуаль обратилась къ мужу и сопровождавшему ихъ офицеру:

— Messieurs, я спать хочу и потому не приглашаю васъ къ себѣ... о чемъ вы впрочемъ очень сожалѣть не будете, такъ какъ, по обыкновенію, отправитесь вѣроятно играть въ домино къ Флоріани, чтѣ гораздо веселѣе моего общества.

— Ужинать къ Квадро *) поѣдемъ... avec bouteille cham-

*) Флоріани—кафе, а Квадро — кафе-ресторанъ, первый въ *Новыхъ*, а второй въ *Старыхъ Прокураторіяхъ*, на площади Святаго Марка, одинъ почти напротивъ другаго.

ragne, быстро проговорилъ на это мужъ на ухо офицеру и подталкивая его подъ локоть.

Но Вермичелла въ отвѣтъ испустилъ глубокой вздохъ, повелъ на даму долгимъ взглядомъ своихъ прекрасныхъ миндальныхъ глазъ и произнесъ чуть не плача:

— Oh, madame elle est très messante (méchante) ce soir!..

— Bonne nuit! крикнула она, не отвѣчая ему; оставшимся въ гондолѣ маркизу и графинѣ.

— Bonne nuit et beaux rêves, Tony! засмѣялась опять та — до завтра!... Ты въ которомъ часу зайдешь за моимъ Никсомъ въ Лидо на купанье?

— Какъ всегда, въ часъ! крикнула Тону скороговоркой, исчезая за дверями отеля.

Мужъ подхватилъ офицера подъ руку и повлекъ его съ собою чрезъ Ponte della raglia по направленію въ площади Святаго Марка. Для взаимнаго обмѣна мыслей они поставлены были въ необходимость употреблять французскій языкъ, на которомъ оба объяснялись невозможнымъ образомъ, но это нисколько не мѣшало имъ повидимому отлично понимать и находить величайшее удовольствіе въ обществѣ другъ друга. „Счастливыи супругъ“, по крайней мѣрѣ, не могъ и дня провести безъ обожателя жены своей, причѣмъ поилъ и кормилъ его со всею безудержностью русскаго *угощенія*, отъ котораго столбенѣлъ, а иной разъ приходилъ въ совершенное отчаяніе бѣдный Вермичелла, чувствовавшій себя гораздо болѣе созданнымъ „ухаживать за signora Russa“, чѣмъ для обжорства съ ея законнымъ обладателемъ.

— Куда же мы ѣдемъ, графиня? спрашивалъ между тѣмъ свою спутницу маркизъ.

— Куда хотите, гдѣ потемнѣе и пострашнѣй... Къ Ponte dei Sospiri прежде всего.

— Я вижу, усмѣхнулся онъ, — что вы не въ „мечтательномъ“, какъ сказали, а въ какомъ-то мрачномъ настроеніи духа находитесь...

— Совсѣмъ нѣтъ, прервала она его, — я хочу только сильныхъ впечатлѣній сегодня. Расскажите мнѣ какую-нибудь ужасную исторію!

— О выходцахъ съ того свѣта? спросилъ онъ, уже со-
всѣмъ разсмѣявшись.

— Нѣтъ, нѣтъ, напротивъ: что-нибудь... политическое...

Онъ внимательно покосился на нее своими умными гла-
зами:

— Странное впечатлѣніе однако производить на васъ му-
зыка, графиня! Elle ne vous poétise pas; elle vous prosaïse
au contraire, il me semble, примозвилъ онъ какъ бы тономъ
нѣжнаго упрека.

— Почему это? Потому что я произнесла слово „поли-
тика?“ Политика политикѣ рознь: я говорю не о той скучной
вещи, которою занимаются дипломаты и газеты, а о томъ,
что такъ часто бываетъ интересно, какъ въ романѣ или въ
оперѣ... какъ въ *Гугенотахъ* на примѣръ, борьба партій, тай-
ные заговорщики, узники, убѣгающіе изъ своихъ тюремъ, и
такъ далѣе...

— Это значило бы прочесть вамъ курсъ современной
исторіи моего отечества, съ 1815 года и до самаго вступле-
нія нашего въ Римъ, сказала на это маркизь: — вся Италія
въ продолженіе полустолѣтія только и дѣлала, что конспири-
ровала.

— Да, да, какъ бы радостно проговорила она. — Silvio
Pellico...

Она запнулась, не припоминая въ головѣ никакого дру-
гаго имени.

— И много другихъ... вельючая сюда и вашего покорнаго
слугу, добавилъ онъ какъ бы мимоходомъ.

— Вы, вы были заговорщикомъ! вскрикнула она, оборачи-
ваясь къ нему всѣмъ лицомъ.

— И даже приговоренъ въ смерти.

— О!.. могла только сказать она и вся вздрогнула.

Ponte dei Sospiri возносилъ прямо предъ ней въ эту ми-
нуту смѣлый изгибъ своего перекинутого свода, и тусклое
пламя маслянаго фонаря со стороны дворца дождей дрожало
унылымъ свѣтовымъ пятномъ на крайнемъ изъ его рѣшет-
чатыхъ оконъ. Точно кто-то внутри пробѣжалъ мимо этого
окна съ факеломъ въ рукѣ, представилось на мигъ ея воз-

бужденному воображенію... Она усмѣхнулась, но то жуткое ощущеніе, котораго исвала она въ этотъ вечеръ, продолжало блаженно сжимать ей грудь. Чѣмъ-то гробовымъ дѣйствительно вѣяло отъ высокихъ, почернѣвшихъ стѣнъ вѣковыхъ зданій, мимо которыхъ плыла она съ бѣжавшею впереди ея гондолы узкою лентой зеленой, коварной воды, „унесшей въ море“, думалось ей, „такъ много жертвъ, такъ много жизней молодыхъ, прекрасныхъ, благородныхъ“... Ей было и страшно, и сладко среди нѣмой, словно зловѣщей тишины, царившей кругомъ, и не хотѣлось ей прервать ее, не хотѣлось вырваться изъ-подъ ея мрачнаго обаянія. Точно ее живую захватили какіе-то невидимые призраки и увозили въ царство тѣней, и самъ подземный владыка въ огненной коронѣ ждалъ ее на судъ гдѣ-то тамъ далеко впереди, гдѣ пламя одинокой свѣчи изъ чьего-то открытаго окна отражалось трепещущею искрой въ дремлющей влагѣ канала...

Легкая дрожь пробѣжала у нея по тѣлу; она чуть-чуть встряхнула головой и обернулась еще разъ къ своему спутнику:

— Вы были приговорены къ смерти, повторила она; — когда же это было?

— Въ 1849 году. Мнѣ было едва двадцать лѣтъ. Кругомъ Карла Алберта собирались тогда всѣ, у кого въ груди билось италіянское сердце. Я поступилъ волонтеромъ въ Піемонтскую армію... Я родомъ Ломбардіецъ, — слѣдовательно въ ту пору австрійскій подданный, слѣдовательно измѣнникъ, — а Австрійское правительство не шутило съ этимъ... Король, какъ вы знаете, разбитъ былъ при Новаррѣ, армія его не стало... Дѣло мое было ясное: я и мои земляки, сражавшіеся въ ея рядахъ, подлежали смерти... Къ счастью, я успѣлъ въ-время перебраться во Францію, гдѣ и прожилъ, — приговоренный заочно къ растрѣлянью австрійскимъ военнымъ судомъ, — въ теченіе десяти лѣтъ сряду.

— Десять лѣтъ далеко отъ родины... отъ такой родины, какъ ваша, словно поправилась она, что-то вспомнивъ, — это ужасно!..

— Ужаснѣе было то, возразилъ онъ со внезапною горяч-

ностью въ звукѣ, въ выраженіи голоса,—что у меня, у насъ, и родины въ дѣйствительности никакой не было. Италія въ тѣ годы, какъ говорилъ Меттернихъ, была только „этнографическій терминъ“.

— За то она ваша теперь вся послѣ столькихъ вѣковъ чужаго владычества, вы свободны... О, какая эта великая вещь — свобода! вскрикнула вдругъ графиня съ какимъ-то страннымъ въ устахъ ея паѳосомъ:— я понимаю, что за нее отдаютъ жизнь... И въ моемъ отечествѣ, въ Россіи, есть молодые люди, une jeunesse ardente et généreuse, которые всѣмъ ей жертвуютъ, но ихъ преслѣдуютъ, ссылаютъ на галеры (aux galères), или они должны бѣжать за границу, какъ это было съ вами... Но вы, Италіяны, уже пережили ужасное для васъ время, вы побѣдили, вы счастливы теперь...

Къ немалому ея удивленію, собесѣдникъ ея отвѣчалъ на это тяжелымъ вздохомъ:

— Это ужъ другое дѣло, comtesse! задумчиво проговорилъ онъ.

— Какъ это?

— Не знаю, отвѣтилъ онъ не сейчасъ:— оттого-ли, что лучшія силы наши ушли на ту борьбу... или потому, что мы тогда молоды были... но l'Italia una, единая Италія, лучше была, кажется, когда намъ дозволено было только представлять ее себѣ въ мечтаніяхъ...

Онъ оборвалъ вдругъ, какъ бы отгоняя докучную мысль, и, наклоняясь съ мѣста къ молодой женщинѣ, промолвилъ сладкимъ и вкрадчивымъ голосомъ:

— Вѣрите, графиня, на свѣтѣ есть только одно неизмѣнно прекрасное, это все же любовь... Но вы не хотите слышать объ этомъ..

— Любовь, машинально повторила она и усмѣхнулась внутренно, вспомнивъ, что за полчаса предъ тѣмъ говорила себѣ то же, „почти въ тѣхъ же выраженіяхъ“... Но ей не понравилось, что онъ вздумалъ начать объ этомъ „опять“ здѣсь, въ этой гондолѣ и мракѣ, и этимъ „вкрадчивымъ и сладенькимъ“ голосомъ, и такъ близко наклонившись къ ней, что краемъ своей шляпы чуть не задѣлъ ея лица:—Мнѣ

кажется, *cher marquis*, сказала она со смѣхомъ,—что мы оба съ вами слишкомъ зрѣлы (*trop mûrs*), чтобы думать объ этомъ.

— Вы не имѣете никакого реального основанія говорить это относительно себя самой, пылко возразилъ онъ;—что же меня касается, то я скажу вамъ, что пока у человѣка бьется сердце, онъ заставитъ его перестать любить не въ состояніи...

— О, да это уже становится серьезнымъ! продолжала она смѣяться, и понизивъ голосъ:—вы, кажется, желаете дать поводъ нашимъ гондольерамъ рассказывать о насъ завтра всякія небылицы въ отелѣ...

Онъ выпрямился весь съ обиженнымъ выраженіемъ въ лицѣ, подавилъ вздохъ, вырвавшійся у него изъ груди, и замолкъ.

Прошло нѣсколько минутъ молчанія...

— Не сердитесь, любезный маркизь? тихо промолвила она, протягивая ему руку.

Онъ почтительно пожалъ ее.

— Вы всегда умѣете обезоруживать меня однимъ словомъ, однимъ движеніемъ... Сердце у васъ плѣнительно доброе, но природа холодная, сказала она съ выраженіемъ, имѣвшимъ все подобіе искренности.

Она усмѣхнулась.

— Что же дѣлать? „*Tel est mon caractère*“, профредонировала она вполголоса припѣвъ изъ *Brigands* Оффенбаха.— А вы должны оказать мнѣ услугу, маркизь, какъ бы вспомнила она вдругъ.

— Приказывайте, графиня!

— Вотъ видите, начала она не совсѣмъ увѣренно,—я не знаю, какъ быть съ моимъ мальчикомъ. Ему уже десятый годъ. Я почти все время моего траура провела за границей; теперь живу здѣсь для его морскихъ купаній, зиму думаю провести во Флоренціи или въ Римѣ. Онъ учится со своимъ Англичаниномъ, но родной языкъ начинаетъ совершенно забывать... да и нужно, чтобъ онъ серьезно, грамматически началъ ему учиться...

— Вы желали бы учителя русскаго языка? Во Флоренціи я могу вамъ рекомендовать...

— До Флоренціи еще далеко, съ живостью прервала она его,—мнѣ хотѣлось бы скорѣе... Мнѣ... вчера... говорилъ мой Giacomo,—онъ отъ кого-то слышалъ въ отелѣ,—что одно семейство моихъ соотечественниковъ привезло сюда съ собою учителя... Но оно принуждено было почему-то вернуться въ Россію, а онъ, говорятъ, остался...

Маркизь зоркими глазами и опытнымъ ухомъ слѣдилъ за выраженіемъ ея лица и звукомъ рѣчи...

— Молодой человѣкъ этотъ учитель?

Онъ чуть не поймалъ ее этимъ неожиданнымъ вопросомъ. „Какое вамъ до этого дѣло!“ чуть не вырвалось у нея досадливо въ отвѣтъ. Но она сдержалась въ-время и, приподнявъ слегка плечи:

— Я этого никакъ не могу вамъ сказать, не выдавъ его никогда въ лицо, не зная даже, какъ его зовутъ... Вѣроятно молодой, примолвила она совершенно спокойно;—теперь, у насъ по крайней мѣрѣ, совсѣмъ нѣтъ, кажется, старыхъ учителей...

— Я завтра же наведу справки, графиня.

— Ахъ да, онъ, кажется, живетъ въ Hôtel Bauer... говорилъ мнѣ Giacomo... Да, именно въ Hôtel Bauer, я хорошо помню теперь...

— Найти его легко такимъ образомъ, сказалъ маркизь съ легкимъ подергиваніемъ лицевыхъ мускуловъ.

— Но вотъ въ чемъ просьба, начала она опять тѣмъ же не совсѣмъ увѣреннымъ тономъ: — я бы не хотѣла послать пригласить его... отъ себя. Вы понимаете, это заранѣе связало бы меня нѣкоторымъ образомъ...

— Вы желаете, то-есть, чтобы я, какъ бы ничего не слыхавъ отъ васъ, но зная только, что вы ищете учителя для вашего сына и желая оказать вамъ одолженіе, отыскалъ его отъ себя, подчеркнулъ онъ,—и привелъ къ вамъ?

— Какъ вы догадливы, дорогой маркизь! воскликнула молодая женщина.

— На бѣду себѣ, проговорилъ онъ сквозь зубы, учтиво наклоняя въ то же время голову. — Завтра же желаніе ваше будетъ исполнено.

— Благодарю тысячу разъ!

И она еще разъ протянула ему руку.

— Но становится и въ самомъ дѣлѣ холодно, кажется... А саа (домой)! обернулась она съ приказаніемъ стоявшему за нею на кормѣ гондольеру.

II.

Графиня Еленя Александровна Драженбергъ было никакъ не болѣе двадцати девяти лѣтъ. Но, по особаго рода хвастовству, она не упускала ни одного удобнаго случая говорить о себѣ, какъ о женщинѣ, имѣющей „*sa trentaine bien sonnée*“, какъ бы съ цѣлью заявить этимъ о тѣхъ правахъ на полную свободу поступковъ, которая, по ея мнѣнiю, сопряжена была для женщинъ съ тридцатилѣтнимъ возрастомъ, а, можетъ быть, просто изъ-за удовольствiя выслушивать возгласы недовѣрiя и горячiя опроверженiя, которыми отвѣчали на эти ея увѣренiя поклонники ея и „друзья“-мущины (друзья-женщины вѣрили ей само собою на-слово). Она дѣйствительно была замѣчательно молода на видъ. Роста выше средняго, чуть-чуть полна, рыжа какъ бѣлка лѣтомъ, она, какъ всѣ рыжiя, отличалась необыкновенною тонкостью, бѣлизной и свѣжестью кожи. Черты ея были неправильны, лобъ не въ мѣру высокъ (она въ виду этого еще раньше моды кудрявила волосы на лбу), но все вмѣстѣ взятое составляло нѣчто своеобразно милое и привлекательное, благодаря живому выраженiю прекрасныхъ карихъ глазъ и прелестному очерку свѣжихъ и полныхъ губъ, изъ-за которыхъ ослѣпительно сверкали ея, словно подобранный жемчугъ, крупные и ровные зубы. Съ этою наружностью она могла нравиться, и нравилась болѣе, чѣмъ многiя женщины самой безспорной красоты.

Единственная дочь умнаго и дѣловитаго отца, умѣвшаго нажить огромное состоянiе на золотыхъ приискахъ и всякихъ иныхъ толково и счастливо ведомыхъ предпрiятiяхъ, Елена

Александровна, послѣдняя отрасль древняго новгородскаго рода Борецкихъ, выдана была на девятнадцатомъ году жизни матерью, Полькой по рожденію, за Нѣмца-мужа, глубокой трауръ по которому, по свойственной ей своеобразности, продолжала носить молодая женщина до сихъ поръ, хотя имѣла бы уже по существующимъ на то въ свѣтѣ правиламъ полное право замѣнить шерстяныя свои ткани шелковыми, такъ какъ шель одиннадцатый мѣсяць со дня его кончины. „Une façon d'expiation, объясняла она, полувздыхая, полусмѣясь, близкимъ ей людямъ,—pour m'être tant ennuyée avec ce brave homme de son vivant“. Графъ Отто Фердинандовичъ Драхе-фонъ-Драженбергъ былъ и точно достойнѣйшій, но тяжеловѣснѣйшій изъ смертныхъ вообще и изъ супруговъ въ особенности... „Остзейскій дворянинъ“ въ полномъ значеніи понятія, выражаемаго этими двумя словами, онъ былъ примѣрный, равно уважаемый начальствомъ и товарищами, эскадронный командиръ одного изъ гвардейскихъ кирасирскихъ полковъ, строго держался законовъ „хорошаго общества“, отчетливо и усердно оттанцовывалъ всѣ танцы на придворныхъ балахъ, и въ вопросахъ *чести* почитался авторитетомъ всею петербургскою военною молодежью. Тридцати съ чѣмъ-то лѣтъ отъ роду, онъ былъ полковникъ и флигель-адъютантъ, и при весьма небольшихъ средствахъ, которыя получалъ изъ родительскаго замка въ Курляндіи, умѣлъ *жить* приличнѣе многихъ изъ своихъ однополчанъ, тратившихъ тысячу по тридцати въ годъ и бѣжавшихъ къ нему же во дни безденежья „перехватить рублей триста на недѣлку времени“, въ чемъ онъ находилъ возможность никогда имъ не отказывать. Наружности онъ былъ совсѣмъ рыцарской, болѣе внушительной, чѣмъ красивой; потомокъ меченосцевъ сказывался съ перваго взгляда въ его высокомъ, сухомъ и мускулистомъ станѣ, въ холодномъ блескѣ блѣдноглубыхъ глазъ и въ силѣ растительности безконечно длинныхъ и кудрявыхъ льняныхъ усовъ, — „первыхъ по всей гвардіи“, говорили съ гордостью „за полкъ“ и съ тайною завистью по отношенію къ самимъ себѣ новоиспеченные корнеты, которыхъ муштровалъ онъ на *офицерской пздѣ*... Лучшаго супруга для дочери не могла и.

представить себѣ Гедвига Казиміровна Борецкая, рожденная графиня Ляхницкая, во внутреннемъ чувствѣ которой каждый „родовитый“ иноземецъ, въ силу уже одной крови, текущей въ его жилахъ, долженъ былъ быть не въ примѣръ аристократичнѣ, цивилизованнѣ и „надежнѣ какъ мужъ“ во всѣхъ отношеніяхъ“ любаго „Московита“, хотя бы самаго знатнаго и добропорядочнаго. „Этотъ, по крайней мѣрѣ, не истощилъ себя съ кокетками и не проиграетъ состоянія твоего въ Яхтъ-клубѣ“, напирала она, исчисляя дочери достоинства графа Драхенберга. Дочь, со своей стороны, была такого мнѣнія, что съ Драхенбергомъ вальсировать очень ловко, что нѣмецкій акцентъ въ его французской рѣчи „не особенно противенъ“ и, наконецъ, что никто лучше его не ѣздитъ верхомъ на каруселяхъ придворнаго маѣжа... Благодаря сочетанію такихъ лестныхъ о немъ мнѣній, счастливый курляндскій графъ выхватилъ, какъ говорится вульгарно, „изъ - подъ носу“ своихъ совмѣстниковъ руку одной изъ богатѣйшихъ невѣстъ въ Россіи... Съ первыхъ же шаговъ своихъ на супружескомъ поприщѣ онъ осуществилъ возлагшіяся на него Гедвигою Казиміовною надежды въ мѣрѣ, далеко превысившей даже ея ожиданія. Онъ уплатилъ ей чистыми деньгами причитавшуюся ей вдовью часть, исчисливъ оную, „съ соизволенія графини Елены Александровны“, тысячъ на семь дохода выше того, на что имѣла она право по закону, и счастливая теща, благословляя такого „beau fils modèle“, переселилась вслѣдъ затѣмъ въ Вѣну, гдѣ года два спустя вышла вторымъ бракомъ за графа Пршехршонцовскаго, прокутившагося галиційскаго помѣщика, который лѣтъ на пятнадцать былъ ея моложе, и на котораго заглядывались женщины, когда онъ на гуляньѣ въ Пратерѣ съ высоты элегантнѣйшаго лондонскаго *дожарта* привѣтствовалъ знакомую даму „d'un coup de chapeau“, права своими four in hands кровными лошадьми моднаго цвѣта Isabelle... Состояніе жены своей, оставленное покойнымъ отцомъ ея въ нѣсколько запутанномъ видѣ, графъ Отто Фердинандовичъ въ нѣсколько лѣтъ управленія привелъ въ такое блестящее положеніе, что ежегодный доходъ съ заводовъ ея и

земель, не превышавшій семидесяти пяти тысячъ, когда онъ вступилъ съ нею въ бракъ, возросъ чрезъ пять лѣтъ до ста двадцати, и Драхенбергъ, уже тогда отецъ, указывая на маленькаго сына, товарищавалъ, потирая руки, въ веселыя минуты, что онъ „къ совершеннолѣтію этого *шибсдика* надѣется благоразумною экономіей сколотить *свободный миллиончикъ*, за который тотъ, надо полагать, скажетъ ему мерсі“...

Все это было бы прекрасно, если бы мужъ Елены Александровны удовольствовался своимъ положеніемъ финансоваго главы того товарищества на паахъ, которое называется *супружествомъ* въ свѣтъ. Но онъ, въ силу своихъ патриархальныхъ понятій, почиталъ еще себя серьезно призваннымъ быть духовнымъ руководителемъ „данной ему небомъ подруги жизни (*seiner Lebensgenossin*)“ и это призваніе свое исполнялъ съ такою убійственною добросовѣстностью, что въ первое время ихъ супружества доводилъ жену чуть не до лютаго отчаянія. Отто Фердинандовичъ берегъ супругу свою и ея репутацію пуще зѣницы ова, неуклонно слѣдовалъ за нею повсюду, тревожно слѣдилъ за каждымъ словомъ ея и движеніемъ, производилъ въ умѣ тщательную раздѣлку нравственныхъ качествъ ея свѣтскихъ пріятельницъ и бальныхъ кавалеровъ. Возвращаясь съ нею съ бала или раута, онъ начиналъ еще въ каретѣ и продолжалъ затѣмъ, идя за нею въ ея спальню, безконечно длинно и безконечно нудно подвергать „правильному обсужденію“ „неприличную смѣлость“ такого-то оброненнаго ею предъ тѣмъ-то „фатомъ“ выраженія, или опасность, которая могла-де грозить ей отъ сближенія съ такою-то слишкомъ „фривольною“ женщиной изъ ея знакомыхъ. „Обсужденіе“ заканчивалось неизбѣжнымъ правоученіемъ о томъ „достоинствѣ“, съ какимъ должна держать себя женщина „высокаго рожденія (*eine adelige Person*)“ вообще и носящая *его* имя въ особенности, причемъ пускался въ тотъ дидактическій „высокій“ тонъ, присущій съ дѣтства каждому Нѣмцу, которымъ говорить ему проповѣдникъ съ каедръ и лицедѣй съ театральныхъ подмостокъ. У молодой женщины начинало нестерпимо ныть подъ ложечкой и сводить судорогой пальцы на ногахъ. „Ну хорошо, оставь меня только, я спать хочу!“ вос-

визвала она, махая руками, готовая разрыдаться от досады и скуки... Но неугомонный супруг переходил тогда къ сожалѣнiямъ по части хозяйства и „свѣтскихъ обязанностей“. Начиналось подробнѣйшее изложене тѣхъ причинъ, по которымъ „имъ необходимо“ дать обѣдъ такого-то числа, пригласить къ нему тѣхъ-то лицъ и потратить на него столько-то денегъ; вытаскивалось изъ кармана меню, „требовавшее внимательнаго разсмотрѣнiя“ и которое „en toute confidence“ составлено ему было „по дружбѣ“ однимъ прiятелемъ, извѣстнымъ гастрономомъ... „О, Боже мой, оставишь-ли ты меня наконецъ!“ плакала уже впрямь теперь жена, насилу сдерживаясь отъ желанiя швырнуть ему въ голову только-что снятымъ ею съ руки браслетомъ. Отто Фердинандовичъ, весьма боявшiйся женскихъ слезъ, расширялъ каждый разъ послѣ этого все такъ же недоумѣло свои блѣдно-голубые глаза, осторожно проподнималъ плечи и удалялся, но на другой же день являлся утромъ къ женѣ съ тѣмъ же меню въ рукѣ и съ озабоченнымъ видомъ приглашалъ ее пройти съ нимъ въ столовую, „сдѣлать маленькую репетицію“ предполагаемаго „ихъ“ обѣда, „чтобы напередъ знать, кто подлѣ кого будетъ сидѣть, такъ какъ въ этихъ случаяхъ очень важно, чтобы не посадить рядомъ людей, которые терять другъ друга не могутъ“, а также, чтобы „сговориться заранѣе“ насчетъ тѣхъ *нюансовъ*, — онъ особенно хлопоталъ о „нюансахъ“, — которыми должны они, мужъ и жена, руководиться, каждый со своей стороны, въ своихъ *frais d'amabilité* относительно „главныхъ“ и „неглавныхъ“ изъ своихъ приглашенныхъ...

Но графиня Елена Александровна была не того рода особа, чтобы долго терпѣть „назойливое“ попечительство своего супруга. Въ одинъ прекрасный вечеръ она замкнула на замокъ дверь своей спальни, а на слѣдующее утро объявила ошеломленному мужу, что она родилась въ свѣтѣ и знаетъ, какъ вести себя тамъ, по крайней мѣрѣ, такъ же хорошо, какъ и онъ, что по ночамъ она спать хочетъ, а не слушать его пасторскiя сентенци (такъ и сказала „пасторскiя“, — что особенно показалось „giftig“, язвительнымъ и ужаснымъ бѣдному Отто Фердинандовичу). „Я хочу наконецъ дышать свободно“,

безопасно объясняла она; вы имѣете право требовать отъ меня лишь одного, чтобъ я не дѣлала скандала, не срамила вашего имени, и на счетъ этого вы можете быть покойны: я не стану васъ обманывать хотя бы уже потому, что по моему это ставить и мужа, и жену въ равно глупое положеніе. Лучшее доказательство этому то, что я вамъ теперь говорю: другая женщина на моемъ мѣстѣ давно бы винулась на шею первому встрѣчному мужчине изъ одной злости на ваши проповѣди, и вы объ этомъ никогда бы не узнали, по примѣру всѣхъ мужей на свѣтѣ, — а я предпочитаю объясниться съ вами откровенно. *C'est à prendre ou à laisser*: или вы оставите меня жить по моему разумѣнію, дружить съ кѣмъ я хочу, ѣздить куда мнѣ вздумается и, главное, безъ васъ и безъ вашихъ нотаций, — или я завтра же уѣду къ матери, въ Вѣну, гдѣ, говорятъ, гораздо веселѣе жизнь, чѣмъ здѣсь, и тогда я ни за что не отвѣчаю“...

Выхода эта страшно перепугала графа Драхенберга. Онъ настолько уже успѣлъ узнать характеръ графини, чтобы не сомнѣваться въ томъ, что она буквально исполнитъ угрозу свою — уѣдетъ въ Вѣну къ этой „старой дурѣ“, своей матери, „die alte Närrin“, какъ называлъ онъ *in petto* тещу, „на пропащее житье“, если онъ не подчинится предъявляемымъ ему требованіямъ. Въ душѣ его первымъ ощущеніемъ заняло жгучее и злобное раскаяніе по поводу „безсмысленныхъ узъ“, которыми связалъ онъ себя: ему, Драхенбергу, благородному плоду чистыхъ соковъ германскаго древа, возможно-ли было взять въ подруги этотъ прямой продуктъ славянской несостоятельности и распущенности (*Liederlichkeit*), да еще въ его двойномъ букетѣ—*русской и польской* крови! „O lieber Gott, nein, das war doch ein Wahnsinn, ein Wahnsinn!“ блѣднѣя, восклицалъ онъ про себя, растерянно упершись взглядомъ въ раскраснѣвшееся отъ волненія лицо той, которая такъ дерзко дозволяла себѣ заявлять о своемъ какомъ-то правѣ *дышать свободно*, отдѣльно отъ законнаго своего сожителя... Но эта дерзкая „способна на все“, подумалъ онъ тутъ же, способна не только уѣхать, но еще увезти съ собою *его* сына... а съ этимъ, пожалуй, взять у него назадъ „полную довѣрен-

ность“, данную ему на управленіе ея имѣніями, и дать подобную же первому попавшемуся негодяю, который разорить ее и *илз* наслѣдника... Отто Фердинандовичъ былъ человѣкъ чувствъ самыхъ возвышенныхъ, конечно, но онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и человѣкъ положительный, ein solider und praktischer Mann: негодование влокотало въ благородной душѣ его, но онъ не счелъ благоразумнымъ дозволить себѣ выразить его на словахъ:

„Не выпустилъ изъ устъ онъ пламенныхъ рѣчей
И бога гнѣвнаго сдержалъ въ груди своей“ *).

Онъ только „убѣдительно“ просилъ графиню *Елену* одуматься, разсудить, „насколько правильно съ ея стороны пренебрегать тѣми полезными для нея увзаніями, которыя онъ, какъ ближайшее къ ней мужское лицо и другъ“... Она не дала ему продолжать. „C'est à prendre ou à laisser!“ съ жестокосердою настойчивостью повторила она... Отто Фердинандовичъ вспомнилъ еще разъ о „наслѣдникѣ“... и о „довѣренности“ и уступилъ.

Но помириться съ новымъ положеніемъ своимъ онъ все-таки не могъ: ему не доставало того легкомыслія, или того добродушія, съ какимъ *славянскій* мужъ ужился бы съ такимъ положеніемъ, находя въ немъ даже нѣкоторую привлекательную сторону, и Отто Фердинандовичъ считалъ нужнымъ при всякомъ случаѣ давать это чувствовать своей обидчицѣ. Наливалъ-ли онъ ей воды за столомъ, спускалъ-ли ее съ лошади въ манежѣ, или принималъ чашку чая изъ ея рукъ на вечерѣ у ней en petit comité, куда онъ каждый разъ признавалъ для себя необходимымъ являться, его уныло вытянутое лицо говорило ей неизмѣнно то же: „ты видишь-моль, какъ я приличенъ, учтивъ и даже милъ съ тобою, но я все же увзвленъ, и ты это понимай!“... Елена Александровна понимала дѣйствительно: видъ „этого spectre de Вапсо“, котораго, какъ увѣрала она, изображалъ теперь ея обезоруженный „властелинъ“, раздражалъ ее хуже зубной боли. Но это нисколько

*) *L'Aveugle*, А. Шенье, въ переводѣ К. К. Павловой.

не располагало ее отдать себя снова подъ его ярмо. Она только старалась по возможности избѣгать всякихъ встрѣчъ и разговоровъ съ нимъ, и свиданіе съ глазу на глазъ допускала лишь въ тѣхъ неизбѣжныхъ случаяхъ, когда ему бывала необходима подпись ея подъ какимъ-либо документомъ по ея имѣніямъ, которыми онъ продолжалъ все также полноправно и удачно управлять. Обитая подъ однимъ кровомъ, супруги наши были теперь такъ же чужды другъ другу, такъ же разнились въ образѣ жизни, какъ жители противоположныхъ полушарій. Отто Фердинандовичъ командовалъ полкомъ въ окрестностяхъ столицы, гдѣ и проживалъ половину своего времени, вставалъ съ зарей, весь день проводилъ на службѣ. Жена его подымалась съ постели въ два часа пополудни и ложилась въ пять утра, принимала каждый день „между пятью и шестью“, обѣдала, ѣздила по театрамъ, чаевала и ужинала въ „coterie intime“ отчаяннѣйшихъ „кокодетокъ“,—ихъ же царство настало въ тѣ дни,—говорила самымъ модно-пиническимъ argotъ парижскихъ бульваровъ, девольтировалась „avec un chien de tous les diables“, по выраженію толстенькой графини Ваханской, ближайшей ея пріятельницы, и *укладывала въ лоскъ* своимъ кокетствомъ все сонмище военныхъ и гражданскихъ сановниковъ, *напильниковъ* въ видѣ „отдыха“ отъ великихъ трудовъ своихъ на благо отечества въ извѣстныхъ гостиныхъ петербургскаго большаго свѣта. „Въ сіяющей лысинѣ каждаго изъ этихъ государственныхъ старцевъ“, увѣрялъ какой-то mauvais plaisant, „вы можете видѣть какъ въ зеркалѣ отраженіе неподражаемой chute d'épaules графини Драхенбергъ“... Самъ графъ Анисьевъ, занимавшій теперь весьма видный постъ и не смотря на свои давно ушедшіе за полвѣка годы, слывшій у женщинъ за „homme irrésistible“, предпринялъ правильную осаду сердца *огневои* красавицы—„la femme de feu“,—ее же не безъ ехидства прозвала такъ, по заглавію одного, весьма скабрзнаго романа Belot, все та же маденькая и толстенькая Lizzy Ваханская (носившая вслѣдствіе этого въ свою очередь прозваніе *Boulotte*), намекавшая этимъ якобы единственно на рыжеватость своей „meilleure amie“. Но *сердце* это не сдалось

графу Анисьеву, и прозвище, данное графинѣ Драхенбергъ, могло дѣйствительно—весьма долгое время по крайней мѣрѣ—относиться въ единственно огненному цвѣту ея волосъ. При всей суетности ея жизни и распущенности рѣчей, усвоенной ею въ обществѣ пріятельницъ своихъ „вокодетокъ“, въ душѣ ея теплилась не малая доля идеализма своего рода, смутнаго исканія чего-то „интереснѣе“ того, что „въ области чувства“ могла она ожидать отъ петербургскихъ *свитскихъ* генераловъ и *статскихъ* карьеристовъ... Давъ имъ наглядѣться бывало вволю цѣлый вечеръ на свои блистательныя плечи, наслушавшись ихъ казенныхъ любезностей и остротъ, понедерганныхъ изъ *Figaro* и всякихъ французскихъ внижекъ, поставляющихъ готовыя *mots* россійскимъ „козѣрамъ“, она садилась въ карету, глубоко утомленная, и съ нервною зѣвотой гадливо говорила себѣ, укутываясь въ пушистый бѣлый мѣхъ своей ротонды: „Они еще скучнѣе со своими оболъщеніями, чѣмъ мой мужъ со своею добродѣтелью“.

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ. Но то, что Французы называли „психологическимъ моментомъ“ въ жизни женщины, не минуло наконецъ и ея. За годъ предъ тѣмъ, какъ встрѣчаемся мы съ нею въ Венеціи, она въ Крейцнахѣ, куда ѣздила лѣчить ребенка своего отъ золотухи, встрѣтилась съ человѣкомъ, предъ которымъ разлетѣлась въ прахъ вся ея нерушимая до той минуты виѣшняя бузупречность. Это былъ нѣкій Венгерецъ, графъ Шегединъ, музыкантъ, поэтъ и путешественникъ. Лѣтъ онъ былъ уже не совсѣмъ молодыхъ, прихрамывалъ притомъ на правую ногу, какъ лордъ Байронъ, но его полуцыганская, полуразбойничья наружность носила отпечатокъ такой силы, въ черныхъ какъ ночь глазахъ горѣла такая неотразимая воля соблазна, что „женщина,—говорили про него *бывалыя* барыни,—которую онъ удостоивалъ своимъ вниманіемъ, должна была или безпрекословно сдатьса ему тотчасъ, или обѣжать отъ него скорѣе въ какой-либо невѣдомый еще людямъ уголокъ земли (такъ какъ всѣ вѣдомыя исхожены—де имъ были вдоль и поперекъ), гдѣ бы не имѣлъ онъ возможности преслѣдовать ее... Репутацію имѣлъ незавидную: онъ, по ходившимъ о немъ слухамъ, про-

игралъ и прожилъ на своемъ вѣку два или три огромныя наслѣдства, былъ два раза женатъ, каждый разъ на богатыхъ красавицахъ, и каждый разъ красавицы эти умирали спустя годъ послѣ брака, неизвѣстно какъ и отъ чего, въ какой-нибудь отдаленной странѣ, куда влекла ихъ мужа страсть къ привлеченіямъ или наживѣ, и откуда вѣсти едва доходили до Европы. Увѣряли, что онъ когда-то служилъ въ англійской арміи въ Индіи, покушался произвести возмущеніе между сипаями, былъ въ этомъ уличенъ, судимъ и приговоренъ къ смерти, но спасся какимъ-то чудеснымъ образомъ при помощи жены какого-то раджи, очутился затѣмъ на одномъ изъ острововъ Малайскаго архипелага, населенномъ дикими, провозгласившими его якобы царемъ надъ ними... Все это, конечно, сильно отзывалось сказкой; вѣрно было то, что онъ принадлежалъ дѣйствительно къ одному изъ древнѣйшихъ родовъ Венгріи, но не владѣлъ тамъ, ниже въ какой иной землѣ, никакимъ недвижимымъ имуществомъ, что значительныхъ капиталовъ за нимъ тоже никто не зналъ, что не мѣшало ему проживать тысячь пятьдесятъ гульденовъ въ годъ, и что его же одноземцы называли его „средневѣковымъ condottiere, странною игрой судьбы перенесеннымъ цѣликомъ въ XIX вѣкъ“... Дурная слава графа Шегедина, какъ это неизбѣжно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, послужила ему на пользу въ глазахъ Елены Александровны еще болѣе, можетъ быть, чѣмъ его музыка, французскіе стихи и звеняще-проницающій голосъ. Онъ съ этимъ своимъ темнымъ прошедшимъ, напоминавшимъ легенду о *Рауль Синей Бородѣ*, съ загадочными условіями настоящаго своего существованія, со своею наружностью „кондотьера“, такъ мало походилъ на „прилизанные“, шаблонные, „до гадости одинъ другаго повторяющіе“ типы дешевыхъ невскихъ Ловеласовъ!

Онъ не *ухаживалъ* за нею, не расточалъ словъ, но она была околдована съ первой минуты... Онъ овладѣлъ ею нежданно, внезапно, — она сама потомъ не въ силахъ была объяснить себѣ *какъ*... Онъ сидѣлъ однажды у нея послѣ обѣда со своею цитрой, на которой игралъ съ какимъ-то удивительнымъ, захватывавшимъ за тончайшіе нервы слушатель-

лицъ его выраженіемъ. Она внимала ему, не отрываясь взглядомъ отъ его понижшихъ къ инструменту вѣкъ, вся захола- дѣлая отъ непонятнаго, никогда еще до той минуты неиспытаннаго ею волненія... Шегединъ оторвалъ вдругъ на полу- тактѣ рѣки отъ струнъ и протянулъ ихъ въ ней, устремивъ на нее въ упоръ свои сверкавшіе черные глаза. Она подня- лась съ мѣста и безотвѣтно, безвластно пошла на этотъ нѣ- мой зовъ... Онъ охватилъ ея станъ желѣзною рукою, привлекая къ себѣ, приникъ въ ея губамъ пылающими губами... Она ничего далѣе не помнила...

Изъ Крейцнаха онъ поѣхалъ за нею на Таунское озеро, въ Гмунденъ, гдѣ мальчику ея предписано было пользоваться горнымъ воздухомъ. Русскихъ тамъ не было никого, ниже ка- кихъ-либо знакомыхъ графини изъ чужеземцевъ. Она свобод- но могла отдаваться своей любви... Любовью-ли впрочемъ на- зывать то, что испытывала она въ тѣ дни? Нѣтъ, это было скорѣе какое-то наводненіе, что-то похожее на рабское под- чиненіе ясновидящей таинственному вліянію своего магнети- зѣра: тутъ было упоеніе и трепеть, блаженство и страхъ, — „неправедныя ночи и мучительные дни“. Было что-то без- удержное, чуть не звѣрское въ знойныхъ порывахъ страсти этого человѣка, вызывавшихъ въ ней иной разъ невольно та- кіе же пламенные отзвуки... Но за ними слѣдовали у нея ча- сы какой-то надрывающей *физической* тоски, если можно такъ выразиться: она не рассказывалась, не упрекала себя ни въ чемъ, она готова была, казалось ей, назвать графа Шегедина лю- бовникомъ своимъ предъ цѣлымъ свѣтомъ, — но ей было тя- жело, словно предъ смертнымъ часомъ... Онъ еще менѣе, чѣмъ она, способенъ былъ объяснить себѣ то, что происходило въ ней въ ту пору, и со свойственною ему раздражительностью упрекалъ ее въ холодности: „Я бессильна“, отвѣчала она ему, слабо усмѣхаясь, — „я бессильна, отвѣчать, какъ бы вы желали, à votre amour de tigre“...

— Вы называете меня „тигромъ“, сказала она ей однажды на это:— да, я люблю васъ лютымъ и ревнивымъ какъ у хищ- ника чувствомъ и не выпущу васъ болѣе изъ моихъ объятій; вы должны быть моею на вѣки... моею женой...

— Но я замужемъ, je suis mariée, вы знаете! воскликнула она.

— Vous vous démariez, voilà tout, рѣзко выговорилъ онъ;— вы разведетесь: я этого хочу! Мужъ вашъ не препятствіе, если вы меня любите.

Она подняла на него глаза и тутъ же опустила ихъ и замолгла. *Разводъ*, это значило разлука съ сыномъ; мужъ, „законъ“ отняли бы его у нея въ этомъ случаѣ, она понимала, а ребенокъ ея былъ дорогъ ей, и никогда ей такъ сильно не сказывалось это, какъ въ ту минуту... Но возражать она не имѣла силы: у нея своей воли уже не оставалось; вся она, чувствовала молодая женщина, была въ „его“ власти.

Она согласилась на все, отгоняя всѣ возникавшія въ ея головѣ возраженія... Графъ Шегединъ, какъ оказывалось, былъ весьма свѣдущъ по части существующихъ къ Россіи постановленій о разводѣ. Онъ объяснилъ молодой женщинѣ, что мужъ ея долженъ „принять вину на себя“, дабы дать ей законное право выйти замужъ за него, Шегедина, и что весь вопросъ заключается въ томъ, „какую цѣну захочетъ положить графъ Драхенбергъ за свое отреченіе“... „А если ни за какія деньги не захочетъ согласиться?“ вырвалось у нея невольно. Шегединъ только плечами пожалъ на это и презрительно улыбнулся,—и ей самой тогда представилось, что „хотя мужъ ея и считается самымъ благороднымъ человѣкомъ въ Петербургѣ“, но что все же онъ „разсчетливый Нѣмецъ“ и предпочтетъ „соглашеніе à l'amiable“ за крупную сумму „открытому скандалу“...

Наступала осень; графинѣ давно было пора вернуться въ Петербургъ. Шегединъ долго не рѣшался отпустить ее. Онъ звалъ ее въ Вѣну, къ матери, съ которою близко былъ знакомъ и чрезъ посредство которой, по его мнѣнію, можно было начать „прямые переговоры“ съ графомъ Драхенбергомъ... „Это значило бы все испортить“, возражала молодая женщина: „моя мать не пользуется никакимъ авторитетомъ въ глазахъ мужа; напротивъ, я одна, личнымъ объясненіемъ съ нимъ, могу склонить его дать мнѣ свободу...“

Страстный Венгерецъ сдался на ея убѣжденія, но съ тѣмъ,

что самъ онъ мѣсяць спустя послѣ прїѣзда ея въ Петербургъ прїѣдетъ туда „на помощь ей и *покровительство*...“ Она уѣхала.

Но, очутившись снова въ домѣ своемъ на Сергіевской, Елена Александровна пришла вдругъ въ смущеніе. Она какъ-то внезапно почувала, что „разсчетливость“ Отто Фердинандовича дальше извѣстныхъ предѣловъ не поидетъ, что онъ дѣйствительно „настолько все-таки *рыцарь*, что *продать* жену свою другому ни за какія деньги не согласится,“ а слѣдовательно нечего и начинать съ нимъ разговоръ объ „этомъ...“ Да и когда же было ей разговаривать съ нимъ? Русская армія стояла въ тѣ дни подъ Плевной. Войска мчались на парахъ съ сѣвера за Дунай, а въ числѣ ихъ полкъ, которымъ командовалъ графъ Драхенбергъ. Онъ только-только успѣлъ дожидаться ея возвращенія, чтобы „проститься съ сыномъ“ и передать ей, „графинѣ“, въ запечатанномъ пакетѣ „на случай, если онъ не вернется“, подробное изложеніе „системы дѣйствій“, которой слѣдовалъ при управленіи ея имѣніями и которую „онъ осмѣливается ей совѣтовать удержать и впредь, *когда другой станетъ этимъ заниматься*“. Возможно-ли было ей, въ самомъ дѣлѣ, въ такую минуту заявлять ему, что она желаетъ развестись съ нимъ?.. Она чуть не расплакалась даже, когда онъ, прощаясь съ нею въ передней, прижалъ руку ея къ губамъ, и перекрестила мгновеннымъ движеніемъ его наклоненную голову... А *тогда* между тѣмъ слалъ ей каждый день изъ Вѣны, куда переѣхалъ изъ Гмундена и гдѣ успѣлъ совершенно привлечь на свою сторону графиню Пршехршонцовскую, пламенные и тревожныя письма, допытывался, „въ какомъ положеніи стоятъ ихъ дѣла“, напоминая ей о ея „обѣтахъ (*ses serments*)“ и заявляя, что невыносимое безповойство, испытываемое имъ, заставитъ его по всей вѣроятности ускорить прїѣздъ свой въ Петербургъ. А въ Петербургъ, въ томъ особомъ свѣтскомъ кружкѣ, въ которому принадлежала графиня, связь ея съ Шегединомъ была уже предметомъ общихъ разговоровъ. О Гмунденской „идилліи“ первая узнала какимъ-то чрезвычайнымъ путемъ графиня Ваханская, находившаяся въ ту пору въ Біарицѣ, и, вернувшись оттуда, разблаговѣ-

стила объ этой „*amusante histoire*“ по всѣмъ благоприличнымъ домамъ столицы, въ тотъ пріемный часъ предъ обѣдомъ, когда въ „интимный кабинетъ“ хозяйки расчесанный фронтъ-слуга въ бѣломъ галустукѣ вноситъ уставляемый на раздвижномъ столикѣ серебрянный *tea-kettle* съ чайнымъ приборомъ и всякимъ сладкимъ печеньемъ... Венгерскій донъ-Жуанъ не покидалъ еще своей квартиры на *Ringstrasse*, а на набережныхъ Невы уже каждая изъ „кокодетокъ“ готовилась *in petto* къ составанію, имѣвшему конечно цѣлью *отбить* его у „*femme de feu*“,— между тѣмъ какъ ее, эту счастливицу, рѣзали на кусочки кругомъ того же *tea-kettle* и сладкаго печенья на раздвижномъ столикѣ, съ тѣмъ единодушіемъ завистливаго злословія, которымъ отличается искони изящный петербургскій *гранмондъ*. Графиня Драхенбергъ въ то же время сообщали тѣ же пріятельницы, подъ видомъ сердечнаго участія и предостереженія, объ „ужасныхъ клеветахъ, „*atroses salomnies*“, на ея счетъ, которыя онѣ же разносили по городу... „И это пока еще нѣтъ *его* здѣсь; что же будетъ, когда онъ пріѣдетъ, когда мы съ нимъ какъ на сценѣ принуждены будемъ являться *предо всеми ими*?“ тревожно думала молодая женщина и все чаще объ этомъ задумывалась... Подъ владычествомъ страннаго чувства находилась она со времени разлуки своей съ *нимъ*; она, какъ сказочная царевна, словно только-что ушла изъ очарованнаго замка, гдѣ все дышало обольстительною, но ревнивою, но страшною властью похитившаго ее волшебника, и жадно вбирала въ себя воздухъ вновь обрѣтенной ею свободы. Та власть и любезна была ей, и пугала ее... и съ каждымъ днемъ все сильнѣе брало это послѣднее ощущеніе верхъ надъ первымъ... Ну да, она любила *его*, любила несомнѣнно, никого еще *до него* не любила она такъ, да и *вовсе* не любила; но вѣдь эта любовь ея къ нему— „рабство“... „Рабство“, докучливо стучало у нея въ головѣ: „онъ всю тебя хочетъ, каждый твой помыселъ, каждое сердечное движеніе“. Онъ ничего не способенъ оставить ей, даже для сына... для сына! Онъ ревновалъ ее къ этому ребенку, онъ „ненавидѣлъ его въ душѣ, потому что не могла же разлюбить его совсѣмъ изъ-за *него*“... Не даромъ зовутъ его „Синею Бородой“: кто знаетъ, сдѣлайся онъ ея мужемъ,

и дрожь пробѣгала у нея по тѣлу, „не кончила-ли бы и она такъ, какъ его первыя двѣ жены?“... Ну да, она его любитъ, но „имѣеть-ли она право отказаться для него отъ сына... и ото всего“... И когда же? *Тенерь*, когда „политическія дѣла въ такомъ положеніи“, когда мужъ ея... отецъ ея ребенка понесъ свою жизнь на поле сраженія... Нѣтъ, нѣтъ, я люблю этого человѣка, но есть минуты, когда надо умѣть жертвовать собою...

Въ одно прекрасное утро графиня Елена Александровна поѣхала въ главное управленіе Краснаго Креста, просидѣла тамъ болѣе часу, вернулась оттуда прямо домой, велѣла никого не принимать и засѣла за большое „объяснительное“ письмо къ графу Шегедину. Въ письмѣ этомъ она сообщила ему, что у нея „сердце нестерпимо сжимается при мысли о томъ, какое впечатлѣніе произведутъ на него ея строки“, но что есть въ жизни обстоятельства, „des circonstances impérieuses plus fortes que la volonté humaine“, предъ которыми человѣкъ долженъ поневолѣ смириться, и что подъ гнетъ такихъ обстоятельствъ попала она вслѣдъ за возвращеніемъ въ отечество. „Нравственная обязанность, падающая на нее, какъ на лицо, владѣющее значительнымъ состояніемъ, въ ту трудную годину, которую переживаетъ нынѣ Россія, столько же, сколько и желаніе, заявленное ей въ высшихъ сферахъ (dans les hautes sphères de notre Cour), поставили ее въ необходимость, пожертвовавъ крупную сумму на раненыхъ, принять еще лично въ завѣдываніе одинъ изъ госпиталей, устраиваемыхъ Краснымъ Крестомъ въ различныхъ мѣстностяхъ на театрѣ войны за Дунаемъ (какой именно, она не говорила), и она немедленно должна туда ѣхать“. Она „умоляла“ его не сѣтовать на нее за то, что называла она „печальнымъ, но священнымъ долгомъ“, и отложить „ихъ лучезарныя мечты (leurs rêves radieux)“ до лучшаго будущаго... Нелицемерная слеза, дѣйствительно выпавшая при этомъ изъ глазъ нашей графини и размазавшаяся большимъ влякомъ по ея свѣже начертанному лиловыми чернилами писанію, должна была, по ея мнѣнію, убѣдить его самымъ неотразимымъ образомъ въ несомнѣнной искренности тѣхъ „sentiments douloureux et

amers“ и жалобъ на „sort fatal“, на роковую судьбу, отдаляющую моментъ ихъ свиданія „на неопредѣленное время“, которыми заванивалось ея посланіе.

Но, получивъ его, венгерскій „тигръ“ заскрежеталъ отъ ярости. Эта „бѣлоснѣжная“ женщина съ ея русскими милліонами его покидала, бѣжала отъ него, бѣжала очевидно нарочно въ районъ мѣстности, занимаемой русскою арміею, куда его не пустять, гдѣ ей нечего опасаться его преслѣдованія... Но, можетъ быть, еще не поздно, онъ еще застанетъ ее въ Петербургѣ, свидится съ нею... А свидится — побѣда останется за нимъ: онъ знаетъ власть свою надъ нею, онъ возьметъ свое, „хотя бы сто тысячъ московскихъ чертей, кумушекъ и соперниковъ стояли между ею и имъ“... И въ тотъ же день вечеромъ графъ Шегединъ, угрюмо уткнувшись въ уголь вагона Вѣнско-Варшавской дороги, катилъ, новый Язонъ, добывать ускользнувшее изъ рукъ его золотое руно въ ледянымъ берегамъ Финскаго залива.

Но онъ уже не засталъ тамъ графини, и Lizzy Ваханская, съ которою онъ ранѣе встрѣчался за границей и къ которой, зная о ея дружбѣ съ той, поѣхалъ тотчасъ же по приѣздѣ, къ немалому ея восхищенію, злорадно объявила ему, что она не далѣе какъ вчера получила телеграмму отъ этой „раувге Еллу“, которая въ настоящую минуту находится въ Никополю, „ужасной, нездоровой трущобѣ“, гдѣ она рискуетъ потерять бѣлизну своей кожи, son plus beau titre à l'adoration des hommes“, домолвила она со своимъ ехидно-добродушнымъ остроуміемъ.

Шегединъ тѣмъ не менѣе еще не потерялъ надежды. „Женскій капризъ, славянская безтолковость, жадная боязнь глупыхъ толковъ“, объяснялъ онъ себѣ тѣмъ или другимъ мотивомъ неожиданное бѣгство своей жертвы; — „но ей тамъ скоро надоѣстъ, онъ легко убѣдитъ ее вернуться“. И между тѣмъ какъ общество „ководетовъ“ à qui mieux mieux расточало предъ нимъ свои соблазны, — онъ попалъ въ моду съ перваго же появленія своего въ гостиной Lizzy; онъ собиралъ всякими тонкими путями точныя свѣдѣнія о состояніи, о прошломъ, о „спеціальномъ“ положеніи графини Драген-

бергъ въ свѣтъ, объ отношеніяхъ ея къ мужу, — и тѣмъ сильнѣе росло въ немъ рѣшеніе овладѣть ею, во что бы ни стало, чѣмъ яснѣе становилось для него, что ни „Дворъ“ (онъ почему-то воображалъ себѣ сначала, что *Дворъ* можетъ *стать между ею и имъ*), ни мужъ, ни инныя „внѣшнія условія“ не послужатъ помѣхой его желанію, если только *она* останется вѣрна своимъ обѣтамъ...

Но, къ немалому изумленію его и тревогъ, *она* не отвѣчала на страстные письма, которыя продолжалъ онъ слать ей каждый день, да и никому не писала, какъ бы нарочно для того, чтобы лишить его возможности имѣть какія-либо о ней вѣсти... Графъ Шегединъ былъ человѣкъ внезапныхъ и дерзкихъ рѣшеній: онъ собирался ѣхать въ Одессу, а оттуда подъ чѣмъ-либо паспортомъ, подъ видомъ какого-нибудь агента поставщикова провіанта на армію, перебраться за Дунай, отыскать ее... какъ вдругъ какое-то, откуда-то полученное имъ сообщеніе заставило его, совершенно неожиданно для всѣхъ, мгновенно выѣхать изъ Петербурга за границу... Куда? зачѣмъ? — осталось тайной, объясненія которой тщетно добивались очарованныя имъ петербургскія mondaines у чиновъ австрійскаго посольства; трансъ- и цислейтанскіе дипломаты отвѣчали на вопросъ загадочными пожатіями плечъ и холодными улыбками, причѣмъ официально заявляли, что „l'ambassade impériale n'en a aucune connaissance“... Заходили между тѣмъ какіе-то странные слухи невѣдомаго происхожденія, говорили о „поддѣлкѣ“ какихъ-то австрійскихъ бумагъ, о „государственномъ преступленіи“, въ которомъ будто бы принималъ участіе этотъ недавній любимецъ петербургскихъ гостинныхъ и раскрытіе котораго заставило его бѣжать — де въ Америку... Дамы съ тѣмъ большимъ негодованіемъ протестовали in cogroge противъ „такой клеветы“, чѣмъ настоятельнѣе повторяли ее повлонники ихъ, завидовавшіе успѣхамъ венгерскаго „condottiere“ въ ихъ очаровательной средѣ...

Вѣсть объ этомъ, успѣшно сообщенная въ Никополь графиню Ваханскую, Елена Александровна приняла почти равнодушно... Увы, страсть ея къ графу Шегедину была для нея въ настоящую пору поконченное дѣло, что Нѣмцы называютъ

„ein überwundener Standpunkt“; она пережита была ею и сдана въ архивъ съ тѣмъ легкимъ духомъ, съ тою просто-душною безсовѣстностью, на которыя имѣютъ особую привилегію женщины. Иными помыслами и впечатлѣніями полно было ея пылкое воображеніе. Дѣло Краснаго Креста—къ которому применила она первоначально, видя въ немъ для себя лично выходъ изъ ватруднительнаго положенія,—стало теперь въ глазахъ ея *отломъ жизни*. Она отдалась ему, сама не зная какъ, порывисто, мгновенно, съ какою-то внезапною жаждой самоотверженія и жертвы, какъ отдалась Венгерцу, все тѣмъ же бессознательнымъ побужденіемъ своей впечатлительной природы. Эта изнѣженная, избалованная, капризная свѣтская барыня оказалась вдругъ самую дѣятельную распорядительницей, самую неутомимую и усердную сестрой милосердія, проводила дни и ночи въ госпиталѣ, перевязывала самыя гнойныя раны, не морщилась ни предъ какимъ надрывающимъ зрѣлищемъ искалѣченія, ни предъ какимъ претящимъ обрядомъ ухода за больными. Способность преодолѣвать чувство отвращенія, которой отнюдь не подозрѣвала она въ себѣ до тѣхъ поръ, доставляла ей глубокое внутреннее услажденіе, „Я воображаю, чтѣ было бы съ Lizzi на моемъ мѣстѣ!“ говорила она себѣ съ улыбкой торжества и сожалѣнія по адресу пріятельницы. Она сыпала деньгами на „своихъ“ раненыхъ, „своихъ“ врачей, „своихъ“ сестеръ, и совершенно искренно была убѣждена въ ту минуту, что врачевать увѣчныхъ и недужныхъ „тѣлесно и духовно“ было ея настоящимъ призваніемъ на землѣ...

Долго-ли продолжалось бы въ ней это восторженное душевное состояніе, сказать трудно; но ея дѣятельность по Красному Кресту прервана была на третьей же недѣлѣ смертью мужа, убитаго наповальъ пульей въ грудь... Она все кинула, отправилась на мѣсто битвы, испросила разрѣшеніе вырыть тѣло и повезла его въ свинцовомъ гробѣ чрезъ всю Россію въ замокъ предковъ его въ Курляндію, гдѣ Отто Фердинандовичъ, какъ стало извѣстно ей по вскрытіи пакета съ его завѣщаніемъ, положеннаго на храніе въ полковой ящикъ, желалъ быть похороненнымъ въ фамильномъ свлепѣ, подлѣ отца

своего, убитаго подъ Гроховымъ въ Польскую кампанію въ рядахъ того же полка, во главѣ котораго такъ же доблестно, какъ онъ самъ, погибъ теперь сынъ его.

Къ госпиталю своему графиня болѣе не возвращалась. Пока приводила она въ исполненіе волю мужа и утѣшала, сама проливая при этомъ чистосердечнѣйшія слезы, его старушку мать, русскія войска успѣли дойти до Санъ-Стефано. Война почиталась оконченною... „On n'a plus besoin de moi“, рѣшила молодая вдова, у которой, за смертью мужа, оставались на рукахъ заботы объ управленіи своимъ огромнымъ состояніемъ. Не мудрствуя лукаво, она передала это управленіе пожилому Нѣмцу, бухгалтеру, состоявшему у покойнаго въ большомъ довѣрїи, котораго назначила своимъ главноуправляющимъ, и первыми вѣшними днями отправилась съ сыномъ въ Швейцарію... „Непрїятной встрѣчи“ за границей ей опасаться не приходилось: какъ она узнала, ея „тигръ“, котораго ошибочно считали скрывшимся въ Америку, убить бытъ, на родинѣ своей, на поединкѣ съ редакторомъ одной пештской газеты, опубликовавшей какой-то жестоко поворившій графъ Шегедина документъ. Извѣщенный объ этомъ, Шегединъ понесся прямо изъ Петербурга въ венгерскую столицу, гдѣ нанесъ диффаматору своему публичное оскорбленіе, и палъ затѣмъ съ прострѣленнымъ черепомъ, унося въ могилу ключъ къ разъясненію этой исторіи,—о ней же въ Петербургѣ имѣлись весьма смутныя свѣдѣнія, такъ какъ прежде всего тамъ въ свѣтъ никто не читаетъ нѣмецкихъ газетъ, да и въ самыхъ вѣнскихъ листкахъ по этому предмету ~~никакихъ~~ особыхъ подробностей не заключалось... Какое впечатлѣніе произвела эта новая смерть на графиню, не знаемъ; во всякомъ случаѣ она окончательно дѣлала ее *свободною*...

Въ Люцернѣ, гдѣ сынъ ея пользовался молочнымъ лѣченіемъ, она нашла довольно прїятное общество, въ томъ числѣ отставнаго русскаго генерала Троекурова съ прелестною семнадцатилѣтнею дочерью. Она тотчасъ же поспѣшила познакомиться съ ними: дѣвушка наружностью своей и милымъ нравомъ очаровала ее съ перваго раза, а объ отцѣ ея она слышала много въ Петербургѣ, какъ объ „элегантѣ“ и поворотелѣ

сердце прежнихъ времянъ. Живыхъ слѣдовъ этого благо „элегантства“ она не могла не признать въ немъ, но самъ онъ показался ей мрачнымъ и надменнымъ, „un orgueilleux taciturne“. Онъ дѣйствительно держался относительно ея на строго учтливой ногѣ и видимо не желалъ допустить никакой интимности между ею и своею дочерью. Это стало особенно замѣтно ей со времени прїѣзда въ Люцернъ одной русской четы.

Графиня Елена Александровна по матери была племянница нѣкоей, весьма свѣтской, много принимавшей и любимой въ Петербургѣ старушки, графини Лахницкой, рожденной Буйносовой (мужъ ея, давно умершій генераль-адъютантъ, былъ родной братъ Гедвиги Казимировны). У нея познакомилась она въ одно прекрасное утро съ прибывшею изъ Москвы, незнакомою ей до тѣхъ поръ племянницей этой тетки, дочерью ея роднаго брата, Антониною—„Тону“—Буйносовой, которую старушка выписала къ себѣ на житье, такъ какъ, говорила она, вздыхая, на ушко графинѣ Драхенбергъ, „братъ мой совсѣмъ разорился, бѣдной дѣвочки ѣсть нечего дома“. Узнавъ объ этомъ, Елена Александровна по свойственной ей восторженности и мягкости сердца сочла нужнымъ оказать дѣвушкѣ самый горячій приемъ, стала съ перваго же раза называть ее „ma cousine“ и „ты“, хотя въ сущности ровно никакого родства между ними не было, приглашала постоянно къ себѣ; вывозила на балы, на которыхъ старуха-тетка перестала уже бывать. Дѣйствительные двоюродные братья „Тони“, сыновья графини Лахницкой, оба женатые и занимавшіе уже видныя положенія, были гораздо менѣе сочувственно расположены къ своей бѣдной родственницѣ. Они—да и вообще таково было впечатленіе, произведенное юною Москвичкой въ петербургскомъ high life,—находили, что при ея „незавидномъ матеріальномъ положеніи“ она должна была бы чрезвычайною скромностью „se faire, pour ainsi dire, excuser sa trop éclatante beauté“, а она, напротивъ, „смотреть и говорить такъ величаво, будто увѣрена, что весь міръ долженъ быть у ногъ ея“. На это графиня Драхенбергъ пламенно возражала, что „Тони тысячу разъ права; что въ другія, *лучшія*

времена, когда у людей было больше *поззии въ сердцѣ*, весь міръ дѣйствительно лежалъ бы у ногъ такой красавицы“, и старалась доказать это всѣмъ молодымъ людямъ, „jeunes gens à prendre“ своего круга, которымъ безпрестанно ставила на видъ, какъ „они *лунны*“, не предлагая руки своей и сердца ея „*splendide cousine*“, какъ выражалась она. „Jeunes gens à prendre“ отвѣчали ей на это, смѣясь, что кузина ея безъ сомнѣнія хороша на диво, но что она ужь „слишкомъ *умная* и *ученая*“... У графини за этимъ опускались руки: ей было хорошо извѣстно, какимъ пугаломъ представляются „умъ“ и „ученость“, да еще у женщины, Боже мой! въ золотой средѣ петербургскаго Яхтъ-клуба... Такъ прошла цѣлая зима, а въ концѣ ея умерла почти внезапно старушка Лахницкая. За эту смертью Тоня Буйносова оставалась въ Петербургѣ безъ крова, такъ какъ ни одинъ изъ ея двоюродныхъ братьевъ не предложилъ ей поселиться у него въ домѣ. Предложила Елена Александровна. Но дѣвушка не согласилась принять „положеніе приживалки“ у этой миѣической родственницы; „а другаго, какъ ни верти“, откровенно сказала она ей, „мы съ тобою для меня не выстроимъ“.

— Да, ты такая, задумчиво замѣтила на это графиня: — для тебя *все или ничего*.

— А пока придется, промолвила Тоня, кривя свои побѣлѣвшія отъ внутренней кипѣни губы, — отправляюсь въ Москву на черствый хлѣбъ моего маркиза-папаши.

— И неужели не вернешься болѣе въ Петербургъ?

Красавица глянула прямо въ лицо спрашивавшей:

— Вернусь, когда буду хоть на половину такъ же богата, какъ ты.

Она, дѣйствительно, уѣхала на другой день, и графиня съ тѣхъ поръ совершенно, какъ говорится, потеряла ее изъ виду. Другъ другу онѣ не писали... Такъ прошли цѣлые четыре года.

И вотъ однимъ сіяющимъ іюньскимъ днемъ, совершая свою обычную утреннюю прогулку, въ обществѣ попавшихся ей по дорогѣ Троекуровыхъ, отца и дочери, и недавно представленнаго ей Италіянца, маркиза Каподимонте, увидѣла она

пешую по аллеѣ навстрѣчу имъ стройную, очевидно ново-пріѣзжую въ Люцернъ, даму въ восхитительномъ туалетѣ, въ которомъ опытный глазъ свѣтской женщины тотчасъ же призналъ произведеніе великаго Ворта. „Изъ Парижа, и непременно Русская“! сказала она себѣ, взглянула пристальнѣе...

— Тону! вскрикнула она въ изумленіи.

— Я! отвѣтила та, спокойно улыбаясь и подходя къ ней.

Графиня радостно схватила ее за обѣ руки, прижалась губами къ ея щекѣ.

— Ты здѣсь... давно-ли?... Замужемъ... за кѣмъ? вырвались у нея торопливо одинъ за другимъ вопросы.

— Замужемъ, да! коротко отвѣтила дама. И, оборачиваясь къ Троеурову, который, приподнявъ учтиво шляпу, отходилъ отъ нихъ съ дочерью подъ руку:—*Le général ne me reconnait pas, il paraît?* проговорила она въско.

Онъ чуть-чуть сдвинулъ брови, но все такъ же учтиво приподнял шляпу еще разъ:

— Узнаю теперь: госпожа Сусальцева, если не ошибаюсь? отвѣтилъ онъ на томъ же французскомъ языкѣ.

„Су-саль-цева, quel nom' cocasse!“ пронеслось въ головѣ графини, между тѣмъ какъ молоденькая дочь Троеурова не то тревожно, не то съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ—показалось Еленѣ Александровнѣ,—вскидывала на „Тонию“ свои лучистые глаза.

— Папа, тебѣ пора въ ванну! какъ бы вспомнила она черезъ мигъ, увлекая отца впередъ по аллеѣ.

Молодые женщины остались однѣ.

— Ну, рассказывай скорѣе про себя, рассказывай все, все! торопливо заговорила графиня Драхенбергъ, подхватывая „вузину“ подъ руку и усаживая ее рядомъ съ собою на ближайшей скамейкѣ.

Черезъ четверть часа она знала о ней все въ главныхъ чертахъ, дополняя остальное своимъ фейерверочнымъ воображеніемъ. „Тоня богата, очень богата теперь... Конечно, au prix d'une mésalliance“ Но графиня не видѣла въ этомъ особеннаго неудобства. „Родовые предрасудки“, говоря демократическимъ языкомъ, никогда не пускали особенно глубо-

нихъ корней въ *мировоззрѣніе* русскаго общества; да и въ силу чего держались бы они?

У насъ нова рожденъмъ знатность,
И тѣмъ новѣе, тѣмъ знатнѣй,

замѣчено не даромъ великимъ поэтомъ... А графиня Елена Александровна къ тому же, столько же изъ противорѣчія „балтійскому феодализму“ наскучившаго ей мужа, сколько изъ личнаго убѣжденія „qu'il faut être de son siècle“, издавна почитала и заявляла себя женщиной „либеральною“ и безусловною поклонницей новѣйшихъ прогрессовъ... Она поэтому тотчасъ же разсудила, что Тону, выйдя замужъ за этого „richissime négociant“, поступила какъ умная женщина, „comme une personne d'esprit, qu'elle est“... что, конечно, довольно непріятно называться madame Sousaltzeff и что особу съ такою фамиліею вьнягиня Андомская въ Петербургѣ ни за что не допустить перейти за порогъ своей гостиной... „Mais on peut parfaitement se fier de la princesse Andomski après tout!“ отважно возражала она себѣ тутъ же, „а если мужъ Тони сколько-нибудь приличенъ, то они со своими милліонами вездѣ будутъ приняты... Вѣдь ѣздить же всѣ къ биржевикамъ Довонаки и Гинекену...“

— Ну вотъ, ты и добила своего! радостно говорила она „кузинѣ“;—помнишь твои слова предъ отъѣздомъ?... такъ и вышло: изъ „ничего“ „все“.

— Не совсѣмъ, проговорила, чуть поморщившись, та и поспѣшно прибавила:—но главное сдѣлано: я почти въ сѣдлѣ (j'ai le pied dans l'étrier)...

Графиня, какъ бы поймавъ на-лету недоговоренную ея мысль, громко разсмѣялась:

— Да, говорятъ же вѣдь теперь, что надо только разъ умѣть выйти замужъ, а тамъ...

Появленіе мужа Тони прервало ихъ разговоръ. Онъ произвелъ на графиню очень благопріятное впечатлѣніе. „Слишкомъ плотенъ, но хорошъ лицомъ и одѣваться умѣетъ“, рѣшила она по первому взгляду. Когда же на вопросъ его жены *по-англійски*, гдѣ онъ былъ, Сусальцевъ на томъ же

языкъ—нѣсколько уличнымъ лондонскимъ акцентомъ, „avec un accent quelque peu cockney“; не могла не замѣтить она,— но совершенно свободно отвѣтилъ, что ходилъ на почту справляться, не получено-ли на ихъ имя писемъ, *poste restante*,— свѣтская барыня нашла, что онъ „совершенно приличенъ pour un mari“, и положила принять его подъ свое особое покровительство.

Она и чета Сусальцевыхъ стали неразлучны съ того дня, видѣлись съ утра до вечера, совершали вмѣстѣ прогулки по горамъ и озеру, устраивали пикники на высотахъ Аксентштейна *). Къ нимъ обыкновенно присоединялся маркизь Каподименте, человекъ очень свѣтскій, „приятный“, начитанный и умный, ухаживаніе котораго за нашею графиней становилось съ каждымъ днемъ все замѣтнѣе... Она со своей стороны какъ бы не замѣчала этого ухаживанья и старалась держаться съ обожателемъ своимъ тѣхъ „товарищескихъ“, чуть-чуть фамиліарныхъ приемовъ, которыми женщина даетъ чувствовать не нравящемуся ей мужчине, что онъ „ни на что болѣе претендовать не долженъ“. Она была въ тѣ дни въ какомъ-то *sticx* брезгливости, при которомъ и салонный *flirt*, и *amour de tigre* были ей равно противны. „Моя созерцательная жизнь (*ma vie contemplative*) вполне удовлетворяетъ меня, и я ничего другаго не прошу отъ судьбы“, говорила она и про себя, и вслухъ, наслаждаясь совершенно искренно, какъ всегда это бывало у нея, сознаніемъ объявшаго ее теперь полнаго безстрастія и соотвѣтствовавшимъ такому настроенію ея духа величавымъ спокойствіемъ окружавшей ее альпійской природы... Маркизь чуть-чуть вздыхалъ вслѣдъ за такими ея заявленіями, но все такъ же мягко, осторожно и упорно продолжалъ, выражаясь языкомъ поэтовъ. сыпать подъ стопы ея розы своего „ничѣмъ несокрушимого“ боготворенія. „*Allez, cela flatte toujours une femme!*“ говорила ему по этому поводу въ видѣ поощренія г-жа Сусальцева своимъ вѣчно ироническимъ тономъ. Мужъ ея за то пользовался всякимъ случаемъ выразить влюбленному Италіянцу

*) Возвышенность надъ Люцерномъ.

свое безграничное къ нему сочувствіе. Онъ видимо изучалъ его и старался подражать изящной непринужденности всего его внѣшняго склада, его манерѣ покручивать прищуриваясь усы, носить шляпу подъ извѣстнымъ угломъ наклону и закидывать небрежно ногу одну на другую. При каждой встрѣчѣ съ нимъ онъ жалъ ему, въ избыткѣ чувства, руку съ такою силой въ своихъ огромныхъ лапахъ, что тотъ каждый разъ морщился отъ боли и отправлялъ мысленно къ чорту московскаго медвѣдя. Самъ Сусальцевъ въ обществѣ игралъ по большей части въ молчанку, но самымъ внимательнымъ образомъ прислушивался къ занимательнымъ рассказамъ много видѣвшаго маркиза и къ „умнымъ разговорамъ“, ими вызываемымъ, заявляя о принимаемомъ ими въ нихъ интересѣ одобрительнымъ кивкомъ или *значительно* усмѣшкой въ пору, — иной разъ цѣлою несложною, но правильно произнесенною фразой... „Онъ по-французски плохъ и жены боится“, давно рѣшено было графиней; но когда шла у нея рѣчь о ея protégé съ другими, она самымъ серьезнымъ тономъ говорила о немъ, какъ о человѣкѣ, поглощенномъ обширными экономическими предпріятіями, и которому постоянная работа объ этихъ „предпріятіяхъ“ мѣшаетъ принимать участіе, „comme il l'aurait pu, à nos frivoles causeries mondaines“.

Съ Троекуровыми отношенія графини со времени пріѣзда Сусальцевыхъ какъ бы совсѣмъ прекратились. Она не могла не замѣтить, что ея компанія не приходилась по вкусу ни отцу, ни дочери; встрѣчаясь съ нею на прогулѣ, они холодно раскланивались и проходили мимо, не останавливаясь. Сусальцевъ при этихъ встрѣчахъ, какъ бы движимый невольнымъ чувствомъ почтенія, скидалъ поспѣшно первый шляпу съ головы и отвѣчивалъ имъ низкій поклонъ...

— Вы могли бы быть менѣе усердны въ вашихъ учтивостяхъ! желчно отрѣзала ему однажды жена по этому случаю.

Онъ слегка покраснѣлъ:

— Чтѣ-же, человѣкъ почтенный, пролепеталъ онъ, — и дѣвица дочь его опять...

— Такая же противная *фуфуря*, какъ онъ самъ! перебила она.

Онъ замолеъ.

— У тебя что-то съ ними есть, Топу, вмѣшалась графиня:— vous ne vous aimez pas, pourquoi?

— Я къ нимъ совершенно равнодушна, уронила та въ отвѣтъ съ высокоумѣрнымъ и презрительнымъ движеніемъ губъ, — но имѣла la malchance внушить несчастную страсть одному жалкому господину, котораго monsieur de Troëkourof прочилъ въ мужа своей царевнѣ, и они мнѣ вдвоемъ этого простить не могутъ.

— Вы его знаете? быстро обернулась графиня къ Сусальцеву.

— Кого это-съ? спросилъ недоумѣло тотъ.

— А вотъ этого, котораго жена ваша называетъ „жалкимъ господиномъ“.

— Знаю-съ, широко осклабился онъ.

— И чтѣ же онъ въ самомъ дѣлѣ *жалкій*?

— Ничего не „жалкій“, возразилъ онъ, самодовольно встряхивая плечомъ: — весьма даже благоприличный, по-моему, и вполне комильфотный молодой человекъ... А впрочемъ, какъ вамъ извѣстно, ваши женскіе вкусы съ нашими рѣдко когда сходятся.

Графиня зорко вскинула глазами на него, на „кузину“ и громко разсмѣялась.

— Oh, les maris! вскрикнула она, отвѣчая на какую-то пробѣжавшую у нея въ головѣ мысль и замѣтивъ подходившаго къ нимъ въ эту минуту маркиза:—Ah, voici notre ami Carodimonte! Чтѣ же, рѣшено, куда мы отправляемся?..

Дѣло шло о рѣшеніи, куда ѣхать всею компаніей изъ Люцерна, гдѣ всѣмъ начинало становиться скучно. Сусальцевы уже второй годъ проводили за границей, переѣзжая изъ Парижа въ Швейцарію, или на какія-нибудь германскія воды, и обратно. Дѣла давно звали мужа въ Россію, но онъ все медлил отъѣздомъ: очень ужъ хорошо жилось ему, очень ужъ „лестны“ были для него успѣхи жены на „чужой сторонѣ“. А успѣхи ея были несомнѣнны. Въ томъ пестромъ, легко доступномъ Вавилонѣ всевозможныхъ „племенъ, нарѣчій, состояній“, чтѣ именуется парижскимъ свѣтомъ, гдѣ плебейскіе

звукъ ея фамиліи „Sou-sal-zef“, возглашаемые huissier въ серебряной цѣпи на порогѣ блестящей залы, не шокировали ничего иноземнаго уха, а красота, роскошные туалеты и широкое русское хлѣбосоольство ея мужа приманивали въ ея домъ на обѣды и вечера цѣлыя тучи поклонниковъ, льстецовъ и прихлебателей, — она съ перваго появленія своего попала въ звѣзды первой величины. Безъ нея не обходились ни одинъ праздникъ, ни одна „*première*“ (первое представленіе) въ театрѣ; *Etincelle* *) въ *Figaro* чуть не каждую недѣлю распространялась въ детальномъ изложеніи о необыкновенныхъ кружевахъ, тканяхъ, шляпкахъ и уборахъ, „*marqués au coin du goût le plus pur et le plus distingué*“, въ которыхъ „*tout Paris*“ могъ ее видѣть на такомъ-то раутѣ, балѣ или приемѣ новаго члена въ *Académie française*; всѣ иностранныя *sommités* и высочества изъ *Almanach de Gotha*, попадающія въ постоянно движущійся калейдоскопъ „великаго града (*la grande ville*)“, спѣшили представляться ей и расточали ей то, что Пушкинъ, говоря о Вольтерѣ **), называлъ „земныхъ боговъ напитокомъ“... Но все это не удовлетворяло ее лично. Въ натурѣ ея было презирать то, что легко ей доставалось. Она презирала этотъ окружавшій ее сбродъ нажившихся вчера богачей изъ всѣхъ странъ вселенной, аристократическихъ именъ, носимыхъ людьми съ лакейскою наружностью, лавочниковъ, состоящихъ въ званіи республиканскихъ министровъ, весь этотъ міръ цинической рекламы, всепоглощающей корысти и пусто-звонства безъ конца... Роскошь, въ которой купалась она, (они прожили тысячъ триста съ половиной за это время,) приѣдалась ей; ей хотѣлось чего-то другаго, власти, вліянія, значенія. Положеніе, приобрѣтенное ею, представлялось ей чѣмъ-то „не настоящимъ“, самозваннымъ, ему недоставало *санкци* Петербурга. Ее влекло туда, въ этотъ угрюмый, „сучный Петербургъ“, знакомый по одному лишь сезону, проведенному ею тамъ, и не оставившій въ ней особенно отрадныхъ воспоминаній, но въ которомъ, говорила себѣ она, „есть по крайней

*) Псевдонимъ дамы, пишущей въ *Figaro* отчеты о свѣтской жизни.

***) „Ты *лест* его вкусилъ, земныхъ боговъ напитокомъ“.

Посланіе къ князю Юсупову.

мѣръ *une vraie société*, общество, къ которому принадлежить она по рожденію, и роль въ которомъ, казалось ей почему-то, можетъ дѣйствительно польстить самолюбію женщины... “Такъ или иначе, она чувствовала какой-то внутренней зудъ „попробовать Петербурга“. И чѣмъ труднѣе, сознавала она, было для нея теперь быть снова признанною (*réaccertée*) тамъ „своею“ при томъ имени, которое она носить, при томъ мужѣ, „котораго она дала себѣ“, тѣмъ сильнѣе связывалась въ ней жажда борьбы и чаяніе побѣды. Она исподоволь готовила къ ней свои подходы, улавливала въ свои тенета всѣхъ петербургскихъ перелетныхъ птицъ изъ *крупныхъ*, завязывая нити „дружескихъ“ отношеній съ ними, для чего *laisser-aller* парижской жизни представляло ей полное удобство... Игру свою вела она съ чрезвычайнымъ искусствомъ. Лукаво холодный задоръ ея кокетства производилъ на тѣхъ рѣдкихъ избранныхъ, для которыхъ почитала она нужнымъ прибѣгать къ нему, неотразимое обаяніе, между тѣмъ какъ безупречная *tenue* ея въ свѣтѣ, та самая *величавость* ея приемовъ, въ которой обвиняли ее въ петербургскихъ гостинныхъ, когда она была дѣвухой, и которую теперь находили совершенно умѣстной въ ея положеніи замужней, красивой и „независимой“ (то-есть богатой) женщины, вызвала одобреніе со стороны самыхъ *collets montés* изъ ея соотечественницъ. „C'est une femme très bien!“ возглашали онѣ хоромъ, многодумно кивая челами... Сама княгиня Андомская, которая, по мнѣнію графини Дракенбергъ, „не дозволила бы въ Петербургѣ госпожѣ Сусальцевой перейти за порогъ ея гостиной“,—княгиня Андомская, отъ преизбытка важности не произносившая уже болѣе буквы *a*, замѣнивъ ее бузвою *e*, какъ требующею болѣе умѣреннаго раскрытія челюстей, встрѣтившись съ нею, съ тою же *madame Sousaltzeff* у англійскаго посла въ Парижѣ, протянула ей три пальца и, изобразивъ на своемъ *couperosé* лицѣ нѣчто въ родѣ намѣренія улыбки, произнесла почти слышно: *Il y é longtemps que vous hébitez Péris?...* Да, разсуждала Тону, у нея уже теперь успѣлъ образоваться—„а далѣе еще болѣе будетъ“—достаточно обширный кругъ отношеній въ петербургскомъ *grand monde*, чтобъ имѣть ей право надѣяться, что,

когда она переѣдетъ *туда*, всѣ успѣють уже приобъикнуть къ ея „невозможной фамиліи“... Останется все-таки мужъ, конечно... Но вѣдь это неудобство отвратимо: мужа „можно будетъ *тамъ* просто не *показывать*“...

Встрѣча съ Еллу Драхенбергъ являлась для нея новымъ, очень вѣскимъ шансомъ для этого чаемаго ею въ будущемъ преуспѣянія своего въ Петербургѣ. Ей нужна была именно „такъ поставленная“ въ тамошнемъ свѣтѣ, съ такимъ рѣшительнымъ характеромъ и такою „горячею головою (*tête ardente*)“ женщина, чтобы послужить ей вѣрнымъ лопманомъ, „*pour la piloter*“ между всякихъ подводныхъ утесовъ, которые даже при самыхъ счастливыхъ условіяхъ могли бы все-таки встрѣтиться ей на пути. И она обѣими руками ухвати-лась за нее. Графиня въ свою очередь была очень рада ей. Она цѣнила въ Тонѣ ея рѣшительность, ея невозмутимый *aplomb* и саркастическій, чтобы не сказать прямо презрительный, взглядъ на жизнь и на людей, представлявшійся молодой вдовѣ такою „силой“ сравнительно со способностью къ „вѣчнымъ иллюзіямъ“, которую она торжественно признавала за собою.

— Остается знать, кто изъ насъ счастливѣе? говорила ей графиня.

— Счастья нѣтъ и вовсе, коротко отвѣтила на это та.

— О!... могла только вскрикнуть графиня:—ты не вѣришь въ счастье?

— Его нѣтъ, повторяю; есть извѣстное состояніе духа, какъ говорится, при которомъ тебѣ менѣе скверно, чѣмъ обыкновенно; есть условія жизни, ставящія тебя въ возможность менѣе страдать, чѣмъ другіе люди; но то абсолютное, всестороннее удовлетвореніе, которое разумѣется подъ названіемъ *счастья*,—вещь несуществующая, да и немислимая.

Еллу пристально уперлась ей взглядомъ въ лицо:

— *Tu est trop savante, vois-tu, Tony*, и ты никогда видно не любила!

— Никогда, это правда, чуть ухмыльнулась Сусальцева;— а ты?

Графиня вся какъ бы ушла въ себя, глубоко вздохнула и медленно повела головою сверху внизъ.

— Ну, а что же Каподимонте! продолжала насмѣшливо „кузина“.

Еще быстро вскинулась и замахала рукой:

— Ахъ нѣтъ, такого не нужно!...

— Какого же тебѣ надо?

— Ужъ не знаю, право... Ничего не нужно теперь, ничего! рѣшила она, громко разсмѣявшись.

III.

„Кузины“ уже вторую недѣлю жили въ Венеци, куда приѣхали съ итальянскихъ озеръ, гдѣ прожили мѣсяца полтора, побывавъ и въ Лугано *), и въ Белладжіо **), и на Isola-Bella ***). Графиня все такъ же, какъ и въ Люцернѣ, восторженно наслаждалась тамъ природой. Здѣсь, въ „столицѣ Адриатики“, присоединилось къ этому восхищеніе искусствомъ. Врожденное въ ней чувство изящнаго никогда еще не сказывалось у нея съ такою силой, не охватывало ее такъ цѣлко и такъ алчно. Она по цѣлымъ часамъ съ дрожавшими на рѣсницахъ слезами умиленія простаивала предъ мадоннами Gian ****) Bellini въ церкви *del Redentore* (Спасителя) и готова была каждый разъ чуть не разцѣловать жидкобородаго капуцина, указывавшаго ей на нихъ костлявымъ, страшно грязнымъ пальцемъ все съ тою же своею заученною фразой: Sono i fiori della pittura veneziana (это цвѣтъ венеціанской живописи); она „не хотѣла уходить“ со внутренняго двора palazzo дожей и увѣрала, что „велитъ принести себя сюда предъ часомъ смертнымъ, чтобъ отдать Богу душу на ступеняхъ Scala dei Giganti, унося такимъ образомъ въ небо послѣднее впечатлѣніе того прекраснѣйшаго, что создано человекомъ на этой землѣ“. Тоню снисходительно только улыбалась „фантастическимъ бреднямъ, fantaisies saugrenues“ своей прия-

*) На Гардскомъ озерѣ.

**) На Комскомъ.

***) На Lago-Maggiore.

****) Сокращенное отъ Giovanni, Иванъ.

тельницы. Сама она, по ея выраженію, „дозволяла возить себя смотрѣть то, что, говорятъ, непременно будто нужно видѣть“, прибавляя въ этому съ какою-то торжествующею презрительностью: „я ровно ничего не понимаю въ этой старой мазнѣ, но что-нибудь, надо же дѣлать: буду ѣздить смотрѣть на эту „мазню“... Она въ сущности очень скучала въ Венеціи, но не рѣшалась уѣзжать. Въ Біарицѣ, во-первыхъ, куда она по требованію моды ѣздила купаться два года сряду, было слишкомъ рано, а во-вторыхъ, сюда, какъ узнала она по газетамъ, долженъ былъ на дняхъ пріѣхать князь Іоаннъ, высокое лицо, съ которымъ ей очень хотѣлось и было удобно познакомиться здѣсь (онъ долженъ былъ пребыть въ Венеціи нѣсколько дней), гдѣ поневолѣ „каждый день будешь встрѣчаться на площади Святаго Марка“, и котораго къ тому же Еллу давно и хорошо знаетъ, а слѣдовательно представить ей... „а тамъ уже она знаетъ, какъ повести дѣло“... И madame Sousaltzeff, „отъ нечего-дѣлать погамѣсть“, принялась, вмѣсто купанья въ шумныхъ волнахъ океана, ѣздить каждый день на Лидо погружаться въ мирныя струи адриатическаго побережья, куда возила съ собою, по просьбѣ кузины, ея девятилѣтняго сына, которому такія же ванны предписаны были докторомъ. Ихъ обыкновенно сопровождали на пароходѣ туда и обратно мужъ ея и офицеръ Вермичелла, ожидавшіе, пока она и мальчикъ выйдутъ изъ воды, на широкой деревянной террасѣ кафе-ресторана, устроеннаго на сваяхъ надъ самымъ моремъ наряду съ купальнями, попивая сиропъ изъ сока *тамаринда* пополамъ съ коньякомъ и обмѣниваясь веселыми рѣчами на миѣическомъ французскомъ языкѣ. Этимъ способомъ скучающая барыня нашла возможность убивать большую часть утра, изъ котораго „безъ этого она не знала бы, что дѣлать“... Тѣмъ временемъ графиня, въ сопровожденіи маркиза Каподимонте, плавала въ гондолѣ по всѣмъ ваналамъ и *каналеттамъ* запусътлаго города, обозрѣвая подробно каждую его достопримѣчательность, отыскивая въ магазинахъ и лавчонкахъ антикваріевъ всякое художественное *старье*, къ которому разыгралась у нея теперь настоящая страсть. Маркизь, какъ это нерѣдко случается встрѣтитъ въ Италіи въ сре-

дѣ людей его круга и *возраста*, былъ тонкій и начитанный знатокъ художествъ и оказывалъ своей „прекрасной спутницѣ“ настоящія услуги, предостерегая ее противъ тѣхъ ухищренныхъ обмановъ, которымъ подвергаются богатые дилеттанты изъ иностранцевъ при покупкахъ этого рода, научая ее распознавать отличительные признаки руки дѣйствительнаго „артиста“ и знакомя ее по этому случаю съ цѣлою исторіей искусства въ его отечествѣ въ различныхъ проявленіяхъ его и фазисахъ. Молодая вдова слушала его съ жаднымъ вниманіемъ, называла „*homme charmant*“ и благодарно жала ему руки. Поощренный этимъ, онъ пытался не разъ заговаривать о своихъ „чувствахъ“,—но она рѣшительно отклоняла всѣ подобныя изъясненія. Она все еще находилась въ полосу „безстрастія“... Да и помимо того, ей, какъ говорила она Тонѣ, „не *такого* было нужно“. Маркизь, конечно, былъ одаренъ всякими привлекательными качествами: онъ былъ и вполнѣ свѣтскій,—тонкій и благовоспитанный,—и почти ученый человекъ; наружность его была изящная, „*distinguée*“, черные глаза блестяли какъ у двадцатилѣтняго юноши, говорилъ онъ и „разсказывалъ“ съ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ и горячностью; онъ даже, она не сомнѣвалась, дѣйствительно любилъ ее, — „конечно, ея большое состояніе имѣлось имъ въ виду, но и сама она, ея *blanche nature du Nord*“, какъ выражался онъ, „возбудила въ немъ страстное чувство“, — она это видѣла *по его глазамъ*... Но это не представляло для нея ничего новаго; это было въ ея понятіи „что-то среднее между любовью *того*, „тигра“, и тѣмъ „теплымъ“, чего до оскомины, въ теченіе десяти лѣтъ сряду, наслушалась она въ Петербургѣ отъ *свитскихъ* генераловъ... Она все это „наизусть знала“, она „насквозь видѣла *se cher marquis*“... Нѣтъ, Gian Bellini, Веронезъ, Palma Vecchio и вся эта „феерическая декорация неба, моря и старыхъ дворцовъ“,—вотъ все, все, что ей теперь нужно“!...

Вчерашній случай — этотъ „интересный *émigré politique*, котораго Топу непременно знаетъ“, — откинулъ ее вдругъ въ сторону ото всѣхъ тѣхъ волшебствъ природы и искусствъ, созерцаніе которыхъ поглощало воображеніе ея все это послѣд-

нее время. Ей жадно, до боли жадно захотѣлось теперь открыть тайну любви, le secret d'amour, она не сомнѣвалась, существовавшую между „этою ледяною Топу и тѣмъ блѣднѣющимъ“, блѣднѣвшимъ съ дальняго сѣвера чрезъ темные лѣса, гдѣ спасъ его „се флазонъ de cognac“, подарокъ женщины, его любившей... „Онъ былъ, можетъ быть, первымъ единственнымъ предметомъ ея, Тони, и, разлученная съ нимъ, она рѣшилась выйти de désespoir за своего... Сусальцева... Или, можетъ быть, тотъ жестоко обманулъ ее, и она тогда съ досады, раг дѣритъ... Во всякомъ случаѣ она, Elly Драхенбергъ, узнаетъ непременно эту тайну. Топу — замѣнутый замѣкъ, отъ нея ничего не добьешься: но онъ, этотъ молодой человѣкъ... маркизъ его непременно отыщеть и привезетъ, она пригласитъ его, — сыну ея, дѣйствительно, надо начать учиться хорошенько родному языку, — пригласитъ давать ему уроки, она приголубитъ его („je l'apprivoiserai“), внушитъ ему довѣріе, дружбу... О, она все узнаетъ, чтѣ его касается, всю его эпопею любовную и политическую, „toute son épopée amoureuse et politique“...

Она даже проснулась сегодня ранѣе обыкновеннаго, завтракала—чтѣ не всегда случалось у нея,—съ сыномъ и воспитателемъ его, мистеромъ Уардомъ, совершенно деревяннымъ Англичаниномъ лѣтъ сорока, и объявила имъ, что „нашла для Никса русскаго учителя, такъ какъ очень стыдно, что онъ до сихъ поръ почти совсѣмъ не умѣетъ писать по-русски“, причемъ не то вопросительно, не то тревожно глянула въ лицо Уарда, какъ бы желая прочесть на немъ впечатлѣніе, какое могло произвести на него это извѣстіе. Но ровно ничего не прочла она на этомъ лицѣ: Англичанинъ, не подымая глазъ, продолжалъ уписывать свою баранью котлетку.

— Онъ молодой, этотъ новый учитель, мама? съ любопытствомъ спросилъ ее за то Никсъ по-русски, и этотъ вопросъ какъ-бы нѣсколько почему-то смутилъ ее.

— Чтѣ тебѣ до того, молодой онъ или старый? сказала она, усмѣхаясь:—все равно надо тебѣ будетъ съ нимъ учиться, и хорошо учиться.

— Ахъ, какъ же можно, возразилъ мальчикъ,—съ моло-

дымъ мнѣ гораздо будетъ веселѣе, чѣмъ съ mister Уардомъ; тебѣ тоже, правда, мама?

Графиня даже покраснѣла слегка:

— Ты все вздоръ болтаешь, Никсъ!..

Она отправила его послѣ завтрака гулять со своимъ Англичаниномъ въ Giordino Reale (Королевскій садъ), и въ ожиданіи маркиза, являвшагося къ ней обыкновенно между полуднемъ и часомъ съ программой „экскурси“, предполагавшей ими на тотъ день, усѣлась на балконѣ своего „appartement“ въ бельэтажѣ, выходившаго на Riva dei Schiavoni. Очаровательнѣйшій видъ Венеціи отрывался съ этого балкона. Прямо насупротивъ его, надъ широкимъ воднымъ пространствомъ, заворачивающимъ крутымъ изгибомъ вправо въ Джудекку, облитые блескомъ итальянскаго утра, словно любуясь отраженіемъ своимъ въ изумрудномъ зеркалѣ влаги, побѣдно возносились изящные купола *Santa Maria della Salute* и *San Giorgio Maggiore*; надъ башенкой таможни золотая Фортуна съ зеленымъ шаромъ подъ ногой отчетливо вырисовывалась въ разрѣженномъ воздухѣ; высоко, подъ яркою голубизной неба, висѣли недвижно легкіе и бѣлые какъ пухъ клубы облачковъ, будто не рѣшаясь разстаться съ этимъ чуднымъ краемъ земли, а ниже, вѣясь надъ высокими черными гребнями скользившихъ по лагунѣ гондолъ, рѣвали большія морскія птицы сѣромолочнаго цвѣта, сверкая на солнцѣ серебристыми оконечностями своихъ длинныхъ и сильныхъ крыльевъ...

Графиня, защищенная отъ солнечныхъ лучей полотною опущенной надъ балкономъ маркизы, глядѣла не отрываясь на эту уже привычную ей картину, прислушиваясь невольно къ доносившемуся до нея вѣчному гулу рѣчей и смѣха *баркаоловъ* (лодочниковъ) на ближайшей пристани, къ завывнымъ крикамъ продавщицъ рыбы и фруктовъ... „Что же за праздникъ для глазъ долженъ былъ быть здѣсь, невольно проносилось у нея въ головѣ, когда *помимо всего этого* корабли со всѣхъ краинъ міра везли свои сокровища царственнымъ купцамъ этого волшебнаго города, когда изъ оконъ этажъ разрушающихся теперь дворцовъ вывѣшивались на диво толпѣ многоцѣнные ковры и ткани Востока, и сами они, и

дочери ихъ, и жены, и всѣ, и все населеніе облечены были во всю эту разноярность цвѣтовъ и живописность покроя эпохи Возрожденія, которыя такъ обаятельно глядятъ на насъ съ историческихъ полотень въ palazzo дожей, изъ рамъ портретовъ Тиціана!... Увы, я родилась слишкомъ поздно, мнѣ надо было увидѣть свѣтъ *здесь, тогда...* j'aurais été peut être une seconde Catherine Cornaro, о которой говорилъ вчера маркизь,“ вспомнила она, насмѣшливо улыбнувшись по собственному своему адресу.

А глаза ея между тѣмъ какъ бы машинально приковывались къ каждой изъ гондоль, пристававшихъ къ Riva dei Schiavoni. Въ каждомъ лицѣ, подымавшемся съ пристани на набережную, она чаяла увидать маркиза...

Пушечный выстрѣлъ на площади Святаго Марка уже довольно давно извѣстилъ городъ о полуднѣ, а его все еще не было. Молодую женщину начинало разбирать нетерпѣніе.

Но вотъ, кинувъ случайно взглядъ по направленію *Пиццетты*, она увидала его, всходившаго по мраморнымъ ступенямъ... Онъ былъ не одинъ: рядомъ съ нимъ легкою, молодою поступью, подъ широкополою шляпой на головѣ, шагаль ея вчерашній незнакомецъ, „*l'objet de Tony*“. Она его сейчасъ узнала... У нея даже сердце слегка забилося: она никакъ не ожидала, чтобы маркизь „такъ поспѣшилъ исполнить ея порученіе“...

А Каподимонте въ свою очередь, прищуривая глаза отъ солнца, не отводилъ ихъ, съ приближеніемъ къ Hôtel Danielli, отъ балкона, на которомъ еще издали, подъ низко опускавшимися фестонами маркизы, отличилъ онъ облаченный въ бѣлый батистъ, поутреннему, силуэтъ предмета своей страсти... Подойдя къ самому балкону, онъ поднялъ глаза и, притронувшись къ шляпѣ, спросилъ снизу:

— Vous êtes visible, comtesse?

Въ голосѣ его она тотчасъ же почувала какое-то раздраженіе.

— Toujours pour vous, cher marquis, поспѣшила она отвѣтить съ отгнкомъ чуть не нѣжности въ звукѣ голоса,

слегка свѣсиваясь къ нему головой черезъ перила и быстрымъ взглядомъ окидывая тонкій обликъ его спутника.

Тотъ, не подымая на нее глазъ, стоялъ внизу съ видомъ полнѣйшаго безучастія къ этому разговору и разсѣянно глядѣлъ куда-то въ сторону.

Маркизь проговорилъ ему нѣсколько словъ, притронулся еще разъ къ шляпѣ и быстро вошелъ въ двери отеля. Молодой человѣкъ, видимо замедляя шаги, послѣдовалъ за нимъ.

„*Pas empressé du tout, et l'autre—fugieux*“, сказала себѣ со внутреннимъ смѣхомъ графиня: „интересно знать—почему?..“

Она занимала цѣлый апартаментъ въ пять или шесть комнатъ, изъ которыхъ первая съ лѣстницы служила чѣмъ-то въ родѣ пріемной, гдѣ постоянно дежурилъ курьеръ ея Джакомоино.

— Маркизь Каподимонте, доложилъ онъ теперь, появляясь на порогѣ гостиной, куда только-что прошла съ балкона его госпожа.

— Съ нимъ еще кто-то? какъ бы небрежно спросила она.

— *Si, eccellenza*, но его сіятельство приказалъ доложить только о себѣ.

— Просите!... Не хочеть-ли онъ мнѣ сдѣлать сцену? подумала она, и брови ея озабоченно сжались.

Она не ошибалась. Едва ступивъ въ комнату и отвѣсивъ ей преувеличенно учтивый поклонъ, Каподимонте началъ:

— Графиня, я исполнилъ ваше приказаніе, чтобъ дать вамъ новое доказательство моей нелицемѣрной преданности и дружбы къ вамъ: я отыскалъ... и привелъ сюда этого господина, котораго вы... желали видѣть. Но я желаю со своей стороны, чтобъ вы (онъ видимо едва сдерживалъ еловотавшую въ немъ досаду), чтобъ вы не думали, что провести меня легко...

— Изъ чего же вы заключили, что я могу это думать? прервала его она тономъ холоднаго достоинства, вопросительно въ то же время подымая на него глаза.

Онъ продолжалъ болѣе спокойно, но съ язвительнымъ отѣнкомъ въ выраженіи:

— Вы говорили мнѣ, что ищете учителя вашего языка

для сына и что вы... *случайно*... узнали, что есть таковой здѣсь, въ Венеціи... Изъ вашихъ словъ слѣдовало заключить, что вы никакого понятія объ этомъ *учитель* не имѣете, никогда въ лицо его не видѣли, не знаете его фамиліи.

— Все это правда; что же дальше? перебила она его опять.

— Но тѣмъ не менѣе адресъ этого таинственнаго незнакомца,—все такъ же *случайно*, конечно,—вамъ былъ извѣстенъ, и по этому адресу я, новинувъсь вашему желанію, отыскалъ его... и нашель не учителя, а...

— А кого же?

— Un beau jeune homme, хихивнулъ насилуованно маркизъ,—qui ne m'a pas le moindrement l'air d'un marchand de participes (который нисколько по-моему не похожъ на учителя).

— Почему же это вамъ такъ кажется? рѣзко выговорила графиня; она начинала сердиться...

Онъ такъ и вперилъ горячіе зрачки свои въ ея лицо.

— Потому что это тотъ самый молодой человекъ, который вчера на *серенатъ* сидѣлъ въ гондолѣ рядомъ съ нашею и съ котораго вы все время глазъ не спускали!...

— Вы видѣли! помимо воли, неудержимо вырвалось у нея.

— Видѣлъ, съ горечью восхлибнулъ онъ, — и еще вчера догадывался... а теперь мнѣ это совершенно ясно...

Она вдругъ, къ немалому его удивленію, разразилась громкимъ смѣхомъ:

— Что вамъ ясно, *vilain jaloux*? что вы видѣли? Ничего вы *настоящаго* не видѣли и не догадываетесь...

Онъ недоумѣло глядѣлъ на нее...

— Eh bien, c'est vrai, онъ сидѣлъ тамъ подлѣ насъ въ гондолѣ, и я слышала его разговоръ съ товарищемъ и узнала, что онъ—я вамъ повѣрю его тайну: вы, я знаю, не выдадите ни его, ни меня,—un réfugié politique,—но я, клянусь вамъ, видѣла его вчера въ первый разъ въ жизни... Я узнала тоже изъ этого разговора, что онъ пріѣхалъ сюда съ однимъ русскимъ семействомъ въ качествѣ учителя, и подумала, дѣйствительно, о моемъ сынѣ..

Она какъ бы запнулась на мигъ...

— И *только?* подчеркнулъ Каподимонте, не отводя отъ нея тревожнаго взгляда.

— Нѣтъ, я не хочу скрывать отъ васъ, молвила она, широко улыбаясь своими пышными и свѣжими губами, — есть одно обстоятельство, возбуждающее во мнѣ большой интересъ къ этому молодому человѣку... Но не по отношенію ко мнѣ лично, увѣряю васъ! поспѣшно примолвила она, слагая крестообразно, для вышшаго убѣжденія его, руки свои на груди:— Тутъ другое лицо заинтересовано.

— Кто же? такъ же поспѣшно спросилъ онъ.

— Я не назову... не могу назвать вамъ ее... Я и сама, впрочемъ, ничего не знаю и подозреваю только... Я для этого и хотѣла познакомиться съ нимъ... Я должна убѣдиться... Попросите его войти, пожалуйста, вы оставили его тамъ *se morfondre avec mon courgier* въ передней: вѣдь это неучтиво..

На выразительномъ лицѣ маркиза сказалось страданіе.

— Я ничего не понялъ изъ вашихъ объясненій, печально молвилъ онъ,—но я долженъ, *я хочу* вамъ вѣрить: вы желали ближе узнать этого никогда до вчерашняго вечера вами невиданнаго молодого человѣка не изъ какого-либо *личнаго* чувства, а единственно изъ любопытства. Положимъ такъ, но я осмѣлюсь вамъ напомнить, что *любопытство*, подчеркнулъ онъ,—погубило на этомъ свѣтѣ не одну женщину.

— *La vieille histoire de grand'mère Eve*, разсмѣялась она въ отвѣтъ, пожимая плечами:— будьте покойны, я ученая, *je suis bien aprise*... Подите, приведите мнѣ его сюда!

Маркизь глубоко вздохнулъ, поклонился и пошелъ за „нимъ“.

IV.

Die Kälte kann wahrlich brennen
Wie Feuer.

Heine.

Черезъ нѣсколько минутъ графиня и маркизъ вышли вмѣстѣ въ гостиную.

— Графиня, началъ официальнымъ тономъ маркизъ,—позвольте вамъ представить monsieur... monsieur Po... Pos-pe-lof, si je prononce juste, выговорилъ онъ съ нѣкоторымъ трудомъ.

— Juste, подтвердилъ тотъ, какъ бы снисходительно кивнувъ головой.

Графиня изъ-подъ полуопущенныхъ рѣсницъ окинула его недолгимъ, но зоркимъ взглядомъ, указывая ему въ то же время на кресло подлѣ себя учтивымъ движеніемъ руки. Дневной свѣтъ, при которомъ видѣла она его теперь, дозволилъ ей отчетливо разсмотрѣть его правильныя, блѣдныя черты,—„будто слегка помявшія краски на пастелевомъ портретѣ“, сказала себѣ она,—острый блескъ его сѣрыхъ зрачковъ, тонкій и нервный складъ всей его наружности... Она осталась довольна. „Il doit être de bonne famille“, сложилось у нея тутъ же заключеніе, „и многое успѣлъ почувствовать на своемъ вѣку“...

Маркизъ усѣлся на легонькомъ стулѣ, уставивъ его такъ, чтобъ имѣть возможность равно слѣдить за выраженіемъ лица хозяйки и своего спутника, и заговорилъ опять:

— Вы меня просили, графиня, справиться, возможно-ли вамъ будетъ найти въ Венеціи un professeur de langue russe

для вашего сына, и я... послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, подчеркнулъ онъ лукаво, — имѣлъ счастье узнать о monsieur Pos-pe-lof... котораго и упросилъ сегодня побывать со мною у васъ.

— Bien merci, cher marquis! не дала ему продолжать она и, обращаясь къ „профессору“: — Вы давно уже здѣсь? спросила она его по-русски.

— Нѣтъ, не очень, выговорилъ онъ словно нехотя.

— И давно изъ Россіи?

— Я въ Вѣнѣ предъ этимъ жилъ, уклончиво и морщась отвѣтилъ онъ: ему видимо не нравились эти вопросы.

Но она продолжала:

— Вы здѣсь одни, или съ кѣмъ-нибудь?...

— Я пріѣхалъ съ однимъ семействомъ, но они должны были вернуться въ Россію, а я... предпочелъ остаться...

— Вы давали уроки... въ этомъ семействѣ?

— Давалъ.

— Русскаго языка?

— Русскаго языка... да и всего, въ сущности, чуть-чуть улыбнулся онъ опять: — дѣти еще только въ гимназію готовились.

„Улыбается, точно *снисходитъ*; une nature fière, я очень люблю это въ мужчинахъ“, пронеслось въ головѣ нашей графини.

— Мой сынъ тоже маленькій, громко заговорила она: — ему всего девять лѣтъ. У него Англичанинъ... но я бы хотѣла, чтобъ онъ началъ русскую грамматику и ариметику тоже en russe... и если бы вы согласились...

Она ^{не} договорила, взглянувъ на молодаго человѣка чуть не молящимъ взглядомъ.

Онъ только головой качнулъ: что же, молъ, извольте, если этого вамъ такъ хочется.

— Онъ очень добрый и способный мальчикъ, вы увидите... Онъ ушелъ теперь гулять съ mister Уардомъ, но сейчасъ долженъ вернуться... Я непременно хочу показать его вамъ...

Послѣдовъ опять молча повелъ головой.

— Вы учились въ университетѣ, не правда-ли? спросила она его вдругъ.

— Д-да, пропустилъ онъ сѣвозъ зубы и съ запиской, не ушедшею отъ ея вниманія.

— Въ Петербургскомъ?

— Н-нѣтъ... въ Московскомъ.

— Вы тамъ многихъ знаете... въ Москвѣ?

— То-есть, кого же это?... Изъ вашего круга нивого не знаю, счелъ онъ нужнымъ, и притомъ нѣсколько грубовато, пояснить ей:

— Нѣтъ, я спросила васъ потому, что здѣсь... въ этомъ же отелѣ... живетъ одна московская... родня мнѣ...

Онъ глядѣлъ на нее, будто говоря: „какое мнѣ до этого дѣло?“

„Погоди же“, молвила она мысленно въ свою очередь, „что вотъ ты сейчасъ скажешь?“

— Madame Sousaltzeff, Antonine, рожденная Буйносова... Вы не слыхали о ней?

Она пристально, жадно глядѣла ему теперь въ лицо... Лицо это мгновенно дрогнуло,—она это видѣла, „ясно видѣла“,— едва произнесла она имя „Топу“, глаза метнули искру, брови тѣсно сжались какъ бы отъ напряженія мозга надъ ворвавшеюся въ него докучливою мыслью. Но онъ тотчасъ же оправился, вскинулъ голову и глянулъ въ свою очередь ей въ глаза не то пытливымъ, не то вопрошающимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, не слыхалъ; а что? выговорилъ онъ совершенно твердо и спокойно.

Она же сконфузилась теперь.

— Топу... Madame Sousaltzeff... настоящая красавица, пролепетала она,—и обращаетъ этимъ на себя общее вниманіе... Я думала, вы могли съ нею гдѣ-нибудь встрѣтиться... хотя бы здѣсь, въ Венеціи... Но вы говорите, что вы еще очень недавно здѣсь...

Поспѣловъ, не отвѣчая, глядѣлъ на нее все тѣмъ же смущавшимъ ее взглядомъ.

Она отвернулась отъ него къ марезу. Онъ сидѣлъ, насупясь, отчасти обиженный этимъ продолжительнымъ ея разго-

воромъ на непонятномъ ему языкѣ, еще болѣе досадуя на живую игру физиономіи молодой вдовы, которая, совершенно основательно разсуждалъ онъ, имѣла бы совсѣмъ иной видъ, если-бъ у нея съ этимъ „réfugié russe“ шелъ разговоръ объ условіяхъ найма его въ учителя ея сыну.

— Je parlais à monsieur de l'exquise beauté de ma cousine Tony, сказала она ему, какъ-то особенно усмѣхаясь.

„А!“ тотчасъ же сообразилъ тонкій Италіанецъ, „мнѣ дается понимать, что la cousine и есть та особа, о которой она мнѣ говорила; но она не проведетъ меня: господинъ этотъ интересуется ее лично, а не косвенно, по отношенію къ другой. Una perfida comédie è questo, предательскую комедію разыгрываетъ она со мной“. И губы его даже побѣлѣли отъ ревливой досады.

Но губы эти любезно усмѣхались въ то же время.

— Ah oui, très belle en effet, très belle, madame Tony, говорилъ онъ по адресу чаемаго имъ соперника.

Но тотъ, съ видимымъ желаніемъ положить конецъ этимъ рѣчамъ, обратился къ хозяйкѣ съ вопросомъ по-русски:

— Въ какое заведеніе полагаете вы нужнымъ подготовить вашего сына?

Вопросъ этотъ засталъ ее въ распλοхъ.

— Я, признаюсь вамъ, до сихъ поръ объ этомъ еще серьезно не думала. Мальчикъ мой записанъ въ Пажескій Корпусъ, но онъ до сихъ поръ все еще не укрѣпился здоровьемъ, и я боюсь, что онъ вообще для военной службы не будетъ годиться. Въ такомъ случаѣ надо будетъ его въ Лицей...

— Само собою! иронически какъ бы сорвалось съ языка Поспѣлова.

— Чтò это значить? изумилась она.

— Значить, что куда же поступить сыну вашему, какъ не въ привилегированное заведеніе! подчеркнулъ онъ съ прежнимъ невозмутимымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Вы...

Она пріостановилась на мигъ:—vous êtes démocrate?

— Въ молодомъ поволеніи вы аристократическихъ убъж-

деній не найдете, коротко отвѣтилъ онъ съ полупрезрительнымъ движеніемъ губъ.

— Я знаю... Я сама du reste... Je suis très libérale d'opinions, промолвила графиня и даже вѣско кивнула сверху внизъ, въ видѣ выцпаго подтвержденія своихъ словъ.

— Да, вмѣшался маркизь, — и это меня всегда удивляло въ русскихъ женщинахъ.

— Удивляло? повторила она: — это должно было бы васъ радовать, мнѣ кажется, васъ, чуть не поплатившагося жизнью за свободу...

— Не за женскую, во всякомъ случаѣ, засмѣялся онъ; — эманципация женщинъ, то-есть обезличеніе, то-есть опошленіе женской обособленности—это не только конецъ всякой поэзіи, это еще конецъ всей человѣческой цивилизаціи.

— Reste à savoir, замѣтилъ на это Поспѣловъ чистѣйшимъ французскимъ акцентомъ, — насколько эта „поэзія цивилизаціи“ дала хлѣба голодающимъ человѣческимъ массамъ.

И этотъ акцентъ, и мысль, выраженная въ его фразѣ, совсѣмъ подкупили графиню: она одобрительно и быстро закивала головой.

— Да, это большой вопросъ! промолвила она глубокомысленнымъ тономъ, который былъ столько же не обыченъ, сколько забавно милъ въ ея устахъ.

Маркиза это еще пуще взорвало. Глаза его загорѣлись, онъ готовилъ громоносное возраженіе... Но въ это же время въ восхитительномъ утреннемъ платьѣ изъ soie écruе, обшитомъ кружевами и большими голубыми бантами, подъ широкою соломенною шляпой, кругомъ которой бѣжала пышная гарнитура изъ бѣлыхъ и голубыхъ перьевъ, показалась въ растворившейся двери сосѣдней комнаты Антонина Дмитриевна Сусальцева.

— Никсъ здѣсь? спросила она съ порога, не входя.— Bonjour, marquis!...

Онъ сидѣлъ прямо въ полосѣ свѣта, врывавшагося съ улицы сквозъ продольную щель не совсѣмъ притворенныхъ половинокъ двери, выходившей на балконъ (всѣ жадузи оконъ, по обычаю теплыхъ странъ, въ эти часы дня были опущены),

и Сусальцева его одного въ первую минуту различала въ полутьмѣ покоя.

Онъ съ учтивымъ поклономъ поднялся съ мѣста въ отвѣтъ ей.

— Никсъ сейчасъ вернется... Да войди же, Топу! слышался ей тутъ же голосъ графини, сидѣвшей спиной къ балкону.

Антонина Дмитриевна сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ по направленію къ ней.

— Ma chère Топу, позволь тебѣ представить соотечественника, monsieur Поспѣлова, проговорила та, какъ бы намѣренно растягивая слова, указывая рукой на сидѣвшаго противъ нея молодаго человѣка, котораго скрывала до тѣхъ поръ отъ глазъ вошедшей высокая спинка его кресла.

Онъ и Сусальцева обернулись въ то же время лицомъ другъ къ другу...

У нея мгновенно дрогнули приподнявшіяся вѣки и побѣлѣли губы; глубокая морщина сложилась между бровями Поспѣлова... Но *coup de théâtre*, котораго ожидала графиня Драхенбергъ, не случилось. Они глянули другъ другу въ глаза— и разомъ поняли другъ друга. „Я для всѣхъ—незнакомый тебѣ человѣкъ“, сказалъ ей тягучій, чуть не грозный взглядъ его. „Мнѣ только этого и нужно“, отвѣтили ему ея холодные глаза. И съ банальною полуулыбкой свѣтской женщины, которой представляютъ въ гостиной ничѣмъ для нея не интереснаго незнакомца, она небрежно склонила голову, не ожидая его поклона, молча прошла къ столу подлѣ хозяйки, сѣла и протянула руку за сигареткой къ вазочкѣ изъ венеціанскаго стекла, стоявшей на этомъ столѣ.

„*Mon effet est manqué!*“ досадливо пронеслось въ головѣ графини:— „они, очевидно, оба умѣютъ необыкновенно владѣть собою и успѣли—она послѣ вчерашней *серенаты*, онъ послѣ того, что я сегодня говорила о ней (и къ чему я говорила!),— приготовиться къ возможной встрѣчѣ не у меня, такъ въ иномъ мѣстѣ... Но они не даромъ сейчасъ *такъ* взглянули другъ на друга! Я прочла въ ихъ глазахъ: *ils se connaissent, ils se sont aimés* и хотятъ скрыть этотъ бывшій романъ свой

ото всего свѣта“... И болѣе чѣмъ когда-либо заговорило въ ней желаніе „aller au fond de ce mystère, проникнуть въ самую глубь тайны“...

— Monsieur Поспѣловъ такъ добръ, что соглашается давать уроки моему Никсу, сказала она громко.

Сусальцева, ни на кого не глядя, вынула восковую свичку изъ коробочки миланскаго издѣлія съ раскрашеннымъ изображеніемъ какой-то сцены изъ *Niccolo de' Lapi* *), закурила папироску и уронила медленно съ губъ:

— Если-бъ у меня были дѣти, я бы ихъ ранѣ десяти лѣтъ ровно ничему не учила.

— Ceci est de l'exagération, madame, замѣтилъ ей смѣясь маркизъ, который въ свою очередь наблюдалъ внимательно за нею и „réfugié russe“, и точно такъ же, какъ и предметъ его страсти, уловилъ „подозрительное“ выраженіе обмѣненныхъ ими въ первую минуту взглядовъ. „La rossa ha forse raggion, рыжая (то-есть графиня Драхенбергъ) права, быть можетъ, въ своихъ предположеніяхъ“, говорилъ онъ себѣ радостно въ эту минуту, „и не обманывала меня, говоря о другой...“

— А вы не находите, продолжала между тѣмъ „кузина“ все на томъ же французскомъ языкѣ, щурясь на Поспѣлова съ какимъ-то иронически вызывающимъ выраженіемъ на лицѣ,—что это раннее ученіе ни къ чему въ сущности ненужныхъ вещей вызывается почти всегда гораздо болѣе капризомъ маменекъ (des mamans), чѣмъ дѣйствительною потребностью дѣтей?

„Это въ мой огородъ; она, кажется, начинаетъ ревновать меня“,—и графиня съ бессознательнымъ вопросомъ на глазахъ повела ими на маркиза Каподимонте... Она прочла въ его улыбкѣ подтвержденіе своей догадкѣ, и ей стало вдругъ какъ-то необычайно весело...

„Змѣя“! думалъ въ то же время эмигрантъ: „пользуется тѣмъ, что я ее тутъ при всѣхъ оборвать не могу, и подпускаетъ свои шпильки“...

*) Весьма популярный въ Италіи историческій романъ Массимо д'Азеліо.

— Это зависит... началъ было онъ громко, но вбѣжавшій въ эту минуту въ комнату будравый и красивый мальчикъ, сынъ графини, избавилъ его отъ досадливой необходимости продолжать.

— I am ready, aunty, я готовъ, тетя! восклицала на-бѣгу Никсъ, выдаваясь къ Антонинѣ Дмитріевнѣ..

— Никсъ, поди сюда! влинула его мать. И, оборачивая къ себѣ спиной, она указала ему на сидѣвшихъ противъ нея мужчинъ:—Ты видишь ces messieurs? кланяйся!

Мальчикъ послушно шаркнулъ ножкой, протягивая рученку марезу и, обернувшись тутъ же къ матери, спросилъ робко и вполголоса:

— Who is this other gentleman, m'a (кто этотъ другой господинъ, мама)?

— Поди познакомься съ monsieur Поспѣловымъ, ласково толкнула она его впередъ,—ты съ нимъ будешь учиться писать порядочно по-русски... не такъ, какъ теперъ ты пишешь, что мнѣ даже стыдно за тебя...

Сусальцева послѣшно поднялась со своего мѣста и, прерывая ее:

— Однако намъ пора, Никсъ, пароходъ сейчасъ пойдетъ...

— Mister Ward уже пошелъ туда и твой husband (мужъ) тоже, вослѣдилъ мальчикъ и кинулся изъ комнаты, такъ и не *познакомившись* съ „monsieur Поспѣловымъ“...

Графиня поднялась въ свою очередь проводить ухидившую за нимъ „бузину“ (она сторала нетерпѣннѣмъ „остаться съ нею минутку наединѣ“).

— Послушай, сказала она, какъ только очутились онѣ въ сосѣдней комнатѣ, схватывая ее за руку,—ты должна мнѣ все, все рассказать!..

— Чтò это „все“?

И „Топу“ мгновенно нахмурилась, какъ небо въ сентябрѣ.

— Tu connais ce jenne homme... и ты... Ты въ ссорѣ съ нимъ теперъ?...

— Откуда ты это взяла?

— Ты была съ нимъ такъ неучтива сейчасъ!.. On n'est impertinente comme cela qu'avec un homme qu'on a aimé.

— Et avec ceux que l'on veut vous imposer! гнѣвно отръзала Сусальцева, не глядя на нее и торопливо выходя въ корридоръ.

Вернувшись опять на свое мѣсто въ гостиной, графиня почувствовала себя вдругъ какъ-бы неловко: она сознавала, что никакого теперь общаго разговора не могло установиться между ею и двумя ея собесѣдниками, изъ которыхъ одинъ— нужно-ли называть маркиза?—очевидно все болѣе и болѣе тяготился присутствіемъ другаго. Ей это ясно говорили его глаза, нетерпѣливое покусываніе имъ своихъ прекрасныхъ усовъ, которые онъ нервнымъ движеніемъ то-и-дѣло забиралъ какъ-то внизъ нижнею губой...

Онъ и заговорилъ первый, съ видимою цѣлью *выжить* того, „другаго“.

— Графиня, я ничего не говорилъ о вашихъ условіяхъ à monsieur Pos-pelof, такъ какъ вы ихъ мнѣ не сообщали...

Она, вся покраснѣвъ, быстро прервала его:

— Oh, mon Dieu, это совершенно будетъ зависѣть отъ monsieur Пospѣлова... Я заранѣе согласна на все...

— Я получалъ у Бортиянскихъ 150 франковъ въ мѣсяць... на всемъ готовомъ, примовилъ какъ бы нехотя молодой человекъ (ему, видимо, точно также было не пріятно говорить объ „условіяхъ“).

— Такъ мало! вскрикнула графиня:—я не смѣю вамъ предложить („une si jolie tournure et parlant si bien le français!“ проносилось у нея въ головѣ),—но мнѣ кажется... вѣдь я бы желала, чтобы вы каждый день давали часъ урока Нивсу... мнѣ кажется, что по... по 10 франковъ за часъ... Напасть за границей на хорошаго русскаго преподавателя—это такая находка!... И вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе, не правда-ли? сказала она по-русски и какъ-то очень торопясь, — приходитъ кушать съ нами: мы всегда и завтракаемъ, и обѣдаемъ, сынъ мой, mister Ward и я, *одни*, чуть-чуть подчеркнула она, — здѣсь, въ моемъ appartement...

Онъ какъ бы подозрительно глянулъ на нее изподлобья. помолчалъ и по минутномъ размышленіи:

— Это, пожалуй, все вмѣстѣ гонораръ и чрезмѣрный со-

ставить... не соответствующій настоящей цѣнѣ труда... А впрочемъ, какъ вамъ угодно, сказалъ онъ чрезъ мигъ подъ набѣгомъ какой-то новой мысли,—я согласенъ.

Онъ прищурился и повелъ взглядомъ въ сторону. Она въ свою очередь словно конфузливо опустила глаза... Наступила минута молчанія.

— Я позволю себѣ напомнить вамъ, графиня, заговорилъ опять маркизъ (его опять начинала охватывать ревность), — что вы сегодня собирались ѣхать со мною смотрѣть портретъ Cesare Borgia въ Fondaco de'Turchi. *)

— Ахъ, да!... но мы успѣемъ! пролепетала она...

Поспѣловъ тотчасъ поднялся съ мѣста со шляпой въ рукѣ:

— Когда же приходитъ на первый урокъ? спросилъ онъ обрывисто.

— Да завтра же... *Непретменно* завтра, вслѣивнула она, и опять такъ же поспѣшно и по-русски: — а сегодня вечеромъ приходите на музыку, на площадь Святаго Марка; я тамъ буду... Мнѣ такъ бы хотѣлось поговорить съ вами... о Никсѣ, — но теперь *неловко*, произнесла она вѣско, намекая на присутствіе третьяго лица и съ отгѣнкомъ дружеской довѣрчивости въ тонѣ.

Тонъ этотъ, впрочемъ, насколько дано ей было прочесть на лицѣ, не произвелъ никакого *подкупающаго* впечатлѣнія на „интереснаго эмигранта“. Онъ все такъ же безучастно поглядѣлъ на нее, склонилъ голову, холодно пожалъ ея руку, еще холоднѣе притронулся къ протянувшимся тутъ же къ нему съ торопливою любезностью пальцамъ маркиза и, не сказавъ ни да, ни нѣтъ на приглашеніе молодой женщины, медленно и молча вышелъ изъ комнаты.

Едва смольели шаги его за дверь, графиня съ кажимъ-то

*) Бывшій во времена республики заѣзжій домъ, *каравансарай* Турецъ въ Венеціи, на лѣвомъ берегу Gran Canal, постройка въ романскомъ стилѣ X вѣка, обращенная нынѣ въ музей (называемый museo Cogger отъ palazzo этого имени, въ которомъ онъ помѣщался прежде). Находящійся тамъ между прочимъ портретъ Цезаря Борджіи приписывается Леонардо ди Винчи.

строгимъ выраженіемъ въ чертахъ повернулась всѣмъ тѣломъ въ маркизу:

— Avez vous compris maintenant?

Онъ чуть-чуть усмѣхнулся:

— Relativement à madame Tony?.. Oui, il y a quelque chose. Mais *quoi*, то-есть, *что именно?* спросилъ онъ, напирая.

Графиня какъ бы жалостливо глянула ему въ лицо, пожала плечомъ—и быстро поднялась съ мѣста:

— Ъдемте въ вашъ Fondaco de'Turchil..

V.

— Ad angusta.

— Per angusta.

!— Les morts nous servent.

V. Hugo. *Hernani*. Acte IV, sc. III.

Въ Hótel Bauer, куда прямо вернулся нашъ эмигрантъ отъ графини Драхенбергъ, дебелый, похожій на пивной котель и отъ пива и шнапса сизокраснаго цвѣта Нѣмецъ-„Portier“, постоянно относившійся свысока къ „бѣдному-чорту, armer Teufel“, занимавшему самый скромный, тѣсный и мрачный номеръ во всей гостиницѣ, внушительно заявилъ ему, что его спрашивалъ „какой-то подозрительный малый чуть не въ лохмотьяхъ, ein liederlicher Kerl“, изъясняющійся на какомъ-то „никому невѣдомомъ діалектѣ“, и изъяслялъ желаніе ожидать его, des Herrn Pospelof, возвращенія въ его комнаты, но что онъ, „Portier“, разумѣется, въ виду возложенной на него прямой обязанности „оберегать покой и имущественную цѣлость высокоуважаемыхъ господъ (der hochgeachteten Herrschaften), въ отелѣ пребывающихъ“, не пустил эту „сволочь (Lumpgesindel)“, — несомнѣнно-де „приходившую просить милостыни“, — даже на лѣстницу подняться, вслѣдъ за чѣмъ тотъ просилъ, „насколько можно было понять aus seinem verworrenem Zwiſche, изъ его путаницы“, передать г. Поспѣлову, что ему очень нужно его видѣть и что онъ будетъ ожидать его по близости, на площадѣ предъ церковью *San-Moise*.

Поспѣловъ, внезапно всплывъ (онъ тотчасъ же догадался, кто его спрашивалъ), рѣзко отвѣтилъ на это, что къ нему

приходилъ не какой-то „Kerl“, а добрый его пріятель, и что онъ въ свою очередь проситъ на будущее время, „пока только останется самъ жить въ этой нѣмецкой трущобѣ“, пускать это лицо къ нему въ номеръ, „безъ дурацкихъ умствованій“, во всякое время дня и ночи... И тутъ же, заключивъ по разсвирѣпѣвшему мгновенно лицу Нѣмца-цербера, что на такую откровенную рѣчь его тотъ отпустить ему немедленную реплику, нѣчто въ родѣ того, что ты-моль такая же „сволочь“ и „нищій“, какъ твой пріятель, онъ поспѣшилъ выйти изъ сѣней и быстрыми шагами направился въ *San-Moise*.

Онъ не ошибся: тамъ, усѣвшись на верхней ступени маленькой пристани протекающаго мимо церкви канала, прямо насупротивъ дома, занимаемаго русскимъ въ Венеціи консуломъ, ожидалъ его Волкъ, въ своей помятой, съ порванными полями шляпѣ и истасканныхъ дѣйствительно до „лохмотьевъ“ пальто и нижнемъ платьѣ.

Онъ былъ *страшно*, въ буквальномъ значеніи этого слова, дурень собою, съ какими-то негритянскими, шлепающими губами, грубо мясистымъ носомъ, переломленнымъ посрединѣ вслѣдствіе паденія въ дѣтствѣ, и зловѣще выглядывавшими изъ-подъ низко нависшихъ бровей узкими и хищными глазами (этимъ глазамъ своимъ и крупнымъ, острымъ зубамъ, способнымъ, казалось, перегрызть надвое за одинъ разъ самую твердую сапожную подошву, онъ и одолженъ былъ своимъ прозвищемъ *Волка*). Роста онъ былъ невысокаго, плотно сложенъ: толстыя синія жилы, разбѣгавшіяся по его огромнымъ, коричнево-краснымъ рукамъ, походили на веревки или на какое-то изображеніе сѣти рѣчныхъ притоковъ на географической картѣ большаго масштаба. Цѣлая шапка мохнатыхъ, жесткихъ, какъ конскіе, и вспутанныхъ волосъ спускалась ему почти на самыя глаза... „Натолкнется на тебя въ лѣсу баба, отъ страха помретъ“, подшучивали надъ этою наружностью его *товарищи*... Но онъ не послѣднюю роль игралъ между этими *товарищами* въ общемъ ихъ дѣлѣ...

Онъ былъ неповоротливъ и медлителенъ въ своихъ движеніяхъ, и Поспѣловъ тотчасъ же заключилъ о значительности того, что имѣлъ ему сообщить Волкъ, по той необычной ему

поспѣшности, съ которою тотъ поднялся на ноги, завидѣвъ его, и пошелъ къ нему навстрѣчу.

— Читать на здѣшнемъ языкѣ можешь? было его первымъ словомъ. И, быстро вытащивъ изъ кармана смятый листъ вышедшаго въ тотъ же день номера *Gazetta di Venezia*, ткнулъ пальцемъ на отдѣлъ телеграммъ: — гляди тутъ, изъ Петербурга...

Поспѣловъ итальянскаго языка не зналъ, но по сродству его съ хорошо знакомымъ ему французскимъ языкомъ тотчасъ же разобралъ и понялъ сообщавшееся здѣсь извѣстіе.

— „Сегодня, въ 9 часовъ утра“... началъ онъ переводить задрожавшимъ отъ волненія голосомъ...

— То-есть, вчера это, значить, пояснилъ скороговоркой Волеъ:—ихняго 16-го, нашего 4-го числа.

— „На прогулкѣ, начальникъ русской политической полиціи и генераль-адъютантъ Императора, Мезенцовъ, убитъ неизвѣстными людьми. Преступники успѣли скрыться“... Это *нашихъ* дѣло! вскрикнулъ тутъ же Поспѣловъ съ загорѣвшими мгновенно глазами.

Волеъ не счелъ даже нужнымъ отвѣтить: онъ повелъ только на товарища не то торжествующимъ, не то презрительнымъ взглядомъ: „какое же, молъ, можетъ быть въ этомъ сомнѣніе!“...

— „*Am-ma-zato*“, перечелъ Поспѣловъ слово, корня котораго онъ не находилъ во французскомъ языкѣ, — я, можетъ быть, не такъ понялъ: онъ, можетъ быть, только *раненъ*—значить?...

— *Убитъ*, грознымъ тономъ отрѣзалъ тотъ: — на пароходѣ моемъ механикъ сказывалъ, „*killed*“ говорить, и даже рукой показалъ, какъ когда вого ножомъ... *Killed* слово я знаю.

— Удачнѣе еще, значить, чѣмъ съ Треповымъ вышло, нервно засмѣялся на это его собесѣдникъ.

— Извѣстно, мужская рука; да еще если кинжаломъ...

— А какъ ты думаешь, чья? чья именно? Я полагаю, что...

— Полагаешь, такъ держи про себя! сердито прервалъ его Волеъ:—для дѣла безразлично.

Молодой человекъ моргнулъ нѣсколько смущенно вѣками и промолвилъ уже какъ бы невольно:

— И ушли... „скрылись“... Въ бѣлый день... Молодцы!..

— Не выдаетъ никто... общественное сочувствіе... Впрочемъ процессъ показаль, роняль медленно слова свои Волкъ въ отвѣтъ съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, что „все-то это тебѣ еще объяснять надо“...

— Да, кивнуль утвердительно Поспѣловъ,—особенно теперь, когда правительство такъ осрамило себя на этой войнѣ... и въ Берлинѣ... Наступилъ самый настоящій моментъ активной борьбы... Вѣдь у *нихъ* очевидно это теперь систематически организовано, по *верхамъ* пошли, намѣченные: Треповъ, теперь Мезенцовъ...

Безобразный ротъ Волка растянулся въ широкую, звѣрскую усмѣшку (такъ должны ухмыляться шакалы, почувявъ запахъ падали):

— По горламъ всѣхъ пройти надо, понятно! прошипѣль онъ сквозь стиснутые зубы.

Товарищъ его видимо разгорался все сильнѣе въ свою очередь.

— Вѣдь это открытое объявленіе войны! восликинулъ онъ:—убійствомъ этимъ социалистская молодежь смѣло кидаетъ перчатку въ лицо автократіи... Наконецъ-то, наконецъ!... Онъ судорожно и радостно потиралъ себѣ руки.— И если она не сдастся теперь, такъ вѣдь и повыше достать можно...

Онъ оборвалъ вдругъ и бессознательно обвелъ кругомъ себя глазами... Но все было тихо на безлюдной площади. Лишь старый бѣднякъ, отставной гондольеръ *), вормящійся *чен тезимами* **) отъ „*виона шапо*“, подачки *господъ*, гондолы которыхъ подтягиваль онъ багромъ къ пристани, дремалъ на ступенькахъ съ этимъ своимъ багромъ въ морщинистыхъ рукахъ, пригрѣваемый горячимъ солнцемъ, да издали съ канала доно-

*) Право быть гондольеромъ, въ силу сохранившагося понимѣ старого закона, прекращается по наступленіи 60-лѣтняго возраста.

**) *Centesimo*, французское *centime*, сотая часть *лиры*, одноцѣнной съ франкомъ.

силса отъ времени до времени тотъ протяжно гортанный, специально свойственный мѣстнымъ *баркаюламаз*, крикъ, которымъ, во избѣжаніе столкновеній, дають они о себѣ знать собратьямъ, предъ заворотомъ въ то или другое изъ безконечныхъ колѣнъ водныхъ протоковъ Венеціи: „Тхе-е-у“!..

Волкъ молчалъ, тупо уставя глаза въ грудь товарища; только мясистыя губы его подергивала та же усмѣшка хищнаго звѣря, чующаго запахъ трупа...

— Вѣдь *они* тамъ замышляютъ теперь, дѣйствуютъ, борятся, Волкъ, началъ снова Поспѣловъ, волнуясь, — а мы тутъ съ тобою, бесполезные, задыхаемся въ бездѣйствіи!..

— Я сегодня вечеромъ ѣду, коротко сказалъ тотъ.

— Въ Россію?...

— Въ Женеву. Справки, первое, навести нужно... а тамъ само собою...

— И я съ тобой. Къ чорту мою графиню съ ея гонораромъ! вырвалось какимъ-то неудержимымъ и веселымъ взрывомъ у Поспѣлова.

Узенькіе глаза Волка такъ и впились ему въ лицо:

— Какая графиня?

— Мнѣ тутъ опять бондиція выходить: мальчишку учить.

— Во! пропустилъ съвозъ зубы тотъ:—Русскіе?

— Фамилія нѣмецкая, только она Русская.

— „Она“, кто это то-есть?

— Графиня эта, мальчишки мать.

— А мужъ?

— Мужа нѣтъ: она—вдова.

— Во! повторишь какъ бы машинально Волкъ.—Молодая?

— На видъ моложе меня ваетъ, улыбнулся почему-то невольно Поспѣловъ, — а впрочемъ кто-жъ ихъ разберетъ, свѣтскихъ этихъ...

— Попалъ-то какъ къ ней?

— А ужъ это у нея спроси! Отродясь и фамиліи ея не слыхивалъ: Драхенбергъ, петербургская... Не думалъ я, не гадалъ, является нынче утромъ въ мой отель Итальянецъ какой-то, маркизъ; велитъ просить меня въ *салонъ*, что очень-моль ему нужно переговорить со мною... Ну вотъ, съ этимъ

самымъ предложеніемъ пришелъ, что одна-моль его знакомая, ваша, говоритъ, „компатріотка“, ищетъ преподавателя русскаго языка для маленькаго сына и что онъ, узнавъ, что я въ этомъ качествѣ пріѣхалъ сюда съ однимъ русскимъ семействомъ...

— Ты и отправился? перебилъ его Волкъ.

— Повелъ онъ меня самъ.

— Ну?

— Я и пошелъ за нимъ, засмѣялся Поспѣловъ озабоченному виду, съ которымъ внималъ ему товарищъ.

— И порѣшили?

— Да... Вѣдь я еще не зналъ... что... молвилъ молодой человѣкъ, какъ бы оправдываясь.

Но собесѣдникъ его не далъ ему продолжать:

— Кондиціи какъ?

— И не ожидалъ даже! Сама по 10 франковъ за часъ урока предложила, а урокъ каждый день и кормежка отъ нея же.

— Ишь ты! вдумчиво пропустилъ Волкъ и чавкнулъ безсознательно челюстью, какъ бы вкушая инстинктивно всю ту сладость „кормежки“, которая ожидала товарища за столомъ графини.— Богачка значить?

— По обстановкѣ судя, и очень даже... Да и Итальянецъ этотъ, маркизь, намекнулъ какъ-то про это... Самъ-то онъ, какъ я понялъ, виды на нее имѣеть, усмѣхнулся еще разъ Поспѣловъ.

— А молодой самъ-то?

— Ну, нѣтъ! Молодится изъ послѣдняго, видать, а на макушкѣ-то уже рѣдко и въ бородѣ сѣдью пробивается. Только шельма, видно, прожженная, эксплуататоръ...

— А ты не дозволяй! неожиданно проговорилъ Волкъ.

Поспѣловъ съ изумленіемъ взглянулъ на него:

— Это какъ же?..

Тотъ въ свою очередь повелъ на него прежнимъ, небрежительнымъ взглядомъ: „ничего-моль ты самъ сообщить не въ состояніи“...

— Дѣло-то кажись ясное, медленно протянулъ онъ:—ари-

стобратье этой *аманта* требуется, не изъ старья, а изъ свѣжатины, само-собой; денегъ на него жалѣть она не будетъ, что хошь проси, только по вкусу придишь...

Поспѣловъ понялъ и весь вспыхнулъ:

— Что-жь это ты мнѣ, воскликнулъ онъ съ сердцемъ, — сойтись съ женщиной изъ-за денегъ предлагаешь!...

— А *хоша* бы! грубымъ мужицкимъ языкомъ отрѣзавъ Волкъ. — Аль не нравится занятіе?... А вѣдь бабъ-то, почитай, не мало на своемъ вѣку загубилъ, примолвилъ онъ, хихикнувъ. И въ его прищурившихся въ щелочку, съ какимъ-то неумолимымъ выраженіемъ глазъ можно было прочесть и рѣшительный приказъ Поспѣлову, и злорадное чувство торжества надъ человѣкомъ, которому Волкъ почиталъ себя въ правѣ предлагать унизительную роль, и тайную зависть къ этому молодому, красивому товарищу, которому такую роль *можно* было предложить.

Поспѣловъ отвернулся отъ него и проговорилъ поспѣшно и досадливо:

— Я на свинство не пойду, и ѣду съ тобою сегодня въ Женеву, благо на проѣздъ и жратву дорогой денегъ хватить, добавилъ онъ, стараясь перейти на шутливый тонъ.

— Да ты что, чортъ тебя подери, услышалъ онъ вдругъ зашипѣвшую какъ у змѣи рѣчь Волка, — ты революціонеръ, аль нѣтъ? Ты въ свое удовольствіе жить думаешь, аль нашему дѣлу служить?

— Я оттого и хочу ѣхать съ тобою, горячо возразилъ молодой человѣкъ, — что хочу служить ему...

Но Волкъ не слушалъ его:

— Въ нашемъ дѣлѣ нѣтъ „свинства“, кромѣ измѣны ему! говорилъ онъ грозно, и пѣна закипала въ углахъ его безобразныхъ губъ: — что на пользу его, то и свято. Ты дворянскій-то гоноръ свой въ печку винь, коли хочешь честнымъ революціонеромъ быть! Все противъ враговъ добро, все пригодно; какое въ рукахъ средство есть, тѣмъ и орудуй: подвохомъ-ли, насиліемъ, страхомъ или лаской, все едино, — пока не настала чась, когда передушить ихъ всѣхъ до одного социальная революція!..

Это былъ какой-то дивнй, бѣшенный порывъ, полускреннй, полурасчитанный на *эффектъ*,—одинъ изъ тѣхъ, которыми угрюмый, тупо - молчаливый по обыкновенію Волкъ „билъ“ въ извѣстныхъ случаяхъ „навѣрняка“ въ той средѣ, въ коей принадлежалъ онъ и гдѣ слылъ за человѣка съ „огромнымъ запасомъ воли“ и большою „организаторскою способностью“; въ эту свою „способность“ прежде всѣхъ вѣриль онъ самъ... У Волка было самое *настоящее* „революціонное прошлое“: родомъ изъ мѣщанъ, онъ былъ студентъ Петровской академіи въ пору „Нечаевской исторіи“, какимъ-то чудомъ не попалъ въ число завѣдомыхъ участниковъ ея, принадлежалъ потомъ въ кружкамъ Долгушина и Чайковскаго и въ такъ - называемомъ „Жихаревскомъ“ процессѣ имѣлъ честь очутиться въ числѣ тѣхъ десяти избранныхъ, изъ 193 призванныхъ, которыхъ „гуманнѣйшее“ судилище отечественныхъ сенаторовъ увидѣло себя, скрѣпя сердце, вынужденнымъ сослать въ Сибирь... Онъ былъ на нѣсколько лѣтъ старѣе того, кто теперь назывался Пospѣловымъ и котораго онъ же, лѣтъ за пять назадъ, вовлекъ въ „дѣло революціи“. Онъ привыкъ издавна тѣшиться „рабскимъ“ подчиненіемъ ему, „вахлау“, какъ любилъ онъ называть себя съ особаго рода гордостью, этого *барчука-молодчика*, и замѣченное имъ теперь въ немъ какое-то „своеволіе“ взорвало его.

— Голубаго *енарала устранимъ*, продолжалъ онъ,—такъ у тебя и слюни потекли. Вотъ-молъ поѣду, сейчасъ и на мою долю выпадеть героемъ себя показать... А если въ тебѣ *тамъ* вовсе и не нуждаются?.. Чтѣ ты тутъ знаешь, изъ Архангельскихъ лѣсовъ вернувшись?.. Я самъ въ Россію теперь прямо не прю (Pospѣлова такъ и покорило отъ этого „я самъ“, ясно указывавшаго на разстояніе, которое отдѣляло положеніе его отъ положенія Волка въ „революціонной“ іерархіи), а ѣду добывать языка, чтѣ *тамъ* и какъ: указаніе будетъ — отправлюсь. А такъ, зря,—онъ дернулъ плечомъ,—спасибя никто не скажетъ... Въ *ловкачахъ* недостатка у нихъ нѣтъ (то-есть, „поболѣе тебя людей умѣлыхъ“, прочель опять Pospѣловъ въ главныхъ щелочкахъ Волка), — ужъ чего желать лучше: въ бѣлый день, посередь столицы, ножомъ пропороли

и ушли! — И голос Волка дрогнулъ отъ внутренняго чувства удовлетворенія. — А что имъ *средства* нужны, подчеркнуй оны, — такъ ты этого, конечно, не разумѣешь, а мнѣ оно изъ самаго этого факта явствуетъ. „Скрылись“, сказано. Какъ *скрылись*? Не бѣгомъ же: городовые вынулись бы, захватили бы тутъ же... Значить, въ экипажѣ, лошади добрыя, не у извозчика взятыя, и не чьи-нибудь *господскія* опять, — по нимъ тотчасъ бы на слѣдъ напали. Лошади *свои*, значить, были, купленные, и экипажъ. На все на это денегъ не мало пошло... И *если дальше*, все болѣе и болѣе средствъ понадобится... Средства всегда для нашего дѣла нужны! вдругъ обрвавши, махнулъ онъ рукой, какъ бы почитая бесполезнымъ излагать громко далѣе роившіяся въ головѣ его соображенія; — понимаешь теперь?

Поспѣловъ молчалъ: авторитетный тонъ, съ которымъ обращался къ нему Волкъ, одновременно и возмущалъ и какъ бы поработалъ его внутренно.

— Понимаешь теперь, что отъ тебя требуется? вѣско повторилъ тотъ.

— Послушай, Волкъ, началъ молодой человекъ, встравившись, — вѣдь это же одна твоя фантазія! Изъ того, что барыня эта пригласила меня на уроки сыну, далеко еще не слѣдуетъ, чтобъ она... Онъ какъ бы застыдился договорить, и въ то же время какимъ-то „лучомъ, просящимся во тьму“ *) пронесся въ его памяти свѣжій обликъ графини Драженбергъ съ ея пышными губами, и подъ ухомъ его точно зазвучалъ ласковый голосъ, говорившій ему: „приходите вечеромъ на площадь Святаго Марка; мнѣ *очень* хочется переговорить съ вами...“

— Приложи трудъ! На бабъ языкъ-то у тебя медовый, извѣстно! цинически опять хихивнулъ Волкъ: — становаго дочку, что бѣжать-то тебѣ помогла, съумѣлъ окрутить вѣдь?

— Такъ тамъ прежде всего дѣло убѣжденія было, послѣшно возразилъ Поспѣловъ: — я ее предъ тѣмъ въ нашу вѣру совсемъ обратить успѣлъ.

*) Феть. Въ стихотвореніи *Ревель*.

Глаза Волва такъ и запрыгали:

— А тутъ тебѣ кто-жъ мѣшаетъ! Бабы-то всѣ на одинъ ладъ, какъ если только добре примется ловкій молодчикъ... А чѣмъ тебѣ чести болѣе будетъ, какъ если аристократка. Самъ же ты, дворянскій сынъ, всѣ эти барскіе выкрутасы продѣлывать можешь... Послушай, Володька, началъ онъ вдругъ горячимъ и какъ бы ласкательнымъ тономъ (голова его видимо работала надъ цѣлымъ планомъ, мгновенно возникшимъ теперь въ ней),—тутъ можетъ для тебя дѣло большое выйти, выдвинуться въ глазахъ всей *partii* можешь, крупное положеніе занять!.. Привлечь эту твою барыню къ нашему дѣлу, воспользоваться средствами ея, связями,—богатая штука! Вѣдь тамъ *на верхахъ*-то тоже горячаго матеріала не мало: подожги лишь умѣючи—вспыхнетъ!..

— Она мнѣ сказала, что она очень „либеральна“, какъ-то невольно вырвалось у Пospѣлова.

Волкъ презрительно подобралъ свои огромныя губы:

— Ну, это мы „либеральство-то“ ихнее знаемъ, — гроша мѣднаго не стодитъ, фарисейство поганое одно!.. А ты въ *настоящее* ее введи, въ самую суть, чтобы вняла она и проныблась....

— Время все же нужно было бы на это, раздумчиво молвилъ Пospѣловъ,—а долго-ли она тутъ думаетъ остаться—не извѣстно... Да и оттерли бы, пожалуй...

— Кто это?

— Да мало-ли! неопредѣленно уронилъ онъ, и краска чуть-чуть выступила на его блѣдныя щеки. Онъ почему-то не счелъ нужнымъ сообщать товарищу о г-жѣ Сусальцевой, которую именно имѣлъ въ виду, говоря о возможности быть „оттертымъ“.

Тотъ повелъ на него подозрительнымъ взглядомъ, но не счелъ нужнымъ въ свою очередь выразить громко то, что думалъ въ эту минуту.

— Ну, твоя забота! quasi-равнодушно произнесъ онъ:— а только повторяю: большое дѣло можетъ выйти, помни!..

— Такъ ты рѣшительно не хочешь, чтобы я съ тобой бхалъ? воскликнулъ молодой человекъ.

— Сказано разъ! какъ топоромъ отрубилъ Вольтъ:—*урокъ* тебѣ заданъ—орудуи!

Послѣдовъ безмолвно приподнялъ плечи и опустился, какъ бы подшибленный этимъ разговоромъ, на верхнюю ступеньку пристани, на которой дремалъ съ багромъ своимъ въ рукѣ старикъ-гондольеръ... Но въ душѣ его, рядомъ съ оскорбительнымъ сознаниемъ нравственной подчиненности своей, журчало, какъ ручеекъ весной, что-то ему еще неясное, но тихо убаюкивающее, примѣшивавшееся къ мысли о „заданномъ ему *уроку*“...

Вольтъ поглядѣлъ сверху внизъ на склонившагося какъ бы къ ногамъ его товарища, и глаза его будто усмѣхнулись... „Хорошій денекъ выдался“ ему сегодня... Онъ чувствовалъ себя снова *силой* въ той обычной ему области нелѣпо-злой и судорожной дѣятельности, изъ которой исторгла его ссылка и къ которой возвращался онъ теперь при отерывавшихся его „дѣлу“ новыхъ, широкихъ горизонтахъ. Предъ нимъ въ воображеніи развивался цѣлый рядъ „неслыханныхъ“, имѣвшихъ поразить „весь міръ“ дерзостью своею, „предпріятій“, которымъ можетъ, — *должно* будетъ“, поправился онъ мысленно,—положить начало „великое событіе“ 4 августа въ Петербургѣ. Онъ предвкушалъ вѣскость той роли, которая неминуемо должна будетъ пасть на его долю въ этихъ „предпріятіяхъ“, —и его животное-алчное самолюбіе торжествовало заранѣе. Слѣпое покорство „*барчука*“ служило ему теперь какъ бы мѣриломъ того значенія, какое приметъ онъ *тамъ*, „на мѣстѣ“, среди коноводовъ „движенія“... „Подвигъ удивительный, бесспорно“, проносилось у него въ головѣ, „милліоны людей содрогнутся отъ ужаса, прочтя сегодняшнюю телеграмму; но самъ-то подвигъ можетъ быть, и даже болѣе чѣмъ вѣроятно,—лишь изолированный фактъ, не истекающій изъ общей, ясно опредѣленной и послѣдовательной программы“. А она-то именно и нужна, нужна сильная, твердо сплоченная „организация“... „Но *они*—онъ ихъ всѣхъ знаетъ,—никогда не могли добиться ничего подобнаго“. Онъ одинъ, Вольтъ, способенъ создать такую „организацію“ и встать во главѣ „всего“...

Размышленія эти навели его на какое-то *светлое*—если только допустить, что оно могло быть у него,—настроение духа; онъ почти весело заговорилъ съ товарищемъ:

— Ты на меня, Володька, полагаю, за поручение печаловаться не станешь; кормежка будетъ тебѣ сладкая, прочее занятіе и того сладчай...

— Я не для этого вступалъ въ *партію*! съ новою досадою въ голосѣ вскрикнулъ бѣлокурый эмигрантъ.

— Понадобишься на иное—вызовемъ! съ покровительственнымъ отгвѣнкомъ въ тонѣ возразилъ ему Волкъ:—можетъ, всѣ потроха скоро потребуются; на то идетъ... Что удраля-то ты—наши въ Женевѣ знаютъ?

— Я еще изъ Вѣны Михайлѣ и Вейсу писалъ; не отвѣчали.

— Можетъ, и нѣтъ ихъ тамъ... А въ Вѣнѣ изъ нашихъ кто?

— Полячекъ и Арончикъ... Арончикъ мнѣ и мѣсто у этихъ Бортиянскихъ сыскалъ,—а то чуть было съ голоду со всѣмъ не околѣлъ...

Волкъ качнулъ головой:

— Отгѣшься теперь... Гляди-жь, орудуй,—большое дѣло!... Дней чрезъ пять жди письма. Можетъ, шифромъ напишу, какъ если что особенное... Ключъ помнишь?

— Старый?

— Извѣстно... Инструкцію тебѣ пришлемъ... Ну, а теперь прощай!

— Куда же ты?

Поспѣловъ вскочилъ на ноги...

Но Волкъ, не отвѣчая, заворачивалъ уже за уголь церкви.

Молодой человекъ недоумѣло глядѣлъ ему во слѣдъ... „А на счетъ денегъ какъ, есть-ли у него? проносилось у него въ головѣ: я бы могъ ему дать, изъ послѣднихъ, а тамъ получить за уроки, хоть впередъ, всегда можно... Тамъ, вѣдь, нужны бы онѣ ему были, онъ бы просто сказалъ: „дай!“ Проводить его поѣхать вечеромъ развѣ?... А если онъ на это да еще грубостью мнѣ отвѣтитъ: „что за нѣжности,

скажетъ, при нашей бѣдности!“... „Сильная натура!“ какъ бы объяснилъ себѣ тутъ же Пospѣловъ,—и тутъ же вздохнулъ какимъ-то бессознательнымъ вздохомъ облегченія, увидавъ себя одного на площади вмѣстѣ со старикомъ-гондольеромъ, все такъ же сладко дремавшимъ на солнцѣ со ржавымъ багромъ своимъ въ рукахъ...

VI.

Надъ piazza di San-Marco—этимъ, по выраженію Наполеона I, „салономъ, которому одно солнце достойно служить люстрой,“—сіялъ полный мѣсяцъ свѣтлѣй, чѣмъ дневное свѣтило въ полуночныхъ странахъ. Бронзовые вулканы на Torre dell'Orologio *) прогудѣли молотами своими по колоколу десять часовъ, и за послѣднимъ ихъ ударомъ военный итальянскій оркестръ, только-что отыгравшій, подъ громъ рукоплесканій тѣснившейся кругомъ него толпы, какое-то увлекательное испанское *jaleo*, собравъ пульпеты и ноты и закинувъ за спину валторны и трубы, отправился вспять въ свои казармы, мѣрно и гулко ударяя по мраморнымъ плитамъ грубыми подошвами пѣхотныхъ полуботинокъ **). Толпа разбрелась вслѣдъ за ними, и только величавая тѣнь, падавшая отъ Campanile (колокольни Св. Марка), чернѣла теперь на сплошной пеленѣ луннаго свѣта, обливавшего площадь. Но подъ

*) Часовая башня на западной оконечности *Старыхъ прокураторій* (зданіе, въ которомъ жили высшіе послѣ дожа девять сановниковъ Венеціанской республики, *procuratori*, съ ихъ канцеляріями), построенная въ 1496 году надъ широкою и высокою дверью въ формѣ триумфальной арки. Надъ нею размѣщается большой циферблатъ часовъ съединою стрѣлкой, не бѣгущею, а перескакивающею съ часа на часъ; каждыя пять минутъ въ особомъ отверстіи появляется новая цифра пробѣгающаго между этими часами времени. На вершинѣ башни, подъ сквознымъ куполомъ, колоколь съ двумя по бокамъ его бронзовыми фигурами кузнецовъ, „*Vulcani*“, бьющими молотомъ надлежащее число ударовъ каждый часъ, исключая трехъ часовъ пополудни, когда удары эти замедляются на десять минутъ (въ воспоминаніе, какъ объясняютъ гиды, казни Марино Фаліери въ 1354 году, совершенной именно въ этотъ моментъ дня).

**) Итальянскимъ пѣхотинцамъ сапогъ съ голенищами не полагается.

длинными аркадами обрамляющих ее „Старых“ и „Новых“ *Прокуратории* горѣли огни фонарей и ярко освѣщенныхъ магазиновъ, сновали еще съ остатками товара на лоткахъ продавцы *confetti* (засахаренныхъ плодовъ), набѣленные и нарумяненные по самые волосы *foraie* (торговки букетами) подносили съ умильными улыбками свои розаны и гвоздики подъ носъ прохожимъ, да охрипшій уже до сипоты газетчикъ выкрикивалъ напоследѣяхъ: „*Tempo, signori, Tempo, Capitano Fracassa, Messagiere, ben arrivati da Roma*“ *)

Насупротивъ кафе-ресторана *Quadro*, наполовину подъ аркадами, наполовину выступивъ стульями на площадь, вокругъ вынесенныхъ туда двухъ-трехъ столиковъ съ мраморными досками, расположилось общество, состоявшее изъ лицъ, уже знакомыхъ читателю, и нѣкоторыхъ другихъ, которыхъ мы посѣвшимъ ему представить.

Между графиней Драхенбергъ и г-жей Сусальцевой, составлявшими центръ круга, съ монокулемъ въ правомъ глазу, въ цилиндрѣ на полулысой головѣ, утѣнувшись безстрастнымъ лицомъ въ созерцаніе ботинки своей правой ноги, горизонтально всвинутой на лѣвую, сидѣлъ одутлый и неказистый русскій дипломатъ изъ „новѣйшихъ“, баронъ Кеммереръ, только-что прибывшій „на отдыхъ“ съ Берлинскаго конгресса. Это былъ одинъ изъ тѣхъ вѣчно скучающихъ и наводящихъ собою невыносимую скуку индивидуумовъ, которыхъ, именно потому, должно быть, что они такъ скучны самимъ себѣ и другимъ, вы неизбѣжно встрѣчаете повсюду, гдѣ люди собираются съ цѣлью по возможности весело провести время. Въ Парижѣ, Стокгольмѣ, Вѣнѣ, куда ни видала барона его служебная одиссея, онъ всюду производилъ впечатлѣніе „пудовика“, но за то повсюду онъ *всѣхъ* зналъ и *всѣ* его знали; нигдѣ не бывало праздника, интимнаго вечера, дѣтскаго бала, куда, словно подъ какимъ-то неизбѣжнымъ гнетомъ обстоятельствъ, не сочли бы необходимымъ пригласить въ числѣ первыхъ барона Кеммерера... Онъ пріѣхалъ лишь сегодня утромъ,

*) *Время, господа, Время, Капитанъ Фракасса, Вѣстникъ, благополучно прибывшіе изъ Рима.*

но успѣлъ уже отыскать въ Венеціи и посѣтить съ подлюжины знакомыхъ, въ томъ числѣ графиню Драхенбергъ, которая собиралась въ эту минуту отправиться en rîque-pique отобѣдать со своимъ обществомъ у Quadro и такимъ образомъ какъ бы вынуждена была пригласить и новопріѣзжаго соотечественника (они послѣ обѣда всѣ тутъ и остались, по-итальянски, предаваться на чистомъ воздухѣ dolce far niente).

Совершенную противоположность ему представлялъ сидѣвшій противъ Сусальцевой у столика за кружкой лимонной воды, изъ которой онъ то-и-дѣло отпивалъ глотки въ пылу разговора, крѣпко сложенный баринъ, лѣтъ сорока восьми, съ огненнаго цвѣта бородой *лопатою*, почти такого же цвѣта загорѣлымъ лицомъ подъ мягкою черною шляпой, которая въ жару бесѣды сдвинулась ему на самый затылокъ, и съ подвязанною широкимъ чернымъ платкомъ лѣвою рукой. Звали его князь Пужбольскій *). Онъ участвовалъ въ войнѣ за Балканами, поступивъ въ ряды глубокой арміи тѣмъ же прапорщикомъ, какимъ вышелъ изъ нея по окончаніи Крымской кампаніи, былъ раненъ подъ Плевной, пользовался въ томъ госпиталѣ Краснаго Креста, гдѣ одно время распоряжалась графиня Елена Александровна (онъ приходился ей какимъ-то родственникомъ по отцу,) и, по заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, очутился опять въ своей роли перелетной птицы, тѣмъ же старымъ и разореннымъ холостякомъ, страстнымъ любителемъ искусства и неисправимымъ болтуномъ и спорщикомъ. Онъ только часа два тому назадъ вернулся изъ Падуи, куда ѣздилъ спеціально „*взглядывать* еще разъ (Пужбольскій все такъ же плохо справлялся съ глагольными формами роднаго языка,) на *божественныя* фрески Джотто въ церкви Madonna dell' Arena“, — и такъ неистово доказывалъ теперь маркизу Каподимонте, что изъ нихъ *Страшный судъ* писанъ самимъ великимъ maestro, а не „какимъ-нибудь ученичкомъ его, Taddei Gaddi“, какъ утверждалъ тотъ, будто дѣло шло въ эту минуту о судьбѣ цѣлой его жизни.

Маркизь въ свою очередь вель пренія нѣсколько болѣе

*) См. *Марина изъ Алаи Рош*.

нетерпѣливо, чѣмъ это было въ его привычкахъ. Его внутренне глубоко раздражала „эта рыжая русская сирена“ въ ея вдовьихъ тканяхъ, которая, казалось ему, „никогда еще не была такъ соблазнительна, какъ нынче, въ эту свѣтлую ночь, съ ея озареннымъ луной, какимъ-то необычно радостнымъ лицомъ“... Нѣтъ, онъ „положительно никогда еще не видѣлъ у нея *такого* лица“... И, „что она ни говори“, онъ знаетъ, *откуда* это лицо. Вотъ онъ сидитъ за нею—„ея эмигрантъ“: онъ тутъ сейчасъ „бродилъ (*andava vagando*) у музыки, нисколько повидимому не намѣреваясь или даже *не осмѣливаясь* подойти къ ихъ компани, но она слѣдила за нимъ глазами,— онъ, Каподимонте, хорошо это видѣлъ,— и позвала его, не стѣсняясь, громко, *съ тою чертовскою развязностью, какую владѣютъ всѣ эти Русскіе* (*questa desinvoltura di tutti diavoli ch'hanno questi Russi*), и посадила за собою на стулъ, и тогда дѣло теперь оборачивается къ нему съ какими-то рѣчами на ихъ проклятомъ языкѣ“. „Per Dio, есть отъ чего съ ума сойти!“ восклицалъ внутренне маркизь, между тѣмъ какъ Пужбольскій, завладѣвъ окончательно рѣчью и, тѣми невѣроятными прыжками, которыми отличался его разговоръ, перескочивъ неожиданно отъ Джотто и Таддео Гадди къ римскимъ катакомбамъ, а отъ катакомбъ къ Мамелюкамъ-Бахаритамъ, съ какимъ-то страстнымъ визгомъ въ голосѣ *доказывалъ* въ этотъ моментъ своему собесѣднику „огромное вліяніе персидской культуры на искусство Египтянъ въ царствованіе Псамметиха II и его наслѣдниковъ“.

— Знаете чтò, вѣдь это очень скучно, вашъ ученый диспутъ, *messieurs*, перебила его, не стѣсняясь, — „и на самомъ интересномъ мѣстѣ“, сказалъ онъ себѣ досадливо, — г-жа Сусальцева (онъ былъ только-что представленъ ей графиней), поднося руку въ лиловой перчаткѣ къ своему звѣнувшему рту.

Неизбѣжный офицеръ Вермичелла, сидѣвшій подлѣ нея и которому разговоръ о Бахаритахъ и Псамметихѣ II казался тоже невыносимо скучнымъ, съ торжествомъ поглядѣлъ теперь на мужа красавицы, умѣстившагося за столикомъ рядомъ съ нимъ:

— *Gabbato il seccatore!* *) фыркнулъ онъ чуть слышно ему на ухо.

Тотъ не понялъ словъ, но довѣрчиво подмигнулъ и ущипнулъ, въ знакъ сочувствія, пріятеля своего за локоть такъ, что бѣдный Вермичелла чуть не взвизгнулъ.

Пуэбольскій хотѣлъ отвѣтить чѣмъ-нибудь „колимъ“, но не нашель, какъ всегда это бывало съ нимъ въ такихъ случаяхъ, слегка смутился и только сдвинулъ нервнымъ движеніемъ свою пуховую шляпу съ затылка на самые глаза.

— *Tempo, capitano Fracassa, ben arrivati da Roma!* прохрипѣлъ надъ самою головой его проходившій мимо газетчикъ.

Онъ вздрогнулъ нервно отъ этого голоса, сердито обернулся,—но тутъ же, сунувъ два пальца въ карманъ жилета, вытащилъ оттуда десять *centesimi* и протянулъ ихъ продавцу.

— Второй день не знаю, чтѣ творится въ мірѣ, проговорилъ онъ, въ видѣ объясненія, ни къ кому не обращаясь особенно:—чтѣ говоритъ телеграфъ?

Онъ развернулъ номеръ *Tempo*, нагнулся къ столику, на которомъ горѣла свѣча въ стеклянномъ колпакѣ въ видѣ тюльпана... и вдругъ вскрикнулъ.

— *Qu'est ce qu'il y a?* вскрикнула въ свою очередь испуганно графиня.

— Мезенцовъ убить! едва имѣлъ онъ силу выговорить...

— *Seigneur mon Dieu!*...

Всѣ головы кругомъ невольнымъ движеніемъ словно принагнуло къ нему, какъ вѣтромъ колосья на нивѣ; всѣ они теперь были блѣдны, какъ и онъ самъ. Только на красивомъ, но глупомъ лицѣ офицера Вермичеллы изображалось дѣтское недоумѣніе: „*chè cosa* (чтѣ такое)?“

— Какъ убить, чтѣ... Читайте, читайте текстъ! залепетали кругомъ словно чѣмъ-то сдавленныя голоса.

Пуэбольскій прочелъ, перевода по-французски и комментируя уже съ пылающими отъ негодованія глазами:

— *En plein jour, au centre de la capitale!*...

*) Подкузьмили надоѣдчика.

И, вспомнивъ вдругъ о томъ, что тутъ въ ихъ обществѣ и по сосѣдству сидѣли иностранцы, завизжалъ на своемъ фантастическомъ русскомъ языкѣ:

— И эти негодяишки, *ces misérables*, успѣли *скриваться*, — имъ позволили *скриваться, убынуть*... Тутъ не было, видать, ни полиціи, никого... Это только у насъ, *dans la chère matouchka*, возможны *des choses pareilles*!...

Быстрымъ и острымъ какъ молнія, ниѣмъ не замѣченнымъ въ общей тревогѣ взглядомъ обмѣнялись г-жа Сусальцева и сидѣвшій за стуломъ графиня „эмигрантъ“. „Это ваша братія сотворила?“ словно говорила она. — „А если-бъ и такъ!“ отвѣтили ей мгновенно сверкнувшіе глаза его.

— Какъ это ихъ тутъ же народъ въ влочки не разнесъ! воскликнулъ въ то же время Сусальцевъ, разводя своими огромными ручищами, словно самъ собираясь „разнести“ кого-то „въ влочки“.

Дипломатъ, скинувъ ногу съ колѣнки и выпустивъ монюль изъ глаза, потянулся машинально къ листку, лежавшему предъ Пужбольскимъ.

— *C'est officiel?* спросилъ онъ единственно по привычкѣ къ подобнымъ вопросамъ, самъ видимо сознавая, насколько это не имѣло смысла въ данномъ случаѣ.

— Да развѣ такія извѣстія могутъ *сочиниваться*, напустился на него князь по-русски опять, — и развѣ васъ удивляетъ, что у насъ, *dans la cara patria*, все, все, *même ces choses incroyables*, все возможно...

— Раувге Мезенцовъ, я такъ хорошо его знала! жалостливо вздохнула графиня Драженбергъ.

— *Tué, mais pour quelle cause*, за что убить онъ? заговорилъ маркизъ Каподимонте: — личное мщеніе, какъ вы полагаете?

— *E ché!* чисто итальянскими возгласомъ и движеніемъ плеча запальчиво возразилъ Пужбольскій, возрясь въ спрашивавшаго, какъ будто намѣревался впѣпиться ему въ глаза, — вы слышали, онъ былъ главный начальникъ русской политической полиціи...

— Елена Александровна, вотъ пріятная встрѣча! раздался

неожиданно въ эту минуту за спиной графини чей-то голосъ.

Она обернулась, поднявъ голову...

— Monseigneur! вскрикнула она, поспѣшно вставая.

Дипломатъ вскочилъ со стула въ свою очередь. Остальное общество какъ бы невольно послѣдовало его примѣру. Одинъ Поспѣловъ, безсознательно поднявшійся вслѣдъ за другими, тутъ же, съ вызывающимъ выраженіемъ на лицѣ, опустился снова на свое мѣсто, — но этотъ подвигъ гражданскаго мужества пропалъ безслѣдно: его никто не замѣтилъ.

— Мы никакъ не ожидали васъ такъ скоро, говорила тѣмъ временемъ графиня, горячо пожимая протянутую руку подошедшаго: — въ газетахъ говорилось, что вы должны быть сюда 20-го, по нашему 8-го то-есть.

— Газеты лгутъ всегда, извѣстно, засмѣялся онъ, — впрочемъ я самъ поспѣшилъ, хотѣлъ сюда скорѣе... Какъ хорошъ этотъ городъ, эта площадь! говорилъ онъ, обводя вокругъ себя восхищеннымъ взглядомъ. — Можно присѣсть къ вамъ? спросилъ онъ графиню, опускаясь на близъ стоявшій порожній стулъ. — Вы согласны, господа? обернулся онъ съ улыбкой къ двумъ сопровождавшимъ его пожилымъ людямъ.

— Графъ Тхоржинскій, *назвалъ* онъ ихъ молодой вдовѣ, указывая на високаго, бодрого, съ румянымъ лицомъ и цѣлымъ лѣсомъ серебристо-сѣдыхъ волосъ старика, который сразу однимъ щегольствомъ поклону, отвѣшеннаго какъ-то одновременно всему сидѣвшему здѣсь обществу, отрекомендовалъ себя всѣмъ вполне свѣтскимъ человѣкомъ: — генералъ Троекуровъ...

— Мы знакомы съ генераломъ, живо промолвила графиня, протягивая руку Троекурову и отвѣчая въ то же время любезною улыбкой устъ и глазъ на поклонъ сѣдаго графа. — Вы давно изъ Люцерна, или, можетъ быть, съ тѣхъ поръ гдѣ-нибудь еще были?.. *Et votre charmante enfant, mademoiselle Marie, она не съ вами?*

— Она поѣхала гулять въ гондолѣ съ одними знакомыми, коротко отвѣтилъ Троекуровъ, опускаясь на стулъ, насупротивъ Пужбольскаго, стараго своего знакомаго, которому мол-

ча протянулъ руку черезъ столъ. „Plus grinchu que jamais“, сказала себѣ молодая женщина, взглянувъ на его сморщенный лобъ и подтянутыя губы (онъ видимо не по своей охотѣ попалъ сюда).

— Съ цѣлымъ пансіономъ дочерей и племянницъ леди Динморъ, съ которымъ вотъ мы всѣ прїѣхали на одномъ поѣздѣ сегодня изъ Милана, прибавилъ веселымъ тономъ, вивнувъ на своихъ спутниковъ, тотъ, котораго графиня Дра-хенбергъ назвала „monseigneur“: — прелестнѣйшій молодой цвѣтникъ, въ которомъ дочь генерала стоитъ дѣйствительно первымъ номеромъ.

— Elle est adorable! восторженно воскликнула графиня и, обернувшись тутъ же на *своихъ*:

— Monseigneur, permettez moi de vous présenter... Le prince Jean, молвила она скороговоркой, вспомнивъ въ-время, что большая часть ея компаніи не знаетъ, кому намѣрена она ее представлять: — ma cousine Sousaltzeff... née Bouinosof, поспѣшила она прибавить...

Князь Іоаннъ пристально взглянулъ на голубоокою барыню, которая, полувставъ на мигъ, медленно съслоняла, въ отвѣтъ на его быстро учтивый поклонъ, свою прекрасную голову съ какою-то очень изящно выходившею въ своемъ ансамблѣ смѣсью почтительности, любезности и чего-то самоувѣреннаго и вызывающаго на улыбавшемся лицѣ.*

— Не знаю, помните-ли вы меня, но я какъ теперь васъ вижу, сказалъ онъ ей, какъ бы желая этимъ дать присутствующимъ обращеніе той спеціальной памяти на лица, которою владѣютъ по большей части особы его положенія: — на балѣ въ англійскомъ посольствѣ, въ Петербургѣ, зимой 1874 года, вы были вся въ бѣломъ, съ гирляндой сирени на головѣ, — цвѣта нѣсколько болѣе лиловаго, чѣмъ въ природѣ, замѣтилъ онъ смѣясь, — и съ такими же букетами на платьѣ...

— А я могу вамъ сказать на это, немедленно возразила она, — что на этомъ же балѣ вы были въ вашемъ гусарскомъ мундирѣ, который я такъ люблю.

— Et qui semble créé pour monseigneur! ввернулъ тутъ

же съ какою-то особенною, чисто польскою ловкостью льстиваго тона графъ Тхоржинскій.

— Но съ тѣхъ поръ вы какъ-то исчезли изъ Петербурга? продолжалъ князь Іоаннъ, видимо любуясь „точенымъ обликомъ“ той, съ которою говоритъ.

Графиня Драхенбергъ не дала ей отвѣтить... Она ужасно радовалась успѣху *кузины* и сочла нужнымъ еще „подогрѣть“ его:

— Да, она съ тѣхъ поръ переселилась въ Парижъ, гдѣ всѣхъ съ ума сводить, отъ Маеъ-Магона до Гамбетты, и совсѣмъ забыла о своемъ отечествѣ. Не правда-ли, *monseigneur*, ей непременно надо вернуться, и теперь же, зимой, пріѣхать въ Петербургъ?...

Князь Іоаннъ не успѣлъ отвѣтить, такъ какъ въ то же время радостно улыбающаяся графиня встрѣтилась взглядомъ со странно раскрывшимися и такъ и упершимися въ нее глазами Прова Ефремовича Сусальцева, все еще стоявшаго въ ростъ у своего стула: „а меня, молъ, чтд же думаешь ты представить, или нѣтъ?“—и она заторопилась заговорить опять:

— *Monsieur* Сусальцевъ... мужъ моей *кузины*, произнесла она съ такимъ невольнымъ отгѣнкомъ въ голосѣ, какъ будто въ силу единственно этого его званія *мужа* она и находила нужнымъ его называть.

Провъ Ефремовичъ быстро, по-военному, прицѣлнулъ каблуками вѣнскихъ своихъ ботинокъ, наклоняясь въ то же время всѣмъ корпусомъ впередъ, въ знакъ глубочайшаго своего почтенія,—но лицо его было темнѣе тучи: онъ понялъ этотъ отгѣнокъ графини и вскипѣлъ сердцемъ...

А она, какъ бы во избѣжаніе могущаго завязаться за этимъ разговоромъ между „*monseigneur*“ и имъ, начала скорѣе представлять подъ рядъ всѣхъ остальныхъ сидѣвшихъ въ кружкѣ ея лицъ.

— *Le marquis Capo di Monte, un grand ami à nous; monsieur Vermicella, officier de l'armée italienne...*

Вермичелла вскочилъ, поднесъ правую руку къ своей расшитой золотымъ галуномъ и шнуромъ фуражкѣ и проговорилъ какъ на плацпарадѣ:

— Luogotenente dello quattordicesimo regimento... *).

Но графиня продолжала, не давъ ему договорить:

— Князь Пужбольскій...

— Старый знакомый! усмѣхнулся князь Іоаннъ. Вы поступили въ армію опять, я слышалъ, и ранены были? спросилъ онъ его.

— Постунилъ и раненъ былъ! пропищалъ фальцетомъ своимъ словно обиженно Пужбольскій.

Графиня слегка испуганно взглянула на него—и тотчасъ же отвернулась:

— Баронъ Кеммереръ...

— Здравствуйте, Кеммереръ! заивалъ ему князь Іоаннъ:— вы откуда теперь?

— Изъ Берлина...

— А! на конференціяхъ были?...

Тотъ только молча головой повелъ.

Оставался послѣдній въ кружкѣ, ближе всѣхъ сидѣвшій къ графинѣ, а слѣдовательно и къ высовому собесѣднику ея, „эмигрантъ“. Въ подвижныхъ чертахъ молодой вдовы на мигъ сказалося колебаніе: „представить и его, или нѣтъ?“... Но она тотчасъ же осилила себя и, взглянувъ на молодаго человѣка съ улыбкой, какъ бы говорившею ему: „ты ничего не бойся!“ храбро произнесла:

— Monsieur Поспѣловъ!...

Князь Іоаннъ чуть-чуть прищурился на незнакомое лицо— и любезно протянулъ ему руку...

Сусальцева глядѣла на нихъ во всѣ глаза. Поспѣловъ чувствовалъ на себѣ этотъ взглядъ — и съ какою-то иронически побѣдною улыбкой наклонился и пожалъ эту руку. Онъ потѣшался въ душѣ въ эту минуту...

Настало на мигъ молчаніе, которое тутъ же прервано было словами князя Іоанна:

— Вы сейчасъ, кажется, о чемъ-то очень горячо разсуждали, и я помѣшалъ вамъ продолжать?...

— Ахъ, мы дѣйствительно говорили о такомъ печальномъ

*) Поручикъ четырнадцатаго полка.

предметъ, вскрикнула графиня: — се *rauvre* Мезенцовъ... вы знаете?...

— Знаю! отвѣтилъ онъ короткимъ вивкомъ, и лицо его потемнѣло.

— Вамъ извѣстны какія-нибудь подробности, *monseigneur*?

— Ровно никакихъ! живо возразилъ онъ: — узналъ сегодня изъ газетъ, какъ всѣ.

— Ужаснѣ всего, она понизила голосъ, — что это, кажется, политическое дѣло.

— Oh, on ne peut pas savoir, *то ieuche ne зѣстно*, счелъ нужнымъ перевести на ломаный русскій языкъ графъ Тхоржинскій, приподымая плечи.

Пужбольскій такъ и привскочилъ на своемъ стулѣ...

— *C'est à dire qu'on ne peut pas en douter!* визгнулъ онъ. И, вспомнивъ опять объ „иностранцахъ, сидящихъ тутъ“, которыхъ онъ въ эту минуту отправлялъ мысленно къ чорту, продолжалъ по-русски: — но у насъ, кажется, не хотятъ *увидать* (то-есть *видѣть*), что дѣлается, и закрываютъ глаза нарочно. Я, ровно мѣсяць назадъ, былъ въ Одессѣ, когда тамъ былъ этотъ судъ надъ нигилистами: Ковальскимъ *et consorts*... Я чуть не плакалъ *de rage et de honte*. *C'était*... Это былъ стыдъ изъ стыдовъ! Всѣ власти *растерявались*, *les accusés* плевали судьямъ въ лицо, *à la lettre*, *les grots mots летѣли* въ воздухъ... на улицѣ *стрѣливали* въ солдатъ...

— Я его смолоду знаю, промолвилъ улыбаясь князь Іоаннъ на ухо графинѣ Драхенбергъ: — все такъ же безъ толку горячится и нелѣпо говоритъ по-русски.

— *Incorrigible!* сказала она громко, смѣясь и покачивая головой на Пужбольскаго...

Проходившій подъ аркадами въ эту минуту высокий, здоровый, замѣчательно красивый человекъ, лѣтъ подь сорокъ, со смуглымъ лицомъ и чрезвычайно энергичнымъ, чтобы не сказать жестокосерднымъ, выраженіемъ этого лица и черныхъ, съ какимъ-то красноватымъ отливомъ, глазъ, остановился на мигъ неподалеку отъ нашего общества, увидѣлъ князя Іоанна и быстро направился къ нему, приподнимая шляпу въ видѣ извиненія предъ находившимися тутъ дамами.

— Monseigneur, заговорилъ онъ на французскомъ языкѣ съ замѣтнымъ иностраннымъ акцентомъ, — я ѣздилъ сегодня въ Мурано *) и, только вернувшись сейчасъ, узналъ о вашемъ прїѣздѣ, былъ у васъ въ отелѣ — и меня направили сюда... Мнѣ такъ хотѣлось скорѣе увидать васъ...

— И мнѣ тоже, monseigneur, я очень радъ васъ видѣть, молвилъ князь. Иоаннъ, вставая и пожимая протянутую его руку.

— Si vous vouliez faire un tour avec moi, сказалъ тотъ:— мнѣ многое хотѣлось бы вамъ сказать.

— Съ удовольствіемъ...

Они взялись подъ руку.

— Я сейчасъ вернусь, шепнулъ, проходя мимо Троекурова, князь Иоаннъ.

— Il duca di Madrid, don Carlos **), промолвилъ вполголоса Вермичелла, указывая кивкомъ на удалявшася съ княземъ Иоанномъ смуглаго красавца, — ouï (un) bien bel homme (homme)!

Красавца впрочемъ почти всѣ присутствовавшіе уже знали въ лицо, встрѣчая каждый вечеръ подъ аркадами.

— Да, хорошъ! сказала какъ бы снисходительно г-жа Су-сальцева.

— Звѣрски хорошъ! всклинула графиня Драхенбергъ и чуть-чуть вздрогнула, вспомнивъ внезапно о своемъ „тигрѣ“.

— C'est le représentant des deux plus grands principes de la terre, громко и внушительно произнесъ графъ Тхоржинскій:—la religion et la légitimité.

— Un mauvais représentant! замѣтилъ на это усмѣхнувшись маркизъ Каподимонте.

— Это потому, что онъ *звѣрь*, un fauve, какъ говорить ma cousine Drachenberg? напустился на него вдругъ князь Пужбольскій,—а я говорю, что такихъ надо цѣнить въ наше драблое время... А, Троекуровъ, правда? повернулъ онъ опять

*) Городокъ на островѣ, отстоящій на полчаса ѣзды на пароходѣ отъ Венеціи, главный центръ производства знаменитаго венеціанскаго стекла.

**) Извѣстный претендентъ на Испанскій престолъ; живетъ почти постоянно въ Венеціи.

на русскій языкъ: — я только и мечтаю видѣть *такихъ*, des fauves, у насъ во власти!

И, не ожидая отвѣта, продолжалъ, кипятся все сильнѣе:

— Власть... власть, опирающаяся на... на населеніе, поймавъ онъ какъ бы на-лету слово, — въ восемьдесятъ, — теперь даже можетъ быть во сто милліоновъ людей, со всѣми способами, орудіями въ рукахъ, — и позволять *убить* своихъ fonctionnaires en plein jour, давать преступникамъ *скрыться*, не умѣть справиться avec une horde de chenapans, съ какими-то... козлами, которые смѣютъ думать, что они могутъ (онъ опять не находилъ слова)... могутъ *пободать* ее своими сверными рѣгами!...

Графиня, Сусальцева, самъ Троекуровъ не могли не расхохотаться комизму этихъ словъ и произношенія, въ соединеніи съ тѣмъ гнѣвнымъ тономъ, которымъ произносились они.

— Э, все равно! весь покраснѣвъ, вскликнулъ Пужбольскій, махая рукой: — вы всѣ хорошо понимаете, что я хотѣлъ *говорить!*...

— Виновать, я не понялъ, выдвигаясь изъ-за стула графини Драгенбергъ, промолвилъ „эмигрантъ“, необычайно спокойнымъ, видимо рассчитаннымъ на эффектъ, тономъ.

Всѣ, дѣйствительно, обернулись на него взглядомъ.

— Что вы не *понимали*, что? яростно взвизгнулъ Пужбольскій.

— Вы сейчасъ сказали, что власть, опирающаяся на столько-то милліоновъ народа и имѣющая въ рукахъ всѣ средства дѣлать все, что ей вздумается, не можетъ справиться съ какими-то нѣсколькими „козлами“, — вы такъ, кажется, выразились? — которые бодаются вмѣсто того, чтобы послушно плясать по дудкѣ ея пастуховъ...

— Ну да, я *сказывалъ*... Я это сказалъ, поправился пламенный князь.

— Но „справиться-то“ съ „козлами“ все же эта власть желаетъ, надобно полагать? вопросительно промолвилъ Поспѣловъ.

— Ну, для чего вы это спрашиваете, что хотите вы доказывать? горячился тотъ: — *résumez!*...

— Если же она съ ними не справляется, продолжалъ невозмутимо молодой человекъ,—значить, не можетъ справиться.

— Какъ не можетъ!... Власть въ Россіи не можетъ!... Почему не можетъ? разъяренно лопоталъ Пужбольскій.

— Потому что органическая, *существенная* сила, которая могла бы пользоваться успѣшно тѣми матеріальными „орудіями“, какъ вы говорите, что дѣйствительно находятся еще въ рукахъ этой власти, *отошла* уже, повидимому, отъ нея, объяснилъ Поспѣловъ, стараясь выражаться тѣмъ „приличіе“, чѣмъ несдержаннѣ были діалектическіе приемы его возражателя, и угадывая какимъ-то инстинктомъ сочувствіе къ своимъ словамъ, сказывавшееся на лицѣ сидѣвшей къ нему спиной графини Драхенбергъ,—потому что сама она чувствуетъ себя несостоятельною со всѣхъ сторонъ.

— Милостивый государь, крикнулъ князь, судорожно вскинувъ голову, отчего шляпа очутилась у него опять на затылкѣ,—я васъ не знаю и... („и знать не хочу“, чуть не соскочило у него съ языка,) вижу только, что вы принадле... *изволите принадлежатъ*, иронически поправился онъ,—къ такъ-называемымъ „новымъ людямъ“, которые не хотятъ знать ни исторіи, ни духа народности... и я съ вами дальше *дискутировать* отказываюсь. Я вамъ только могу *сказывать*, что вся Россія...

— Россія, ухватываясь за это слово, не далъ ему договорить эмигрантъ, и губы его сложились въ язвительную улыбку, — которую за всю кровь ея народа, пролитую на Балканахъ, наградили Берлинскимъ трактатомъ..

Пужбольскаго точно кто внезапно ведромъ холодной воды оватилъ. Онъ разомъ смолкъ, передернулъ еще разъ свою шляпу съ затылка на глаза и раскинулъ руками:

— Противъ этого я ничего не могу ссазать!...

Графиня Драхенбергъ быстро обернулась со стуломъ своимъ прямо къ молодому человекъ, аплодируя ему кончиками пальцевъ:

— Bravo, monsieur Поспѣловъ, разбить Пужбольскій, со-всѣмъ разбить!...

Маркизь Каподимонте, болѣзненно слѣдившій все время за выраженіемъ ея лица, весь поблѣднѣлъ теперъ и, обращаясь въ Вермичеллѣ:

— Саго піо, прошепталъ онъ ему скороговоркой по-италіянски,—пойдемте прогуляться: вы видите, что у нихъ пошли тутъ какіе-то свои, домашніе разговоры...

Вермичелла растерянно и послушно поднялся за нимъ съ мѣста...

— Маркизь, дайте мнѣ руку, вставая въ свою очередь, сказала г-жа Сусальцева (злой огонь пробѣгалъ въ ея аевмариновыхъ глазахъ),—я пройтись хочу.

Мужъ ея, покусывая стриженные усы свои, угрюмо повелъ взглядомъ во слѣдъ уходившимъ и тотчасъ же отвернулся. Онъ остался „слушать“.

— Позвольте однако, заговорилъ какъ рыба молчавшій до сихъ поръ баронъ Кеммереръ, заговорилъ, словно камни вороцаль, ни на кого не глядя, а прищурившись правымъ глазомъ на кончикъ ботинки, вскинутой имъ опять на колѣно ноги своей, какъ будто искалъ въ ней мотивовъ для своей аргументаціи,—эти жалобы на Берлинскій трактатъ... которыя мнѣ не разъ уже приходилось слышать... и читать въ *патріотической... московской*, разумѣется, печати, подчеркнунуль онъ ироническимъ тономъ,—мнѣ кажутся не совсѣмъ основательными... Не могъ же въ самомъ дѣлѣ ареопагъ Европы, собравшійся въ Берлинѣ, пропустить... *une chose aussi absurde, entre nous*, договорилъ дипломатъ, окинувъ бѣглымъ взглядомъ внимавшихъ ему и сообразивъ, что „можно говорить“, такъ какъ оставалась одна „русская семья“,—*aussi absurde que le traité de San-Stefano!*...

— Да какое намъ дѣло до Европы, до вашего „ареопага“! На чтѣ намъ было въ Берлинѣ итти! завопилъ на это еще бѣшенѣе прежняго князь Пужбольскій;—тутъ не какія-то ваши политическія комбинаціи... тутъ шель вопросъ о вѣковой задачѣ Россіи... Въ Константинополь, подъ звонъ колоколовъ святой Софіи должны мы были *ртышать* его...

Баронъ Кеммереръ, лѣниво усмѣхался, качнулъ головой съ пренебрежительнымъ видомъ человѣка, посвященнаго въ

высшія тайны, которому приходится объяснять азбуку малолѣтнимъ:

— Надо было *avant tout* войти туда, уронилъ онъ словно съ высоты башни.

— *Pardieu!* вздернулъ только плечами Пужбольскій.

— И какъ же это: безъ пушекъ, безъ обоза, чуть не безъ сапогъ, съ Австріей на флангъ и англійскимъ флотомъ въ Галлиполи?

Пужбольскій ударилъ всею ладонью по мрамору столика, стоявшаго предъ нимъ:

— И ничего, ничего бы не помѣшало!.. Я былъ тамъ самъ, слышалъ, *младъж...* *Des mirages*, которые сейчасъ бы *разсѣвались*, какъ только *начальство* поняло бы то, что понималъ каждый маленький офицеръ, каждый солдатъ..., русской душой своей понималъ. Не обозы, не „сапоги“ рѣшаютъ дѣло въ такихъ случаяхъ, а духъ войска, духъ страны, которая *поставляетъ* его подь ружье!.. За всю ту кровь, онъ кивнулъ на Пospѣлова, — „которая была пролита“ на этой великодушной войнѣ „за идею“, мы *должны*, *comprenez vous*, *должны* были *planter nos aigles*, нашего *двуглаваго*, *sur les murs de Byzance* и „ударить въ колоколъ въ Царь-Градъ“, какъ сказалъ *admirablement pauvre feu* Тютчевъ!..

Баронъ, сунувъ монюль свой подь правую бровь, повелъ на горячившагося „оригинала“ тоскливо скучающимъ взглядомъ: какая, моль, обуза объясняться съ профанами!

— И къ чему-жь бы это повело? спросилъ онъ севозъ зубы, ожидая какого-нибудь новаго, „нелѣпаго отвѣта, *quelque réponse saugrenue*“, какъ выражался онъ мысленно.

Генералъ Троекуровъ, безмолвно, съ нервно-помаргивавшими глазами прислушивавшійся все время какъ бы разсѣяннo къ этимъ спорамъ, поднялся въ эту минуту со стула, собираясь итти навстрѣчу завидной имъ издали цѣлой группѣ дамъ, переходившей площадь со стороны *Новыхъ Прокураторій*, — и, предупреждая чаемый дипломатомъ отвѣтъ Пужбольскаго:

— Прежде всего, сказалъ онъ, приостанавливаясь на-ходу на мигъ, — къ тому бы „повело“, что не было бы поводовъ къ

тѣмъ *выводамъ*, которые мы имѣли случай слышать сейчасъ въ разговорѣ (глаза его медлительно скользнули по лицу поднявшаго голову слушать его эмигранта), ни въ тѣмъ фактамъ, состоящимъ съ ними въ ближайшемъ родствѣ, обращенъ въ которыхъ вы могли видѣть въ сегодняшней телеграммѣ изъ Петербурга.

И онъ прошелъ мимо.

— Oui, ils sont jolis les факты: оправданіе *Впрочки et le reste!* крикнулъ ему вслѣдъ одобрительнымъ возгласомъ Пужбольскій... Онъ повелъ вкругомъ себя торжествующимъ взглядомъ. Сказанное Троекуровымъ, въ его понятіи, „резюмировало всю сущность пренія и разрѣшало его“... И всѣ, очевидно, говорилъ онъ себѣ, поняли это точно такъ же, какъ онъ, Пужбольскій: баронъ, опустивъ голову, словно разжевывалъ новую и не легко дававшуюся пониманію его мысль; Сусальцевъ утвердительно покачивалъ головой; графиня Драхенбергъ недоумѣло вопрошала глазами молодого — „новаго“, какъ назвалъ его тотъ же Пужбольскій, человѣка, которому она только-что апплодировала; „новый человѣкъ“ въ свою очередь морщился и кусалъ губы, видимо чѣмъ-то недовольный... Одинъ графъ Тхоржинскій, сидѣвшій въ полутѣни позади дипломата, какъ-то странно улыбался, показалось нашему князю...

— Ахъ, папа, какое волшебство эта Венеція! раздался за нимъ въ это время звучный молодой голосъ.

Онъ живо обернулся...

Ухватившись обѣими руками за руку Троекурова, скользила беззвучно и гибко по плитамъ площади, словно ласточка надъ прудомъ, прелестная бѣлокурая дѣвушка, направляясь къ аркадамъ, въ обществѣ пяти или шести такихъ же юныхъ и цвѣтущихъ существъ, какъ она сама. Это былъ „цвѣтнѣтъ“ леди Динморъ, возвращавшійся подъ водительствомъ самой маменьки, высокой, внушительнаго вида и красноносою дамы, какъ подобаетъ быть англійской peeress, съ ночной прогулки въ гондолѣ, въ занимаемые имъ покои въ *Hôtel San-Marco*, помѣщающемся въ томъ же зданіи *Старыхъ Прокураторій*.

— Здравствуйте, моя прелестная! остановила дѣвушку на проходѣ, поймавъ ее за руку, графиня.

— Ахъ, извините, я васъ не видѣла, вскрикнула та, отрываясь отъ руки отца и оборачиваясь всѣмъ сіяющимъ лицомъ своимъ къ молодой вдовѣ, — здравствуйте... или, вѣрнѣе, добрый вечерь!.. Мы сейчасъ въ гондолѣ до самаго Лидо доѣхали и назадъ. И такая прелесть эта Венеція, это море!..

— Good night, Mary dear, sleep well! залепетали въ то же время прощавшіяся съ нею молодыя дѣвицы, пока Троекуровъ учтиво раскланивался, благодаря леди Динморъ за дочь.

— O, she's charming, она очаровательна, и такъ хорошо говорить по-англійски! восклицала та въ отвѣтъ:— надѣюсь, что мы завтра соберемся опять вмѣстѣ на экскурсію куда-нибудь...

— Непремѣнно, непременно!..

Послѣдовали рукожатія, поцѣлуй, смѣхъ, обмѣнъ какихъ-то раковинъ, найденныхъ въ компаніи на прибоѣ волнъ въ Лидо...

— Посидите немножко съ нами, говорила графиня, когда „Mary“ осталась одна съ отцомъ.

— Поздно, она устала, отвѣтилъ Троекуровъ, взявъ опять дочь подъ руку.

— Вы ужъ домой собираетесь? раздался за ними голосъ князя Іоанна: — я предлагаю отвезти васъ въ моей гондолѣ, мы съ вами въ одномъ отелѣ.

Съ княземъ подъ руку шла г-жа Сусальцева, маневрировавшая предъ тѣмъ такъ, чтобы встрѣтиться съ нимъ подъ аркадами въ ту именно минуту, „quand il en aura assez разговора своего съ донъ-Карлосомъ“. Въ расчетѣ она не ошиблась, и достигнутый ею новый „успѣхъ“ сказывался въ улыбкѣ, чуть игравшей на ея холодныхъ чертахъ.

— Всѣмъ пора домой, впрочемъ, двѣнадцать бьетъ.

И графиня Драхенбергъ внезапно поднялась съ мѣста. — Маркизъ исчезъ? проговорила она какъ бы озадаченно про себя, оглядываясь кругомъ.

— Вы гдѣ стоите? спросилъ ее князь Іоаннъ.

— Вотъ съ нею, указала графиня на „бузину“, — у того же Даниелли, два шага отсюда.

— Такъ мы васъ проводимъ... Вы знакомы съ Маріей Борисовной? обернулся онъ къ своей дамѣ, указывая смѣющимися глазами на дѣвушку.

— Mais certainement! поспѣшно вымолвила Сусальцева, протягивая ей руку, — а съ генераломъ и давно, добавила она капризно „милымъ“ тономъ, — но онъ меня никогда узнавать не хочетъ.

— Вы ошибаетесь, и Троекуровъ отвѣсилъ ей низкій поклонъ: — не узнавать васъ нельзя, проговорилъ онъ загадочно, между тѣмъ какъ мгновенно похолодѣвшіе пальцы его дочери едва ощутительно сжимали лиловую перчатку красивой барыни.

— Вы видите, сказала Сусальцевой смѣясь князь Іоаннъ, — какъ умѣли быть любезно находчивы люди прошлаго повольтія... И такъ въ путь, mesdames et messieurs!.. Графъ Тхоржинскій, я надѣюсь еще увидѣть васъ какъ-нибудь въ теченіе тѣхъ трехъ дней, которые рассчитываю провести здѣсь?

— Sans faute, monseigneur! отвѣтилъ тотъ, низко кланяясь.

— Вы остаетесь только три дня здѣсь? словно воркнула г-жа Сусальцева подъ ухомъ князя Іоанна.

— Увы, *только!* весело подчеркнулъ онъ.

— А отсюда куда?

— Во Флоренцію думаю.

— Ахъ, какъ это хорошо! уже громко вскрикнула она: — и я туда же собираюсь.

„Безъ меня что-ль?“ чуть не крикнулъ ей мужъ, за отсутствіемъ друга своего Вермичеллы, видѣвшій себя теперь такимъ же одинокимъ и повинутымъ среди всей этой компаніи, какъ Робинзонъ на своемъ островѣ. И какая-то злая волна нахлестнула и сдвинула ему грудь...

— Passez, monseigneur! говорила между тѣмъ графиня князю Іоанну, приглашая его движеніемъ руки пройти впередъ со своею дамой и, пропустивъ за ними Троекуровыхъ, отца и дочь: — Баронъ, вашу руку! обернулась она къ Кеммереру.

Пары двинулись.

Пужбольскій побѣждалъ solo за ними.

— До свиданія, monsieur Поспѣловъ, сказала, приостанавливаясь на мигъ, молодая вдова сурово глядѣвшему на нее, показалось ей, эмигранту (онъ стоялъ недвижно, ухватясь рукой за спинку стула, съ котораго только-что поднялась она), и голосъ ея зазвучалъ для него какою-то неотразимою ласковостью,—я васъ жду завтра, не правда-ли?.. Къ завтраку, въ половинѣ одиннадцатаго, добавила она уже попотомъ, уходя подъ руку съ Кеммереромъ.

Онъ чуть-чуть качнулъ головой въ отвѣтъ, опустился снова на стулъ и вытащилъ изъ кармана пачку дрезденскихъ папиросъ Лаферма.

Провъ Ефремовичъ Сусальцевъ повелъ на него неопредѣленнымъ взглядомъ. „Не пригласить-ли этого, чортъ его знаетъ, кто онъ такой, выпить бутылочку холоденькаго?“ пронеслось у него въ головѣ... Будь тутъ Вермичелла, онъ съ нимъ теперь и не одну бы выпилъ... Ну, а съ этимъ, „нѣтъ, не приходится!..“ „И куда этотъ дьяволъ Итальянецъ дѣвался?“ спрашивалъ онъ себя, морщась и озираясь кругомъ:—„поди, ревнуетъ тоже!“ пропустилъ онъ, хихикнувъ, съвозъ судорожно заскрипѣвшіе вдругъ зубы.

И какъ-то разомъ, вскинувшись весь, Провъ Ефремовичъ зашагалъ своею подрагивающею походкой въ дѣгонку удалявшихся паръ по направленію Пиацетты.

VII.

И путаетъ, и вьется, и ползеть,
Скользить изъ рукъ, шипить, грозить и
жалить.

Змѣя, змѣя!...

Пушкинъ. (*Борисъ Годуновъ.*)

— Желаете огня? спросилъ Пospѣлова чей-то голосъ.

Онъ поднялъ глаза.

Графъ Тхоржинскій, оставшійся теперь одинъ съ нимъ, протягивалъ ему съ любезною улыбкой на красивомъ старческомъ лицѣ зажженную восковую спичку.

Молодой человѣкъ поблагодарилъ, наклоняясь къ огню со своею папироской въ губахъ.

— Вы очень спорите пріятно, я съ большимъ удовольствіемъ *слушалъ*, проговорилъ тотъ, глядя на него смѣющимися глазами, — чего не могу сказать про тѣхъ, кто вамъ оппонировалъ, прибавилъ онъ уже нѣсколько презрительно.

— Да, съ невольнымъ самодовольствомъ сказалъ Пospѣловъ, —этотъ спорившій со мною... князь, что-ли?... путанный какой-то... И тотъ, генераль...

— А такъ, такъ!... Баламуты *москевской* школы.

— Вы полагаете—славянофилы?

— А такъ... *Патріоты російски*, изъ ихъ словъ видно—все *еще* въ силу кнута *впрютъ*.

Пospѣловъ нѣсколько недоумѣло глянулъ ему въ лицо.

— А вы-жъ *слушали*, объяснилъ веселымъ тономъ Тхоржинскій, —о *власти* Россійскаго правительства, „о-пи-ра-ю-щейся“, протянулъ графъ старательно и трудно выговаривая

слоги,—на 80 и даже на 100 миллионѣвъ жителей, и что она власть, можетъ всѣ затрудненія, въ которыхъ теперь *находится*, кѣнчать попрежнему палкой.

Эмигрантъ презрительно приподнял плечи.

— Да, это старье изъ аристократовъ тѣшится и по сей-часъ еще подобными иллюзіями... Вы впрочемъ сами, спохватился онъ, какъ бы слегка извиняясь, — сами, кажется, *титулованный*...

Тхоржинскій уже громко засмѣялся.

— Я человѣкъ Европы, европейскій человѣкъ, и съ той сторды, *vous andern Ufer*; смотрю на Россію, а чрезъ то-жь само очень мнѣ такъ понравилось слово, что вы сказали: „не-со-стоя-тельность“, отчеканилъ онъ опять, напирая съ особеннымъ тщаніемъ на букву *о* и понижая голосъ: — *Zabienie* генерала Мезѣнцева доказываетъ дѣйствительно большую „несостоятельность“ со сторды Россійскаго правительства, какъ ни объяснять его будемъ, добавилъ онъ.

— А вы какъ его объясняете? съ любопытствомъ спросилъ Поспѣловъ.

— А я-жь *ничъ не въмъ*... я ничего не знаю, поспѣшно поправился тотъ, вскидывая вверхъ плечами, — я только, что въ газетахъ писано, то я и знаю... Какъ и *вы*, я думаю?

И живые глаза его такъ и вперились въ лицо молодаго человѣка.

— Какъ и я, сказалъ тотъ съ небрежною улыбкой.

— *Un fait bien regrettable en tout cas!* началъ опять Тхоржинскій.—Вы будьте такъ *ласкъомъ* позволить мнѣ говорить по-французски? какъ бы извинился онъ:—я хдта и рос-сійскій подданный есмь, хихикнулъ онъ слегка, — *але* все-жь на вашемъ языкѣ не мѣгу объясняться свободно.

— Сдѣлайте милость, я говорю по-французски...

Разговоръ продолжался на этомъ языкѣ, на которомъ польскій графъ выражался съ замѣтною изысканностью и щеголеватостью нѣсколько стародавняго салоннаго пошиба.

— Прискорбный фактъ во всякомъ случаѣ! повторилъ онъ, показывая головой съ озабоченнымъ видомъ.

— Которому вы извиненія не находите? съ прорывавшеюся въ голосъ раздражительностью спросилъ эмигрантъ.

Собесѣдникъ его пожалъ плечами:

— Я человекъ старыхъ традицій и не могу допустить, чтобы дозволено было самопроизвольно убивать на улицѣ беззащитныхъ людей, каковъ бы ни былъ приводимъ къ тому мотивъ.

Онъ пріостановился на мигъ, раскурилъ сигару и продолжалъ; прискивая и отчеканивая слова, будто говорилъ съ каеэдры:

— Но я, съ другой стороны, знакомъ съ исторіей и знаю, что бываютъ эпохи... *несчастныя* эпохи (онъ даже вздохнулъ), когда роковая сила обстоятельствъ выбиваетъ, такъ сказать, цѣлыя поколѣнія изъ колеи нравственнаго разумѣнія, почерпаемаго нами въ христіанскомъ ученіи. Это почти исключительно тѣ эпохи, когда деспотизмъ властителей достигаетъ точки, гдѣ народы—въ лучшихъ ихъ представителяхъ по крайней мѣрѣ—не въ состояніи болѣе переносить его. Возмущеніе Спартака, въ древнемъ Римѣ, *гёзы* при герцогѣ Альбѣ, *флибустьеры* *) въ XVII, вѣкѣ, греческіе *клефты* и множество тому подобныхъ примѣровъ,—все это въ разныя времена является все тѣмъ же живымъ протестомъ *лучшихъ людей* того или другаго народа противъ тиранніи...

— Ну конечно, само собою! закивалъ утвердительно Послѣдовъ, очень обрадовавшись этому подбору историческихъ фактовъ, о которыхъ никогда не приходилось ему слышать въ „революціонныхъ дебатахъ“ его *партіи*.

— При этомъ, къ сожалѣнію, тѣмъ же какъ бы проповѣдническимъ тономъ говорилъ графъ Тхоржинскій, — развивается почти всегда не въ мѣру фанатизмъ *идеи*, доходящій до попранія всего, что до тѣхъ поръ почиталось людьми святымъ, и заставляющій иногда лицъ самыхъ благородныхъ,

*) Известные пираты въ Антильскихъ моряхъ, потомки *буканіеровъ* острова Сан-Доминго, торговля которыхъ уничтожена была Испанцами. Флибустьеры потомственно мстили этимъ исконнымъ врагамъ своимъ, разоряя ихъ колоніи, грабя и сожигая ихъ торговыя суда, а нерѣдко и самые города (Панаму и др.).

самыхъ великодушныхъ по природѣ прибѣгать къ средствамъ, не только не гуманнымъ, но и нерѣдко совсѣмъ безчеловѣчнымъ.

— Средства эти вызываются крайнею необходимостью; возразилъ молодой человѣкъ, — и винить въ нихъ слѣдуетъ не тѣхъ, кто принуждены ими пользоваться, а тотъ порядокъ вещей, который заставляетъ прибѣгать къ нимъ.

Красивый старецъ загадочно усмѣхнулся на эту фантастическую аргументацію:

— Конечно, протянулъ онъ, — но для меня остается еще весьма сомнительнымъ... Не знаю, какъ для васъ, — и онъ пытливо вскинулъ глаза на Поспѣлова: — назрѣлъ-ли протестъ противъ существующаго въ Россіи порядка настолько, чтобы въ этомъ фактѣ, съ котораго начали мы нашъ разговоръ (онъ кивнулъ подбородкомъ на листокъ газеты, оставленный Пужбольскимъ на столѣ), можно было дѣйствительно видѣть дѣло народной, или, вѣрнѣе выражаясь, общественной Немезиды...

Эмигрантъ не далъ ему договорить:

— Оправданіе Вѣры Засуличъ судомъ присяжныхъ, горячо вскрикнулъ онъ, — доказало, кажется, достаточно ясно, какъ относится русское общество къ людямъ, жертвующимъ собою для освобожденія его отъ деспотизма автократіи, а слѣдовательно и чего оно само желаетъ.

Графъ Тхоржинскій утвердительно кивнулъ:

— Такъ было понято и въ Европѣ — *невырооятное*, надо сказать, по тамошнимъ понятіямъ — оправданіе этой русской Charlotte Corday, какъ назвалъ ее, кажется, Рошфоръ; но при этомъ однако...

Поспѣловъ перебилъ его еще разъ:

— Вышіе сановники правительства, публично, изо всѣхъ силъ апплодировали вѣстѣ съ прочими, когда присяжные вынесли свой приговоръ; чего вамъ еще больше!

— Знаю, какимъ-то ехиднымъ смѣхомъ засмѣялся Тхоржинскій, — царедворцы Людовика XVI тоже апплодировали первымъ революціоннымъ рѣчамъ въ Jeu de paume... Вы знаете латинское изрѣченіе: *Quem vult perdere dementat*, тѣхъ Богъ ослѣпляетъ, кого хочетъ погубить; въ исторіи опять

найдемъ мы не мало такихъ примѣровъ: правительства стремятся быть либеральнѣе, чѣмъ этого желаютъ сами ихъ народы, и этимъ готовятъ себѣ пропасть... Не то-ли, быть можетъ, происходитъ теперь и въ Россіи,—я не знаю (онъ приподнял плечи и еще разъ вопросительно взглянулъ на молодого человѣка)... Въ Петербургѣ, дѣйствительно, и общество, и правительственныя сферы настроены, повидимому, весьма либерально; но въ Москвѣ — она вѣдь до сихъ поръ почитается *сердцемъ Россіи*, подчеркнулъ насмѣшливо графъ,—въ ея печати высказывается, кажется, противъ этого весьма сильная оппозиція?...

Поспѣловъ гнѣвнымъ движеніемъ швырнулъ на площадь окурокъ своей папироски.

— Какой же порядочный человѣкъ обращаетъ вниманіе на то, что говорить и печатаетъ это московское мракобѣсіе!...

Польскій графъ какъ бы недовѣрчиво повелъ плечомъ.

— Они однако опираются на сочувствіе массъ... не интеллигентныхъ массъ, конечно, прибавилъ онъ какъ бы въ утѣшеніе своего слушателя.

— У насъ эти массы—дубье, безыдейная толпа, не знающая, чего ей нужно и куда ей переть своею тупою головой! отозвался желчно молодой человѣкъ съ какимъ-то, казалось, особеннымъ, личнымъ раздраженіемъ противъ этой „безыдейной толпы.“

— А-а! протянулъ словно удивленно тотъ, — но, сколько мнѣ извѣстно, интеллигентная молодежь въ Россіи въ своихъ освободительныхъ попыткахъ имѣла до сихъ поръ въ виду исключительно эти массы и ихъ экономическое благополучіе, другими словами, переворотъ на началахъ социализма. Развѣ это переѣнилось въ послѣднее время, и *движеніе*, протянулъ онъ,—задалось другими цѣлями?

Этотъ прямой, категорически поставленный ему вопросъ смутилъ въ первую минуту нашего эмигранта. Онъ не желалъ,—да и „не могъ бы“ въ сущности, уколола его пронесшаяся при этомъ у него мысль,—отвѣчать на него положительно.

— Я этого не знаю! вырвалось у него досадливо.

Графъ Тхоржинскій прищурился, сбросилъ ногтемъ мизинца пепель своей сигары и, набравшись дыму, пустилъ его вверхъ тонкою струей...

— Вы были въ Вѣнѣ? уронилъ онъ лѣниво, съ видомъ человѣка, спрашивающаго о чемъ-то первомъ попавшемся, чтобы спросить что-нибудь, и нисколько не интересующагося имѣющимъ послѣдовать отвѣтомъ.

Но эмигрантъ какъ-то мгновенно почувялъ, что вопросъ имѣлъ значеніе и цѣль.

— Бываль, неопредѣленно отвѣтилъ онъ, зорко слѣдя за выраженіемъ лица своего собесѣдника.

Но лицо это ровно ничего не говорило ему: оно куда-то глядѣло вверхъ по направлевію церкви Святаго Марка...

— Давно? услышалъ онъ новый вопросъ.

— Н-нѣтъ, не очень...

— Не знаете-ли вы тамъ, спросилъ чрезъ мигъ все тѣмъ же лѣнивымъ тономъ графъ,—одного молодаго человѣка.. по фамилии (онъ какъ будто старался ее припомнить)... Зюдервейнъ, кажется?

— Арончикъ... чуть не вырвалось у того, — Ааронъ Зюдервейнъ? спросилъ онъ громко.

— Его зовутъ „Ааронъ?“ Я не зналъ... Онъ дѣйствительно по типу Еврей, но совершенно Русскій по языку, по-казалось мнѣ... и по способности увлекаться, добавилъ красивый старецъ съ улыбкой.

— Я тамъ тоже Квицинскаго знаю, проговорилъ вдругъ смѣло Поспѣловъ, какимъ-то внезапнымъ, внутреннимъ откровеніемъ почувявшій вдругъ опять и готовый теперь побожиться въ томъ, что говорившій съ нимъ зналъ „всю подноготную“ не только объ „Арончикѣ“ и Квицинскомъ (носившемъ въ *partii* кличку „Полячка“), но и о немъ самомъ, Поспѣловѣ, и о такихъ лицахъ, принадлежащихъ къ *partii*, о которыхъ самъ Поспѣловъ до сихъ поръ не имѣлъ понятія.

— Квицинскаго, равнодушнымъ тономъ повторялъ между тѣмъ графъ,—нѣтъ, я не знаю такого („ты врешь, навѣрное врешь!“ пронеслось тутъ же въ головѣ эмигранта)... А съ господиномъ Зюдервейномъ имѣлъ удовольствіе встрѣтиться

у одного моего вѣнскаго знакомаго: онъ показался мнѣ очень способнымъ... хотя и съ слишкомъ горячею головою... Это вообще недостатокъ, сколько я могъ замѣтить, нынѣшняго молодаго поколѣнія.

— Вы находите? пробормоталъ Поспѣловъ, не отрываясь отъ него любопытствующимъ и нѣсколько тревожнымъ взглядомъ.

Графъ Тхоржинскій принялся смѣяться какимъ-то тихимъ и чрезвычайно благодушнымъ смѣхомъ.

— Я питаю нѣкоторую слабость къ молодежи, признаюсь вамъ. Человѣкъ я одинокій, старый, давно простился съ волненіями свѣта и, „забывъ его, забытый и имъ“, по выраженію Горація, — *oblitusque eorum, obliviscendus et illis*, проскандировалъ онъ даже съ видимымъ самоуслажденіемъ, — живу себѣ въ сторонѣ, ни во что не вмѣшиваясь и слѣды издали за тѣмъ, что происходитъ въ мірѣ, въ родѣ стараго моряка, знаете, давно отказавшагося отъ плаваній, но котораго все тянетъ на берегъ глядѣть на эволюціи проходящихъ мимо кораблей. Изъ любопытства живу, можно сказать, — время теперь такое интересное... *Das alte stürzt, какъ сказалъ Шиллеръ,*

*es ändert sich die Zeit
Und neues Leben blüht aus den Ruinen, *)*

и вотъ эта именно молодая жизнь, побѣдно проростающая сквозь разваливающееся старое, имѣетъ для меня, старика, неотразимую притягательность. Я предпочитаю общество молодежи всякому другому... и даже, скажу съ гордостью, имѣлъ случай замѣтить, что не всегда наскучаю ей моимъ... И знаете, что я вамъ скажу, примолвилъ онъ полушопотомъ, словно собираясь сообщить какую-то тайну, — болѣе всѣхъ нравится мнѣ нынѣшняя русская молодежь...

Онъ поглядѣлъ на своего собесѣдника, словно ожидая отъ него выраженія благодарности за проговоренное имъ, но тотъ не нашель ничего сказать на это, и графъ Тхоржинскій началъ опять:

*) *Vilhelm Tell.*

— Ее окрестили, да и сама она, кажется, гордится этимъ прозвищемъ, „нигилисткою“, а между тѣмъ я не знаю натуръ, болѣе безкорыстно, болѣе самоотверженно идеальныхъ въ своихъ стремленіяхъ, чѣмъ эти русскіе *нигилисты*... Оттого мнѣ ихъ такъ и жаль! совершенно неожиданно для Пospѣлова заключилъ онъ.

— Чѣмъ же заслужили они это ваше сожалѣніе? нѣсколько обиженно спросилъ тотъ.

Графъ Тхоржинскій вздохнулъ опять:

— Потому, что знамя, подъ которымъ шли они до сихъ поръ, должно привести лишь къ полному краху надеждъ ихъ вообще и къ гибели каждаго изъ нихъ въ отдѣльности.

— „Знамя“, то-есть, чтѣ вы подъ этимъ понимаете?

— Соціальный переворотъ à tout prix и немедленно.

— Наша молодежь не можетъ отказаться отъ принциповъ, которые восприняла она себѣ въ плоть и кровь! съ горячимъ эмфазомъ въ голосѣ протестовалъ Пospѣловъ.

— Для чего же „отказываться!“ возразилъ графъ медлительнымъ тономъ и снисходительно улыбаясь, — *sed est modus in rebus*, вы знаете; крѣпости не всегда штурмомъ берутся, ихъ можно и обойти, и обложить: результатъ выходитъ тотъ же, но вы войско свое сберегли... А иллюзій мы себѣ дѣлать не будемъ, войска-то *у васъ* не много!...

И такъ вѣско и увѣренно произнесены были эти слова, что молодой человекъ остался безгласенъ. Его даже будто и не удивило совѣмъ, что этотъ совѣмъ невѣдомый ему старикъ послѣ нѣсколькихъ минутъ разговора прямо уже говорилъ ему „вы“, разумѣя подъ этимъ „войско *нигилистовъ*“.

— *Ваша* дѣятельность, все такъ же говорилъ графъ между тѣмъ, — обречена на безплодіе, пока вы остаетесь изолированной группой мечтателей-теориковъ, сѣющею какіе-то умозрительныя сѣмена на пользу какаго-то стада тупоголовыхъ — вы сейчасъ сами, кажется, выразились такъ? — и неумѣвшею или пренебрегавшею до сихъ поръ намѣтитъ себѣ ту ближайшую цѣль, достиженіе которой могло бы единственно обезпечить успѣхъ вашихъ же плановъ соціального преобразованія въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

— Ну да, знаю, промолвилъ свысока Пospѣловъ,—парламентаризмъ, говорильню, гдѣ засѣдали бы всякіе разжирѣвшіе буржуа, плутократы и адвокаты-либералы на розовой водѣ!...

— Начала представительное и федеративное, строго и внушительно выговорилъ тотъ,—при которыхъ всѣ различныя народности, входящія въ составъ Россіи, получили бы право свободно развиваться согласно своимъ особеннымъ историческимъ и бытовымъ условіямъ, каждая отдѣльная личность нашла бы для себя недостающія ей теперь гарантіи неприкосновенности индивидуальной и имущественной, а вы, благодаря полной свободѣ печати и ассоціацій, сопряженной съ такимъ порядкомъ вещей, возможность безпрепятственно, не боясь жандармовъ, распространять ваще ученіе и устною и печатною проповѣдью... во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ вашей страны, гдѣ оказались бы люди расположенными принять его...

Что-то какъ бы невольно презрительное послышалось эмигранту въ этихъ послѣднихъ словахъ, но онъ не успѣлъ на этомъ остановиться...

— Вотъ что слѣдовало написать на вашемъ знамени, и тогда вы увлекли бы за собою, такъ мнѣ это по крайней мѣрѣ кажется, со стороны глядя, невиннымъ тономъ вставилъ Тхоржинскій,—не однихъ такихъ же, какъ вы сами, молодыхъ идеалистовъ... Вы могли бы стать тогда дѣйствительно боевою силой прогрессивнаго движенія въ Россіи; ея апатичная интеллигенція, видя въ васъ истинныхъ представителей своихъ политическихъ стремленій, должна была бы, *volens poleps*, оказать вамъ активную поддержку, между тѣмъ какъ теперь... (онъ приподнял плечи), ибо вы не должны обольщать себя, скажу вамъ откровенно, относительно рукоплесканій оправданію Засуличъ, ни тѣхъ, которыя, можетъ быть, раздадутся, и тому, что было совершено вчера въ Петербургѣ. Русское правительство, какъ вы прекрасно сказали, оказывается теперь *не-со-сто-ятельно*, проговорилъ онъ по-русски, расчлняя слоги опять,—и всѣ рады, когда это тѣмъ или другимъ образомъ доказывается ему лишній разъ; но сочувствій къ *вашей* собственно программѣ едва-ли насчитаете вы

много и въ самой Россіи, а тѣмъ паче въ инородныхъ, гораздо болѣе цивилизованныхъ, чѣмъ она, краяхъ, подвластныхъ ея державѣ... А это, кажется мнѣ, могло бы быть *совсѣмъ*, *совсѣмъ иначе*, съ какою-то намѣренною тягучестью въ тонѣ и словно въ *résumé* всего выше имъ сказаннаго протянулъ польскій графъ, затягиваясь снова во всю грудь,—если бы *вы заботились* быть болѣе практичными!...

● Поспѣловъ молчалъ... Онъ чувствовалъ, что весь разговоръ этотъ былъ начатъ не даромъ, что въ немъ заключались какія-то указанія, какія-то предложенія, быть можетъ весьма важныя для *партии* въ эту минуту, которыя какъ бы ждали какого-то отвѣта... Но какого и на чтѣ именно отвѣта? Во всѣхъ этихъ рѣчахъ не было въ сущности ничего переходящаго за рамки „обыкновенной болтовни русскихъ либеральныхъ газетъ“, но было что-то такое неуловимое, *настоящее*, „къ чему у меня ключа нѣтъ“, говорилъ себѣ молодой человекъ, и сознание своей невидной роли въ *партии* заскребло у него опять досадливо на сердцѣ, какъ утромъ въ разговорѣ съ Волкомъ.

— Я полагаю, надумался онъ сказать наконецъ,—что русское *движеніе* (онъ не рѣшился почему-то выговорить прямо „революціонное“,) готово будетъ войти въ соглашеніе со всякою *дѣйствительною силой* для борьбы противъ общаго врага.

Графъ Тхоржинскій повелъ на него загадочнымъ взглядомъ:

— Вы скоро думаете въ Россію? спросилъ онъ прежнимъ небрежнымъ тономъ.

Поспѣлову стало опять неловко...

— Мнѣ придется еще нѣкоторое время пробить здѣсь, отвѣтилъ онъ сквозь зубы.

— А—а!.. пріятно проводите время въ Италіи, какъ бы насмѣшливо сказалъ тотъ.

— Я живу уроками, успѣшилъ заявить молодой человекъ, морщась.

— Много ихъ имѣете здѣсь?

— Нѣтъ... пока одинъ...

— У кого, смѣю спросить?

— У... у графини Драхенбергъ, слегка запнулся Поспѣловъ.

— Которая тутъ сидѣла сейчасъ?.. Очень пріятной наружности и любезная, сколько можно судить на первый взглядъ, дама...

Молодой человекъ не отвѣчалъ.

Собесѣдникъ его слегка зѣвнулъ, оглянулся кругомъ.

— Однако мы съ вами одни на всей площади остались; фонари даже потушили, засмѣялся онъ, подымаясь съ мѣста и протягивая руку Поспѣлову:—съ большимъ удовольствіемъ проведъ съ вами время, промолвилъ онъ уже (такъ показалось тому по крайней мѣрѣ,) не то скучливымъ, не то небрежительнымъ тономъ.

— А сами вы долго думаете пробить въ этомъ городѣ? счелъ нужнымъ спросить эмигрантъ въ свою очередь какъ можно спокойнѣе.

— Не знаю... я еще не рѣшилъ, съ очевидною неохотой уронилъ въ отвѣтъ ему графъ Тхоржинскій.

— Вы должны еще явиться къ князю Іоанну? съ какимъ-то ребяческимъ намѣреніемъ уколоть его отпустилъ Поспѣловъ.

— „Явиться“? повторилъ графъ, и глаза его сверкнули.— Я не русскій чиновникъ, а вольный дворянинъ... (Un gentilhomme indépendant).

И быстрымъ вольтомъ измѣняя немедленно выраженіе своей фізіономіи, онъ продолжалъ, уже улыбаясь: — Я давно знаю князя Іоанна и посѣщаю его (je vais le voir), когда нахожусь съ нимъ въ одномъ городѣ, какъ многихъ другихъ, такихъ же, какъ онъ, принцевъ, съ которыми знакомъ въ Европѣ; я люблю умныхъ людей, даже когда они принцы, ввернулъ онъ нѣсколько язвительно, — но не имѣю съ нимъ никакихъ дѣлъ и ни чѣмъ съ нимъ не связанъ... Я, повторяю вамъ, вольный гражданинъ (un libre citoyen) и ни отъ кого, какъ и ни отъ чего на свѣтѣ, не завишу! заключилъ онъ, весьма замѣтно напирая на эти послѣднія слова.

„Да“, подумалось тутъ же нашему эмигранту: „тебя самъ чортъ на крючокъ не поймастъ!“

Красивый старецъ усмѣхнулся еще разъ и, пославъ оконечностями пальцевъ нѣчто въ родѣ поцѣлуя по адресу все еще не двигавшагося со своего стула Поспѣлова, зашагалъ, слегка посвистывая, бодрымъ и быстрымъ шагомъ по направленію *hôtel San-Marco*, въ которомъ онъ занималъ нумеръ рядомъ съ „двѣтникомъ леди Динморъ“, какъ выражался князь Іоаннъ.

VIII.

У насъ дома нездорово: тараканъ съ печи упалъ.
Поговорка.

Другаго рода разговоръ происходилъ въ это время на Riva dei Schiavoni, въ покоѣ, занимаемомъ въ нижнемъ этажѣ Hôtel Danielli четою Сусальцевыхъ.

Антонина Дмитриевна, простившись съ сопровождавшею ее компаніей (при семъ положено было, что на слѣдующій день „кузины“ будутъ „дѣлать князю Иоанну les honneurs de Venise“, поѣдутъ съ нимъ „повсюду“ и возьмутъ съ собою мар-квиза Каподимонте, такъ какъ „лучшаго *чичероне* князю конечно не найти“, на чтѣ князь Иоаннъ со своей стороны изъявилъ полное свое согласіе,), прошла къ себѣ въ комнату и собиралась, при помощи нѣмой дѣвочки, Варюшки, привезенной ею съ собою изъ Россіи и состоявшей у нея на положеніи „второй горничной“ (*первая* была бойкая и ловкая Французенка, весьма расположенная къ „фамиліарству“, вслѣдствіе чего Сусальцева держала ее только „для большихъ оказій“), приступить къ раздѣванію, когда дверь изъ гостиной въ эту комнату широко отворилась, и на порогѣ ея весьма неожиданно для красивой барыни показался ея мужъ.

Онъ никогда до этой минуты (она приучила его къ этому съ первыхъ же дней ихъ брака и пребыванія за границей,) не позволялъ себѣ входить къ ней, не постучавшись предварительно въ дверь и не дождавшись, пока она скажетъ: „entrez!“ Чтѣ же такое произошло, чтѣ могло дать ему теперь поводъ „такъ забыться“? И полугнѣвно, полутревожно она съ

мѣста своего предъ зеркаломъ смѣрила его взглядомъ отъ ногъ до головы:

— Что это за манеры? уронила она высокомерно, — развѣ такъ врываются въ женскую спальню порядочные люди?

— Ну-съ, насчетъ манеръ мы разсужденіе отложимъ пока въ сторону, рѣзко выговорилъ на это Провъ Ефремовичъ, рѣшительно входя въ комнату, — а мнѣ съ вами потолковать требуется.

— О чемъ это?

— А вотъ-съ услышите!

— И долго вы намѣрены „толковать“? язвительно спросила она: — я, предвараю васъ, умираю, спать хочу.

— Повремените крошечку, авось и въ живыхъ останетесь, отвѣтилъ онъ съ видимымъ въ свою очередь намѣреніемъ ироніи.

Онъ опустился въ кресло неподалеку отъ ея туалетнаго стола, уложивъ руки на колѣна и опустивъ голову, какъ бы собираясь съ мыслями.

— Варюшца, ступай! скучливымъ тономъ молвила Антонина Дмитріевна дѣвочкѣ, переобувавшей ей въ эту минуту ноги въ спальные атласныя туфли, — я позвоню тебя, когда нужно будетъ.

Дѣвочка приподняла отъ пола свое худенькое личико, обернулась на Сусальцева быстрымъ и вызывающимъ взглядомъ, медленно встала въ ростъ и также медленно, озираясь подозрительно на-ходу, будто хищный звѣрекъ, вышла изъ комнаты.

— Я васъ слушаю! произнесла вслѣдъ затѣмъ ея барыня, обращаясь къ мужу съ тѣмъ именно „величественнымъ“ оттѣнкомъ интонаціи и головнаго движенія, съ какимъ на французской сценѣ королевы и принцессы говорятъ предъ ожидаемымъ зрителями монологомъ перваго сюжета: „Je vous écoute, parlez!“

— Вы это какъ же, Антонина Дмитріевна, началъ съ-оника Сусальцевъ, — во Флоренцію собираетесь?

— Да... А что? съ искреннимъ удивленіемъ спросила она.

— Ничего-съ, хихикнулъ онъ: — удивительно только мнѣ

это маленько показалось, что вы такъ при всѣхъ твердо объявляете, а я... вѣнчаный мужъ вашъ... со всѣми вмѣстѣ въ первой объ этомъ узнаю...

Антонина Дмитриевна принялась смѣяться.

— Прежде всего, не „въ первой“, потому, что еще въ Люцернѣ, *при васъ*, собираясь сюда, мы рѣшили съ Elly и маркизомъ, что поѣдемъ потомъ во Флоренцію и Римъ. Во-вторыхъ, мнѣ очень хорошо извѣстно, что вамъ совершенно все равно, куда ѣхать.

— Почему же это можетъ быть вамъ такъ хорошо извѣстно? А если даже, напротивъ того, я полагаю такъ, что не только во всякія Флоренціи тащиться, а даже и совсѣмъ съ заграничнымъ вояжемъ покончить надо.

— Съ чего же это вы вздумали? испуганно воскликнула Сусальцева.

— А съ того, очень просто, что если въ нашемъ коммерческомъ дѣлѣ на чужихъ полагаться, а самому, вмѣсто призора хозяйскаго, однѣ денежки по чужимъ краямъ сыпать, — самымъ скоростижнымъ образомъ можно въ трубу вылетѣть.

— Развѣ вы получили какія-нибудь нехорошія извѣстія изъ Россіи? съ новою тревогой пролетела она.

— Извѣстія аль неизвѣстія—все равно-съ, досадливо возразилъ Провъ Ефремовичъ.—Человѣку на то мозги даны, чтобы самъ разсужденіе могъ имѣть: позабавились, мало не миліончикъ франковъ въ два года просвистали,—баста, клапанъ заткнуть пора!

Онъ, какъ бы намѣренно и даже усиливаясь, выражался теперь чисто „купеческимъ“ пошибомъ рѣчи, отъ котораго со времени женитьбы своей и въ обществѣ благовоспитанныхъ соотечественниковъ, съ коими почти исключительно, благодаря женѣ, водился въ Парижѣ, успѣлъ было совсѣмъ отвыкнуть; внутреннему раздраженію его словно утѣшительнѣе было выливаться въ грубовато-энергическую форму выраженія той среды, изъ которой вышелъ онъ...

— Вы, кажется, *сами*, колю замѣтила Антонина Дмит-

ривна на упрекъ, слышавшійся ей въ этихъ словахъ мужа, — не мало потѣшились на потраченныя вами за то время деньги.

— Извѣстно, хихикнулъ еще разъ Провъ Ефремовичъ, — за науку въ мои годы платить не дешево приходится.

— За какую науку? И брови у нея сжались.

— А то какъ же-съ! Съ князьями вашими и графами вожжаться умѣть, подъ ручку съ ними за панибрата по бульварамъ прогуливаться, безъ счету и отдачи имъ *billets de mille* *) въ видѣ якобы займа предоставлять, и все это *благороднѣйшимъ* манеромъ, иронически подчеркнуть онъ, — чтобы и тебя за чистокровнѣйшаго *жантильмана* принимали, — наука тоже не маленькая для нашего брата!...

Ее всю коробило отъ этого „хамскаго“ тона, какъ говорила она себѣ внутренно...

— Не я, конечно, съ едва сдерживаемымъ отвращеніемъ молвила она громко, — учила васъ ссужать деньгами встрѣчнаго и поперечнаго, а если вы, какъ говорите, выучились „держать себя“ иначе... или умѣли прежде, такъ за это *порядочный* человекъ, въско подчеркнула она въ свою очередь, — можетъ быть только благодаренъ тѣмъ, кому онъ этимъ обязанъ.

Провъ Ефремовичъ слегка опѣшилъ: противъ этого возражать ему было нечего... А „сердце сорвать“ все-таки на чемъ-нибудь нужно было... Онъ придрался къ ея же словамъ:

— Какъ если „порядочный“, такъ и съ нимъ, полагаю, люди должны *порядочно* обращаться!

Она намѣренно и продолжительно зѣвнула.

— Для чего и на какомъ основаніи говорите вы мнѣ этотъ вздоръ? Какая васъ муха укусила сегодня?

Его такъ и взорвало вдругъ отъ этого пренебрежительнаго тона: щеки его покраснѣлись, глаза запылали...

— А такая-съ, воскликнулъ онъ рѣзкимъ голосомъ, — что, каковъ я ни есть, а на роль *мужа тѣвицы* согласія моего не будетъ никогда!

— Это еще что такое „мужъ пѣвицы“?

И глаза ея пытливо приковались къ его лицу.

*) Ассигнаціи въ 1.000 франковъ.

Но онъ, какъ бы съ тѣмъ, чтобы не давать ей читать на этомъ лицѣ, вспрянулъ съ мѣста и зашагалъ словно на пружинахъ по комнатѣ съ судорожнымъ подрагиваніемъ своихъ могучихъ рукъ и ногъ.

— Каковъ ни на есть, повторилъ онъ на-ходу,—а былъ я всегда, емъ и буду *самъ-человѣкъ*... и чтобы меня въ родѣ перваго дворецкаго при красавицѣ-женѣ почитали—это дуди-съ, этому никогда не бывать!.. Очень я хорошо понимаю, что при вашей наружности и воспитаніи каждому лестно состоять съ вами въ знакомствѣ... а только опять полагаю я такъ, что, находись вы... въ обстановѣ... *пониже* не чѣмъ въ какой находитесь теперь, число этихъ вашихъ ферлакуровъ и пріятельницъ изъ *знатныхъ* сократилось бы не на малую толику...

— Что же, вспыхнула вся Антонина Дмитріевна,—вы желаете, кажется, уколоть меня тѣмъ, что взяли меня безъ состоянія?..

Она усмѣхнулась злою усмѣшкой, вскинула слегка плечами вверхъ и проговорила какъ бы про себя:—Это меня впрочемъ не удивляетъ.

„Чего отъ тебя, мужика, и ждать иного“, досказалъ себѣ за нее Провъ Ефремовичъ, и самъ покраснѣлъ до волосъ, не то отъ обиды, не то отъ „совѣсти“.

— Никакъ я и ничѣмъ не намѣренъ колоть васъ, началъ онъ, насколько могъ мягче и *приличнымъ* языкомъ,—а желалъ только сказать, что въ супружествѣ каждый свою долю приносить: одинъ—одно, другой—другое. Зачѣмъ же пренебрегать-то одному другимъ... и самимъ вамъ, примѣрно, можетъ ли быть пріятно, если вашего мужа, при васъ же, ни во что ставить будутъ?

Сусальцева потянулась съ папироской въ рукѣ къ одной изъ свѣчей, зажженныхъ на ея туалетномъ столѣ, и медленно заговорила:

— Съ первой минуты, когда вы такъ... *безцеремонно* ворвались ко мнѣ, я поняла, что вы чѣмъ-то оскорбились... и даже именно *чѣмъ*... Князь Іоаннъ сейчасъ недостаточно былъ любезенъ съ вами,—такъ?

Этотъ выраженный вслухъ чужими устами тайный мотивъ его раздраженія, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, смутить Прова Ефремовича.

— Нивакихъ „любезностей“ мнѣ его не нужно, пробормоталъ онъ досадливо,—ни братъ онъ мнѣ, ни свать, и въ дружбу къ нему не прошусь. Высокихъ особъ, какъ онъ, не мало тоже перевидать успѣлъ, и Уэльскаго принца, и Голландскаго, и нѣмецкихъ всякихъ, и даже многихъ, какъ вамъ извѣстно, въ вашемъ салонѣ, у себя въ домѣ, значить, въ Парижѣ, принималъ. Такъ мнѣ не невидаль такое лицо, и очень хорошо я понимаю, какъ себя съ такимъ должно держать... И напрасно поэтому родственница ваша, графиня фонъ-Драхебергъ, будто за стыдъ себѣ почла назвать меня ему, вырвалось у Сусальцева какъ бы противъ воли.

Жена его еще разъ приподняла плечи:

— И все-таки представила васъ,—чего-жъ вамъ больше?

— Да-съ, и такъ, будто фамилія моя ей губы жгла.

— Ахъ, Боже мой, вскрикнула съ неудержимымъ глумленіемъ Антонина Дмитріевна:—вы бы еще хотѣли, чтобъ у нея фамилія *Сусальцевъ* медомъ истекла изъ устъ?

Провъ Ефремовичъ широко раскрывшимися зрачками глянулъ въ ея злобно сверкнувшіе глаза и поблѣднѣлъ, какъ полотно... Онъ какъ-то разомъ, всѣмъ существомъ понялъ въ этотъ мигъ, что эта женщина, его жена, ненавидѣла его...

При первомъ столкновеніи (онъ два года сряду, смутно предчувствуя это, тщательно избѣгалъ его,) это должно было обнаружиться. Она ненавидѣла его, его плебейскую фамилію, его „мужичество“, и не была въ силахъ преодолѣть въ себѣ этого чувства,—онъ это ясно увидалъ теперь... Мальчики запрыгали у него въ глазахъ.

— Напрасно въ такомъ случаѣ, заговорилъ онъ, скрипя лихорадочно зубами,—рѣшились вы такую зазорную фамилію на себя принять... напрасно!.. Вашей бѣлой кости не мало теперича молодцовъ по міру шляется, могли бы любого боярскаго или вняжескаго рода по себѣ найти, — въ волостяхъ даже писарями иные служатъ, съ Юрьевымъ вашимъ по сосѣдству крестьянъ сосутъ, доходы тоже порядочные, жить

можно... А то вы ишь кого себѣ взяли,—нашего брата, сер-
магу сѣрую...

Онъ чувствовалъ, что „еще немножко“ — и онъ винется на нее, „изобьетъ ее въ кровь,“ своими огромными „мужиц-
выми“ руками... Онъ сдержался, оборвалъ рѣчь, передохнулъ.—
Толковать съ вами пространно объ этомъ предметѣ, полагаю
я, незачѣмъ. А скажу я вамъ просто, съ чего началъ, опять:
оставаться за границей я не согласенъ и даю вамъ потому
три дня сроку на сборы, а затѣмъ—не угодно-ли домой, въ
Россію?

— Не угодно! самымъ хладнокровнымъ тономъ молвила
она на это.

— Чего-съ? какъ бы не довѣрять ушамъ своимъ, переспро-
силъ Сусальцевъ:—вамъ не угодно ѣхать со мною?

— Нѣтъ! повторила она тѣмъ же тономъ.

— Такъ чтò же вы дѣлать полагаете? уже нѣсколько
какъ-бы растерянно спросилъ онъ опять.

— Поѣду во Флоренцію, какъ сказала.

— Съ чѣмъ это, позвольте узнать?

— Вы мнѣ дадите денегъ, сколько нужно будетъ.

— Я дамъ!..

Онъ захохоталъ, словно давился: — съ чего-жь это вы
взяли?

Она повернула на него взглядомъ, выразившимъ полнѣй-
шее удивленіе:

— Я не разведенная съ вами жена; вы обязаны давать
мнѣ содержаніе соотвѣтственно вашему состоянію.

— Состоянія моего нѣто не считалъ, закричалъ онъ съ
новымъ порывомъ гнѣва,—а содержаніе давать обязанъ женѣ
мужъ, когда она съ *нимъ*, а не *врозь* живетъ.

— Я васъ отъ себя не гоню, а ѣхать съ вами не могу.

— Почему не можете?

— Мнѣ вреденъ холодъ въ Россіи.

— Давно-ли это?

Она только засмѣялась и закурила новую папироску.

— Ну-съ, это какъ вы себѣ знаете, отрѣзалъ Провъ Ефре-
мовичъ, чувствуя, какъ поднимавшаяся кровь билась стремительно

въ его вискахъ, — а только, если вамъ угодно оставаться за границей безъ меня, я вамъ гроша не дамъ.

— Не дадите добровольно—заставятъ! невозмутимо произнесла она въ отвѣтъ.

— „Заставятъ“? едва былъ онъ въ силахъ выговорить:— кто-жь это... и какъ... можетъ заставить меня?..

— Очень просто: я подамъ просьбу, куда слѣдуетъ, что вы, при вашихъ средствахъ, изъ злобы на меня оставляете меня умирать съ голоду.

— Вы... вы подадите?..

— Подамъ!

Сусальцевъ, не помня уже себя, ринулся на нее съ мѣста съ высокоподнятыми кулаками...

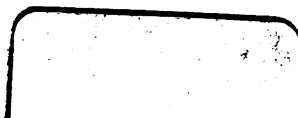
Но онъ не успѣлъ еще добѣжать до нея, какъ она стояла въ ростъ у стѣны, нажимая пуговку воздушнаго звонка, въ силу продолжительности котораго чуть-ли не весь отель долженъ былъ сбѣжаться сейчасъ въ ея покой.

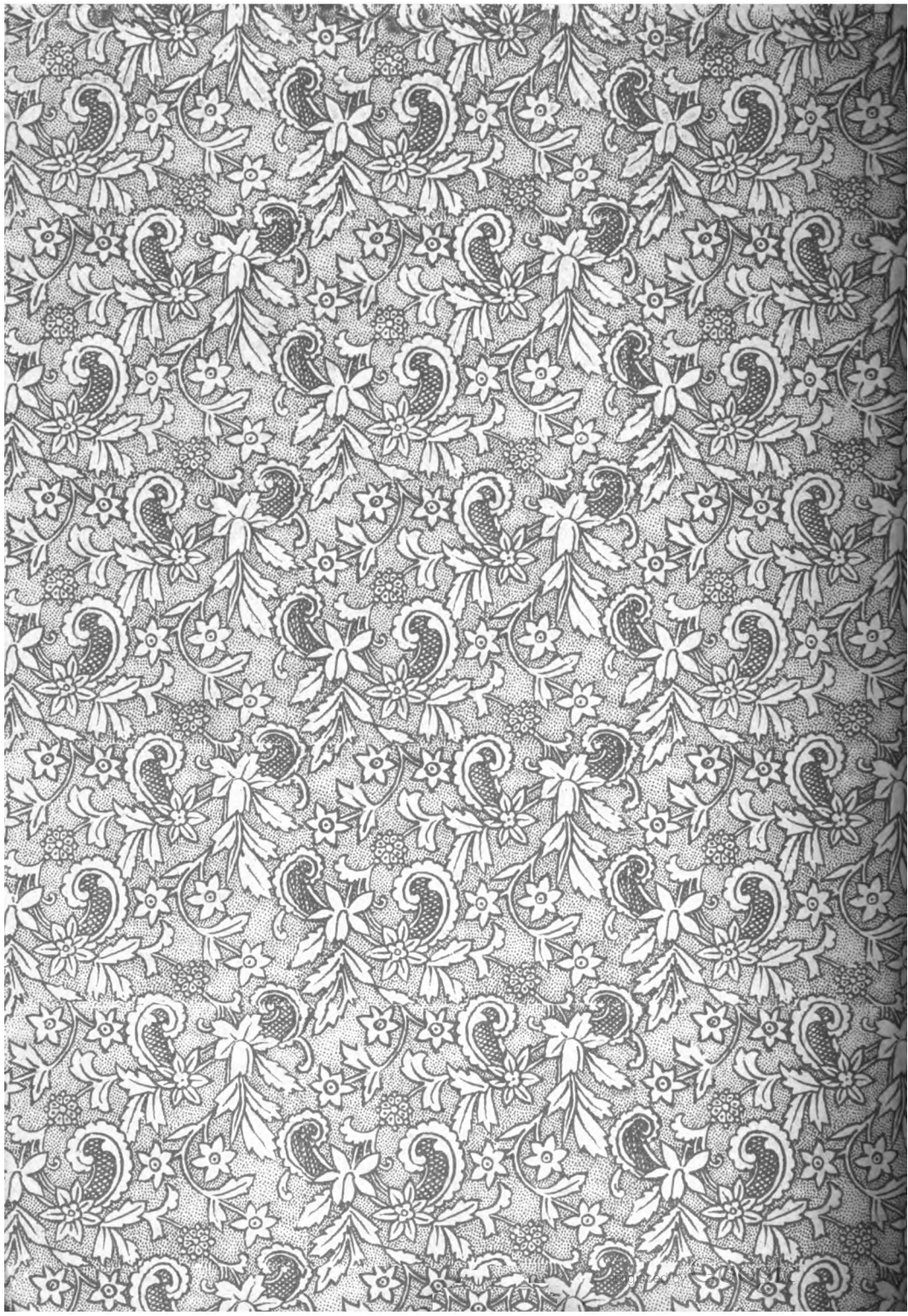
И въ то же время изъ ближайшей комнаты выскочила очевидно все время подслушивавшая подъ дверь Варюшка и кинулась между барыней своею и ея мужемъ, готовая (онъ это видѣлъ,) вцѣпиться ему немедленно ногтями въ лицо.

Провъ Ефремовичъ вздрогнулъ съ головы до ногъ, плюнулъ во весь ротъ по адресу жены и бросился вонъ изъ комнаты...

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

259

3 6105 015 012 532

.M327
1885
v.8

STANFORD LIBRARIES DATE DUE

SEP 16 1987

I. L. L.

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
STANFORD, CALIFORNIA
94305

